

230 ✓

ПРОФ. БИО

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ШКОЛ I и II СТУПЕНИ

49
6

Проф. Н. МИЛЬКОВИЧ

ЖИЗНЬ И ИСТОРИЯ ЗЕМЛИ

1937

УЧЕБНАЯ КНИГА ПО ГЕОЛОГИИ
ДЛЯ ШКОЛ II СТУПЕНИ И САМООБРАЗОВАНИЯ

Научно-педагогической секцией
Государственного ученого совета
допущено для школ II ступени

БИБЛИОТЕКА
СИБИРСКОГО ГОРНОГО
ИНСТИТУТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

I. ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ ЗЕМЛИ..... 3

Введение.	3
Свидетельства торфяников.	7
Свидетельства Сибири.	10
Ледниковая эпоха.	19
Свидетельства органического мира.	23
Свидетельства почвы и подпочвенных слоев.	28
Межледниковые эпохи.	34
Органический мир в ледниковую эпоху.	38
Люди ледниковой эпохи.	43
История Балтийского моря.....	49
Свидетельства Туркестана.	57
История Черного и Каспийского морей.	75

II. ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИЛЫ..... 86

Эндогенные и экзогенные силы.	86
Земная кора.....	87
Тектонические процессы.	95
Вулканические явления.	104
Сейсмические явления.....	112
Атмосфера и климат.....	120

III. ИСТОРИЯ ЗЕМЛИ..... 134

Геологическая летопись.	134
Архейская эра.	145
Палеозойская эра.....	150
Мезозойская эра.....	195
Кенозойская эра.	218
Геологические циклы.	258

I. ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ ЗЕМЛИ.

Введение.

Когда историк приступает к изучению истории человеческого общества, он прежде всего старается отыскать исторические «памятники», относящиеся к той эпохе, которая привлекает его внимание: он изучает официальные документы, дневники и письма современников, воспоминания очевидцев о тех или других событиях. Помимо письменных материалов он собирает сведения и о вещественных памятниках изучаемой им эпохи; о стиле построек, о типе утвари, орудий и оружия, о художественных произведениях. Если изучаемая эпоха относится к очень отдаленным временам, то на письменные памятники ее почти не приходится рассчитывать: все, что остается от глубокой древности, и заключается обыкновенно только в этих вещественных продуктах человеческой деятельности. С ними только и приходится иметь дело археологии — науке о древнейших временах человеческой истории. Смотри по тому материалу, из которого человек выделял свои орудия, археологи давно уже разделил» древнейшую историю человечества на ряд отдельных эпох и дали им названия — железного века, бронзового и каменного. Каменный век в свою очередь был разделен на древнейший каменный; (палеолит), или век грубых, не отделанных еще каменных орудий, и новейший каменный (неолит), или время шлифованных каменных орудий.

Приведем один пример того, что могут дать археологические исследования.

За несколько столетий до начала нашей эры наиболее просвещенным народом в Европе были греки. Древняя Греция, или Эллада, оставила нам в наследство памятники богатой культуры — прекрасные создания скульптуры и архитектуры, высоко художественную литературу, и во все последующие времена европейские народы не переставали удивляться и восхищаться этими - созданиями эллинов. Между прочим были у греков легенды и предания о глубокой старине их народа. Сперва это были просто былины, хранившиеся в народной памяти, затем эти былины были собраны и обработаны в виде двух поэм — Илиады и Одиссеи. Их приписывали поэту и певцу Гомеру. Сюжетом Илиады была десятилетняя осада греческими войсками города Трои (или Илиона), находившегося по преданию на малоазиатском берегу, нынешнего Дарданелльского пролива. Илиада рисовала яркие картины боевой жизни греческих дружин и личности их предводителей.

Греки, разумеется, не сомневались в подлинности событий, описанных в Илиаде. Не сомневались в этом долгое время и европейские ученые. Эпоху, воспетую Гомером, считали древнейшей эпохой греческой истории. Усомнились только в личности самого Гомера как единого создателя обеих поэм.

К числу поклонников Илиады и Одиссеи принадлежал знаменитый немецкий археолог Шлиман. Он возымел смелую мысль — произвести раскопки в местностях, воспетых Гомером, и доказать подлинность событий, описанных в Илиаде. В 1871 г. он отправился на берега Дарданелльского пролива и начал раскопки на холме Гиссарлык, где еще по предположению древних находилась древняя Троя. Здесь под слоем почвы он действительно обнаружил развалины города, но город этот принадлежал к сравнительно поздней греко-римской эпохе и был известен в истории под именем Нового Илиона. Однако под его развалинами Шлиман обнаружил несколько последовательных слоев более древних человеческих поселений: выгодное положение холма Гиссарлык заставляло людей в течение многих веков воздвигать здесь свои постройки и на развалинах одного поселения строить другое. Одни сооружения указывали на городской тип построек, другие имели тип скорее деревень. Шлиман должен был решить задачу, какой именно слой построек относится к Трою Гомера. Свято веруя в подлинность всех свидетельств Илиады, Шлиман решил искать следы города, погибшего от пожара, так как, по преданию Троя в конце осады сделалась жертвой огня. Он : принялся снимать культурные слои один за другим и при этом обнаружил на Гиссарлыкском холме целых девять слоев, налегавших друг на друга (рис. 1). Во втором снизу слое он, наконец, увидел следы построек, пострадавших от огня. Он решил, что это и есть искомая им Троя, и принялся собирать и изучать сохранившиеся в этом слое остатки человеческой культуры.

Однако культура этого слоя оказалась весьма бедной. Прежде всего перед Шлиманом лежали развалины не города, а всего лишь небольшого укрепления с каменными стенами, построенными из кирпичей и мелких камней, переложенных глиной. Оружия из железа не было. найдено, хотя в Илиаде железо упоминается: здесь же оружие было бронзовое, но еще больше было оружия из шлифованного камня — топоры, секиры, копья и стрелы. Найденные изделия из глины были очень грубого, примитивного типа. Также грубы были и идолы богов. Нашлись еще замурованные клады, состоявшие из золотых украшений; невидимому, золото составляло ту эпоху большую редкость, В слое еще более глубоком металлических орудий почти уже нет, и находят лишь орудия каменные.

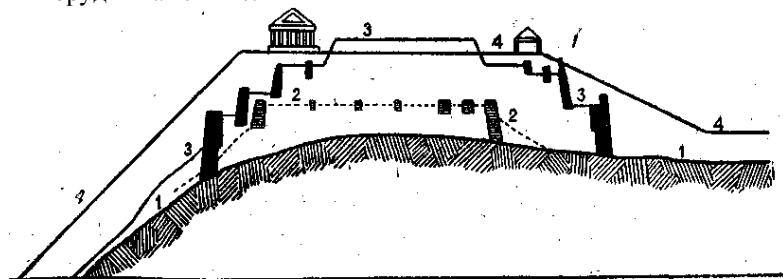

Рис. 1. Разрез Гиссарлыкского холма. 2. „Шлимановская“ Троя. 3. „Гомеровская“ Троя. 4. Новый Илион.

Тотчас же после своих троянских раскопок Шлиман перенес работу в европейскую Грецию, на место древнего города Микены, где по преданию царствовал один из героев Илиады — Агамемнон. Раскопки в Микенах дали гораздо более богатый материал. Здесь были открыты, между прочим, гробницы в скале с многочисленными и очень изящными драгоценностями, которые клялись вместе с телами покойников. Орудия сделаны были также из бронзы. В других гробницах, несколько более позднего, времени, было найдено и железо. Таким образом, по-видимому, из подпочвенных слоев выступила перед учеными подлинная гомеровская эпоха.

Однако очень уже вскоре после первых открытий Шлимана ученым археологам пришлось обратить внимание на явное несоответствие, с одной стороны, между находками в Трое и в Микенах и, с другой стороны, между тем, что описывается в самой

Илиаде. Было несомненно, что богатая микенская культура относится к более позднему времени, чем бедная культура «шлимановской» Трои. Продолжатель работ Шлимана Дерпфельд вернулся на Гиссарлык и, снова пересмотрев верхние слои, снятые Шлиманом, пришел к заключению, что памятники культуры, однородные с микенскими, лежат там четырьмя слоями выше, чем думал Шлиман. В шестом снизу слое он нашел остатки подлинной «гомеровской» Трои, которые так жаждал отыскать Шлиман и мимо которых он прошел, не обратив на них должного внимания. С другой стороны, быт людей микенской эпохи во многом отличался от быта героев Гомера. Так, герои Илиады сжигали своих покойников, а здесь покойников хоронили в каменных гробницах, богато украшая их драгоценностями и налагая на головы трупов золотые маски. Гомеровский быт, каким рисуют нам его поэмы, вообще много проще и беднее быта микенской эпохи.

В конце XIX века были произведены обширные раскопки на острове Крите. Здесь на месте старинного города Кносса археологам удалось отыскать развалины громадного дворца, о котором у самих греков сохранилась память в их легендах. Они называли его «лабиринтом» и постройку его приписывали легендарному царю критскому Миносу. Тщательно изучая остатки культуры, погребенные в кносских слоях, ученые не могли не увидеть, что здесь перед ними разворачивается гораздо более полная летопись древней культуры, чем в Микенах или Трое, и так как культурных слоев здесь больше и они гораздо толще, чем в Гиссарлыке, то ясно, что культура на Крите и началась раньше и развивалась здесь медленнее, чем в Трое. Ученые должны были признать, что именно здесь, на Крите, был центр древней и своеобразной культуры, неполными и более бедными отголосками которой являются культуры Микен и Трои. Но все эти исследования привели и к еще большему результату: критская культура ни в какой приемственной связи не стоит с культурой Илиады. Люди, творившие эту культуру, даже не были и греками. В глубине времен перед эпохой Гомера открылся историкам совершенно новый мир, древность и продолжительность которого не уступает древности

Египта. Он развивался совершенно самостоятельно, проходя много последовательных этапов и, в конце концов, был разрушен нашествием какого-то варварского народа, пришедшего на берега Эгейского моря откуда-то с севера и на развалинах критской культуры основавшего новую жизнь, гораздо более простого уклада. Эти «варвары»-пришельцы и были греки; жизнь их военных дружин и описывает Илиада. Сами греки с течением времени даже забыли о том, в стране какого народа они поселились; они были уверены, что с гомеровского быта вообще и началась их история, а смутные воспоминания о кносских властителях были перемещены в их собственную историю и связаны с именем легендарного Миноса. Эта установленная наукой смена культур может быть схематически представлена в виде следующей таблицы:

Троя	Микены	Крит
9. Новый Илион (римская эпоха) 8. Деревня 7.- Деревня 6. Гомеровская Троя» 5. Деревня 4. Деревня 3. Деревня 2. «Шлимановская Троя» 1. Неолитическое поселение	Разгром критской культуры около 1 200 г. до нашей эры Микенские гробницы	Подне-критская эпоха Средне-критская эпоха, Лабиринт Ранне-критская эпоха Неолитическая культура

Таким образом мы выяснили на этом примере тот метод, каким пользуется археология в деле изучения древнейших эпох истории культуры. Остатки человеческой культуры как бы наслаиваются друг на друга, и подпочвенные культурные слои хранят в себе вещественные свидетельства человеческой деятельности. По типу утвари, построек, оружия и художественных произведений можно разбить всю историю культуры на ряд отдельных эпох, дать каждой эпохе определенную характеристику. Можно сравнивать между собою различные местности и устанавливать соответствие или, наоборот, разновременность находимых в них культурных остатков. Это дает возможность открывать в глубине веков давно погибшие культуры, проследить их зарождение, развитие, географическое распространение и, наконец, вымирание.

Сходным методом пользуется и геология. Но она изучает те эпохи истории земли, когда и человек еще не существовал. Перед геологом в пластах земной коры последовательно, выступают окаменевшие остатки животной и растительной жизни. По ним он может восстановить ход эволюции органиче-

ского мира и разделить всю историю земного шара на ряд отдельных периодов.

Что, как мы видели, сделал для древнейшей истории Греции Шлиман, то для истории органического мира сделал знаменитый французский ученый Кювье. На пороге XIX века он изучал слои земли в окрестностях Парижа. Из пластов гипса холма Монмартр, он извлек целый ряд скелетов вымерших животных и этим как бы вызвал из недр земли погребенный там целый мир угасших организмов. Он стал основателем науки о вымерших животных — палеонтологии. Но вместе с тем и перед геологией встала новая и трудная задача — объяснить, почему вымирали в прошлом организмы и почему изменялся не только лик земли, но и ее обитатели.

Свидетельства торфяников.

Познакомимся со строением торфяников и посмотрим, что могут они рассказать нам об истории нашей страны.

Всякий водоем, всякое озеро с момента своего образования подвергаются уже процессу зарастания. С одной Стороны, в них развиваются в громадном количестве различные взвешенные в воде низшие растительные организмы. От их присутствия вода становится мутной и часто «зацветает». Отмирая, они падают на дно и начинают там разлагаться, но за недостатком кислорода это разложение не идет до конца, и на дне озера накапливается полуразложившийся органический ил. С другой стороны, на озеро с его берегов надвигается прибрежная растительность — камыши, тростники, — за которыми целой стеной начинают наступать на озеро осоки, пушица, сабельник, ирисы, плакун-трава. Постепенно озеро превращается в болото.

Различают болота двух типов — травяные, или *н и з и н н ы е*, покрытые густою травянистою растительностью, и моховые, или выпуклые. В растительности первых важную роль играет, между прочим, зеленый мох *г и п н у* м, на вторых важнейшим растением является белый мох сфагнум. Особенно охотно поселяется последний на тех болотах, вода которых содержит мало извести. Он кольцом оцепляет берега водоема и с каждым годом проникает все дальше к середине его. Длинными языками вдается он вглубь воды и через несколько лет образует на поверхности озера зыбкую пелену трясины.

Постепенно остатки болотной растительности, ежегодно отмирающей и подвергающейся разложению под водой, превращаются в торф и выполняют снизу доверху всю впадину водоема. По мере заполнения впадины торфом, поверхность ее приподнимается и удаляется от уровня грунтовых вод. Выровненная поверхность бывшего здесь прежде водоема начинает высыхать. Теперь уже только невзыскательный мох сфагнум может продолжать здесь свое развитие: он довольствуется тою влагой, которую дают ему дожди, а необходимые минеральные вещества извлекает из частиц пыли, наносимой ветром. Он, быстро нарастает вверх, он расползается во все стороны по ок-

ружающей местности, и так возникает выпуклый торфяник, совершенно маскирующий бывшее когда-то на его месте озерное углубление.

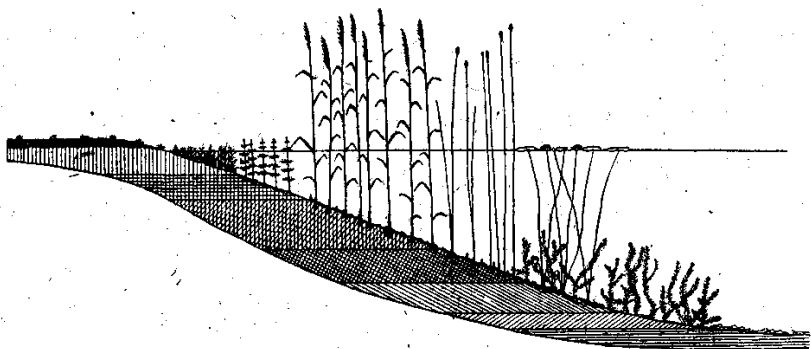

Рис. 2. Зоны растительности в зарстающем озере, идущие в определенной последовательности: осоки, хвощи, камыши, тростники, водяные лилии, водоросли,

В зарстающих озерах различные группы растений поселяются на различной глубине, и в силу этого растительность располагается вдоль берегов поясами или зонами (рис. 2): у самого берега растут обыкновенно осоки и болотные хвощи; на несколько большей глубине располагаются тростники и камыши; за ними можно видеть зону растений, листья которых плавают на поверхности воды, например, водяных лилий, кувшинок; еще далее идут постоянно погруженные в воду водяные растения, например рдесты, и, наконец, на наиболее глубоких местах живут лишь водоросли. При перегнивании остатков всех этих растений образуется на различных глубинах Торф различного состава: различают торф осоковый, камышевый, тростниковый. Интересно, что, по мере накопления на дне озера растительных остатков, это дно как бы приподнимается, глубина озера уменьшается. Тогда группы растений должны передвинуться: камыши и тростники займут место водяных лилий, а их зону заселят хвощи и осоки. В общем все растения будут отходить к середине озера и с обмелением его начнут в известной последовательности отмирать, пока не останутся одни осоки, которые и распространятся по всей поверхности бывшего озера. Если мы теперь вырежем где-нибудь из толщи торфа вертикальную колонну, мы увидим, что история торфяника записана здесь в определенной последовательности слоев, например торфа камышевого внизу, тростникового посередине и осокового наверху.

Воспользуемся теперь всеми этими наблюдениями, чтобы «прочсть» историю наших торфяников. Для примера возьмем хорошо изученный Шуваловский торфяник, недалеко от Ленинграда; толща торфа в нем состоит из следующих слоев (сверху вниз):

8 — верхний молодой сфагновый торф, мало разложившийся и продолжающий нарастать и в настоящее время (2—3 метра); в нем встречаются иногда пни сосны незначительного диаметра;

7 — так называемый «пограничный горизонт» торфа, резко отделяющийся от верхнего и постепенно переходящий в нижний; торф сильно разложившийся; в нем часто встречаются крупные пни и стволы сосны (10—20 см);

6 — старый сфагновый торф, сильно разложившийся, без древесных остатков (50—70 см);

5 — чистый гипновый торф без древесных остатков (10—40 см);

4 — тростниковый торф из плотно слежавшихся стеблей и листьев тростника (12—15 см);

3 — осоково-гипновый торф с веточками ольхи и березы (8—12 см); здесь же встречаются остатки карликовой березы;

2 — слой озерного ила;

1 — песок.

Перечисленные слои представляют собою как бы «летопись» Шуваловского торфяника, и нижние слои (3—6) рисуют нам картину того, как образовался и постепенно изменял свой характер торфяник. На песчаном фундаменте (слой 1) здесь первоначально возникло озеро (слой 2); оно было незначительной величины, — как показали бурения торфяной толщи, произведенные в различных пунктах торфяника, слой озерного ила лежит далеко не под всей площадью, занимаемой ныне торфяником; на берегах озера росли березы и ольха. По-видимому, влажность постепенно увеличивалась, и лес стал заболачиваться; появились осоки и гипнум (слой 3). На месте леса образовалось болото, сперва тростниковое (слой 4), затем гипновое (слой 5). Мхи постепенно затянули болото, и на поверхность его стал надвигаться сфагнум (слой 6). Образовался выпуклый торфяник, постепенно расползавшийся по прилегающей местности. В дальнейшей истории торфяника интересно отметить некоторый период, которому соответствует слой 7: по-видимому, рост сфагнума временно прекратился, болото высохло, верхняя часть торфа разложилась, и поверхность торфяника заросла хорошим сосновым лесом. Через несколько времени, однако, климат опять стал более влажным, и сфагнум возобновил свой прерванный рост. Молодой сфагновый торф продолжает расти и в настоящее время.

Таким образом в слоях Шуваловского торфяника мы видим как бы запись колебаний климата: возрастающая сперва влажность сменилась затем на некоторое время сухостью. Кроме того нахождение в нижних слоях Шуваловского торфа остатков такого полярного растения, как карликовая береза (*Betula nana*), свидетельствует о суровом климате, господствовавшем в данной местности в начале образования торфяника. Правда, и сейчас эта береза встречается в Ленинградской губ. (и даже южнее) на поверхности торфяников, но тогда она росла (как показывает слой 3) прямо на минеральном грунте. Следовательно, во время образования Шуваловского торфяника климат в описываемой местности был суровый, полярный.

Последний вывод прекрасно подтверждается изучением германских, датских и шведских торфяников, очень мощных и, следовательно, древних. Остатки полярной растительности (карликовая береза, полярная ива и др.)

были впервые найдены в основании шведских торфяников Натгорстом в 1870 г. Еще раньше (1842 г.) Стенstrup положил начало тщательному изучению истории датских торфяников. Проследившая напластования торфа снизу вверх и изучая остатки древесных пород, заключенные в торфе на различной глубине, он впервые пришел к тому выводу, что современная древесная растительность прибалтийских стран появилась здесь не сразу: виды деревьев выступали последовательно друг за другом, и в течение веков характер европейских лесов постепенно изменялся. Если в настоящее время в Дании и Швеции господствуют бук и ель, то, просматривая слои торфяников сверху вниз, нетрудно видеть, что смена флоры происходила в таком порядке: 5) бук и ель, 4) дуб, орешник, 3) сосна, 2) береза и осина, 1) полярная береза, полярная ива. Итак, теплолюбивые бук и дуб вверху сменяются в самом низу полярной березой. Ясно, что, идя в глубь прошедших времен, мы как бы движемся навстречу эпохе полярных холодов и бедной растительности тундры.

Такова наша первая встреча с памятником холодной эпохи, лежащей далеко позади нашего времени.

Свидетельства Сибири.

Восточная Сибирь представляет собою страну, вся природа которой сложилась под влиянием очень сурового климата, и мы познакомимся с ней, чтобы на ее примере изучить влияние низких температур на ландшафт земли.

Вечная мерзлота. Уже давно было известно, что здесь под почвой залегают вечно-мерзлые, никогда не оттаивающие слои. Об этом сообщали в своих отчетах или «отписках» еще московские воеводы XVII века, которых московское правительство посылало для ознакомления с Сибирью. Один из них, Петр Головин, писал: «А в Якутске, по сказке торговых и служилых людей, хлебной пашни не чаять, — земля де и среди лета вся не растаивает». Первая научная экспедиция в Сибирь, снаряженная Петром Великим, доставила и первые сведения о вечной мерзлоте. Затем, в 1771 г., на берегу р. Вилюя был найден в мерзлой почве хорошо сохранившийся труп волосатого носорога, а в 1799 г. на берегу Полярного моря, недалеко от устья Лены, открыли труп мамонта. Эти находки сыграли важную роль в науке. Рисунок мамонта, доставленный знаменитому французскому ученому Кювье и позволивший ему установить принадлежность мамонта к группе слонов, поставил в науке на очередь вопрос о вымирании животных и способствовал созданию учения о мировых катастрофах, время от времени постигавших земной шар и уничтожавших органический мир. В 842 г. Академия наук отправила большую экспедицию в Сибирь, одной из задач которой было исследование вечной мерзлоты. Руководитель экспедиции Доиндендорф исследовал между прочим колодезь, заложенный в Якутске купцом Шергиным. Колодезь достигал более 110 метров глубины и еще не прошел насквозь мерзлого слоя. В дальнейшем вопрос о вечной мерзлоте мало продвигался вперед, пока в конце XIX века вечная мерзлота не приковала снова всеобщего внимания к себе.

Проведение Сибирской железной дороги поставило инженеров лицом к лицу с этим загадочным явлением природы. Незнакомство с ним обошлось дорого: то оседали без видимой причины массивные каменные здания, то качались устои железнодорожных мостов, то упорно оплывали выемки; очень остро был поставлен также и вопрос о водоснабжении станций, так как закладка обыкновенных колодцев в мерзлом грунте не достигала цели.

Общие причины образования вечно-мерзлого слоя подпочвы заключаются в климатических условиях. Температура верхних слоев земной коры зависит от нагревания их солнечными лучами. Поэтому температура почвы должна подчиняться двоякого рода периодическим колебаниям — суточному и годовому. Наблюдения действительно показывают, что температура поверхностного слоя в течение суток колеблется от максимума (вскоре после полудня) к минимуму (незадолго до восхода солнца). Эти суточные колебания передаются от слоя к слою в глубь земли, но при этом амплитуды колебания с глубиной уменьшаются, так что на некоторой глубине колебания температуры перестают уже отмечаться термометром. Термометр, помещенный в этом слое, будет в течение целых суток показывать неизменную температуру. Этот слой называется «слоем постоянной суточной температуры». Он лежит на глубине не больше 1—2 м.

Годовые колебания передаются в почву глубже, и точно так же амплитуда их с глубиной уменьшается. Кроме того замечается запаздывание во времени наступления годового максимума и годового минимума, хотя период колебаний остается на всех глубинах без изменения. Так, по наблюдениям в Японии, максимум приходится на глубине 0,6 м на 21 августа, на глубине 3 м — уже 6 ноября, на глубине 5 м — 2 февраля и на глубине 7 м — 30 апреля. Минимумы на тех же глубинах наблюдаются соответственно 31 января, 3 мая, 30 июля и 30 октября. Такое запаздывание проникновения солнечного тепла в почву приводит, следовательно, к тому, что на некоторой глубине времена года будут, так сказать, обратны временам года на земной поверхности. На самой поверхности будет, напр., стоять жаркое лето, а на глубине 5 м подпочва будет переживать еще зимний холод.

Отсюда ясно, что на различных глубинах мы будем встречать -в разные времена года и различные температуры. Из нижеследующей таблицы, где приведены наблюдения в Одессе, видно, что температура 15 января повышается с глубиной, а 15 июля па дает; 15 апреля более холодный слой лежит между двумя теплыми, а 15 октября более теплый слой лежит между двумя более холодными:

		Глубина в метрах					
		0,4	0,8	1,6	2	2,5	3,2
15 января	Температуры	0,6	2,8	6,6	8,3	9,7	11,8
15 июля		20,8	19,1	16,4	15	13,3	12,2
15 апреля		7,8	7,2	6	6,2	6,6	8,1
15 октября		11,8	14,9	17	17	16,3	15,8

Так как амплитуда годовых колебаний с глубиной уменьшается, то на некоторой глубине должен лежать уже «слой постоянной годовой температуры». Здесь годовые колебания затухают уже настолько, что становятся меньше размеров неизбежных погрешностей при наблюдениях. Глубина залегания этого слоя в среднем 15—30 м, но она зависит и от физических свойств горных пород (большей или меньшей их теплопроводности) и от амплитуды колебаний на поверхности: в странах континентальных она лежит глубже, чем в приморских, в странах тропических ближе к поверхности, чем в полярных. Температура этого слоя почти равна средней годовой температуре самой поверхности земли в данном пункте. Теперь понятно, что если средняя годовая температура данной области ниже 0°, то под данной страной и будет находиться слой вечной мерзлоты. Так именно и обстоит дело в Сибири.

Залегание вечно-мерзлого слоя налагает на всю природу Сибири определенную печать: характер рек и их работы, почвенный покров и растительность — все это в значительной степени обуславливается подстилающей Сибирь вечной мерзлотой. Так, сибирские реки ясно могут быть разделены на 2 типа — западно-сибирский (Обь и ее притоки) и восточно-сибирской (Лена, Амур и др.).

В Западной Сибири за зиму накапливается значительный снежный покров, но здесь под почвой нет вечной мерзлоты (за исключением области берегов Полярного моря). Весной снег быстро тает» и одна часть талых вод поступает в реки, вызывая сильный подъем воды в них, другая беспрепятственно просачивается в подпочву и превращается в грунтовые воды. Обилие последних поддерживает равномерное питание рек в течение лета. Поэтому сравнительно высокий уровень речной воды, с небольшими лишь колебаниями, держится всю теплую половину года до августа, а сухое лето при небольшом количестве дождей не сопровождается летними паводками. С августа уровень воды в реках начинает падать и наименьшей высоты достигает зимою. В противоположность этому в Восточной Сибири малоснежная зима не может закончиться бурным весенним разливом. На мелких реках здесь часто не бывает даже ледохода: лед покрывается сверху водою и постепенно тает на месте. С другой стороны, водонепроницаемая вечная мерзлота не позволяет атмосферным осадкам уходить глубоко в почву. Здесь преобладает сток осадков в реки над всасыванием в почву, и если бурных разливов не бывает, то только

потому, что и талых вод после, малоснежной зимы здесь слишком мало. Зато вода летних дождей почти полностью стекает в реки, вызывая частые паводки. Бедность грунтовых вод не может обеспечить рекам равномерного питания, и уровень речных вод в теплую половину года, завися лишь от паводков, подвержен сильным колебаниям.

Особенно интересно образование в Восточной Сибири так называемых «наледей». «Зимою,— говорит Шостакович,— под словом наледь разумеется внезапное появление среди скованной морозами природы текучей или стоячей воды, которая пропитывает покрывающий землю снежный покров, затопляет покрытые льдом русла рек и целые долины. Летом наледь в Якутской области — это громадные, толщиной в несколько сажен, ледяные поля, покрывающие целые десятины, а иногда и десятки квадратных верст, и окаймленные, как вендом, цветущим ковром растительности. Таким образом, соединяя в себе, казалось бы, несовместимое явление, — как 40-градусные морозы, промерзание до дна рек и тут же затопленные водой долины или 35-градусные жары и ледяные поля, — наледь представляет для непривычного путешественника как бы странное противоречие природы.

Причина образования наледей заключается в вечной мерзлоте. Когда зимой река покрывается льдом, а почва долины тоже промерзает сверху, грунтовая вода, пропитывающая рыхлые наносы, выстилающие дно долины, оказывается зажатой между двумя водонепроницаемыми слоями, причем нижним из них и является вечная мерзлота. Чем более нарастает лед на реке, тем суживается все более тот канал, по которому течет речная вода. Давление воды нарастает. Вода устремляется в слои наносов и, если нижняя мерзлота оказывается слишком прочной, — вода прибывает, где это возможно, верхний мерзлый слой и выступает в долину, разливаясь поверх снегов и льдов. Иногда наледи образуются даже там, где нет реки, тогда начало им дают подземные водотоки. Зимний холод сверху и вечная мерзлота снизу задерживают движение воды и заставляют воду искать себе где-нибудь случайного выхода наверх. Если местность совершенно ровная, то только летние лучи могут согнать образовавшиеся при этом зимою острова льда. Наледи способны изменять обычное течение рек; они отрывают реки от их исконного фарватера, заставляют их устремляться неожиданно в стороны. При этом река, внезапно изменившая направление своего течения, может илом своим занести свой собственный лед, и если за короткое сибирское лето этот нанос не прогреется, то под ним так и останется пропластка чистого льда. Так объясняется наблюдаемое нередко в области вечной мерзлоты чередование слоев почвы со слоями чистого льда. Если при замерзании грунтовой воды последняя не может пробиться на поверхность земли, то образуется нередко подземная наледь. Такие места отмечаются вспучиванием почвы и образованием особых бугров до 2 сажен высоты. Стволы деревьев, растущие на таком месте, принимают наклонное положение. Под буграми можно обнаружить как бы линзы льда до 2 метров толщины. Они⁴ происходят при замерзании ключей и летом оседают.

В местностях с ровной поверхностью легко происходит заболачивание. Сама мерзлота, действуя как водонепроницаемый слой, содействует накоплению, почвенной влаги; охлаждая почву, она способствует осаждению влаги из атмосферы и, наконец, оттаивая сверху за лето, опять-таки обогащает почву водою. Все это вызывает образование обширных болот («марей» в Амурской области).

Из древесных пород мирится с мерзлотой одна лишь лиственница. Корни ее не идут глубоко в землю и распространяются больше в горизонтальной плоскости. Зато эти деревья при ветре валятся массами. Животный мир тоже приспосабливается к мерзлоте, и, по свидетельству охотников, некоторые животные, живущие обыкновенно в норах, устраивают здесь свои гнезда в дуплах деревьев.

Как глубина залегания, так и мощность вечно-мерзлого слоя в различных местах бывают весьма различны. Кроме общего условия—низкой средней годовой температуры,—определяющего наличие мерзлоты, последняя подчиняется Целому ряду местных условий. Так, мерзлота будет выражена тем сильнее, чем меньше в данной местности толщина снегового покрова. Поэтому в Западной Сибири, где снеговой покров значителен, мерзлота отсутствует, но она имеется под Монголией, где зимы отличаются мало-снежностью. Замечено, что дождевая вода как бы «смывает» мерзлоту на глубину, так как, обладая очень значительной теплоемкостью, вода вносит очень много тепла в почву. Поэтому движущиеся грунтовые воды уменьшают мерзлоту. Зато застой грунтовых вод способствует образованию мерзлоты. Так как теплопроводность льда больше, чем у воды, то при замерзании верхнего слоя почвы, сильно пропитанного водой, зимний холод будет глубже проникать в землю. Наоборот, летом при оттаивании почвы лед перейдет в менее теплопроводную воду, и талая почвенная вода затруднит приток тепла на глубину. Особенно усиливает вечную мерзлоту и повышает верхнюю границу ее торф или мох, покрывающий поверхность земли. Для вечной мерзлоты моховые торфяники являются самой надежной защитой от проникающих в почву солнечных лучей.

Принимая во внимание то запаздывание зимнего минимума, о котором мы уже говорили, не всегда легко бывает установить глубину залегания вечной мерзлоты: возможно, что слой почвы, который летом мы нашли мерзлым, оттает только несколько месяцев спустя. Но если мы находим мерзлоту на такой глубине, куда годовые колебания температуры уже не проникают, мы вправе считать эту мерзлоту «вечной».

Весьма вероятно, что в давно прошедшие времена, когда и у нас в Европе на берегах Балтийского моря росли полярные растения, и в Сибири почва находилась с самого верха в состоянии постоянной и устойчивой мерзлоты. Быть может, в течение короткого полярного лета здесь происходили в громадном масштабе те самые явления, которые теперь можно наблюдать лишь местами, около наледей и в амурских марях. Другими словами, вся Сибирь, ныне покрытая тайгой, представляла собою сплошную тундру. Теперь уже

климат настолько изменился к лучшему, что вечная мерзлота скрылась в глубокие подпочвенные слои и лишь отраженным образом продолжает влиять на географию страны. В Сибири, таким образом, мы находим потускневший от времени облик тех условий, которые были общим правилом и для Европы в давно минувшую эпоху полярных холодов.

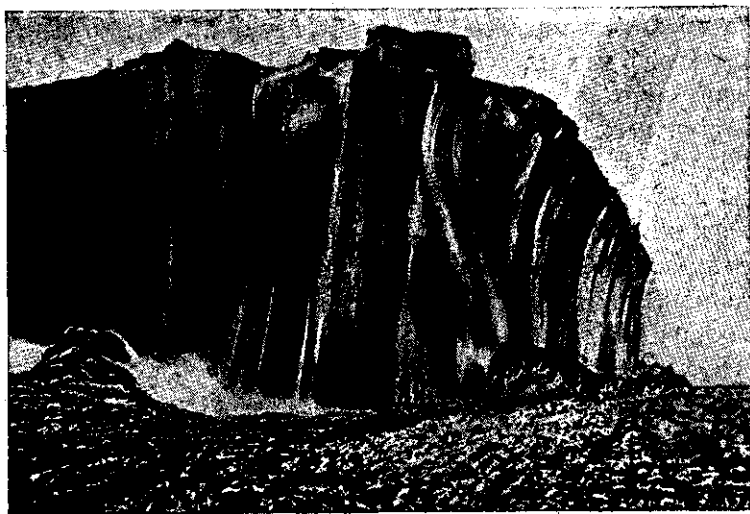

Рис. 3. Ископаемый лед на Ново-сибирских островах.

Ископаемый лед. В Сибири можно наблюдать еще один интересный памятник, оставшийся от времен глубокой древности. Местами на берегах северной Сибири и на Ново-Сибирских островах были найдены мощные слои чистого льда до 120 м толщиной, прикрытые сверху толщей наносов (рис. 3). Этот лед получил название «каменного» льда или «ископаемого». Современные климатические условия не могут нам объяснить происхождение этого льда. Перед нами несомненно пережиток минувшей эпохи, уцелевший памятник прежних географических условий. Есть основание думать, что прежде гораздо большие пространства в Сибири были покрыты подобными ледяными толщами, и если лед не одевал сплошным покровом всей Сибири, а лежал на ней отдельными пятнами и островами, то это обуславливалось лишь общей сухостью климата страны: атмосферных осадков здесь было и прежде слишком мало для того, чтобы всю страну покрыть слоем льда. Но на земном шаре есть области, где подобные же явления развиты и сейчас в более грандиозных размерах, Мало того: если описанный лед Сибири представляет собою теперь лишь случайно уцелевший остаток более древних и более мощных покровов льда, то в других местностях мы и сейчас можем наблюдать, как при современных же географических условиях создаются подобные скопления «вечного льда».

Двигаясь от Сибири на запад, мы отметим прежде всего Скандинавский полуостров, высокие и плоские вершины которого (так называемые фьельды) покрыты белой скатертью вечного льда и снега. Ледяные языки, как бахрома, обрамляют эту скатерть и по горным ущельям спускаются к норвежским фиордам. Далее, на о. Исландии в Атлантическом океане, мы встречаем площадь в 13000 кв. км, покрытую вечным льдом. На о. Гренландии мы увидим целое ледяное нагорье в 1 900000 кв. км. Его продолжением служит закованный в ледяной, панцирь Северо-американский архипелаг. Наконец, всему этому скоплению льдов вокруг Северного полюса соответствует ледяное поле на Южно-полярном материке в 13000000 кв. км.

Из этих ледяных полей выберем для знакомства Гренландию.

Гренландский лед. Гренландия представляет собою громадный остров, закованный в сплошной ледяной панцирь. Внутренность острова вся покрыта пеленой снега, под которой лежит слой льда. По свидетельству Нансена, пересекшего Гренландию на лыжах, поверхность ледяного нагорья поднимается к середине острова и опускается к краям. Толщина льда в центральной части достигает 1 800 м. На западном берегу Гренландии между краем льда и морем остается неширокая полоса, свободная от льда и занятая тундрой. Широкие ледяные языки отделяются от ледяного массива и между прибрежными скалами, наподобие застывших каскадов, достигают самого моря. Здесь от них отламываются гигантские глыбы и относятся прочь от берегов. Эти ледяные горы называются айсбергами.

Окруженная со всех сторон морем Гренландия получает много атмосферных осадков, но холодные морские течения, омывающие ее и с запада и с востока, делают ее климат суровый. Осадки выпадают поэтому в виде снега, и количество его непрерывно увеличивается. Днем на лучах солнца снег отчасти тает, ночью талая вода снова замерзает. Кроме того снег слеживается и под собственной тяжестью прессуется; постепенно от давления он переходит внизу в плотный прозрачный лед, который и скрывает под собою все неровности твердой земной коры.

Но толща льда не может нарастать беспредельно в высоту. Лед принадлежит к телам, обладающим скрытой пластичностью. При всей своей хрупкости он в больших массах текуч. Как из студня мы можем приготовить небольшую горку и студень будет сохранять свою форму, но тотчас же расплзется, если мы попробуем сделать из него целый холм, так и гренландский лед, непрерывно растущий, расплзается от середины Гренландии к ее краям. На глаз, конечно, движение это незаметно, как незаметно непосредственно движение стрелки часов, но его можно обнаружить путем недолгого наблюдения. Вообще лед движется в 10000 раз медленнее, чем вода при одинаковых условиях. Но как в половодье скорость течения реки возрастает в зависимости от массы протекающей воды, так и мощный покров гренландского льда достигает весьма значительной скорости: его языки продвигаются со скоростью до 30 м в сутки.

Слой льда почти в 2 км толщиной должен оказывать, конечно, громадное давление на каменный остов Гренландии. Он раздробляет горные породы своего ложа, растирает их в песок и глину. Вмерзшими в его нижнюю часть каменными глыбами он царапает и шлифует свое дно. Талые воды, проникая по трещинам на это дно, прокладывают себе путь к морю, промывая во льду длинные тоннели и помогают разрушению горных пород. И лед и вода передвигают вместе с собою все эти продукты разрушения, которые называются поденной мореной. Достигнув берега моря, эти материалы как бы вываливаются из-под льда и сталкиваются в море (рис. 4). Таким образом на примере работы гренландского льда мы можем видеть, как атмосферные осадки, низвергаясь над Гренландией и принимая твердое состояние, срезают, сглаживают и разгружают здесь земную кору, перемещая материалы земной коры на новое место — на дно моря.

Еще более грандиозную картину представляет оледенение Южного Полярного материка, но работа льда здесь менее изучена. Есть, впрочем, основание думать, что южно-полярный ледяной покров находится уже в периоде убывания. Дело в том, что, как замечено, от приподнятого центра этого ледяного нагорья к периферии непрерывно дуют нисходящие, скользкие ветры. Они уносят с собою прочь, в сторону океана, пары, образующиеся при таянии льда, и таким образом годовая убыль льда больше его прихода. Зато снеженная с Антарктиды влага осаждается на ближайших островах, где в свою очередь растет снеговой покров. Принимая во внимание величину площади, одетой льдом, и допуская суточную скорость движения льда в 2 м, можно вычислить, что на перемещение массы льда от центра Антарктиды к берегам потребуется 2 000 лет. Следовательно, даже если бы прекратились внезапно те климатические условия, которые вызывают нарастание льда, последний продолжал бы еще очень долго свое движение.

Горные ледники. Описанные оледенения Гренландии и Антарктиды» представляют собою явления исключительные по своим размерам. В других местах земли вечный лед занимает более скромные пространства. Он может сохраняться лишь на высоких горах, где низкая температура предохраняет его от разрушительного действия солнечных лучей, и чем теплее климат, чем суше он, тем выше располагается на горах вечный снег. На Скандинавском полуострове только наиболее, высокие фьельды прикрыты, как скатерть, слоем вечного льда. Распространиться больше и спуститься ниже ему не позволяет здесь теплый Гольфштрим, омывающий Норвегию. Отдельные гнезда льда располагаются по вершинам высоких гор, цепей —

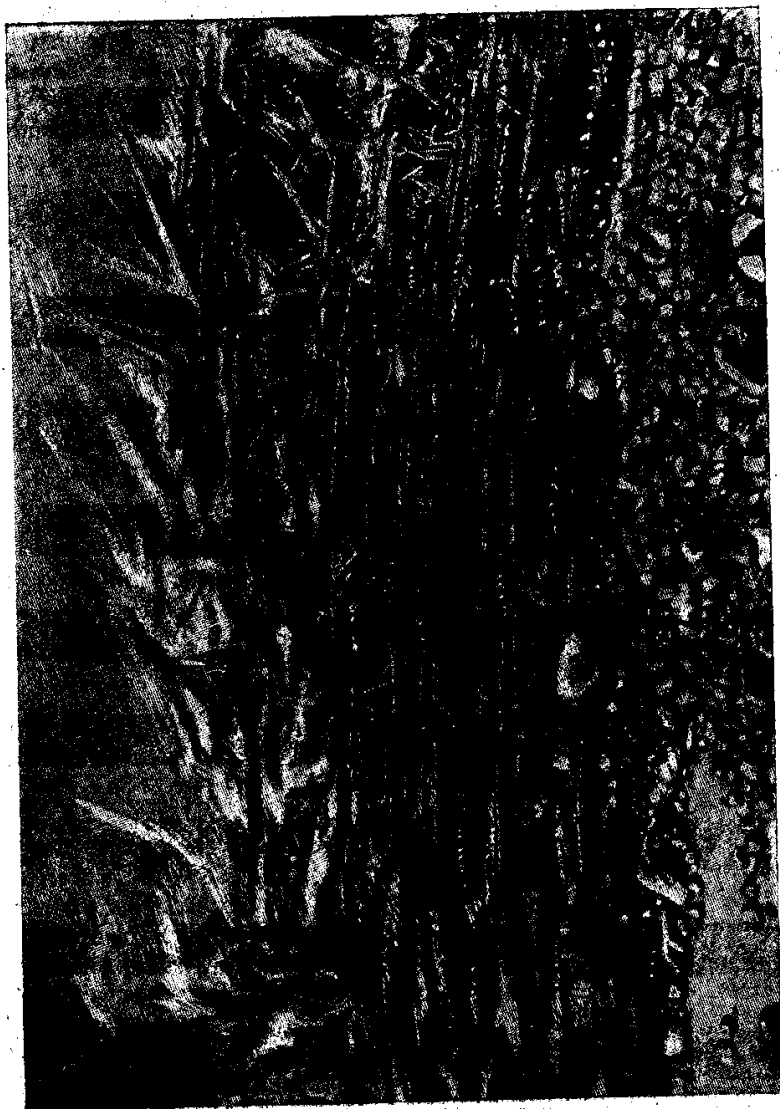

Рис. 4. Край материкового льда в Гренландии.

в Альпах, Пиренеях, на Кавказе и др. Сухой горный снег сносится ветром с вершин в котловины между ними, и в этих котловинах рыхлый снег превращается сперва в зернистый молочно-белый ф и р н, а потом и в плотный голубой лед. Избыток накапливающегося в котловинах льда стекает вниз по ущельям и долинам, и эти длинные ледяные языки, издали напоминающие замерзшие реки» называются ледниками или глетчерами. Суточная скорость движения альпийский ледников не превышает 0,5 м. Если узкое ложе ледника внезапно расширится, масса льда разбивается продольными трещинами. Если ложе ледника испытывает внезапно крутой наклон, во льду возникают поперечные трещины. Путь, который успеет пройти ледник по склону гор, зависит от того, в каком пункте склона таяние льда берет перевес над его притоками. Если вверху на горах выпадает слишком много снега, то ледник успеет пройти далеко вниз и проложит себе путь через луга и леса, мимо человеческих жилищ. Особенно интересны в этом отношении ледники Огненной земли и Новой Зеландии, которые, невзирая на лучи солнца, спускаются до области вечно-зеленых и подтропических лесов. Там, где ледники окончательно тает, его мутные от массы взвешенных илистых частиц воды дают начало рекам. Если в годы исключительно холодные или влажные ледники спускаются ниже обыкновенного, то, наоборот, в годы теплые и сухие они подбираются к вершинам» гор свои концы, и это явление называется отступанием ледников. Тогда, подойдя к концу ледника, мы можем наблюдать результаты шлифующей и переносной деятельности льда: освободившееся из-под льда выдвигаются среди ложа ледника сглаженные и отполированные скалы, покрытые, нередко, бороздами и царапинами, и всюду нагромождены массы глины, песка и камней неправильной формы, но с закругленными углами и ребрами (валуны). Вся эта груда материалов, принесенная и выброшенная льдом, нагромождена в хаотическом беспорядке, без следа какой-нибудь сортировки. Только талые воды, выбегающие из-под ледника, промывают эти продукты разрушения, относят и откладывают где-нибудь внизу более мелкие частицы. Вся эта конечная морена имеет иногда вид холма или вала, окаймляющего передний конец ледника. Далее вверх по склону уходит под ледник сопровождающая его поденная морена. У ледников альпийского типа она имеет вид узкой и длинной ленты (а не обширного покрова, как под гренландским льдом). В горных ледниках различают еще боковые морены — ряды или целые валы из камней и песка, протягивающиеся вдоль обоих краев ледника по его поверхности. Они образуются из обломков горных пород, падающих на лед с вершин, окаймляющих русло ледника, и движутся вместе с ним. Таких морен на гренландском материковом льду, конечно, нет.

Ледниковая эпоха.

Всюду в северной половине нашего Союза, в средней и северной части западной Европы непосредственно под почвой или под плащом поверхностных наносов лежит толстый слой желто-бурой глины, которая в свою очередь

прикрывает более глубокие слои земной коры. В среднем толщина этой глины от 2 до 5 м, но местами мощность ее достигает 30 и более метров, особенно на водораздельных возвышенностях. В долинах рек она может сходиться на нет. Глина эта отличается неслоистостью и полным отсутствием какой-либо сортировки составляющих ее глинистых и песчаных частиц. Это обстоятельство, в связи с отсутствием в ней окаменевших остатков животных¹, свидетельствует о том, что глина эта не представляет собою обычного осадка на дне какого-нибудь водоема — морского или озерного: вода всегда сортирует свои отложения. Зато глина эта содержит в себе громадные количества крупных и мелких камней неправильной формы, но несколько сглаженных, с притупленными ребрами и закругленными углами. Эти «валуны» и являются тем булыжным камнем, который идет на мощение улиц. В толще глины валуны распределены обыкновенно без всякой правильности. По составу своему валуны принадлежат к различным кристаллическим горным породам: среди них можно найти розовый или красный гранит, зеленоватый диорит, белый или фиолетовый кварцит и т. д., Преобладающий в валунах гранит принадлежит к числу древних горных пород, составляющих как бы каменный панцирь земного шара, поверх которого лежат различные слоистые породы. Под средней частью нашего Союза гранит лежит на громадной глубине, и обломки его попасть с этой глубины в нашу валунную глину, конечно, никак не могли. Есть, правда, выходы гранита на земную поверхность на Украине, где гранит обнажается на дне и в берегах речных долин, образуя, напр., известные днепровские пороги; выступает также гранит и на Урале, где из него состоят целые горы. Но ни из Украины, ни с Урала гранит к нам принесен быть не мог: это ясно уже из того, что по направлению к Украине и к Уралу количество валунов в валунной глине уменьшается. Наоборот» количество валунов возрастает по направлению к Финляндии. Ясно, что Финляндия с ее гранитными массивами и была для нас той областью, откуда были доставлены эти валуны. Наши булыжники есть обломки финляндских гор.

Присматриваясь к валунной глине, мы не можем не заметить в ней черты сходства с тем наносом, который ежегодно образуется у нас на улицах весной при таянии зимнего снега. Все, что за зиму накопилось в толще снега, осаждается из него и покрывает землю слоем несортированного наноса. Различны только мощности этого наноса и нашей валунной глины. Но, обратившись к изучению окраины гренландского льда, мы увидим ту же картину в грандиозном масштабе: при таянии ледника из него вываливаются крупные и мелкие валуны, песок и глина его поденной морены и хаотическим скоплением своим покрывают землю. Такие же несортированные отложения можно наблюдать и у нижних концов альпийских ледников. Мы должны прийти к выводу, что наша валунная глина есть нечто иное как поденная морена гро-

¹ Иногда, правда, в ней встречаются подобные остатки, но всегда в виде обтертых, отшлифованных кусков, говорящих о том, что прежде, чем попасть в эту глину, остатки эти подвергались сильному разрушению.

мадного оледенения, охватывавшего некогда значительные пространства северных материков.

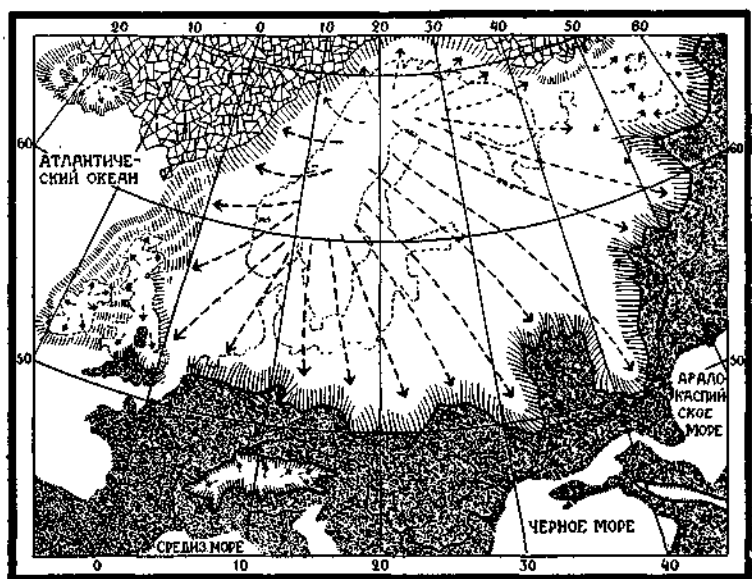

Рис. 8. Область прежнего оледенения в Европе.

В Европе валунная глина покрывает громадную площадь. Южная граница ее распространения (рис. 8) проходит через южную Ирландию и южную Англию, продолжается далее на континенте Европы через северную Францию, Бельгию и среднюю Германию и, огибая Карпаты, входит к нам в Союз. Здесь она спускается по долине Днестра до Херсонской губ., затем приподнимается к северу, огибая Средне-русскую возвышенность, снова спускается на юг по долине р. Дона, проходит вдоль западного склона Приволжской возвышенности, пересекает Волгу у Васильсурска и извилистой линией уходит на северо-восток к северному Уралу. Все пространство к северу от проследженной границы было некогда, подобно Гренландии, покрыто сплошным панцырем льда, толщина которого превосходила, конечно, толщину современного гренландского льда.

Такая масса льда, разумеется, должна была непрерывно растекаться лучеобразно во все стороны, и вот этот-то движущийся лед снес с центра своего распространения—Скандинавии и Финляндии — в общей сложности до 800 000 куб. км, горных пород — глины, песка и валунов. От этого Скандинавские горы понизились на 500 - 600 м, а снятый с них материал был распростерт покровом валунных отложений на средней и северной Европе. Вместе с тем и другие горные цепи Европы оделись ледяными покровами, могучие

ледники сползли с их склонов и распространились во все стороны по прилегающим равнинам. Они расширили и углубили горные долины и вынесли далеко вперед свои морены. По этим-то следам работы исчезнувших потом мощных ледников впервые в 20-х годах XIX века догадались геологи о бывшем некогда в Европе оледенении, ничтожными остатками которого являются нынешние альпийские ледники. Ледники северного склона Альп в своих нижних концах сливались в сплошное ледяное поле, и между этим полем и ледяным полем, надвигавшимся со стороны Скандинавии, оставалась лишь узкая полоса свободной от льда земли. Громадные ледники спускались также и с Пиренеев, Карпат, Кавказа, причем на последнем ложе одного из ледников служило нынешнее Дарьяльское ущелье. С северного Урала льды спускались в долину нижней Оби, но в остальной Сибири не было сплошного ледникового покрова: в разных местах лежали лишь отдельные пятна снегов и льдов, одним из остатков которых и является ископаемый лед Новосибирских островов. При незначительной мощности своей, эти сибирские льды не могли развивать такой разрушительной и переносной работы, как льды европейские.

Из-под ледниковой толщи вытекали массы талой воды, вымывали из моренных материалов мелкие частицы, относили их дальше от границы льда и отлагали в пониженных местах в виде сортированных и слоистых песков и глин. Поэтому к основной валунной глине присоединяются и слоистые валунные отложения.

Там, где ледник почему-нибудь задерживался и долго оставался на одном месте, образовывались громадные скопления моренных материалов в виде холмистых гряд, окаймлявших границу льда (рис. 9). Одна из таких гряд холмов проходит западнее Москвы от Ярославской губ. через Смоленскую и Могилевскую, а другая от Валдайской возвышенности протягивается через Польшу в Германию и Данию. Обе полосы отличаются сильно холмистым рельефом, обилием озер и болот.

Проследивая выше границу великого европейского оледенения, мы отметили, в сущности, пределы наибольшего распространения льда. Но в действительности картина оледенения была сложнее. -Площадь, покрытая льдом, то расширялась к югу, то сокращалась. Поэтому вдоль южной окраины льда земная кора то покрывалась мощными толщами моренных отложений, то освобождалась от льда и тогда подвергалась действию могучих потоков талой воды, смывавших и сортировавших моренные материалы. Поэтому в средней Германии и в нашем Союзе толща, «ледниковых отложений» имеет сложное строение, отражая на себе эти продвижки и отступления льдов. Неизменно сохранял за собою лед только северную область Европы, но здесь работа его выражалась главным образом лишь в снятии все новых и новых толщ земной коры. Вот почему, когда ледниковый период окончился, гранитная основа северной Европы вышла -из-под льда сглаженной, точно отшлифованной¹: гранитные массивы и до сих пор хранят здесь закругленные очертания, а между ними располагается масса озер, занявших углубления,

выдолбленные в граните спускавшимися здесь некогда ледяными г потоками (рис. 10).

Геологическая эпоха, в течение которой происходило вскрытое нами оледенение, получила название эпохи ледниковой.

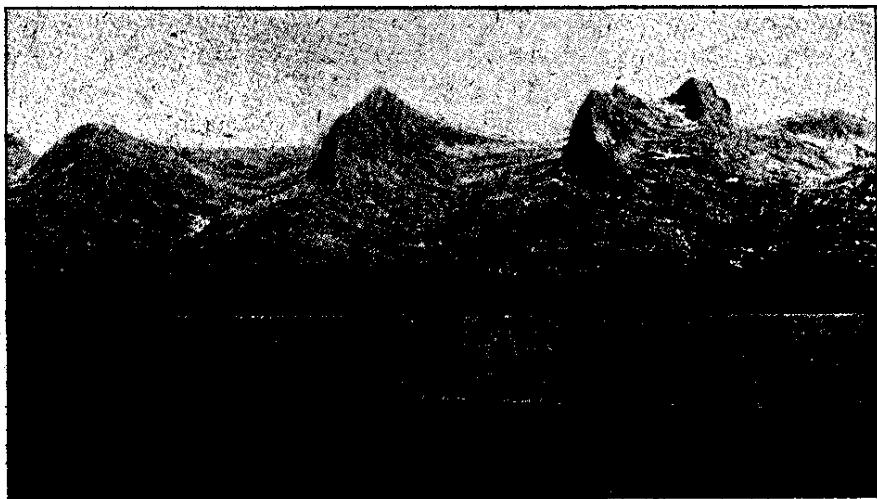

Рис. 10. Вершины Скандинавских гор, сглаженные льдом.

Свидетельства органического мира.

Не подлежит никакому сомнению, что льды ледниковой эпохи произвели громадные опустошения и глубокие изменения в органическом мире земли. У нас есть все основания думать, что в доледниковое время Европа пользовалась очень теплым климатом и была, заселена вечно-зелеными и тропическими растениями. В пластах земли, лежащих непосредственно под ледниковыми отложениями, были во многих местах даже средней Европы найдены скелеты таких животных, которые теперь встречаются лишь в тропических странах, — слонов, антилоп, жирафов, обезьян, бегемотов. С наступлением ледниковой эпохи вся подобная теплолюбивая фауна (и флора) или вымерла или принуждена была перекочевать ближе к экватору.

Конечно, оледенение наступило не сразу. Надвигание льдов никоим образом нельзя представлять себе как какую-то катастрофу. Совершенно /постепенно и задолго еще до самой ледниковой эпохи климат стал ухудшаться, и органический мир имел возможность приспособиться к новым условиям или понемногу передвинуться на юг. И когда, наконец, Европа оказалась подо льдом и окраина ледяного поля представила собою нечто вроде современной тундры, все эти. теплолюбивые животные и растения, отступившие под натиском льдов, очутились далеко на юге, в недоступных: для

льдов областях. В этих «убежищах жизни» они пережидали суровые, времена оледенения, подаваясь несколько на север в эпохи временного отступления льдов и снова отступая на юг при наступлении последних. Только когда ледниковый период кончился, растения и животные получили снова возможность расселиться далеко к северу. Но это были уже не те растения и не те животные, которых застал некогда в Европе ледниковый период: одни из прежних обитателей Европы вымерли уже без остатка, другие успели за время своей эмиграции значительно измениться. К тому же и климат Европы не стал уже более таким теплым, каким был раньше, и большинство прежних тропических и подтропических форм принуждены были навсегда остаться на юге.

Современный органический мир Европы в большей части своей состоит из недавних поселенцев. Они стоят в тесной родственной связи с обитателями более южных стран, но связи их с древними доледниковыми туземцами Европы благодаря ледниковому сдвигу, кажутся далекими и даже разорванными. То, что сейчас наблюдаем мы в органическом мире Европы (да и других приполярных стран), производит впечатление неустановившегося еще равновесия. Области, испытавшие оледенение, находятся еще и сейчас в состоянии продолжающегося заселения. Растения и животные меняют «почти на наших глазах границы своего географического распределения, в длительной и напряженной борьбе проникают из одной области в другую, вытесняют друг друга с насиженных мест. Как после бури, когда уже стихнет ветер, долго еще не прекращаются волны мертвой .зыби, так и после геологической бури ледникового периода какие-то своеобразные волны замечаются в современной органической жизни, и жизнь эта еще не может войти в свои берега, найти свои окончательные, и естественные географические пределы и области.

География древесных пород. Неустойчивость, незаконченность в географическом распределении замечаем мы прежде всего на примере наших древесных пород. С окончанием ледникового периода площадь нашего Союза была заселена растениями, одни из которых пришли к нам с востока (из восточной Сибири, Манджурии, Монголии), другие — с запада (с берегов Атлантического океана и Средиземного моря). С востока пришли главным образом хвойные породы, с запада лиственные. Эти две волны, сомкнувшись у нас в средней части СССР, и образовали нашу лесную полосу. Что центры и пути расселения были именно таковы, как мы сейчас отметили, следует из того, что: 1) количество хвойных форм убывает с востока на запад, а лиственных с запада на восток, и 2) области, занятые, как хвойными, так и лиственными породами, представляют собою как бы клинья, обращенные своими остриями навстречу друг другу. В частности можно заметить, что различные древесные породы распространились в том или ином направлении на различные расстояния от своих центров. Нынешние границы их местообитаний образуют характерные изгибы либо к западу (в случае хвойных), либо к востоку в случае лиственных (рис. 11). Так, лиственница, одно из преобладающих

деревьев Сибири, доходит в Европе лишь до Онежского озера, пихта — только до Вологды, а сибирский кедр едва перевалил Урал. С другой стороны, дуб, центр расселения которого находится в Югославии, дошел с запада лишь до Урала, как и вяз и крупнолистный клен, ясень — до р. Суры, граб — только до Днепра, а - бук остановился в пределах, Польши и Бессарабии. Вот где застаем мы в настоящий момент все эти древесные породы. Но что границы эти не окончательные, видно уже из той напряженной борьбы, которая на наших глазах происходит в самой лесной полосе между отдельными породами. Так, например, из хвойных — ель вытесняет сосну и та же ель ведет победоносную борьбу с такими лиственными породами, как дуб. «Флора каждой страны, — говорит Коржинский, — есть нечто живое, нечто, находящееся в вечном движении, подверженное непрерывным, постоянным превращениям».

Рис. 11. Карта распространения древесных пород в СССР.

Перелеты птиц. Непрерывающиеся передвижения заметны и в животном мире. Расселение животных еще продолжается по области, бывшей подолем. Примером этого служат птицы. Их весенние, и осенние перелеты являются «историческим памятником» ледниковой эпохи.

Не холод и не голод непосредственно гонят многих наших птиц на юг: большинство из них отлетает еще тогда, когда ли то, ни другое им не угрожает. По мнению некоторых ученых, инстинкт перелетов сложился под влиянием ледникового периода. «Ледниковая эпоха вызвала первый осенний отлет, а тоска по родине — первый весенний прилет» (Дункер). Конечно, нужно помнить при этом, что оледенение не наступило сразу, в течение одного какого-нибудь года: постепенно зимы наступали раньше, становились продолжительнее и суровее; птицы принуждены были откочевывать к югу, и так же постепенно удлинялись пути их передвижения. В конце ледниковой эпохи птицы получили возможность удлинять свои пути к северу, и все эти неопределенно долгое время совершавшиеся перелеты оставили в конце концов, прочный след в организации их нервной системы.

Но такое объяснение приложимо лишь к тем видам птиц, родиной которых действительно является север. Мы можем назвать их «летающими туземцами», проходящими на юге зимнее время. Но, наряду с ними, среди наших птиц есть много таких, все ближайшие родственники которых являются типичными тропическими формами. Таковы кукушка, иволга, ласточка, мухоловка, удод, аист. Эти «летающие переселенцы» очень поздно к нам прилетают и слишком рано отлетают, и жизненные повадки некоторых из них, напр., кукушки, показывают совершенно ясно, что эти птицы не сроднились прочно с нашими географическими условиями. Как говорит Дункер, «перелеты этих птиц напоминают наши поездки на курорты».

В истории таких птиц -ледниковый период сыграл иную роль. Если даже предки их и обитали в тропической, доледниковой Европе, то в эпоху оледенения они здесь вымерли. Они сохранились только на юге, но по мере отступления льдов постепенно приучились продвигаться на север. Сюда их гнала та теснота жизни, которая ощущается в экваториальных странах и которая особенно дает себя» чувствовать в период размножения; в этот период птицы нуждаются в большей площади обитания, и таким образом их перелеты тесно связаны с проявлением полового инстинкта. Если так, то не в осеннем отлете, а в весеннем прилете коренится начало странствований птиц вообще. Не ледниковый период сам по себе был причиной развития инстинкта перелетов: с прекращением оледенения были лишь удалены те преграды, которые сдерживали до сих пор стихийное расселение птиц. Изучая пролетные пути птиц, нельзя не заметить связи между направлением этих путей и теми событиями в ледниковую эпоху, под влиянием которых птицы начали свои периодические перемещения. Пролетные пути есть в то же время и пути расселения птиц на север в послеледниковое время. Только таким историческим методом и можно объяснить некоторые странности в направлении пролетных путей. Вот несколько примеров, которые приводит проф. Сушкин. Замечено, что

некоторые птицы, напр., длиннохвостая крачка, гнездящаяся всюду по берегам Полярного моря, с наступлением осени отлетают как с американской, так и с азиатской тундры, в области Атлантического океана и уже оттуда направляются к югу; даже птицы, гнездящиеся по нижнему течению Енисея, направляются сперва вниз по реке к морю и потом только поворачивают на запад. Между тем, казалось бы, с берегов Сибири более короткий путь лежит для них через Берингов пролив на Тихий океан. Ясно, что такой пролетный путь есть повторение того пути, по которому птицы распространились некогда из области Атлантического океана далеко на запад и восток по полярной тундре. Равным образом сибирский дупель отлетает к югу, держась почему-то юго-западного направления, и путь его огибает с запада Каспийское море, тогда как более короткий путь из Сибири прямо на юг, в Среднюю Азию, остается почему-то неиспользованным. Быть может, указанный путь сохраняется как наследие тех еще отдаленных времен, когда в прикаспийских областях находилось исчезнувшее ныне море, и когда этот путь являлся, следовательно, прибрежным: подобных путей птицы придерживаются особенно часто. По крайней мере ученые заметили, что пролетный путь от Белого моря к Балтийскому идет как раз по той полосе, где пролегал в самом конце ледникового периода пролив, соединявший эти два моря.

Как в мире растений, пределы распространения различных групп животных не остаются неизменными, и даже за историческое время животные перемещаются в разных направлениях. Так, несколько веков тому назад европейские канарейки начали свое продвижение в Среднюю Европу с берегов Средиземного моря. Один их путь лежал через долину Рфны, в обход Швейцарии, в южную Германию, где эти птицы появились в бассейне Майна в начале XIX века, постепенно затем расширяя к северу область своего обитания. Другой путь их лежал с Балканского полуострова через Венгрию и Силезию в восточную Германию, и здесь они появились позже, чем в Германии западной. Равным образом у нас овсянка-дубровник появилась в подмосковной области лишь лет 60 тому назад, постепенно продвигаясь сюда из Сибири. И теперь еще эта птица, пробыв у нас очень короткое 9 время летом, рано снимается с места и отлетает тем же путем, каким расселилась, в Китай, и Монголию, не принимая участия в общем движении наших птиц прямо на юг.

Прерывистое распространение организмов. Расселение птиц послеледникового периода может объяснить некоторые загадочные черты их современного географического распространения. Сравнивая птиц восточной Европы и Западной Сибири, с одной стороны, и Восточной, заенисейской, Сибири, с другой,— проф. Сушкин отметил, что, кроме птиц, общих всей этой полосе, имеется много видов, свойственных или только западу или только востоку, причем восточно-сибирские виды сплошь и рядом носят черты большей древности. Это обстоятельство, по его мнению, указывает на бывшее прежде полное разделение западной и восточной фаун и на незаконченный еще и поныне процесс их смешения. Если раздельность животного мира западного и восточного объясняется существовавшим на месте Запад-

ной Сибири в доледниковое время морем, то большая древность восточносибирских видов стоит в связи с тем, что Восточная Сибирь не испытала такого оледенения, как Европа, и ее органический мир мог развиваться без перерывов.

Вообще оледенение Европы, отодвинув к югу ее органический мир, разорвало как бы на клочки сплошное прежде обитание растительных и животных видов, и непрерывное прежде распространение сменилось прерывистым. Берг отмечает следующие явления: зеленая и древесная лягушки, широко распространенные в Европе, отсутствуют в Сибири и снова появляются на Амуре; ландыш и печеночница доходят с запада до Урала и после большого затем перерыва встречаются снова в Монголии, Манджурии, Корее и Японии; дуб, как и спутник его лещина, отсутствуя в Сибири, появляются в Забайкальской области; липа, только островками обитает кое-где по окраине Сибири, но представлена на востоке видами, сходными с европейскими; точно так же нет сплошного распространения через Сибирь вяза и тисса: они встречаются островками на Кавказе, в Малой Азии, и новая область их распространения начинается с Амура. Эти островки и есть те «убежища», куда укрылись растения под натиском оледенения. «Сибирь, — делает вывод проф. Берг, — еще ждет своего заселения».

Под влиянием ледникового периода и сложилось современное географическое распределение растений и животных.

Свидетельства почвы и подпочвенных слоев.

«Современное состояние растительности какой-либо страны, — говорит Коржинский, — есть лишь одна из стадий непрерывных изменений ее растительного покрова, результат минувших условий и зачаток будущих. Но растительный покров самым тесным образом связан с почвенным покровом земли/ Почвой называется самый верхний слой земной коры, измененный климатом и органическим миром (главным образом растениями, в меньшей степени — животными). Климат является главным почвообразователем, от него уже зависит в свою очередь географическое распространение растений; а так как в климатическом отношении поверхность земли разделяется на ряд определенных поясов или зон, сменяющих друг друга от полюса к экватору, то и в почвенном отношении можно тоже подметить ряд поясов или зон, отличающихся друг от друга определенным характером почвообразовательных процессов. Поэтому мы можем говорить о зоне тундровых почв, зоне лесных или степных почв и т. п.

Припомним особенности почв северной лесной половины нашего Союза, получивших название почв «подзолистых».

Фундаментом, на котором лежат наши подзолистые почвы, служит обыкновенно ледниковая валунная глина. Эта коренная порода, это последнее по времени геологическое образование является в то же время и «материнской породой для почв: за счет ее верхнего отдела климат и раститель-

ность и образовали почву в собственном смысле этого слова. Более глубокие этажи валунной глины, не затронутые почвообразовательными процессами, составляют подпочву.

Вертикальные разрезы нашего северного почвенного покрова обнаружи-

Рис. 12. Разрез подзолистой почвы.

вают слоистое или ярусное строение этого последнего, причем только издали эти ярусы или «почвенные горизонты» кажется резко разграниченными друг от друга; на самом же деле они совершенно постепенно и незаметно переходит один в другой (рис. 12). Это расслоение почвы на отдельные горизонты есть результат главным образом атмосферных осадков, просачивающихся в землю. Дождевая вода вымывает различные растворимые вещества и илестые частицы из верхнего горизонта почвы и вмывает их в нижний. Так, в почвах возникают прежде всего элювиальный и иллювиальный горизонты. Кроме того обособляется самый верхний горизонт, обогащенный перегнойными веществами и составляющий почву в смысле пахотного слоя.

Но, поскольку» северная половина нашей страны покрыта лесами, постольку почвообразовательные процессы принимают

здесь, совершенно своеобразное направление. Под лесами на земле накапливается много опавших листьев, которые образуют плотную и постоянна влажную настилку на почве. Этот «лесной войлок» затрудняет проникновение в почву кислорода воздуха. Между тем приток кислорода необходим для полного -разложения мертвых растительных остатков. Гниение последних в таких условиях не может идти нормально и до конца; оно останавливается на полдороге и приводит к образованию особых перегнойных кислот. Они придают нашим почвам кислый характер. Мало того: вымываемые дождевыми водами из перегнойного горизонта и просачивающиеся в глубину, эти кислоты растворяют по пути и сносят с собою вниз все растворимые вещества. Не могут они растворить « только крупинки кварца. Из этих крупинки и состоит второй горизонт наших почв — п о д з о л, действительно напоминающий

своим серым цветом золу. Подзол и является элювиальным горизонтом почвы. Несколько ниже органические перегнойные кислоты начинают уже насыщаться соединениями противоположного химического характера — основаниями или щелочами — и дают с ними соли. Эти соли выпадают из почвенных растворов, и так возникает иллювиальный горизонт. Ему дают название ортштейна. Он состоит из прожилок, желваков или даже целого прослоя буровато-ржавого цвета. Ниже лежит неизменная валунная глина. Совершенно ясно, что все отмеченные почвенные горизонты являются только известным видоизменением валунной глины и что наша подзолистая почва есть не что иное как верхний отдел этой коренной породы, лишь промытый спускающимся сверху раствором кислот. Наличие же кислот в свою очередь есть неизбежный результат господства лесной растительности.

Почва представляет собою сложную физико-химическую среду, стоящую между органическим и неорганическим миром. В ней непрерывно происходит обмен веществ, который может идти нормально, может принимать и ненормальное направление. Почва «дышит», но может страдать и от «удушья». Почва может «хворать», «голодать». Наконец, почва может приспосабливаться к изменившимся внешним условиям. В этом отношении очень интересно сравнение нескольких почвенных разрезов из разных местностей одного и того же географического района. Нетрудно бывает заметить при этом, что наиболее ярко процесс подзолообразования выражен в почвах Песчаных, легко проницаемых для воды и, наоборот, в почвах глинистых весь ход почвообразования выражен гораздо слабее, и почвенные горизонты развиты менее резко. Далее, строение почвенных горизонтов будет различно на вершине холма, на склонах его и где-нибудь у его подошвы, в низине. Наконец, изменяется строение почвы и от характера растительности. Подзолистая почва под лиственным лесом развивается более типично, чем под лесом хвойным, так как в последнем случае лесная настилка из смолистой хвои с трудом гнивает и дает слишком мало перегнойных веществ.

Итак, смена лиственного леса хвойным или обратно не замедлит так или иначе отразиться на строении почвы. И если в окружающем нас сейчас растительном мире происходит борьба различных растительных сообществ, если все здесь находится в неустойчивом еще положении и полно движения, то все вокруг нас происходящие изменения в растительном покрове «записываются» известным образом в покрове почвенном. Этот последний сам находится в состоянии непрерывного изменения, и современная почва какой-нибудь страны есть не что иное как один лишь момент процесса исторического развития. Мало того: если изменяется климат страны, если параллельно этому изменяется и характер почвообразования, то последние изменения не сразу проникают во всю толщу почв. На более или менее значительной глубине они скажутся лишь спустя много времени, дойдя туда с вековым опозданием. Как в здании, подвергавшемся с течением времени переделкам и перестройкам, фундамент может принадлежать одной эпохе, а стены (другой, так и почва может соответствовать современным географическим условиям, а

подпочва указывать на совершенно иные, исчезнувшие уже ныне, условия минувших геологических периодов.

Перенесемся в местности, лежащие на границе между лесной и степной полосой нашего Союза, и присмотримся там к разрезам почвенных и подпочвенных слоев. Лер и степь — две различные физико-географические области. Безлесье степей объясняется особыми свойствами степного климата и степных подпочв. Влага в степи слишком мало, и выпадает она главным образом летом, когда стоят сильные жары и происходит сильное испарение. Поэтому большая часть дождевой воды испаряется обратно в атмосферу, а оставшая часть быстро отводится развитой здесь сетью оврагов в реки. Влага поэтому не может глубоко проникнуть в почву. От этого происходит то, что степные почвы и подпочва изобилуют, растворимыми минеральными солями (углекислыми — углекислым кальцием и содой, сернокислыми — гипсом, хлористыми — хлористым натрием), — этими конечными продуктами разрушений; горных пород. Эти минеральные соли и являются злейшими врагами леса: сильно засоленных грунтов лес не выносит. Травам соли не мешают расти, так как корни трав распространяются в самом верхнем горизонте почвы, как-никак промытом дождями. Не мешают они на первых порах и древесным породам. Но как только корни деревьев слишком сильно углубятся в землю, соли начинают оказывать отравляющее действие на них, и лес гибнет. На поверхности земли остается лишь травянистая растительность. После отмирания своего она подвергается перегниванию, но полного перегнивания все-таки не происходит, — для этого в степях слишком мало влаги, да и сами минеральные соли почвы тормозят разложение растительных остатков. Эти последние накапливаются год от году, и так возникает чернозем. Типичной подпочвой для чернозема служит так называемый лёсс — мягкий рассыпчатый, сильно известковый суглинок светло-желтого цвета. Его обыкновенно рассматривают как продукт разрушения различных горных пород под влиянием сухих степных ветров. Но лёсс может образоваться по-видимому, и без непосредственного участия ветра: для этого достаточно лишь сухого климата. В сухом климате мелкие глинистые частицы, получающиеся при разрушении горных пород, никуда и ничем не могут быть удалены из почвы и постепенно в последней накапливаются. Вместе с тем накапливаются и растворимые минеральные соли. Всякая горная порода в таких условиях постепенно принимает лёссовидный характер («облёссывается»).

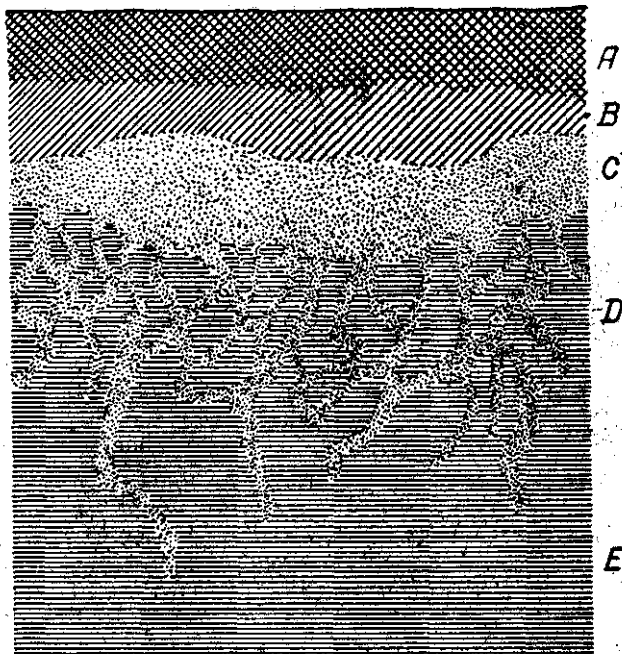

Рис. 14. Разрез черноземной почвы в области лесостепи
(объяснения в тексте)

В наших летописях сохранились указания на то, что в давно прошедшие времена степи заходили несколько дальше на север. Но и помимо свидетельств летописей мы можем убедиться, что доисторические степи имели более широкое распространение, чем теперь. Лес постепенно надвигается на степь, оттесняя ее к югу, и, если бы этому процессу не мешал человек с его вырубкой лесов, мы могли бы и непосредственно наблюдать эту борьбу леса со степью. Борьба эта протекает следующим образом. В то время как на открытой степи зимний снег тает очень быстро и талые воды немедленно покидают почву, в лесу снег тает медленно и постепенно, и неприметные струйки талой воды по всем углублениям и овражкам устремляются в соседнюю степь и исподволь совершают работу промывания почвы и выноса из нее минеральных солей. Промытая таким образом и освобожденная от солей почва становится удобной для поселения на ней леса. Лес длинными языками внедряется в область степи по оврагам и речным долинам, затем постепенно взбирается и на склоны возвышенностей, отрывает от степи и оцепляет со всех сторон отдельные куски степи и, наконец, погребает их под собою. Вместе с тем, однако, на площади, захваченной лесом, изменяется и самый почвенный покров: чернозем вырождается, или, как говорят, деградирует, черный цвет его переходит в серый, и так возникают «серые лесные почвы» Па-

параллельно этому усиливается вымывание из подпочвы мелких глинистых частиц, и подстилающие почву глубокие слои теряют свой лёссовидный характер. Почвообразование начинает идти по типу подзолистому.

Во многих местах переходной лесостепной полосы можно бывает наблюдать в почвенных разрезах следы надвигания лесов на доисторические степи. Приведем описание одного разреза из Михайловского уезда Рязанской губ., исследованного Богословским. Здесь можно видеть 5 горизонтов, постепенно сменяющих друг друга. Опишем их по порядку, постепенно углубляясь сверху вниз (рис. 14):

А. В самом верху лежит слой чернозема, несколько хуже деградированный под влиянием надвинувшегося леса (0,5 м).

В. Под ним находится слой красно-бурой глины с валунами, не заключающей в себе минеральных солей (0,3—0,5 м).

С. Еще ниже слой такой же глины, но буровато-желтого цвета, лёссовидной, с богатым содержанием углекислых солей и потому сильно вскипающей при обработке соляной кислотой (0,2—0,7 м).

Д. Валунная глина, сама по себе не вскипающая с соляной кислотой, но пронизанная густой сетью прожилок лёссовидных и вскипающих от кислоты благодаря присутствию углекислой извести (1—1,5 м). Книзу этот слой, теряя свои прожилки, постепенно переходит в слой

Е неизменной почвообразовательными процессами «коренной» породы — невскипающей красно-бурой глины с валунами.

Нетрудно видеть, что эта последняя глина и послужила тем материалом, из которого постепенно образовались все перечисленные почвенные горизонты. Но в разные времена почвообразование шло разными путями: сперва глина служила подпочвой для настоящей (доисторической) степи, и в это время в верхних частях своих она приняла характер лёсса и обогатилась углекислыми солями; лёссовидные частицы по трещинам проникли и глубже, и так возникли вскипающие с кислотой прожилки слоя Д; такой же характер несомненно имела и вся лежащая выше толща глины, а с поверхности ее прикрывал, конечно, настоящий степной чернозем. Затем на степь надвинулся лес. Он привел с собою иные условия почвообразования и вызвал деградацию чернозема (слой А). Влияние леса сказалось и глубже: увеличение влажности усилило вымывание углекислых солей, появление органических кислот приостановило их дальнейшее накопление; порода потеряла лёссовидный характер (Слой В). Памятником давно миновавших климатических условий остался слой С, этот уцелевший в земле фундамент доисторических степей.

Так в подпочвенных слоях можно прочесть историю данной местности ее растительности и климата.

Мы живем в эпоху надвигания леса на степь; эпоха расцвета степей лежит уже позади... Но, может быть, есть средство приподнять хоть немного и ту, завесу, которая скрывает от нас будущее? Чтобы ответить на этот вопрос, перейдем на северную границу леса, где тайга соприкасается с тундрой.

Тундру определяют обыкновенно как полярное болото, где за короткое полярное лето почва оттаивает лишь на незначительную глубину; ниже лежит вечная мерзлота. Но бывают и каменистые тундры, которые правильнее было бы определять как полярные пустыни. «Во всяком случае наиболее характерным признаком тундры является именно вечная мерзлота, лежащая настолько близко к земной поверхности, что развитие древесных пород здесь невозможно. Подобно степи, тундра безлесна.

Но подобно же степи тундра ведет непрерывную борьбу со своей соседкой — тайгой. Исследования показывают, что победителем в этой борьбе остается в настоящее время тундра. Союзником в борьбе тундры с лесом являются мхи. Как авангард тундры, расползаются мхи по тайге, образуют в ней мшистый покров на почве, взбираются высоко по стволам деревьев. Но у мхов есть две особенности: они, во-первых, очень гигроскопичны и удерживают в своих, тканях массу влаги; это рано или поздно ведет за собою заболачивание леса; во-вторых, мхи, ежегодно отмирая, образуют на почве плотный, как войлок, покров, весьма дурно проводящий тепло. Почва, под таким покровом перестает прогреваться солнечными лучами. Возникает устойчивая «вечная» мерзлота. Это обстоятельство губит лес: деревья засыхают, не будучи в состоянии пользоваться почвенной влагой, несмотря на то, что по пояс погружены в болото. С гибелью леса остается болото с вечно-мерзлой подпочвой. Это и есть тундра.

Всюду в наших тундрах можно видеть следы более значительного прежде распространения лесов к северу. Оттесняя перед собой степь к югу, лес на севере сам отступает перед тундрой.

Если этот процесс будет продолжаться неопределенно долгое время, северная граница лесов спустится так далеко на юг, что наступит новая ледниковая эпоха. Многие исследователи считают это вполне возможным. И если такова будущность земли, то приходится сказать, что современный геологический период есть не что иное как некоторый промежуток времени между двумя последовательными оледенениями. Быть может, мы живем в межледниковую эпоху.

Представление о межледниковых эпохах уже прочно утвердилось в науке. Земля не раз переживала их. Мы сейчас и перейдем к этому вопросу, тем более, что открыты были эти межледниковые эпохи тем же путем, каким мы только что установили широкое распространение доисторических степей — путем изучения свидетельств почв и подпочв.

Межледниковые эпохи.

Уже давно геологи, изучая ледниковые отложения, заметили, что отложения эти имеют сложное строение. Кроме типичной валунной глины в состав ледниковой толщи входят местами и пески, то слоистые, то неслоистые, с валунами или без них. С. Н. Никитин, обобщая свои наблюдения, высказал в 1884 г. мысль о так называемом трехчленном строении ледниковых отло-

жений, 3 самом полном случае «ледниковая толща позволяет различить в ней 3 этажа:

3 — верхний валунный песок, неслоистый, с валунами преимущественно из финляндских горных пород, постепенно и незаметно переходящий книзу в валунную глину;

2 — валунная глина, достигающая нескольких десятков метров мощности и, за исключением области речных долин, залегающая почти непрерывным покровом;

1 — нижний валунный песок, обыкновенно слоистый, незначительной мощности, резко-ограниченный от валунной глины, с многочисленными валунами из местных горных пород.

По мнению Никитина, второй этаж — валунная глина — является главным членом ледниковых отложений: это и есть поденная море», великого оледенения. Нижний валунный песок представляет собою материал, вымытый из ложа ледника и его подонной морены потоками талых вод, проложившими себе путь под толщей льда. Наконец, верхний валунный песок является отложением всего того материала, который в ледниковую эпоху был распределен в самой толще ледника и после стаивания его осадился на подонной морене.

Однако постепенно выяснилось, что указанные три этажа далеко не обнимают собою всего разнообразия ледниковых отложений,

Во многих местах в толще ледниковых отложений можно было найти не одну, а две, и даже более, морены, налегающих друг на друга и разделенных целыми системами промежуточных слоев. Отсюда неизбежен вывод; земля пережила не одно, а несколько оледенений, и мы можем говорить о нескольких ледниковых эпохах и о нескольких же промежуточных эпохах «межледниковых».

Впервые к такому заключению пришли геологи-, изучавшие следы прежнего распространения ледников на склонах Альп. Они увидели в альпийских предгорьях несколько рядов конечных морен, располагавшихся на различных расстояниях от горных цепей. По степени их сохранения, по минеральному составу их толщ было видно, что ряды этих морен относятся к разному времени. Кроме того, в долинах рек, сбегаящих с Альп, были замечены террасы, образованные из прежних речных наносов. Изучая строение и расположение этих террас, пришли к заключению, что долины периодически становились то ложами ледников, которые, сползая по ним с гор, загромождали их ледниковыми наносами, то руслами рек, выбегавших из-под отступивших ледников. Реки размывали свое ложе и углублялись в ледниковые

наносы, которые и уцелели по берегам нынешних рек в виде террас. Все это вместе взятое свидетельствует о чередовании эпох наступания и отступления льдов. Такие же колебания испытывал не раз и скандинаво-финляндский великий лед.

Лихвийское озеро. Красноречивые памятники временного отступления льдов и водворений в Европе межледниковых теплых условий можно найти -

и у нас. Так, проф. Боголюбов исследовал разрез слоев на берегу реки Оки около г. Лихвина Калужской, губ. Приведём последовательность слоев, этого разреза и рассмотрим те условия, при которых они могли образоваться. Берег реки состоит из следующей породы (рис, 16):

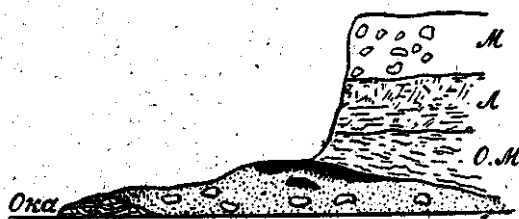

Рис. 16. Разрез лихвинских слоев: М — морена, Л — лёсс, О.М. — озерный мергель; под ним валунные пески.

8 — суглинок, переходящий сверху в почву;

7 — ледниковая глина с валунами (до 10 м толщиной);

6 — слой лёсса толщиной около 8 м;

5 — серый мергель, сверху совершенно постепенно переходящий в лёсс, неслоистый, но снизу приобретающий слоистость (ок. 4 м толщиной);

4 — тонко слоистый листоватый мергель с многочисленными остатками листьев растений (1 м);

3 — серая глина, в верхней части своей с остатками древесной растительности (ок. 3 м);

2 — пески с ледниковыми валунами (2—3 м);

1 — коренная древняя горная порода (известняк).

Слой 7 представляет собою поденную морену, но моренное происхождение надо приписать и слою 2: этот песок с валунами отложен несомненно потоками талой воды, выбегавшими из-под льдов, находившихся где-то к северу от описываемой местности. Это и есть памятник более древнего (чем слой 7) оледенения. Слои 3—6 относятся к межледниковой эпохе.

Слои 2-6 образуют изгиб книзу, как бы выполняя собою впадину в самом нижнем слое известняка (1). Это заставляет предположить, что в межледниковую эпоху в этой впадине образовалось небольшое озеро, история которого и записана всей серией слоев 3—6. Слой серой глины (3) с примесью извести (мергель), песчанистый внизу, является типичным озерным осадком: только в озерах могут накапливаться такие тонкие мелкоземлистые материалы, а речные осадки всегда бывают много грубее. В них находятся раковины пресноводных моллюсков. В верхнем отделе этого озерного мергеля найдены остатки многочисленных растений: водных — осоки, камыша, рдестов и водяного- ореха, и наземных — ольхи; дуба, лещины, ели, пихты, бука, граба и тисса. Слой 4, раскалывающийся на тончайшие пластинки, вес

пере полнен листьями растений, среди которых можно найти, кроме ольхи, лиственницы и рдестов, еще сосну, ель, ясень, мушмулу, крушину, бузину, малину, калину, щавель и папоротник. Здесь же много остатков рыб (из сем. сиговых и карповых), а также обнаружен скелет выдры и кости крупных млекопитающих (дикого быка). Слой 5 представляет собою тоже озерный осадок, но постепенно кверху он переходит в неслоистый лёсс, в котором были найдены остатки носорога и мамонта.

История Лихвинского озёра такова: образовавшись во впадине над слоем ниже-валунных отложений (2), оно обросло по берегам своим густым лесом. Присутствие в этом лесу бука, тисса и граба говорит в пользу гораздо более теплого климата, чем нынешний климат Калужский губ. Но постепенно климат приближался к современному: растительность слоя 4 уже менее отличается от современной. Листоватый мергель указывает на заполнение озера массой листьев, которые сносились сюда ветром, тогда как минеральных частиц в озеро попадало очень мало, Богатая фауна (моллюски, рыбы и млекопитающие) населяла это озеро» Боголюбов подсчитал число слоев в листоватом мергеле и, принимая, что слои эти есть запись осеннего листопада, пришел к выводу, что на образование 1 м мергеля потребовалось 2000 лет. Все же озеро существовало около 10000 лет. Прекращение образования листоватого мергеля говорит о дальнейшем исчезновении лесов в окрестностях озера. Климат стал, невидимому, более сухим, озеро мелело, время от времени высыхало совсем, Исчезли рыбы, а затем и моллюски. К незащищённому уже лесом озеру получил свободный доступ ветер. Он начал свою работу развеивания, и так постепенно на месте озера образовалась толща лёсса, пока снова не надвинулись льды и не началась новая ледниковая эпоха. Таким образом, по мнению Боголюбова, межледниковые слои Калужской губ. свидетельствуют о двух стадиях межледниковой эпохи: а) озерно-лесной (слои 3—5) и б) степной (слой 6), Климат первой стадии был теплый и влажный, климат второй — сухой.

Межледниковые лессовые толщи найдены во многих местах. Но, кроме лёсса или озерных осадков, в состав межледниковых отложений могут входить и иные горные породы, — например слои торфа, речные наносы и др. Все это показывает, что события, которые имели место на земле в межледниковые эпохи, были очень разнообразны и между двумя оледенениями любой пункт земной поверхности мог быть занят последовательно различными формациями — и лесом, и тундрой, и степью, — мог дать место ложу озера или реки. И между этими формациями шла и тогда такая же борьба, которая сейчас происходит, например, между тундрой и лесом или лесом и степью.

Большинство геологов допускает, что Европа пережила 4 ледниковых эпохи и соответствующее число межледниковых. Последняя межледниковая и есть эпоха современная. Из последовательных оледенений, надвигавшихся на Европу, самыми значительными были 2-е и 3-е. Последнее же охватывало только прибалтийский район. Первое оледенение получило название гюцковского, второе. — миндельского, третье — рисского и четвертое — вюрмского. Из

этих названий составляются и названия для межледниковых эпох, — например, вторая или миндель-рисская и т. п.

Как наиболее сильным оледенениям (2-у и 3-у) предшествовало более слабое 1-е, так и после максимального оледенения льды еще несколько раз переходили в наступление, и на Европу надвигались постепенно затухавшие волны холода. После 4-го вюрмского оледенения, сменившегося временным отступлением льдов, которое получило в геологии название ахейского колебания, льды наступали еще 3 раза. Это были бюльское, гжницкое и даунское наступления. Только после -всего этого природа Европы стала такой, какой мы застаем ее в наше время.

Современная эпоха — прямое продолжение эпохи ледниковой. Земля еще не изжила великого оледенения. На ней до сих пор царствует тот порядок вещей, который сложился в ледниковую эпоху. Для многих местностей (как, например, для Гренландии или Антарктиды) последняя еще продолжается « полной мере. Европа, правда, освободилась от ледяного покрова, «о, быть может, она переживает сейчас нечто вроде геологической «оттепели». Теплое течение Гольфштрома, проложившее себе путь к берегам Европы, заставило льды временно отступить. Они поднялись на вершины гор, на фьельды Норвегии, притаились в горных ущельях. Их главная база теперь — Гренландия, и оттуда они продолжают держать Европу в осаде. По крайней мере метеорологи хорошо знают, что стоит только несколько нарушиться обычной для Европы системе атмосферных явлений, стоит в силу этого ослабеть или несколько отклониться в сторону Гольфштрому, как тотчас же плавающие льды с Гренландии начинают продвигаться к югу дальше, чем обыкновенно. Именно всеми подобными явлениями отличался 1900 г., когда небывалые холода постигли Скандинавию. Между тем, как это удалось уже установить, с колебаниями Гольфштрома тесно связаны и урожайность хлебов, и рост древесных пород, и даже улов трески у берегов Европы. Все явления в природе взаимно обусловлены.

Органический мир в ледниковую эпоху.

Исследования Боголюбова в Лихвине устанавливают смену в межледниковые эпохи озерно-лесной стадии стадией степной. Другие ученые, предполагают более сложную и несколько иную смену стадий. Так, немецкий ученый Неринг считает, что после каждого оледенения страна представляла собою сперва полярные болота—тундру, следовавшую непосредственно за отступающим ледником, затем степь; далее степь зарастала лесом, и эта лесная стадия существовала до тех пор, пока новая продвижка льда не приводила к замене леса снова тундрой. После этого страна погребалась вновь под слоем льда.

Впервые Неринг пришел к подобным взглядам, изучая остатки животных в толще послеледниковых отложений. Так, в Брауншвейге он нашел в отложениях лёсса многочисленные остатки животных и заметил при этом,

что в нижних этажах лёсса залегают преимущественно? скелеты обитателей тундры (леммингов, песцов, северных оленей), а в верхних — обитателей степей — сусликов, тушканчиков, лошадей. Эта смена фаун была перенесена им и на межледниковые эпохи.

Животный мир ледниковой эпохи был богат и разнообразен. Конечно, говоря это, мы имеем в виду не самые пространства, занятые льдом, но области оставшиеся свободными от льда. Особенно разнообразный животный мир населял Европу в межледниковые эпохи, тем более, что Европа в те времена представляла собою очень пеструю картину лесных, степных, болотных и даже пустынных областей, и в каждой из этих областей обитали свои типы животных. Быть может, еще богаче было животное население Европы доледниковой с ее тропическим климатом, но мы меньше знаем его, так как остатки животных, погребенные в почве, были в значительной степени уничтожены надвигавшимися льдами и их моренами. Эта тропическая фауна во всяком случае сильно обеднела еще задолго до ледникового периода: одни формы вымерли, другие при первых предвестниках понижения температуры удались на юг. Но не подлежит никакому сомнению, что в тропическом климате доледниковой Европы условия жизни были более однообразны и Местные различия в природе отдельных областей сказывались не особенно резко. Ледниковые и межледниковые эпохи во всяком случае внесли много разнообразия в органическую природу.

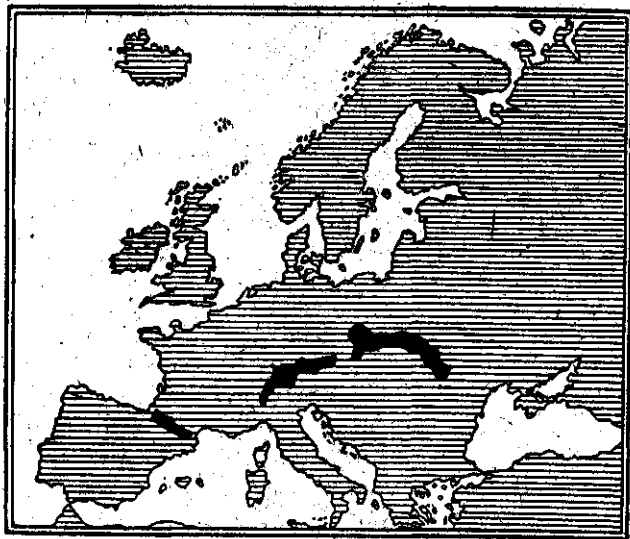

Рис. 17. Современное распространение альпийского сурка.

В нижеследующей таблице приведены главнейшие животные ледниковых и межледниковых эпох. Судьба их была весьма различна. В то время как одни из них вымерли еще в течение самой ледниковой эпохи, другие пережи-

ли ее благополучно, но вымерли затем во время после-, ледниковое; наконец, третьи сохранились до нашего времени и составляют теперь фауну Европы. Наряду с этим некоторые животные покинули Европу и переселились — одни вслед за отступающими льдами на север, другие — на высокие горы (рис. 17). Первые превратились в типичную фауну тундры, другие дали фауну высокогорную («альпийскую»). Вместе с тем некоторые животные выселились на юг в более теплые страны (рис. 18), а некоторые, за сокращением в Европе степей, отодвинулись на юго-восток в область более подходящих к ним прикаспийских и средне-азиатских степей и пустынь. Все эти группы животных и обозначены на таблице.

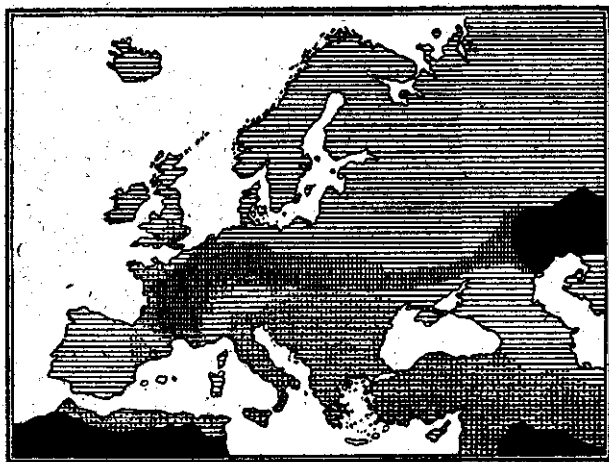
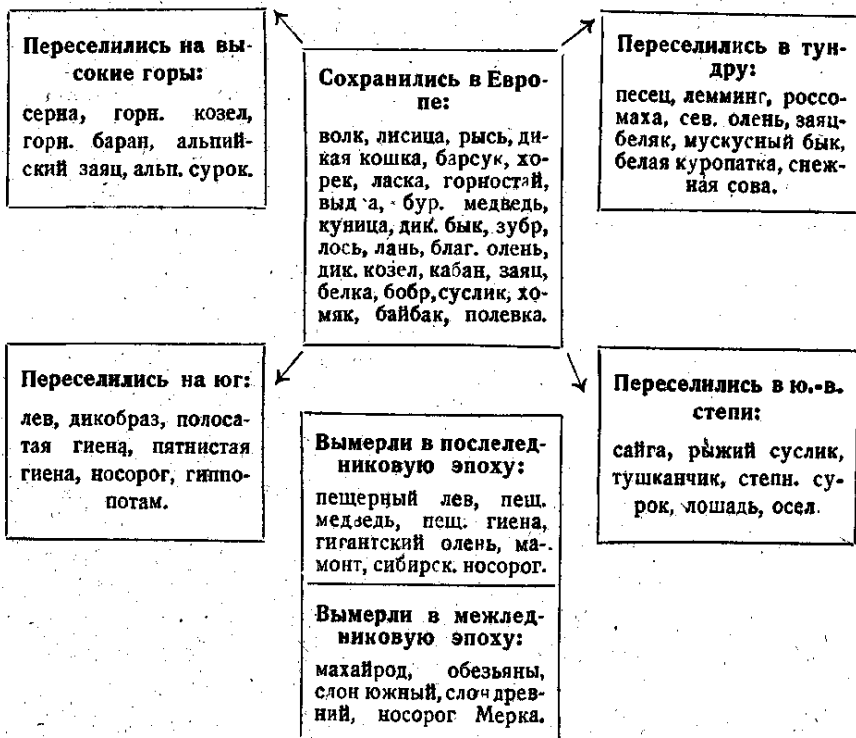

Рис. 18. Современное (черная краска) и прежнее распространение сайги (вертикальная штриховка) и льва (точки).

Современный животный мир Европы по сравнению с ледниковым есть мир обедневший, лишенный многих крупных форм. Ископаемые ледниковые формы Европы во многих случаях являются связующими звеньями между формами других материков (напр. Африки и Ю. Азии).

Происхождение тундры. Кроме указанных в таблице крупных перемещений животных за пределы Европы, в течение всех ледниковых и межледниковых эпох происходили частичные передвижения и изменения фаун в зависимости от смены ландшафтов. Мы уже упоминали о взглядах Неринга и Боголюбова на эволюцию физико-географических условий и растительного покрова в межледниковые эпохи. Гораздо интереснее и сложнее вопрос о «происхождении тундры. Проф. Мензбир совершенно справедливо указал, что Неринг, допуская при каждом новом наступлении льдов продвижение с ними и тундры, как авангарда оледенения, тем самым признает, что тундра, как определенная физико-географическая среда, уже существовала где-то на земле и до ледникового периода. Но где же могла быть тундра и когда она сформировалась, если в доледниковые времена, как мы знаем, климат на земле был тропический и весьма однообразный? Даже на далеком севере, в закопанной ныне льдами Гренландии, напр., мы находим остатки вечно-зеленых растений. В таких условиях тундре на земле места не было, а потому остается предположить, что тундра сама является на земле новообразованием в геологическом смысле.

Мы можем указать на высокие горы, как на области зарождения тундры с соответствующей ей флорой и фауной. Горные цепи раньше, чем равнины, подпали под влияние непрерывно понижавшейся температуры на земле. На равнинах мог еще долго царить теплый климат и развиваться тропическая жизнь, а уже на горах, в соседстве с нараставшими снегами и удлинявшимися ледниками, организмы должны были вырабатывать в себе черты приспособления к полярным условиям. Постепенно эти формы и спустились с гор.

Но горы не единственная колыбель растений и животных тундры. Еще Миддендорф, изучавший Сибирь в середине XIX века, обратил внимание на удивительное сходство таких характерных для тундры животных, как грызуны, с грызунами степей и пустынь Средней Азии: лемминги, суслики и байбаки тундры являются несомненно ближайшими родственниками степных грызунов. Это обстоятельство снова заставляет нас обратиться к Сибири и выяснить ее роль в создании тундры.

Не надо забывать, что для различных мест ледниковая эпоха окончилась и перешла в эпоху современную в различные моменты: для одних последним оледенением было второе, для других — четвертое. В этом отношении Вост. Сибирь, никогда и не переживавшая полного оледенения, вступила в современную, в геологическом смысле, эпоху уже тотчас после 2-го (наибольшего) оледенения. Климат был здесь, конечно, суров, почва вечно-мерзлой; в зависимости от местных условий, страна была покрыта или болотами, или лесами, или лугами. Во всяком случае для органической жизни это была вполне подходящая среда. К югу же от Сибири простирались громадные степи Средней Азии, игравшие в ледниковую эпоху роль «убежища жизни». Здесь была масса животных — грызунов, копытных и хищных. Отсюда-то и могли грызуны распространиться в Сибирь. Здесь Они изменились и приспособились к условиям вечно мерзлой почвы, здесь сложилась фауна тундры. Затем уже по окраине великого «льда эти животные постепенно двинулись на запад, дошли до Франции и Испании. Таким образом тундра сложилась из элементов высокогорных и восточно-сибирских, и произошло это прежде всего именно на востоке Старого Света.

В сухие межледниковые эпохи та же Средняя Азия со своими степями и пустынями высылала в Европу потоки своих переселенцев, двигавшихся по лёссовым пространствам Средней Европы. Путь этот лежал от Каспийского моря вдоль долины Дуная или в обход Карпат в Германию, Бельгию и Францию. Тем же путем степные животные впоследствии стали возвращаться в Среднюю Азию, когда в Европе степи отступили перед надвигавшимися на них лесами.

Наконец, третьей дорогой в Европу, по которой могли двигаться животные в теплые межледниковые эпохи или отступать в холодные ледниковые,

служила Малая Азия, соединявшаяся в то время еще с Южной Европой сушей на месте нынешнего Эгейского моря¹.

Люди ледниковой эпохи.

Человек был современником ледниковой эпохи, и все события этого времени сильно отражались на его судьбе. Правда, Европа не является родиной человечества. Человек появился (быть может, еще до ледниковой эпохи) где-нибудь в Азии, — по всей вероятности на берегах Индийского океана, I в Самой Индии, например², или в области Зондского архипелага, там, где в 1891 г. была найдена наиболее низко организованная человекоподобная форма — питекантроп. Но дальнейшую эволюцию свою человек пережил во всяком случае в более северных широтах, в непосредственной близости к великому льду. Холод и невзгоды ледниковой эпохи дали толчок к дальнейшему развитию типа человека. В борьбе с холодом он открыл употребление огня, изобрел одежду. Свои первые жилища — пещеры — он принужден был завоевывать у первых обладателей ими — пещерных медведей, гиен и львов. Непрерывная борьба с животными сопровождалась и непрерывным развитием техники: совершенствование оружия и орудий заменило для человека совершенствование органов тела. Весьма вероятно, что если бы ледникового периода вовсе и не было, человек и не поднялся бы так высоко в своем развитии.

Рис. 19. Гейдельбергская челюсть.

В ледниковых и межледниковых слоях найдены древнейшие остатки человека в Европе. Ко 2-й межледниковой эпохе относится так называемый гейдельбергский человек. Правда, была найдена всего лишь одна нижняя че-

¹ В области Средиземного моря были еще «мосты суши» между Европой и Африкой, исчезнувшие теперь: один на месте нынешнего Гибралтарского пролива и другой — между Италией, Сицилией и Тунисом.

² Палеонтологические исследования доказали, что незадолго до ледниковой эпохи в Индии имело место необыкновенное развитие весьма разнообразных приматов.

люсть (рис. 19), но, по выражению одного ученого, ни один орган не может так много рассказать о своем обладателе, как челюсть. Она отличается массивностью, приближаясь в этом отношении к челюсти обезьяны, но мелкие зубы несомненно человеческого типа. Отсутствие выступающего вперед подбородка свидетельствует о том, что гейдельбергский человек еще не обладал способностью членораздельной речи. Связать, однако, гейдельбергского человека с другими представителями ледникового человечества нельзя, Он стоит совершенно особняком¹.

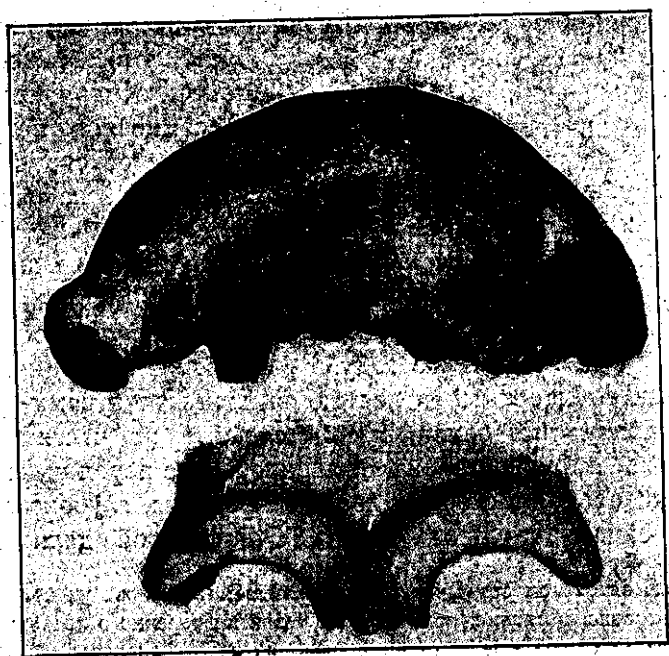

Рис. 20. Неандертальский череп.

В 1856 г. в Германии, в местечке Неандерталь, около Дюссельдорфа, были найдены остатки человеческого черепа, отличавшегося однако, целым рядом животных «обезьяньих» черт. Лоб был сильно покат назад, лобные доли мозга развиты слабо. Сильно были выражены глазные валики или надбровные дуги (рис. 20). Интересно, что ученый мир отнесся к этой находке далеко не с тем вниманием, какого она заслуживала. Знаменитый ученый проф. Вирхов посмотрел на особенности неандертальского черепа как на

¹ Так же особняком стоит череп так называемого пильдаунского человека, найденный недавно в Англии: при высоком развитии черепного свода он снабжен челюстью, очень близкой к челюсти шимпанзе; так как череп и челюсть были найдены отдельно, то явилось сомнение в их принадлежности одному организму.

следствие ревматизма его обладателя, а другой критик договорился до того, что приписал череп русскому-казаку, погибшему во время похода 1814 г. Но когда подобные находки участились, стало уже ясно, что ни ревматизмами ни русскими казаками дела не объяснить. В 1886 г. подобный череп, нд уже с нижнею челюстью, был найден в Бельгии, причем были обнаружены следы несомненного погребения. Вместе со скелетом были найдены грубые каменные орудия. В начале XX века у Крапины (Юго-Славия) было найдено целое скопление таких же скелетов, причем некоторые черепа обладали прекрасно сохранившимися лицевыми клетями (рис. 21). В 1908 г. в Ла-Мустье (Франция) был найден скелет юноши, погребенный на старательно обделанных каменных плитах. В том же году в Ла-Шапель-скСен нашли скелет старика со стертыми и частью выпавшими зубами (рис. 22). Все эти находки позволили как бы сложить по частям череп и скелет первобытного человека. Выяснилось, что перед нами остатки совершенно особой вымершей ледниковой расы, глубоко отличной от современного человека (рис. 23). Расе этой дали название неандертальской. Она широко была распространена в Европе. Судя по пластам земли, в которых найдены остатки, и по скелетам животных, бывших вместе с ними (мамонт, волосатый носорог, пещерный медведь и северный олень), неандерталец жил в 3-ю ледниковую эпоху (рисс-юрмскую).

Рис. 21. Череп из Крапины.

Археологические исследования обнаруживают, однако, что еще раньше, после 2-го оледенения в Европе существовала иная человеческая раса, более высоко организованная, чем раса неандертальская. В сущности это были уже люди в современном значении этого слова — *Homo sapiens*. Их черепа были уже настолько близки к современным европейским, что, когда в 1888 г. в первый раз в английском городке у устья Темзы Галлей-Хилл был найден подобный череп, ученые сперва не усмотрели в нем ничего особенного. Правда, надбровные дуги были выражены еще довольно сильно, а подборо-

док, наоборот, слабо, но лоб был высок, не отклонялся назад, и объем черепа не уступал европейскому. Кости скелета указывали на такое сильное развитие грудной клетки и ключиц, что можно было предполагать в обладателе подобного, скелета сильного охотника, привыкшего метать копье. С начала 90-х годов в разных местах Европы было сделано много подобных находок. Так как скелеты часто были находимы в слоях

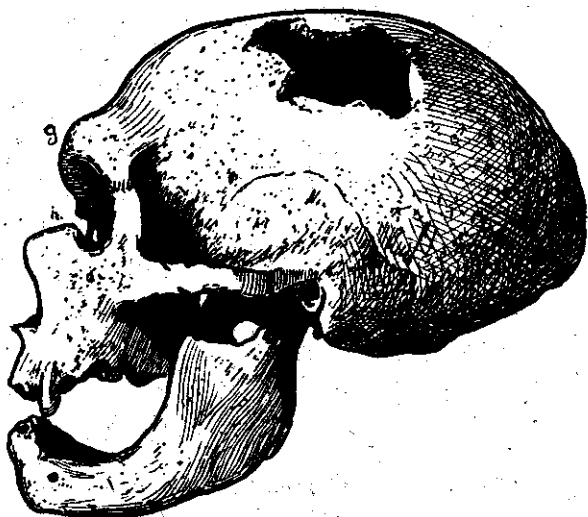

Рис. 22. Череп из Ля-Мустье.

Рис. 23. Неандерталец.

межледникового лёсса, и так как, судя по остаткам животных, ископаемые люди эти ч охотились за мамонтами, северными оленями и дикими лошадьми, то обнаруженную расу назвали «лёссовой расой охотников». Поразительно развитие культуры у этой расы: тщательно устроенные могильники дали много хорошо приготовленных орудий и украшений.

Остановимся теперь на этих двух ледниковых расах и постараемся выяснить пути их расселения по Европе, их взаимные отношения и, Наконец, ту роль, которую они сыграли в деле образования современного населения нашего материка.

Произошли ли неандертальская и галлей-хиллская раса из одного корня или из двух различных, где именно прародина неандертадьцев, и каким путем пришли они в Европу — все эти вопросы являются до сих пор еще спорными¹.

Менее возбуждает сомнений, азиатское происхождение галлей-хиллцев. Эта раса раньше неандертальцев пришла в Европу и распространилась до Англии. Путь расселения ее лежал, невидимому, вдоль берегов Средиземного моря, так как средняя и северная Европа в это время отличалась слишком суровым для человека климатом. Вскоре, однако, обе ледниковых расы вступили между собой в ожесточенную борьбу, и физически сильный неандертадец был побежден более развитым умственно галлей-хиллцем Неандертальская раса вымерла без остатка. Поэтому ее и нельзя ставить ни в какую родственную связь с позднейшим населением Европы.

Победители — галлей-хиллцы не долго оставались одни, Очень скоро в Европе появилась новая раса, мало отличавшаяся по физическим признакам от галлей-хиллцев: кроманьонская. По мнению одних ученых, кроманьонцы произошли путем смешения галлей-хиллцев с неандертальцами, по мнению других, они имеют самостоятельное происхождение. Родину их ищут либо в Азии, либо с Сев. Африке. Кроманьонцы были охотниками за северными оленями, обладали высоко развитой техникой и поразительными способностями к изобразительному искусству. Как жители тундры, они, как можно предполагать, ушли вслед за северными оленями из Средней Европы на север, когда в конце ледниковой эпохи леса повсеместно оттеснили тундру.

Галлей-хиллцы и кроманьонцы Просуществовали в Европе до конца 4-й (вюрмской) ледниковой эпохи. Но мы выйдем за пределы этой эпохи, чтобы проследить дальнейшие судьбы человечества.

Неандертальцы, галлей-хиллцы и кроманьонцы принадлежали к так называемому длинноголовому типу людей².

¹ Клаац предполагал, что неандертальцы есть человеческая, ветвь, вышедшая из одного корня с гориллой, и родину их помещал в Африке, тогда как галлей-хиллскую расу он сближал с orangom.

² Различают 2 основных типа черепов — длинноголовый и короткоголовый: если диаметр черепа, идущий сзади наперед (от затылка ко лбу), принять за 100, то поперечный диаметр даст так называемый указатель ширины (индекс). У длинноголового черепа он колеблется около 70, у короткоголового около 80.

Отныне в Европе начинается прилив новых короткоголовых рас. Им приписывают азиатское происхождение, так как материк Азии представляет собою настоящее царство короткоголовых.

В разное время и разными путями, то медленно просачиваясь в среду европейских длинноголовых, то катясь из глубины Азии целыми лавинами, вторгались в Европу потоки короткоголовых, принося с собою новую культуру неолита. Северный путь их лежал с Алтая, и из-за Урала через русскую равнину и до Скандинавии, по той полосе доисторических степей, которая после 4-го оледенения пролегла поперек Европы от Каспийского моря до Бельгии и Франции и по которой двигались из Азии и степные животные. Другой путь короткоголовых шел вдоль горных стран, Западной Азии и Южной Европы, через Иран, Малую Азию, Балканский полуостров. Особенно значительные массы короткоголовых вторглись этим путем в Европу в эпоху бронзы, принося с собою с Востока технику металлургии. В конечном счете этот поток горных короткоголовых осел по альпийской системе гор и ее отрогам, и до сих пор их физические признаки сказываются в населении Оверни, Сёвенн, Швейцарии, Вогезов, Баварии, Албании и Румынии. Так сложилась одна из рас современной Европы — альпийская (*Homo alpinus*), короткоголовая, средне- или низкорослая, коренастая, смуглая, широколицая, темно-волосая и темноглазая.

Дальнейший ход событий можно представлять себе двояко: возможно, во-первых, что вторжения короткоголовых разделили более древнее длинноголовое население Европы на 2 ветви; северная ветвь, отброшенная к берегам Немецкого или Балтийского морей дала начало северной европейской расе (*Homo euroraeus*) — длинноголовой, высокорослой, узколицей, светловолосой, которая в наиболее чистом виде встречается в Англии, Скандинавии, С. Германии и Голландии; южная же ветвь, оттиснутая к берегам Средиземного моря, дала так называемую средиземную расу (*Homo mediterraneus*) — длинноголовую, но низкорослую и смуглую; к этой расе относится также население Сев. Африки и древней Греции (до прихода с севера самих греков), Но возможно, во-вторых, что средиземная раса, подобно галлей-хиллской, тоже пришла в Европу с востока, самостоятельно от галлей-хиллцев, двигаясь по обоим берегам Средиземного моря и по пути подвергаясь смешению с другими расами Африки и Западной Азии.

Наконец, возвращаясь к «северной европейской расе» (*Homo euroraeus*), необходимо отметить, что не все в этой длинноголовой и узколицей расе видят потомков длинноголовых, но широколицых кроманьонцев. Вряд ли родиной этой расы могла быть северная Европа, еще долго после вюрмского оледенения страдавшая от слишком сурового климата. Более вероятно, что эта северная раса сложилась из галлей-хиллцев, обитавших южнее на русской равнине. Последнее предположение получило недавно подтверждение в на-

ходках человеческих остатков галлей-хиллского типа на берегах Волги, описанных проф. Павловым¹.

Как, бы то ни было, на древнейший слой галлей-хиллцев и кроманьонцев лег после 4-го оледенения слой азиатских короткоголовых, и путем смешения и перемещения этих человеческих масс создались те три основные расы европейцев, которые, наконец, и вступили в историю.

История Балтийского моря.

В то время, как средняя Европа переживала ряд оледенений и межледниковых эпох, на крайнем севере ее, в Скандинавии и на берегах Балтийского моря, физико-географические условия в сущности не изменялись: здесь неизменно лежал мощный покров льда, и царил полярный климат. Только после 4-го, вюрмского, оледенения история этого края приобретает интерес. Эпохи последних надвиганий льда — бюльского, гжницкого и даунского, — незначительные сами по себе, имели громадное влияние на судьбу Балтийского моря. Земная кора здесь испытывала ряд вековых поднятий и опусканий, и в связи с последними Балтийское море изменяло не раз свои очертания и величину. Оно то сокращалось в своих размерах, то расширялось, соединялось с океаном или теряло с ним связь. Во время сокращения площади моря (регрессии) на берегах его образовывались торфяники, которые затем в период расширения моря (трансгрессии) затоплялись последним и покрывались слоями морских осадков.

Геологам удалось установить следующие этапы в судьбах Балтийского моря.

Тотчас после 4-го оледенения Балтийское море было много больше современного: широким проливом соединялось оно в области нынешнего Белого моря с Полярным морем, а другой пролив, шедший поперек южной Швеции, соединял его с Атлантическим океаном; Скандинавия и Финляндия были отделены от остальной Европы, значительно уменьшены в своих размерах и представляли собою остров (рис. 24). По имени одного моллюска, водившегося в этом море, — йольдии — море это получило название «Йольдиевого». Ныне раковины этого моллюска находятся иногда на высоте 60 м над современным уровнем Балтийского моря. Йольдия и сейчас живет в морях, но встретить ее можно только в Полярном море у берегов Сибири. Это показывает, что климат эпохи Йольдиевого моря был суровый, полярный. На берегах Йольдиевого моря расстилалась, несомненно тундра, как о том свидетельствуют остатки карликовой березы и полярной ивы. Не подлежит сомнению, что значительная часть Скандинавии была покрыта льдом, так как и сейчас еще на наиболее высоких плоских массивах Скандинавских гор, или фьельдах, лежит покров вечного льда.

¹) А. П. Павлов, Ископаемый человек эпохи мамонта и ископаемые люди 3. Европы, 1925.

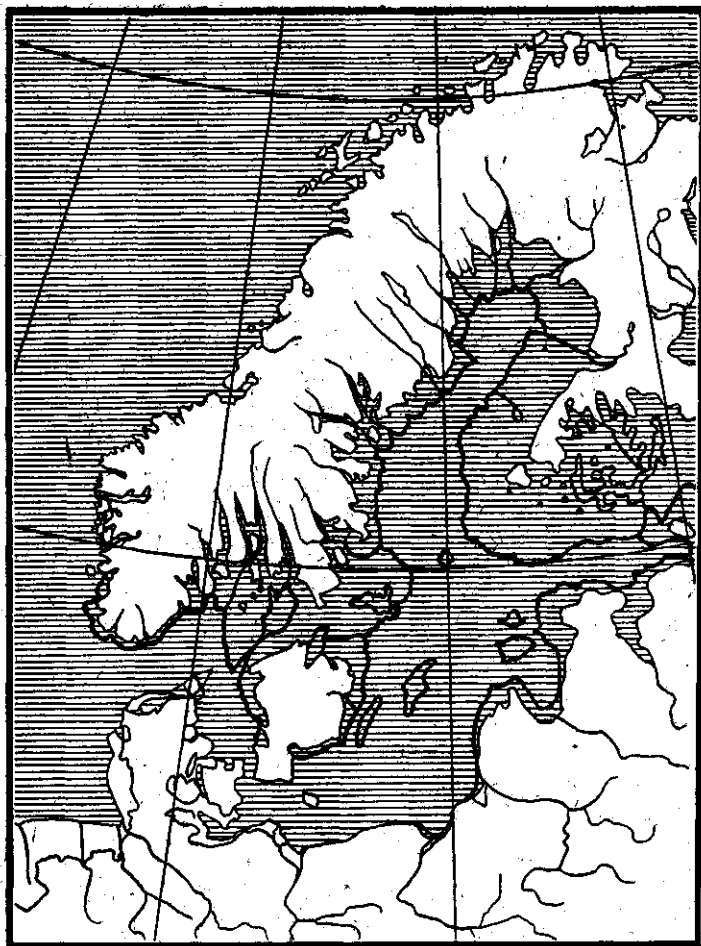

Рис. 24. Йольдиевое море.

Постепенно карта Балтийского моря изменилась. Поднятие земной коры уничтожило оба пролива и превратило море в замкнутый бассейн, площадь которого была все-таки больше площади нынешнего Балтийского моря. Многочисленные реки опреснили воды этого бассейна, и морская фауна сменилась пресноводно. По имени одного пресноводного моллюска-анциллу — бассейн получил название «Анциллового» озера (рис.25). Климат делается теплее, и тундра сменяется лесом. Эту смену отражают в себе торфяники: в более нижних слоях торфа мы находим березу и осину, затем их сменяет сосна, и берега Анциллового озера зарастают сосновыми лесами с подлеском из березы, осины, орешника, вяза и ивы. Вместе с тем появляется и животный мир, свойственный лесной полосе умеренного пояса. Особенно характерным

спутником сосны является тетерев-глухарь. В чаще леса обитали, кроме того, первобытные быки, олени, лоси, кабаны, бурые медведи, рыси, дикие кошки, зайцы, белки, бобры, куницы и барсуки.

Рис. 25. Анциловое озеро.

К этому времени относится первое появление в прибалтийской области человека. В 1900 г. на острове Зеландии. было найдено древнее становище людей каменного века — Маглемозе. Человек жил здесь на берегу озера, среди сосновых лесов; впоследствии . озеро заросло и превратилось в торфяник. Были найдены кремневые орудия, наконечники стрел, топоры для рубки леса, роговые гарпуны. Глиняной посуды человек еще не знал, не заметно еще и

следов земледелия. Люди Маглемозе занимались, по-видимому, охотой и рыболовством. Весь быт производит впечатление очень бедного и скудного. Невольно хочется поставить в связь это слабое развитие культуры с тем разрастанием тайги, свидетелем которого были берега Анциллового озера.

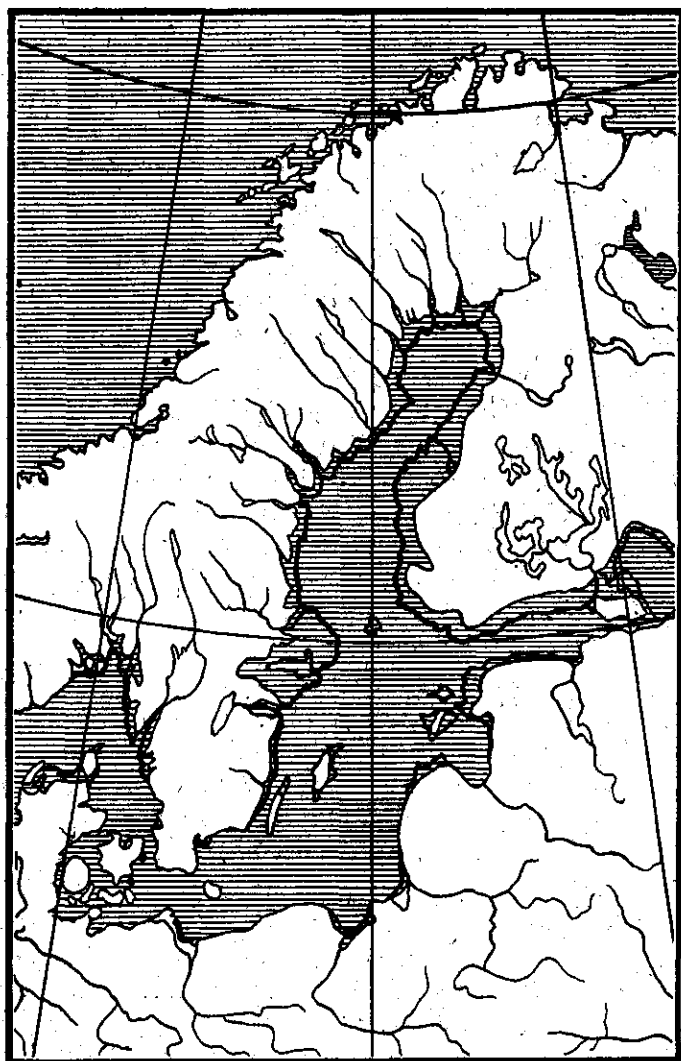

Рис. 26. Литориновое море.

Но геологические события продолжают идти своим ходом. Снова земная кора начинает понижаться, и снова образуется морской пролив, соединяю-

ший наше море с морем Немецким. По имени моллюска — литорины — новое море получило название «Литоринового» (рис. 26). Вода Литоринового моря была и теплее и солонее, чем вода нынешнего Балтийского: вероятно, теплое течение Гольфштрома свободнее проникало сюда из океана; поэтому в Литориновом море могли появиться устрицы. Климат был морской и влажный с умеренными зимой и летом, и Литориновое море, благодаря значительной солёности, едва ли замерзало. Льды на Скандинавских горах еще более уменьшились. Эти изменения климата не замедлили сказаться и на растительности: сосна сменилась дубом и его спутниками — кленом, липой, ясенем и плющом. Изменился и животный мир. Исчез глухарь, стали редки лоси, быки, медведи, рыси и бобры; много чаще этих животных встречаются кабаны и олени. Из птиц можно отметить уток, гусей и лебедей-кликунов, а в самом море, кроме рыб (сельди, трески и угря), водились еще и тюлени. «

К эпохе Литоринового моря относятся другие стоянки доисторического человека в Дании. Это так называемые «кухонные остатки», выделенные археологами в особую доисторическую эпоху, отмечающие определенную ступень истории культуры. Это, в сущности, не что иное как длинные кучи всякого мусора — сора, пепла, раковин и рыбных костей; но остатки в них кремневых орудий превращают их в наших глазах в следы, человеческих стоянок. Особенно часто в них встречаются раковины устрицы, между тем как теперь устрица в Балтийском море не обитает. Кучи эти находятся так далеко от нынешнего морского берега, что это определенно говорит в пользу более обширной, чем теперь, поверхности моря. Весь быт описываемой эпохи до некоторой степени напоминает быт современных обитателей берегов Огненной земли, которые тоже кормятся главным образом тем, что оставляет море на своих отмелях во время отлива. При всей бедности культуры, при отсутствии прочных жилищ, которые могли бы сохраниться, при незнакомстве с земледелием, при неумении, наконец, шлифовать еще камень, люди эти обладали, однако, начатками мореплавания и употребляли, вероятно, челноки; им был знаком целый арсенал рыболовных принадлежностей. Но самое главное, что у них появилась уже примитивная глиняная посуда, а это указывает на оседлый образ жизни. Более ранние люди были главным образом бродячими охотниками, а при бродячем образе жизни глиняная посуда представляет собою только слишком громоздкий и хрупкий багаж. Археологи рисуют нам следующую картину культурной стадии «кухонных остатков»: климат литориновой эпохи был теплым и влажным. Это вызвало сильное разрастание сырых лесов. Человек как бы потонул в этих лесных массивах; охотничья площадь сократилась, и люди были прижаты к берегам озер и моря; потеряв прежнюю подвижность, они приобрели зато оседлость; устричные мели, обеспечивая прокормление, прикрепили человека к постоянным стоянкам. При всей бедности культурного быта эта эпоха послужила исходным пунктом для дальнейшего развития: с оседлостью могло появиться затем земледелие и скотоводство. Вместе с тем постепенно закончился древний

каменный век, и техника возвысилась до приготовления шлифованных каменных орудий¹.

Литориновое море стало сокращаться в размерах. Климат при этом сделался несколько более суровым, а морская вода менее соленой: по-видимому, поднятие земной коры начинает затруднять доступ сюда водам Гольфштрома. В Данию проникает фук и вытесняет дуб. Растительный и животный мир постепенно приобретают современный облик.

Еще раз море как бы делает попытку перейти в наступление: происходит последняя «древнебалтийская» трансгрессия, но под уровнем моря скрывается даже не вся площадь нынешнего Ленинграда. Очень быстро, однако, море отступает и входит в свои берега. Начинается современная эпоха.

Чтобы связать историю Балтики с историей Европы вообще заглянем еще в юго-западную Францию. Здесь мы найдем стоянки доисторических людей и установим соответствие между их культурой и культурой маглемозе и «кухонных остатков»². В предгорьях Пиренеев есть пещера Мас-д'Азиль. Здесь речка Ариза промыла в известняках длинный тоннель с боковыми пещерами, и в этих пещерах археологи установили целый ряд культурных Слоев с остатками доисторического человека. Эти 9 слоев так сменяют друг друга сверху вниз:

9 — верхний нанос с остатками предметов железного века, относящихся к галло-римскому периоду;

8 — слой бронзового века и позднего неолита;

7 — слой так называемой «аризской эпохи»: орудия обнаруживают первые попытки шлифовать камень, примитивная глиняная посуда, гарпуны из оленьего рога; остатки лошади, быка, кабана и благородного оленя; большие количества раковин древесной улитки;

6 — «азильский слой»: остатки кабана, медведя, лани, барсука, дикой кошки, благородного оленя, бобра, разных рыб и птиц; многочисленные костяные изделия, каменные орудия; своеобразные, раскрашенные красной краской, гальки, имевшие, по-видимому, какое-то отношение к верованиям первобытных людей;

5 — глинистый нанос реки Аризы без всяких остатков;

4 — черный культурный слой с многочисленными орудиями, покрытыми украшениями и выгравированными рисунками; кроме благородного оленя, здесь встречаются остатки и оленя северного;

3 — илистый нанос реки без остатков;-

2 — черный культурный слой со следами очагов; изделия из кремня и оленьего рога; много костей северного оленя;

1 — каменистая почва с остатками очагов.

Разберем эту поучительную систему слоев.

¹ Никольский, Очерк первобытной культуры.

² Культура «кухонных остатков» широко была распространена в Европе (Франция, Англия, Португалия, Сицилия), указывая этим на однородность физико-географических условий.

Здесь мы прежде всего видим, что по мере перехода от верхних слоев к нижним перед нами развертываются все этапы, пройденные последовательно человеком, в его культурном развитии: железо сменяет бронзу, бронза является в свою очередь на смену камню, эпоха шлифованного камня вырастает из эпохи камня не шлифованного. Далее мы видим, как в направлении к более древним временам климат становится более суровым и вместо благородного оленя 6-го слоя выступает северный олень 4-го, остающийся затем во 2-м слое единственным представителем семейства оленей. Вместе с тем, как помазывают раскопки, наряду с северным оленем даже на юге Франции водятся в то время полярные крысы—лемминги и мускусный бык—жители современной тундры. Слои в основании мас-д'азильской системы красноречиво говорят о принадлежности их к ледниковой эпохе.

Аризский слой (7) мы имеем все основания приравнять эпохе кухонных остатков Балтийского побережья. За это говорит не только начало шлифовки камня и гончарного искусства, но и обилие в аризском слое раковин лесной улитки, что указывает несомненно на очень влажный климат этой эпохи. Азильский слой (6) соответствует более ранней эпохе стоянки в Маглемозе. За это говорят однородные по типу плоские гарпуны из рога благородного оленя (рис. 27).

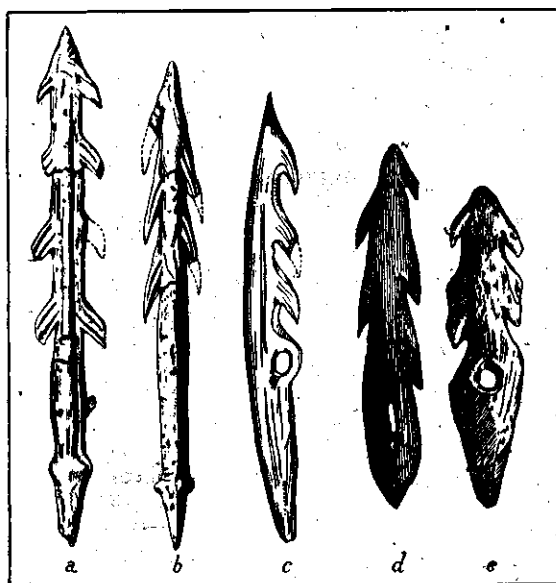

Рис. 27. Мадленские (a, b, c) и азильские (d* e) гарпуны.

Следующие книзу остатки человека находятся в слоях 4 и 2, но они заключают в себе орудия, резко отличающиеся от азильских и аризских, и при-

надлежат, следовательно, иной культурной эпохе. Нанос слоя 5 подчеркивает этот резкий перерыв между двумя культурными ступенями. Как этот нанос, так и нанос слоя 3 указывают на временное затопление всей пещеры водою. Это могло происходить в периоды более влажного климата, и такие затопления изгоняли из пещеры людей.

Эпохе, соответствующей слоям 4 и 2, археологи дали название «мадленской». Животный мир этой эпохи указывает на холодный климат, а отсутствие у людей того времени крупных каменных орудий, пригодных при рубке леса, свидетельствует о том, что мадленец был жителем тундры. Это был охотник, прекрасно обрабатывающий кость и рог; зубчатые гарпуны из рога северного оленя и являются главными указателями — «руководящими формами» — мадленской культуры (рис. 27). Свои изделия мадленец покрывал изумительной для того времени резьбой, обнаруживая громадные художественные способности. Изображения животных, живо исполненные и тонко отмечающие облик и повадки зверей, и заставляют нас видеть в мадленце охотника по преимуществу, сроднившегося с животным миром. В некоторых пещерах Франции и Испании была найдена стенная живопись, изумительно художественно передающая фигуры животных. Впоследствии это искусство было утрачено первобытным человечеством: широкое распространение лесов, как мы уже говорили, оторвало человека от его охотничьего, полного непрерывного движения, быта, притиснуло его к побережьям и вызвало обеднение культурных форм. Но полного упадка, конечно, не произошло: развитие культуры лишь направилось в другую сторону, привело к оседлости и земледелию. Так, археология не только изучает по культурным слоям развитие человеческой техники и искусства, но, сопоставляя однотипные произведения культуры из разных мест, подразделяет всю историю человечества на ряд последовательных эпох. Здесь метод археологический непосредственно сливается уже с методом геологическим. Вместе с человеческими остатками перед нами в тех же слоях выступают остатки животных и растений. По ним мы можем проследить эволюцию органического мира: как в мире человеческом изменялись орудия (гарпуны на рис. 27), так в мире животных изменялись от эпохи к эпохе сами организмы. Вместе с тем животные и растения в их последовательной смене свидетельствуют перед нами об изменении климата на земле, а проследить изменение климата на земле составляет одну из задач геологии.

Культурные слои Мас-д'Азильской пещеры два раза прерывались речными наносами, когда река затопляла пещеру. Эти выступления реки из берегов, по мнению проф. Городцова, указывают на увеличение снегового покрова на горах и на усиление работы талых вод. Он связывает нижний из наносов с бьюльским наступлением льдов, а верхний — с гжницким. Далее, как мы уже отмечали, аризский слой, изобилующий раковинами лесной улитки, указывающий на влажный климат эпохи и соответствующий «кухонным остаткам» Дании, одновременен с даунским наступлением льдов. С другой стороны, даунской эпохе вероятно соответствует эпоха Литоринового моря, а сто-

янке Маглемозе — эпоха Анциллового озера. Тогда Йольдиевое море будет современно гжницкому или бюльскому (а может быть, им обоим вместе) наступлению.

Все отмеченные соотношения представлены в следующей таблице.

Геологические эпохи	Балтийское море	Флора	Культура	Пещера Мас-д Азийль
Современная	Балтийское море	Ель, бук	Железо Бронза Неолит	1 Слой 9 Слой 8
Даунское наступление	Литориновое море	Дуб	Кухонные остатки	Аризский слой 7 Азийский слой 6 Речной нанос 5 Культурный слой 4 Речной нанос 3 Культурный слой 2
	Анциллово озеро	Сосна, береза	Маглемозе	
Гжницкое наступление	Йольдиевое море	Полярная флора	Мадленская культура	
Бюльское наступление				
Ахенское колебание				
IV оледенение 3-я межледниковая эпоха	Морена			

Свидетельства Туркестана.

В то время, как на северо-западе нашего Союза лежал великий лед, на крайнем юго-востоке геологические события приняли иное направление и привели к иным результатам. Вся область прикаспийских степей и пустынь была покрыта обширным морем, остатками которого до сих пор являются Каспийское море и Аральское озеро (рис. 28). Этому морю в геологии дано название Арало-Каспийского бассейна. Оно постепенно уменьшалось в размерах и высыхало, и оттого прикаспийские степи до сих пор носят печать сходства с дном высохшего моря: горизонтальные

пространства их покрыты сыпучими песками, богатыми солью; в них находится масса раковин тех самых моллюсков, которые и сейчас обитают в Каспийском море, а там, где проходил некогда берег Арало-Каспия, заметны и сейчас ряды старых дюн — холмов песка, который был выброшен морским прибоем на плоские берега. Судьба Арало-Каспийского бассейна была непрерывно связана с судьбой Балтийского моря: колебания климата, отражавшиеся на северо-западе в строении и развитии торфяников, можно проследить и в изменениях Арало-Каспия. Вслед за окончанием 4 великого оледенения, северная и средняя Европа, одетая покровом моренных отложений,

стала заселяться растительным и животным миром, и до сих пор еще не закончен этот процесс ее заселения. Точно так же и дно бывшего Арало-Каспия представляет собою область продолжающегося и поныне заселения. На пространстве от Полярного до Черного моря мы можем заметить вокруг себя несомненные признаки борьбы и перемещения по поверхности земли растительных формаций: лес наступает на степь, но на него в свою очередь насаждает с севера тундра. Наряду с этим на всем юго-востоке многие наблюдатели констатируют признаки несомненного высыхания нашей страны, и возникает речь о прогрессивном развитии сухих степей и пустынь. Нам нужно теперь познакомиться с работой тех геологических сил, которые создают в прикаспийском районе пустыню. Как выше изучение Сибири с ее вечной мерзлотой дало нам ключ к пониманию ледниковых эпох в прошлом, так изучение сыпучих песков Туркестанской пустыни даст нам ключ к пониманию тех периодов истории земли, которые отличались сухим пустынным климатом. Научившись в валунных глинах видеть памятники нашествия льдов, постараемся теперь прочесть те письмена, которыми природа отмечала исчезнувшие ныне «ископаемые» пустыни.

Жизнь пустыни. «Синие волны океана и желто-бурая поверхность пустыни, несмотря на их различный характер, обнаруживают по своему виду столько сходства, что становится вполне понятно, почему уплывущий по морю говорит о «водной пустыне», а едущий по пустыне получает со спины «корабля пустыни» впечатление высохшего моря».

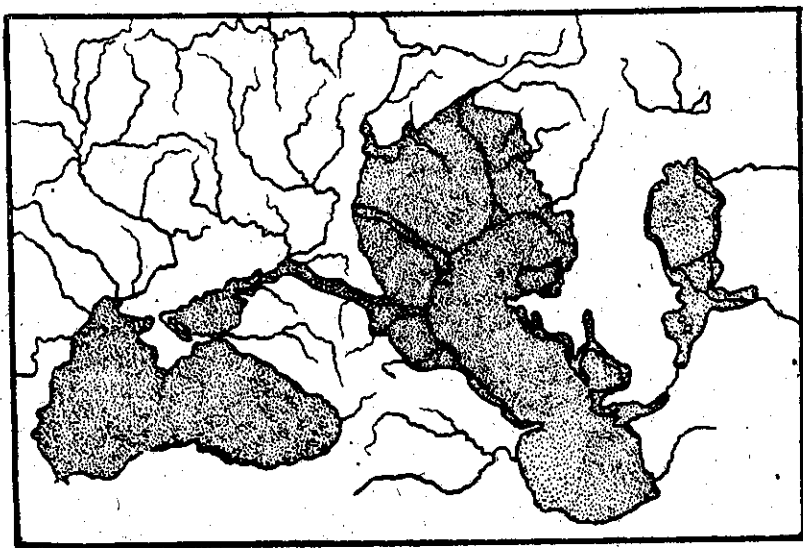

Рис. 28. Арало-Каспийский бассейн.

Такими словами начинает свою книгу о «Происхождении пустынь» известный исследователь пустынь Вальтер. Действительно, между морем и

пустыней существует несомненно какое-то внутреннее сходство. Недаром еще недавно на пустыни смотрели как на дно высохших морей. Возник даже одно время проект — провести в Сахару канал и снова затопить ее морской водой, и не мало в свое время велось споров о том, как повлияло бы осуществление такого проекта на климат Европы. Нам, привыкшим к ландшафту, созданному главным образом работой воды, крайне трудно понять своеобразную жизнь пустыни. Только постепенно пришли мы к мысли, что природа совершенно различными путями может достигать сходных по виду результатов: без участия воды в пустыне создаются такие геологические образования, которые, казалось бы, ни чем другим и объяснить нельзя, как происходившей здесь некогда интенсивной работой моря.

Рис. 29. Каменный узор на скалах пустыни.

Основной причиной возникновения пустынь является, конечно, сухость климата. Если местность лежит «В глубине обширного материка или окружена со всех сторон горами, задерживающими на склонах влажные ветры, то она превращается в пустыню. Туркестан отделен, например, от Индийского океана высокими цепями гор и плоскогориями. Атлантический океан от него слишком далек, а господствующие в нем северо-восточные ветры (достаточно сухие и сами по себе, как ветры, с Полярного моря), приходя с севера на юг, лишь более нагреваются, удаляются от точки насыщения и не могут сгустить своих водяных паров. Однако, говоря о сухости климата, надо различать влажность воздуха абсолютную и относительную. Под первой подразу-

меваются то количество водяных паров, которое в действительности заключается в малом объеме воздуха; вторая же определяется отношением количества водяных паров, имеющихся в воздухе, к тому количеству их, которое нужно для насыщения воздуха при данной температуре. В пустынях относительная влажность мала, и дождь поэтому может не выпадать здесь по целым годам. Но абсолютная влажность в пустынях может быть велика: так, в оазисе Куфра в Ливийской Сахаре абсолютная влажность не уступает влажности Ленинграда, а влажность в Мерве -- влажности Митавы. Раскаленный воздух пустыни трудно насытить водяными парами: в Нукусе (у устья Аму-Дарьи) летом испарение превосходит количество падающих осадков в 85 раз, в Петро-Александровске — в 270 раз. этим объясняется такое частое явление, что дождевые капли, выпавшие из тучи, не могут достичь поверхности земли и уже на некоторой высоте испаряются обратно в атмосферу. Солнце действует здесь как гигантский насос, заставляя почвенную влагу подниматься вверх и покидать поверхность земли. Минеральные вещества, растворенные в почвенной воде, осаждаются при этом на поверхности почвы, и так образуются «пустынные корки», известковые, гипсовые.

Нельзя представлять себе пустыню, как страну, совершенно лишенную воды. Грунтовые воды в пустынях богаты, только лежат они обыкновенно на значительной глубине. Однако опыт французов в северной Сахаре показал, что их можно добыть глубокими буровыми скважинами, и пустыня, где заложен артезианский колодезь, очень быстро превращается в цветущий сад. Если пустыня не исключительно камениста) то почва ее в общем богата- всеми теми минеральными веществами, которые нужны для растений. Так, пески Ферганы, кроме углекислой извести, содержат в себе даже калий и фосфор. Обычно только бедна пустынная почва азотом. Но зато среди пустынных растений много бобовых (из Сем. мотыльковых), которые не нуждаются в почвенном азоте. Обилие грунтовых вод в пустынях требует объяснения: пока грунтовые воды объяснялись просачиванием в землю дождевых вод, воды пустыни оставались загадкой. Не так давно Фольгер выступил со своей «конденсационной» теорией, которая объясняет грунтовые воды проникновением в глубь земли водяных паров и сгущением (конденсацией) их в воду несколько ниже сильно нагретой земной поверхности. Тогда стало понятно, что сгущение водяного пара, невозможное на раскаленной поверхности пустыни, вполне возможно в слое постоянной температуры почвы. Некоторые исследователи (Берг и др.) обратили внимание, что пески пустыни на небольшом уже расстоянии от поверхности земли обладают значительным запасом влаги. Это объясняется соотношением водопроницаемости, влагоемкости и водоподъемности (капиллярности) почв. Водопроницаемость песка очень значительна, влагоемкость мала, а потому влага, выпавшая из атмосферы, быстро уходит в толщу песка, до встречи с водонепроницаемой породой; вместе с тем капиллярное поднятие воды в песке происходит лишь на незначительную высоту. В силу этого испарение с поверхности песка вообще незначительно, а когда верхний слой песка высохнет, подъем влаги прекра-

щается, и влажность продолжает удерживаться в глубине. Таким образом пески пустыни являются, как это ни странно на первый взгляд, накопителями влаги.

Крайне сухой воздух пустыни отличается громадными колебаниями тепла. Если у нас наибольшие годовые колебания свойственны Вост. Сибири, то Туркестан отличается наибольшими суточными колебаниями.

Рис. 30. Скала, обточенная ветром.

Эти колебания температуры «производят очень сильное разрушение горных пород (физическое выветривание). Самые твердые горные породы от попеременного расширения и сжатия минералов, составляющих их, разбиваются трещинами, распадаются на отдельные куски, превращаются в щебень; щебень рассыпается далее в песок, песок в пыль. Вся пустыня покрыта этим мусором геологических сооружений и есть область непрерывного разрушения. Затем наступает работа ветра. Не встречая сопротивления со стороны растительности, здесь отсутствующей, ветер развивает колоссальную работу «развевания (дефляция) и, как гигантская метла, начинает обметать пустыню. Взметая тучи песка, он бросает их на каменистые утесы, и песчинки высверливают в мягких местах горных пород своеобразные углубления и ниши. Иной раз отвесная скала покрывается сложным каменным узором, точно ка-

менным кружевом. Встречая на своем пути каменную глыбу и кажась вокруг нее, ветер и песок обтачивают ее в виде столба или придают ей странные формы грибов». Наконец, ветер и сортирует продукты» разрушения горных пород. Унести крупные камни ему не под силу, и он уносит с собою лишь легкий материал; в одних местах поэтому остаются скопления щебня, и возникает пустыня каменистая, в других на «шляется песок, и образуется пустыня песчаная. Песок ссыпается в кучи, кучи растут, передвигаются ветром, и так возникают своеобразные песчаные холмы — барханы. Они имеют полукруглую, или подковообразную форму с рогами, вытянутыми по направлению ветра. Наветренный склон полог, подветренный крут. Гонимые ветром, песчинки вкатываются по пологому склону и через гребень бархана падают вниз. В конце концов бархан перемещается по поверхности земли, словно волна по поверхности моря, и пустыня приобретает действительно вид взволнованного бурей моря с остановившимися, окаменевшими волнами. По мере движения своего барханы сталкиваются, нагромождаются друг на друга, и тем затрудняют свое дальнейшее движение. Вместе с тем бархан постепенно расширяется, и песок его распределяется более тонким слоем на большей площади; при движении он неминуемо и сортируется, и более крупные частицы отстают от более мелких. Прежде барханы пустыни назывались нередко дюнами, но между дюнами и барханами то существенное различие, что дюны образуются из песка выброшенного морем¹, тогда как песок барханов возникает от разрушения горных пород при резких колебаниях температуры. Дальнейшей формой развития» барханов являются бугристые пески, возникающие из их нагромождения. Они уже неподвижны, на них часто развивается довольно богатая растительность. Первые поселенцы песчаных холмов должны обладать способностью бороться с непрерывным засыпанием их песками, что достигается с их стороны усиленным развитием придаточных корней. На остановившихся уже буграх появляются заросли саксаула и покров различных злаков. В углублениях между буграми, благодаря близости к поверхности земли почвенной влаги, могут развиваться даже такие жители сырых мест, как осоки, камыши и тростник. Бугристые пески с их растительностью привлекают к себе жителей пустыни, и на них кочевник постепенно, приучается хотя бы к полуседлому образу «жизни. Растительность закрепляет пески, а закрепленные пески задерживают на себе и , вечно текучее население пустыни. В дальнейшем поверхность бугристых песков постепенно выравнивается. Вместе с тем разросшийся покров растительности на них начинает своим сильным испарением иссушать почву. Это приводит к смене одних растений другими. Появляются уже обыкновенные травянистые степные растения. Отмирая, они обогащают перегноем верхний слой пустынного песка, и уже образуется настоящая почва (серозём пустыни). Перед нами будут уже «песчаные степи» (рис. 36), которые служат пастбищем для лошадей и могут быть уже использованы под посевы проса. Таким образом каме-

¹ Дюны могут образоваться и на берегах озер и рек, хотя никогда не достигают величины морских дюн. Движение морских дюн всегда направлено в сторону от моря.

нистые и щебневые пустыни, пустыни песчаные или барханные, бугристые пески и песчаная степь — все это лишь отдельные моменты одного процесса постепенного закрепления слишком подвижных продуктов разрушения земной коры в пустынях.

Происхождение пустынь. Если основной причиной происхождения пустынь является сухость климата, то в географическом распространении пустынь должна существовать известная закономерность. Эту закономерность нетрудно обнаружить. По обе стороны экватора мы можем заметить две полосы пустынь, и их существование объясняется общими законами движения земной атмосферы под влиянием неравномерного нагревания земного шара солнцем. Наибольшее количество тепла получает экваториальная полоса, и сильно нагретый воздух поднимается под нею вверх; достигнув некоторой высоты, он расходится как к северу, так и к югу и, постепенно склоняясь к земной поверхности, опускается на нее в полосе приблизительно между 20 — 30° с. и ю. широты. Это нисходящее движение воздуха выражается в высоком атмосферном давлении, которое свойственно указанным полосам. Полосы эти получили название осей затропических максимумов¹. Особенно резко выделяется эта полоса высокого давления в южном полушарии и, так как опускающийся воздух всегда тем самым нагревается и делается суше, то местности, расположенные на этой полосе, представляют собою пустыни. Таковы пустыни Калахари в Ю. Африке, Атакама в Ю. Америке и внутренность Австралии, расположенные на самом тропике Козерога. И в северном полушарии ряд пустынь расположен вдоль тропика Рака: Сахара в Африке, Аравия и Тарр в Азии, Мексика в С. Америке, Но вместе с тем здесь имеется несколько пустынь, расположенных гораздо дальше к северу. Это объясняется отклонением к северу самой оси затропического максимума, вызванным грандиозным здесь развитием материковой площади и сложным расположением горных цепей и плоскогорий. Так, по Азии ось затропического максимума идет по линии Уральск — Акмолинск, что соответствует параллели 52°, а далее на восток эта ось еще значительно отклоняется на север. Это обстоятельство и смещает так далеко в северные широты азиатские пустыни. Так возник ряд пустынь — Иранская; Туркестан, Китайский Туркестан и Монголия.

Но в образовании пустынь играет крупную роль и еще одно условие, которое с особенной силой выдвинул Вальтер» Чтобы в данной местности могла развиваться типичная пустыня, необходимо, чтобы местность эта была так или иначе отрезана от океана, была лишена стока к нему. Это может быть обусловлено или тем, что пустыня со всех сторон окружена высокими цепями гор, или тем, что рельеф ее будет иметь характер котловины с дном, лежащим ниже уровня океана. В последнем случае достаточно и невысокого водораздела, чтобы местность уже потеряла сообщение с морем, и текущие воды направились с гребня водораздела к центру котловины. Тогда в этой

¹ Тропики Рака и Козерога проходят, как известно, по параллелям 23,5 с. и ю. широты.

«бессточной» области разовьются неминуемо все те явления, которые свойственны пустыням.

Однако указанное второе условие несколько не противоречит первому — сухому климату. Даже больше того: подобные котловины с дном, лежащим ниже уровня моря, только и могут существовать в климате сухом. -В климате влажном, с большим количеством осадков, такие котловины быстро наполнились бы водою и превратились бы в озера; при дальнейшем повышении уровня воды в них, избыток влаги сумел бы найти себе выход через водораздел, и сообщение с морем восстановилось бы. В климате сухом этого не может быть.

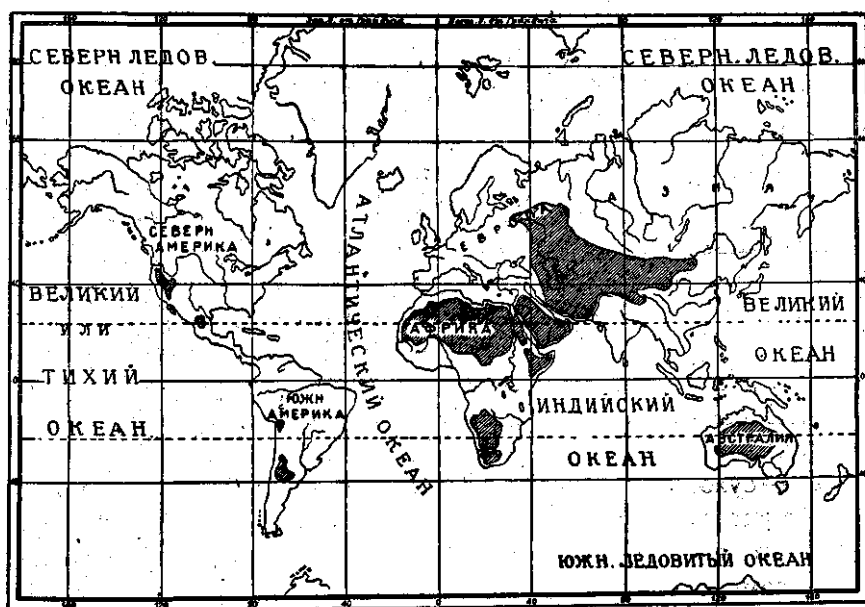

Рис. 37. Области без стока к морю.

Бессточная область для всей влаги, выпадающей на площади ее, превращается в какой-то бездонный колодезь. Текучие воды будут испытывать не центробежное, а центростремительное движение. Они будут сбегать к середине котловины, но далее, в условиях сухого климата, им предстоит один лишь путь — испариться в атмосферу. Результаты такого отрыва страны от океана идут очень далеко. Испаряющаяся вода будет оставлять в почве котловины растворенные в ней минеральные соли. В других странах эти соли непрерывно сносятся ручьями и реками в море; здесь же они будут накапливаться: озера превратятся в соленые, почва станет солончаковой. Обилие солей отравит и убьет растительность, сперва древесную, потом и травянистую. С поредением или даже уничтожением растительного покрова оголенная

почва станет легкой добычей ветра, и ветер в грандиозных размерах начнет свою работу развевания. Иссушенные горные породы подвергнутся сильному физическому выветриванию, но за недостатком воды и за отсутствием стока к морю местность не сможет освобождаться от продуктов разрушения. Они будут в ней постоянно накапливаться, закрывать ее покровом песка и пыли. В этом отношении непосредственные наблюдения над жизнью пустыни могут подсказать нам лишь неправильные выводы: при первом взгляде на плывущие волны барханов, на вечно текущие струйки песка, на взрывы ветра может показаться, что, пустыня волна движения, живет напряженной геологической жизнью. В действительности же все это движение — лишь топтание на месте. Ветер перегоняет все песчинки с места на место, но, несмотря на это, частицы в течение веков в сущности ни на шаг не подвинутся дальше: они попали в заколдованный круг, и им нет выхода. Для страны бессточной, страны, отвернувшейся от моря, начинается в геологическом смысле эпоха вырождения. Предоставленная лишь собственным силам, она не может преодолеть те внутренние трения, которые в ней неминуемо развиваются, и превращения ее в пустыню есть только вопрос времени (рис. 37).

Памятники ископаемых пустынь. Отрезанная от океана, бессточная область сама превращается как бы во «внутреннее» море, изолированный бассейн, который накапливает в себе продукты распада горных пород земной коры — пески, пыль и соли — и почти ничего не отдает окружающим его пространствам суши. Если область пустыни расширяется, то пески переходят в наступление и, как волны надвигающегося моря, покрывают собою новые участки суши. Если наступление моря на сушу называется в геологии «морской трансгрессией», то в данном случае мы можем говорить о трансгрессии «песчаной. Во вновь захваченной местности пустыня тотчас Останавливает своеобразный режим. Это особенно сказывается в процессе накопления солей, во всех горных породах имеются громадные запасы солей вообще, но в пустынных областях начинается их снос в пониженные места и отложение. В таких котловинах соль лежит прямо на поверхности земли, издали обманывая путника своим сходством со снегом. Если пустыня граничит с высыхающим морем, то на берегах последнего развиваются явления, которые можно наблюдать у нас в Туркестане. Здесь на берегу р. Каши? имеется обширный, но мелководный залив Кара-Бугаз, соединенный с морем лишь очень узким проливом. Каспийская вода непрерывно втекает в этот залив и испаряется под горячим дыханием пустыни. Морские соли остаются в Кара-Бугзе, и раствор их здесь сгущается настолько, что на дне залива в настоящее время уже начинается осаждение наиболее трудно растворимых солей; со временем очередь дойдет и до хлористого натрия. Таким образом Кара-Бугаз опресняет Каспий и концентрирует его соли. Когда летучие пески пустыни совершенно отделят Кара-Бугаз от моря, на месте его образуется пласт соли, и дальнейшие наносы скроют этот пласт в земной коре. Подобные залежи каменной соли, находимые теперь в разных местах, можно рассматривать как памятники исчезнувших пустынь.

Рис. 38. Пирамидальные камни („трехгранники“).

Есть еще и другие памятники бывших пустынь: 1) пирамидальные камни («трехгранники»), 2) пустынный загар и 3) пески с диагональной слоеватостью. Горячий воздух пустыни постоянно колеблется над поверхностью земли и приводит в движение песок. Струйки песка вечно текут, подгоняемые им, и встречая на пути своем камни, обтекают и шлифуют их, придавая им характерную форму трехгранных пирамидок (рис. 38). Так шлифовать камни может лишь песок: горный поток, например, придает своей гальке вполне округлую форму; лед, сползающий с гор, лишь обтачивает острые ребра и углы своих валунов, море -придает береговым камешкам плоскую форму. Пирамидальные же валуны указывают нам на работу пустынного песка. Под именем пустынного загара известен очень тонкий, нередко глянцевый слой желтого, красного, бурого или даже черного цвета, покрывающий камни пустыни и так прочно с ними соединенный, что отделить его от них невозможно. Разбив, однако, камень мы можем часто убедиться, что цвет горной породы совершенно иной, чем цвет загара. В состав корки загара входят железо, марганец, кремнезем и фосфорная кислота. От преобладания железа зависит желтый или красный цвет загара от марганца — бурый или черный. Кремнезем происходит из самих горных пород, а фосфорную кислоту доставляют частые в горных породах остатки органической жизни. Образование загара можно объяснить так: во всех горных породах пустыни есть много таких легко растворимых солей, как хлористые. В присутствии хлористых солей

железные и марганцевые соединения вступают в реакцию с кремневой и фосфорной кислотой. Но горячее солнце пустыни заставляет эти соединения подняться на поверхность камня 1). Здесь вода испаряется, а железо и марганец выпадают в виде корки загара. Эта плотная корка защищает камень от окончательного разрушения, но вместе с тем камень разрушается изнутри. Нередко можно убедиться, что огромные каменные глыбы, какие употребляли египтяне для своих построек, уже совершенно разрушились внутри и при ударе молотком издают характерный звук пустоты. Находя ныне камни, покрытые загаром, в местностях далеких от пустынь, мы в праве по ним сделать заключение об ином распространении пустынь в прежние времена.

Песок барханов обнаруживает вообще некоторую слоистость, причем слои в нем располагаются параллельно наветренному и подветренному склону бархана. Эта слоистость зависит от изменения силы ветра, так как сильный ветер нагоняет на бархан очень крупный песок, а слабый насыпает на него лишь мелкую пыль. Но при этом барханы перемещаются то в одну, то в другую сторону. При этом может случиться, что гребень бархана будет развян ветром, а основание его останется, и на него надвинется новый бархан. Путем такого повторного передвижения и нагромождения барханов мы получим несколько слоев песка с характерной перекрещивающейся (диагональной) слоистостью (рис. 39). Если ко всему этому прибавить, что пески пустыни имеют часто красный цвет от накопления окиси железа вокруг кварцевых зерен, то в нашем распоряжении будет целый ряд признаков, по которым мы сможем восстановить очертания исчезнувших ныне пустынь.

Это поднятие влаги на поверхность земли составляет одну из главных особенностей пустыни: во всех других областях (за исключением только вечно-мерзлой тундры) замечается обратное явление — просачивание влаги внутрь земной коры.

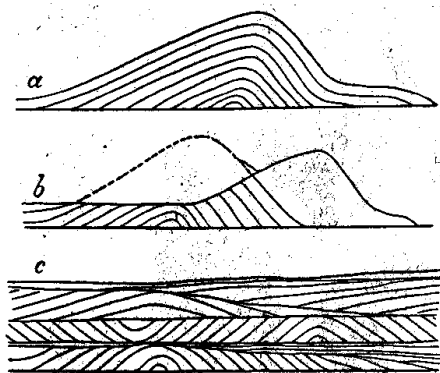

Рис. 39. Происхождение диагональной слоистости барханных песков.

Прошлое Туркестана. Значительная часть нашего Союза представляет собою не что иное как область без стока к морю (рис. 37). Достаточно напо-

нить, что весь бассейн Волги отдает свои воды в замкнутое Каспийское море, которое в сущности представляет собою лишь громадное соленое озеро в котловине Туркестана. Оно несомненно высыхает, и вместе с тем возникает вопрос: — не грозит ли прогрессивное высыхание и всей той части нашей страны, которая непосредственно примыкает к пустыням Туркестана? Что с приближением к Туркестану начинает сильно сказываться влияние пустынь, это можно видеть на многих примерах. Двигаясь от нашей черноземной полосы на юго-восток, мы видим, как постепенно вырождается типичный и тучный чернозем, приобретая шоколадный, каштановый, затем бурый цвет, пока, наконец, не сменяется он в полупустынях Астраханского края сероземами, где небольшой лишь процент перегнойных веществ придает слабую темную окраску верхней части серых пылеватых подпочв. Уменьшение мощности перегнойного горизонта почвы идет параллельно уменьшению высоты и густоты травянистой растительности, и если к северу травостой уменьшается под влиянием леса, то к югу и юго-востоку его уменьшение находится в в несомненной связи с увеличением количества солей & почвах. На севере в лесной полосе обилие атмосферных осадков вымывает глубоко в землю растворимые минеральные соли; неглубокие колодезные воды здесь, как общее правило, мягкие. Далее на юг они становятся все чаще и чаще жесткими. Горизонт почвенных солей постепенно повышается, и на ряде почвенных разрезов можно убедиться, что почвы, обработанные соляной кислотой, начинают бурно вскипать на глубинах все меньших и меньших. Вместе с тем и состав солей изменяется: к солям углекислым присоединяются затем сернокислые, а еще далее и хлористые, т. е. все. более и более растворимые¹. Все эти изменения почв в направлении к Туркестану приковывают наше внимание к этой пустышной области. Случается иногда, что из Туркестана начинают дуть сухие и пыльные ветры, с которыми к нам в Европу приносится колоссальное количество мелкой пыли. Это явление известно под названием «суховеев», «тиглы» или «помохи». Если при этом нас посетят засухи и неурожай, то вопрос приобретает особенную остроту, и на очередь ставится проблема «прогрессивного высыхания страны». Некоторые факты способны действительно укрепить нас в мысли, что климат у нас постепенно изменяется в сторону .большей сухости. Подтверждение этому видят в обмелении рек, в высыхании озер и болот, в падении производительности чернозема, наконец. Все эти грозные симптомы заставили науку серьезно пересмотреть вопрос. Но общий вывод получился отрицательный: прогрессивное высыхание нашей страны отнюдь не доказано. Более тщательные исследования показали наличие периодических колебаний климата, смены более влажных десятилетий более сухими, и удалось установить, что и в прежние времена реки наши иногда так угрожающе мелели, что по ним почти прекращалось судоходство, хотя прежние суда были гораздо меньше современных. Если же, однако, существуют некоторые бесспорные свидетельства ухудшения наших почв, то эти явления

¹ В центральных частях самих пустынь возможны отложения и наиболее легко растворимых солей — азотнокислых (селитры).

нужно отнести за счет нерациональных способов ведения хозяйства, хищнического отношения к земле. Одно время считалось неопровержимым, что вырубка лесов является главной причиной высыхания страны. От этого мнения пришлось отказаться: лес (особенно на юге), если и накапливает в себе влагу, то это касается лишь самого верхнего слоя почвы; глубокие же грунтовые воды лес не только не сохраняет, а расточает, так как, нуждаясь в громадных количествах воды для испарения, он берет эту влагу из глубоких подпочвенных слоев. Под лесом уровень грунтовых вод залегает особенно глубоко. Если уж искать причин некоторого высыхания страны, то скорее всего причина эта лежит в угрожающем росте оврагов, которые дренируют местность, отводят и грунтовые и дождевые воды в реки, засоряют русла рек своими выносами рыхлых материалов. Рост же оврагов в значительной степени обязан все тому же нерациональному хозяйству человека (например неправильной распашке склонов, усиливающей только размывание стенок оврага дождевыми потоками). И если вырубка лесов имеет значение для высыхания страны, то влияние это не прямое, а косвенное: вырубая леса, которые задерживают весною бурное таяние снегов и своими корнями скрепляют почву, мы способствуем тем самым росту оврагов. Помимо вырубки лесов и распашка степей может влиять в неблагоприятную сторону на влажность почвы: нетронутые плугом степи лучше удерживают летние и зимние осадки, но с уничтожением, степной флоры, испаряемость почвы увеличивается, и воды быстрее сбегает со степей. Особенно способствует высыханию степей Пастьба скота, вызывающая уплотнение почвы.

Тем не менее один уже неоспоримый факт настойчивого наступления леса на степь говорит не в пользу прогрессивного высыхания нашей страны. Скорее наоборот: если климат у нас меняется, то изменение это происходит в сторону увеличения его влажности¹. Широкая полоса тучного чернозема красноречиво свидетельствует, что этот тип почвы, свойственный вообще сухому степному климату, существует уже очень давно. Докучаев определяет древность чернозема не менее как в 4000—7000 лет, и в течение этого периода климат нашей южной полосы должен был оставаться вообще неизменным.

Еще недавно господствовало мнение, что если не наши южные степи, то уж во всяком случае Туркестан испытывает непрерывное высыхание. «Страна эта представляет печальное зрелище медленного умирания. Она постепенно, хоть и медленно, усыхает, ее водные богатства сокращаются, потому что испарение гораздо более атмосферных осадков, а иссушающие ветры, пыльная атмосфера, высокая температура и летучие пески, надвигающиеся на культурные оазисы, грозят обратить в пустыню и те, уже немногие, культурные места, которые еще уцелели от прежних времен» (Дингельштедт). Высыхание Туркестана считалось лишь частным проявлением общего прогрессивного высыхания всей Средней Азии. Это последнее некоторое исследователи думали объяснить медленным вековым поднятием Азии, в силу чего уровень

¹ Мы видим повсюду признаки деградации чернозема под влиянием надвигающихся лесов, но нигде не заметно следов обратного процесса — превращения подзолистых мест в черноземы.

грунтовых вод в стране постепенно понижается, высыхают колодцы, гибнут оазисы, и почва подвергается усиленному разрушению. Многочисленные развалины городов (вроде найденного Козловым Хара-Хото), тут и там выдвигающиеся из-под сыпучих песков пустыни, казалось, красноречиво свидетельствовали о неуклонном разрастании азиатских пустынь¹. С прогрессивным высыханием Азии, ставили в связь набеги кочевников на культурные оазисы и общее движение народов из глубины Средней Азии на Европу.

В последнее время известный исследователь наших пустынь Берг подверг тщательному пересмотру весь этот вопрос. Разбирая все исторические свидетельства об Азии, он должен был прийти к заключению, что здешние пустыни были уже таковыми с незапамятной древности. По данным греческого географа Страбона, и в VI веке до нашей эры Зерявшан, как и сейчас, терялся в песках и не доходил до Аму-Дарьи. Марко Поло в XII веке описывает среднюю Персию как пустыню, какой она является и теперь. Клавихо (XV век) в таких же красках описывает путь из Персии в Самарканд и безводную пустыню по Мургабу. Есть свидетельства и более древние: так, например, тексты древне-персидских законов о порядке пользования водой оросительных каналов достаточно ясно говорят о том, что и во времена глубокой древности вопросы водоснабжения были для этой страны такими же большими и острыми. Словом, Берг приходит к заключению, что географический характер Средней Азии за историческое время не изменялся, и что здешние пустыни сложились очень давно. Конечно, можно констатировать некоторые колебания климата то в сторону большей сухости, то большей влажности, но колебания эти имеют, по-видимому, периодический характер. Развалины же городов и водопроводов, гибель оазисов проще объясняются бурной историей Средней Азии с ее вечными войнами, набегами и разрушением культурных центров. Не природа, а сам человек повинен во всем этом².

Мало этого, изучая Туркестан, Берг приходит к заключению, что всюду здесь заметны явные следы повышения влажности в последнее время и что вместе с тем развитие пустыни приходит уже к своему концу. Везде сыпучие пески находятся уже в стадии естественного закрепления и неукоснительно покрываются растительностью, если только атому не мешает человек. Работа развевания и образования сыпучих песков тормозится с каждым годом. В

¹ Подобные же находки остатков цветущей некогда жизни под песками Сахары давали право говорить о таком же процессе и в этой же стране. Многочисленные высохшие русла рек (вади) наводили на мысль о том, что не так еще давно Сахару орошали многоводные реки, и некоторые исследователи склонны были даже допускать, что превращение Сахары в бесплодную пустыню произошло чуть ли не во времена древнего Рима.

² От тех же разрушительных войн или от недосмотра малокультурного населения, осевшего где-нибудь на почве цветущего прежде оазиса, зависит часто и печальная судьба многих здешних рек: реки пустыни вообще не устойчивы, не имеют глубоких, корней в подпочве и находятся во власти песков и собственных наносов. Нужен неусыпный надзор за ними со стороны человека; иначе реке не трудно будет под влиянием случайных обстоятельств переместиться в горизонтальном направлении и покинуть прежнее русло, обрекая тем самым целую страну на полное безводие.

бугристых песках накапливается влага, и уровень грунтовых вод, по-видимому, повышается. По северной окраине Туркестана степь надвигается на пустыню, и вся эта область вступает в стадию усиленного заселения растительностью. Процесс этот далеко еще не закончен, и то тут, то там успокоившиеся было барханы приходят снова в движение, но тем не менее не будет ошибкою сказать, что пустыня есть для Туркестана уже пройденная ступень геологического развития.

По мнению Берга, лёсс в Туркестане в настоящее время уже не образуется. Он является уже геологическим образованием, возникшим в предшествующие эпохи. Он служит здесь не почвой а подпочвой, и за счет хоть слабого растительного покрова из него образуются настоящие почвы — серозёмы.

Но если так, то спрашивается, когда же именно происходило усиленное образование лёсса и ныне успокаивающихся сыпучих песков Туркестана? Это все происходило в предшествующую геологическую эпоху, и климат этой эпохи был, несомненно, много суше современного. Для Туркестана, следовательно, лежит позади эпоха не влажного, а именно сухого климата. Тогда-то и сложился Туркестан как пустыня, и в настоящее время он является до известной степени уже пустыней «ископаемой». Эти соображения заставляют нас из Туркестана вернуться к нам в Европу. Ископаемые пустыни и ледниковый период. Мы отметили уже факт надвигания леса на степь. Доисторические степи были больше и дальше продвигались на север. И климат нашей страны в предшествующую эпоху был, следовательно суше: тогда-то и образовалась толща Лёсса под нашими степями и нынешней лесостепью. Среди болот и лесов Волыни Тутковский отыскал несомненные следы ископаемой доисторической пустыни: тут найдены и характерные для пустыни трехгранники, и камни, покрытые пустынным загаром, и заросшие ныне лесом барханы. Все эти образования не могли, разумеется, возникнуть в условиях современного влажного климата Полесья. Они относятся к доисторической эпохе, к геологическому прошлому. Полоса лёсса протягивается из нашего Союза мимо Карпат в Германию, Бельгию и Францию. В этой, скрытой теперь под лесом, подпочве доисторических степей западной Европы сделал Неринг свои находки степных средне-азиатских грызунов и копытных. Этой же полосой степей пользовался и первобытный человек при своем расселении по Европе (рис. 40).

Так как ископаемые пустыни и доисторические лёссовые степи окаймляют с юга и юго-востока площадь великого оледенения, то Тутковский и поставил в связь эти памятники сухого прежде климата средней Европы с самим оледенением. Он создал теорию «ископаемых пустынь ледникового периода».

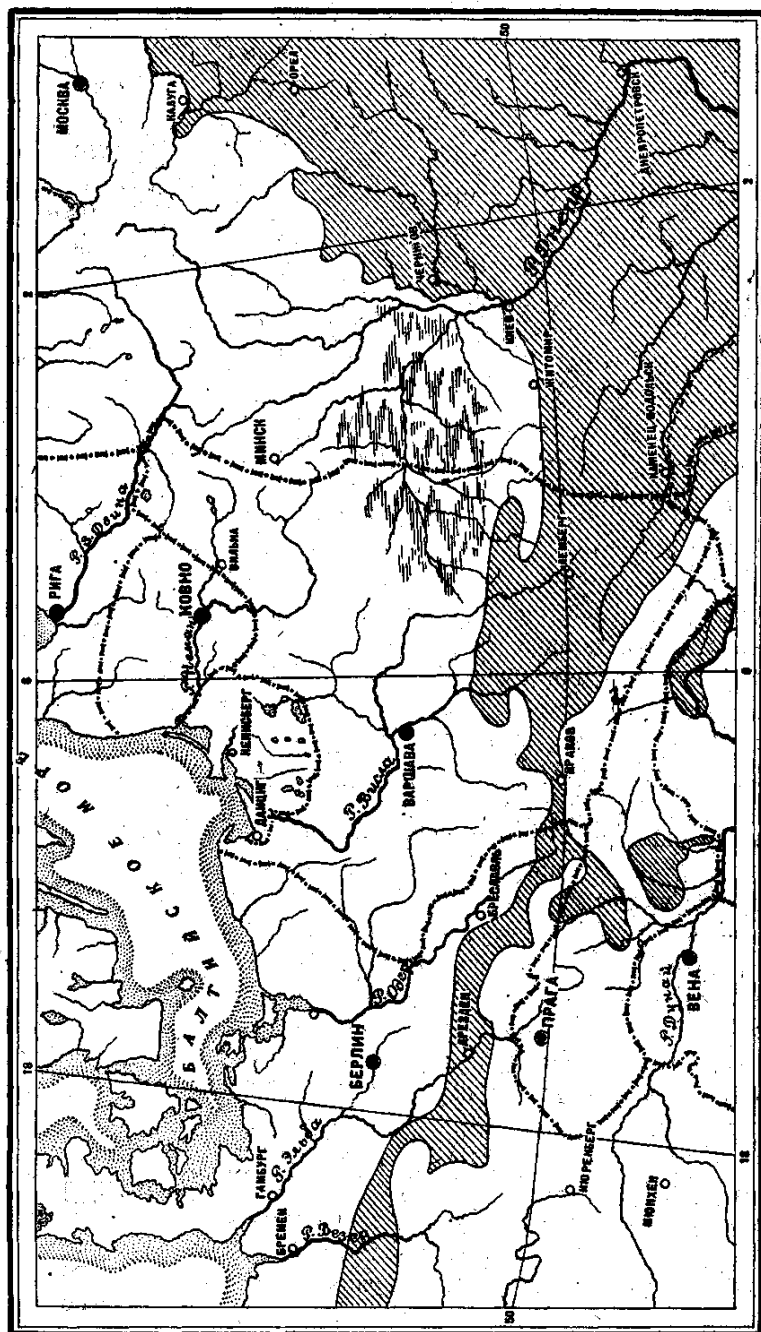

Рис. 40. Доисторические степи Европы.

Он воспользовался при этом явлением, давно известным жителям Альп. С высоких гор, покрытых вечным снегом, дуют часто вниз в долины сухие и теплые ветры — горные фены. Это странное на первый взгляд явление объясняется тем, что воздух, падающий вдоль склонов гор, сжимается, становится более плотным и при этом уплотнении непременно нагревается; вместе с тем он удаляется от точки насыщения и становится сухим. Явление фенов Тутковский перенес в ледниковую эпоху, приписав ему более крупные размеры. Слой великого льда лежал над Европой в виде целого ледяного плоскогорья, выпуклого и более мощного на севере, утончающегося к краям. Над средней частью ледяного поля устанавливалось высокое барометрическое давление. Воздух опускался над ледяным щитом и отсюда растекался во все стороны. Эти нисходящие потоки воздуха Тутковский называет «ледниковыми фенами». Когда ледниковый период кончился и льды стали отступать к северу, оставляя позади себя поденную морену, покрытую озерами из талых вод, эта тундра недолго могла существовать. Сухие и теплые фены, пронесшиеся над нею, высушили ее. Ледниковые наносы, незакрепленные еще густым покровом растительности, подверглись развеванию. Ветры выдували из моренного материала мелкую пыль, относили ее далеко на юг, и так по окраине льдов возникла сухая степь, и накопились толщи лёсса, а в иных местах образовалась и настоящая каменистая пустыня. «Лёсс,— говорит Тутковский, — скрывающий в недрах своих следы степей — такое же детище ледника, как и морены, и валуны. Разница лишь том, что последние — памятник расцвета жизни силы ледника, а первый — памятник его предсмертной агонии... Умирая, он оставил после себя мертвые моренные пространства: необозримые ледяные пустыни сменились пустынями каменно-глинисто-песчаными». Впоследствии пустыни покрылись степной растительностью, а степи, в свою очередь, заросли лесом.

Вот к этому-то сухому периоду пустынь и степей конца ледниковой эпохи и относится образование пустынь Туркестанских.

Но мы видели уже выше, что сухой послеледниковый период отразился и на истории берегов Балтийского моря. Он записан там, на севере, в отложениях торфа или—вернее —отмечен временным перерывом в отложении торфа. Припомним так называемый «пограничный горизонт» Шуваловского торфяника: он свидетельствует об установлении сухого климата, о приостановке роста сфагнума, о разрастании сухих сосновых лесов. И то обстоятельство, что подобные «пограничные горизонты» можно наблюдать во всех достаточно древних торфяниках всюду по берегам Балтийского моря и даже в средних частях нашей равнины, заставляет нас придать этому явлению -не местное только значение. Причина его, несомненно, лежит глубоко в общих изменениях физико-географических условий.

Нельзя ли точнее определить время образования «пограничных горизонтов»? Эту задачу разрешил проф. Яковлев, сравнивая строение различных торфяников — Шуваловского, Глухоозерского и Лахтинского¹.

Шуваловский торфяник древнее Глухоозерского, так как он покоится непосредственно на песках Анциллового моря, тогда как Глухоозерскому ложом служит глинистый осадок моря Литоринового. Верхние этажи обоих торфяников - построены одинаково: и тут и там мы видим толщу сфагнового торфа, разделенную пограничным горизонтом на 2 отделе — старый сфагновый торф и новый. Лахтинский торфяник одного возраста с Глухоозерским: он также лежит на литориновой глине; но место пограничного горизонта в толще его торфа занимает прослой суглинка времени древне-балтийской трансгрессии. Это различие в строении объясняется разницей в высоте обоих торфяников над уровнем моря: Лахтинский торфяник лежит много ниже Глухоозерского. Поэтому, когда происходило наступление древне-балтийского моря, последнее затопило Лахтинский торфяник. Воды его смыли старый сфагновый торф, а при отступлении своем оставили в данной местности свои наносы. Глухоозерский торфяник залит морем не был, но зато в сухую эпоху отступления древне-балтийского моря торфяник высох, и в нем образовался «пограничный горизонт». Итак, сухой эпизод в истории балтийских торфяников относится ко времени последнего отступления Балтийского моря.

Интересно что этот же эпизод отмечен в окрестностях Ленинграда и другим еще геологическим памятником. Мы имеем в виду известные Сестрорецкие дюны. Дюны эти не являются современным геологическим образованием: они уже давно заросли лесом, они отделены от моря полосой древесной растительности. Материалом для их образования послужил не тот песок, который выбрасывается на берег современным Балтийским морем: они, как показали исследования, состоят из песков древне-балтийского моря. Другими словами, здесь перед нами в сущности уже «ископаемые» дюны. Как и их сверстник — пограничный горизонт,— они указывают на эпоху сухого климата, на период отступления древне-балтийского моря.

Эти дюны соответствуют песчаным отложениям Арало-каспийской котловины и свидетельствуют о сходстве физико-географических условий в двух прямо противоположных углах нашей страны. И Балтийский бассейн и бассейн Арало-каспийский жили одною общею жизнью, наглядно показывая единство рычагов геологической истории. Но они и сейчас не так уже разобщены друг от друга, как это может показаться: лёсс доисторических степей, ископаемые пустыни Полесья — вот замаскированные сверху, но сохраняющиеся под почвой и растительностью, звенья, соединяющие в одно целое барханы Туркестана с дюнами и торфяниками балтийских берегов.

¹ Проф. С. А. Яковлев, Наносы и рельеф г. Ленинграда и его окрестностей, 1926.

История Черного и Каспийского морей.

Мы уже упоминали выше об Арало-каспийском бассейне: в то время, как северная Европа переживала эпоху великого оледенения, наши прикаспийские степи были покрыты морем, угасающим остатком которого является нынешний Каспий. Оба эти явления обусловлены несомненно одною причиною. В описываемое время климат отличался значительною влажностью, но, в то время как на севере атмосферные осадки выпадали в виде снегов, на юге увеличение влажности выразилось в поднятии уровня всех бассейнов. Подтропические страны переживали тогда не столько ледниковой, сколько дождливый (плювиальный) период, до сих пор в них можно наблюдать следы могучей некогда деятельности водных потоков. Современных Пустынь тогда в сущности еще и не было¹. Даже Сахара пользовались достаточно влажным климатом, и тогда-то именно образовались в ней многие из тех, сухих ныне, долин (вади), которые обратили на себя внимание исследователей своим удивительным сходством с руслами рек. Точно так же исследования в С. Америке показали, что нынешнее Большое Соленое озеро в пустыне Западных штатов представляет собою лишь ничтожный остаток исчезнувшего теперь громадного Бонневильского озера; на склонах гор, окружающих Б. Соленое озеро, можно видеть прежние береговые террасы Бонневилья, лежащие на высоте 330 м над уровнем современного бассейна. Только с окончанием ледникового периода началось формирование современных нам пустынь.

Мы познакомились с историей Балтийского моря; мы знаем уже, что этот бассейн в конце ледникового периода пережил ряд сокращений и расширений. Сходным образом удалось восстановить и историю наших южных морей — Черного, Азовского и Каспийского. Там, на северо-западе, мы могли наблюдать смену морских осадков со слоями торфа; здесь на юге — под самыми верхними арало-каспийскими отложениями мы можем видеть целую серию разнообразных слоев (глинистых, песчаных и известковых), принадлежащих различным морям, последовательно сменявшим друг друга в течение геологического времени. Желая по этим геологическим памятникам воссоздать историю страны, мы должны прибегнуть к знакомому нам уже методу. Мы должны тщательно изучить каждый слой в отдельности, обратив особенное внимание на остатки органической жизни (раковины, кости, зубы животных), погребенные в нем; мы должны отметить на карте все пункты, где встречается такой же слой с теми же остатками; тогда, соединив все эти пункты, мы восстановим очертание исчезнувшего бассейна в его целом. Повторив ту же работу над каждым слоем в отдельности, перебирая так все пласты сверху вниз друг за другом, мы будем как бы последовательно снимать покровы осадков с земной коры, и перед нашими глазами будет проходить картина постепенных изменений в распределении суши и моря на земле.

¹ Так, у нас к северу от Аральского и Каспийского бассейна были найдены остатки бобра и торфяного оленя: это свидетельствует о распространении здесь влажных лесов.

Прделаем эту работу над историей Черного и Каспийского морей.

Время, предшествовавшее ледниковому периоду, известно в геологии под именем третичного периода. Мы не станем касаться особенно глубоких слоев земли; мы начнем с середины третичного периода, с того геологического, момента, который получил название эпохи миоцена.

Рис. 41. Карта Европы в эпоху миоцена.

Из карты Европы миоценового времени (рис. 41) видно, что северная половина Европы значительно уже напоминает Европу современную, зато в южной половине еще только намечаются контуры знакомых нам альпийской и средиземноморской областей» Пиренейский полуостров почти уже сформировался, возникают и Аппенинские горы — этот позвоночный столб будущей Италии. На месте Балканского полуострова, Эгейского моря и М. Азии возвышается сплошная суша — Эгеида. Альпы, Карпаты и Балканы уже бросаются в глаза своими характерными изгибами, но к северу от Альп и Эгеиды протягивается в широтном направлении море, соединяющееся с Средиземным узким проливом в области р. Роны и уходящее далеко в глубь Средней Азии. В настоящее время мы считаем Черное и Азовское моря лишь крайним ответвлением моря Средиземного. Однако связь этих морей через Босфор, Мраморное море, Дарданеллы и Эгейское море установилась лишь очень недавно. Исторически Черное море является наследником именно того миоценового среднеевропейского моря, которое омывало Карпаты, покрывало Венгрию и, огибая узким рукавом Альпы с севера, соединялось Ронским проливом (и то лишь недолгое время) с западной частью Средиземного моря. Геологической осью наших южных морей являются горные цепи Кавказа и Крыма, но эти горы служат лишь продолжением Карпат и Альп и составляют с ними одну «альпийскую» систему. К концу миоцена Ронский пролив и предальпийский морской рукав замыкаются и заменяются рядом пресноводных озер.

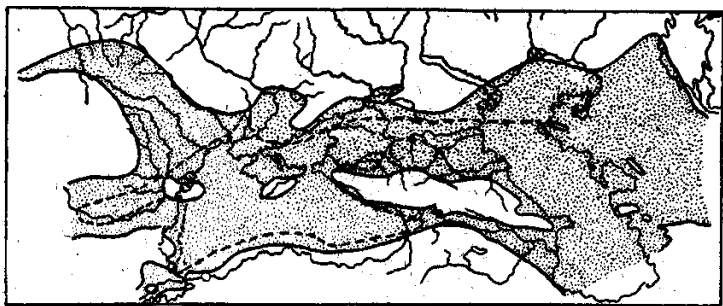

Рис. 42. Сарматское море.

Вместе с тем среднеевропейское миоценовое море превращается в замкнутый и, как можно думать, сильно опресненный бассейн, называемый Сарматским. От Вены и Венгрии, омывая гирлянду Карпат, протягивается он через Новороссию в Ср. Азию, а с юга его ограничивает сплошная масса суши (рис. 42). Сухость климата, по-видимому, возрастает, и Сарматский бассейн подвергается дальнейшему сокращению. Одно время — в так называемый мэотический век — сокращение это становится столь значительным, что по возникшим в этой области мостам суши к нам, в СССР, проникает с Эгеиды фауна млекопитающих африканского характера (слоны, носороги, жирафы, антилопы, обезьяны)¹. — Так заканчивается миоценовая эпоха.

В начале следующего (и последнего) отдела третичного периода — плиоцена — господствует по-прежнему сухой континентальный климат, и новое сокращение площади нашего бассейна приводит к образованию так называемого Понтического озера-моря² (рис. 43). Уже из карты видно, что и незначительные перемещения береговой линии могут вызвать в дальнейшем распадение этого бассейна на отдельные современные моря.

Это и произошло в действительности. Каспий отделился от Черноморско-азовского бассейна (Эвксинского), хотя иногда сообщение между этими двумя бассейнами и восстанавливалось. На западе от бассейна Эвксинского отделился бассейн Румынский или Дакийский. В дальнейшем развитие этих трех бассейнов пошло по разному пути. Однако общей чертой в их истории является прогрессивное опреснение, что сопровождается обеднением их фауны и появлением в последней пресноводных форм. Этот процесс намечается уже с эпохи Сармата. Впервые фауна опресненных вод появляется в западном районе Сарматского моря — в Венском бассейне. Отсюда она распро-

¹ Приблизительные границы мэотического бассейна обозначаем на рис. 42 пунктиром.

² Понтическое море оставило после себя различные осадки, — например, так называемый одесский известняк, пористый, желтого цвета, весь состоящий из обломков раковин, употребляющийся у нас на юге для построек; к понтическим осадкам относится и керченский ракушечник.

страняется на восток, заселяет Понтический бассейн, и, в конце концов, здесь складывается своеобразный тип «каспийской» фауны.

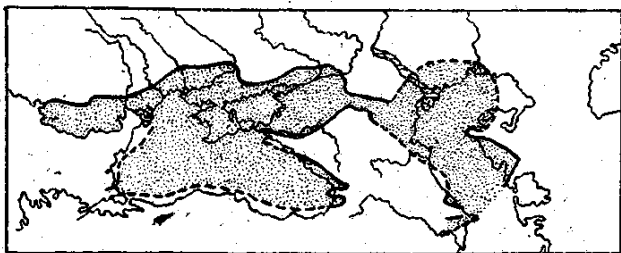

Рис. 43. Понтическое море.

Проще всего протекала история Румынского бассейна. Он сравнительно быстро опреснился, а затем подвергся и высыханию, и на морские «дакийские» слои легли сверху озерные отложения с пресноводными моллюсками палудинами (левантийская фауна).

Сложнее была история Эвксинского бассейна. На Керченском полуострове можно видеть, что на ракушечник понтического возраста налегают «керченские рудные слои». Эти слои являются памятником уже следующего века — Киммерийского. Подобные слои, кроме Керчи, можно наблюдать на Кубани, около Сухума и в Гурии. (Восточный берег Киммерийского моря показан пунктиром на рис. 45.) Климат киммерийского века был, по-видимому, теплый, и понтическая фауна достигла за это время наивысшего своего развития. Реки и ключи вносили в воду Киммерийского, бассейна много железистых соединений, и так из осадков на дне этого бассейна образовались «рудные слои». Еще выше залегают слои Куяльницкого яруса с более бедной фауной, указывающей, по-видимому, на понижение температуры моря. Заканчивается плиоцен «слоями Чауда», получившими название по одному мысу, на Керченском полуострове. Интересно, что в этих слоях заметны следы оледенения — валуны, попавшие в осадок, вероятно, с плавающих льдин.

Наиболее сложную цепь превращений претерпел третий, восточный район Понтического моря. В самом начале плиоцена в области будущего Каспия установился сухой пустынный климат, и на понтические слои налегла толща так называемых балаханских отложений континентального и дельтового происхождения. К ней на Апшеронском полуострове приурочены выходы нефти. Вслед за тем в области Заволжья началось опускание земной коры. Это привело к образованию нового морского бассейна, протянувшегося далеко к северу вдоль Волги и Урала и получившего название моря Акчагыльского (рис. 45). Это море проникло до пределов Казанской губ. и отложило свои осадки на берегах р. Белой. Фауна Акчагыла при всем своеобразии своем носит в общем понтический характер.

Рис. 45. Акчагыльское море.

С течением времени, однако, акчагыльский прогиб земной коры, шедший в меридиональном направлении, сменился прогибом широтного направления. Это привело к постепенному исчезновению Акчагыла, и на его месте остались лишь пресноводные озера с палюдинами. В следующий геологический век в области Каспия образовался Апшеронский бассейн, по площади своей лишь немного превосходивший современный Каспий. Интересно, что в фауне его есть формы, встречаемые и в пластах Чауда. Это указывает на соединение, установившееся между Древне-каспийским и Эвксинским бассейнами, и позволяет слои апшеронского яруса рассматривать как одновременные слоям Чауда. — Апшеронским ярусом и заканчивается каспийский плиоцен.

Апшеронские слои покрываются так называемыми Бакинским и слоями, но очень резкая граница между теми и другими определенно говорит о перерыве в процессе отложения этих ярусов, о значительном промежутке времени, протекшем между апшеронской и бакинской эпохами. Действительно, время отложения бакинских слоев выходит далеко за пределы третичного периода и относится, следовательно, же к периоду ледникового¹⁾ Но переход от периода третичного к ледниковому совершался постепенно. Великое оледенение не является катастрофой, внезапно нарушившей равномерный ход земной истории: оно подготовлялось уже давно, но было лишь последним звеном длинной цепи взаимно обусловленных явлений.

Задолго до конца третичного периода, когда оледенение все было еще в будущем, уже чувствовались в природе его предвестники.

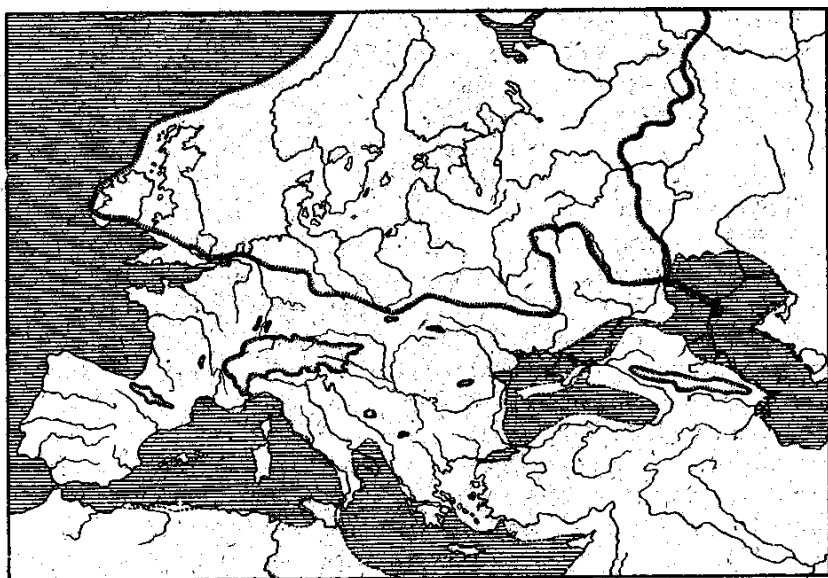

Рис. 46. Карта Европы во вторую ледниковую эпоху.

Во вторую половину третичного периода европейская флора начинает терять свой тропический характер: в ней исчезают пальмы и бамбук, и господство переходит к дубу, клену, буку, тополи и орешнику. В осадках Понтического моря встречаются уже валуны таких горных пород, из которых состоял каменистый северный берег этого моря. «Нет никакого сомнения, что валуны эти могли быть разнесены по обширной площади Понтического моря только льдинами» (п. Соколов). Обломки скал падали зимою на прибрежный лед, а весной льдины уносили эти валуны далеко к югу. Сплошь ли покрывалась Поверхность Понтического моря льдом, или замерзала только береговая

окраина, во всяком случае лед должен был достигнуть достаточной толщины, чтобы переносить валуны, нередко в -несколько пудов весом, на сотни верст». Зима вступала в свои права.

В понтическое время наша флора содержала уже формы с опадающей листвой, а ко времени Акчашла они уже вытеснили вечно-зеленые растения. Если фауна киммерийских слоев указывает еще на теплый климат, то сильно обедневшая куяльницкая фауна красноречиво свидетельствует о значительном понижении температуры. Несомненные седы работы льда можно видеть и в левантийских озерных отложениях Бессарабии и в пластах Чауда, и особенно в апшеронских слоях. Так постепенно наступал на земле новый—ледниковый порядок.

Фауна бакинских слоев весьма близка к современной каспийской.

Апшеронские слои залегают далеко не спокойно, горизонтально; они выведены из своего первоначального положения, сильно смяты. Все это говорит в пользу того, что апшеронский век был временем интенсивного проявления подземных геологических сил. Действительно, именно к апшерону относится момент поднятия главного Кавказского хребта. Если это так, то становятся понятными некоторые особенности апшеронских слоев. Поднятие гор во-первых, сопровождается усилением работы текучих вод, которые начинают сносить с гор массы крупной гальки и отлагают их в долинах или на дне морей: и, действительно, галечниковых слоев в апшеронском ярусе очень много. Поднятие гор, во-вторых, влечет за собою увеличение на горах снегового покрова, и массы глетчерного льда начинают сползать по склонам; наступает оледенение. По мнению проф. Павлова, конец ап-шеронского века и есть эпоха первого, гюнцкого оледенения. Гюнцкое оледенение охватило главным образом альпийскую систему гор. Гораздо значительнее были следующие оледенения — второе, миндельское, и третье, рисское. Второе оледенение (рис. 46) достигло нижней Волги и оставило свою морену в Камышинском районе. Третье оледенение занимало несколько меньшее пространство и до низовьев Волги не дошло (рис. 47). Тем не менее в обе эти эпохи массы талых вод, сбегавших с ледяного поля СССР, направлялись в Каспийскую впадину, и вот в связи с этим ледниковым режимом влажности стоят последние события в истории Каспийского моря.

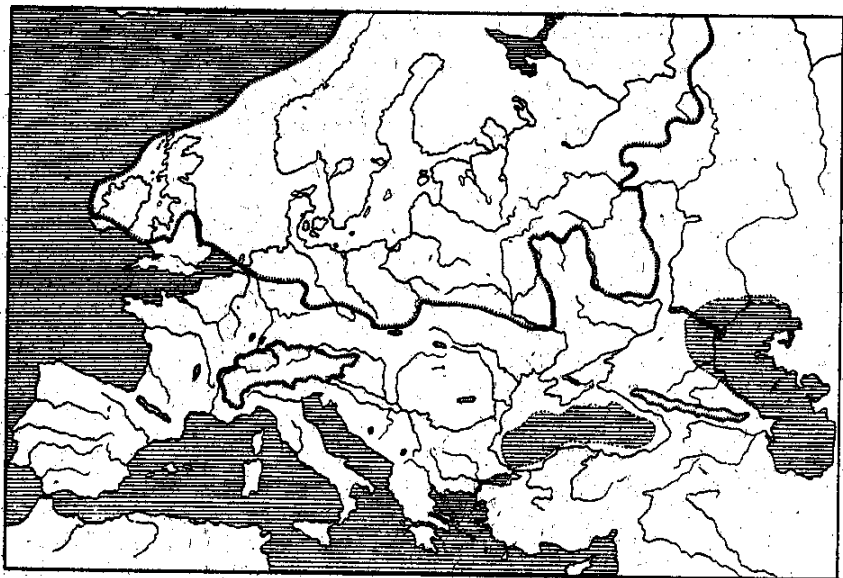

Рис. 47. Карта Европы в третью ледниковую эпоху.

Во многих местах Европы, от Германии и до Каспия, встречаются в ледниковых отложениях раковины брюхоного моллюска. Он населял пресноводные бассейны второй (миндельрисской) межледниковой эпохи. Встречается этот моллюск и в отложениях древне-каспийского моря, которое нанесено на рис. 47. Морю этому дано название Хозарского. Но раковины из хозарских слоев, носят на себе следы разрушительного действия морского прилива; они окатаны, обтерты; ясно, что эти моллюски обитали (в пресноводных водоемах) несколько раньше хозарского века, но при наступлении Хозарского моря на север их раковины были вымыты из, нижележащих слоев и переотложены затем на дно Хозарского бассейна. В хозарских осадках они находятся, как принято говорить, «во вторичном залегании». Между тем в бакинских слоях, подстилающих слои хозарские, этой формы еще нет. Это обстоятельство позволяет определить геологический возраст бакинских слоев. Последние должны быть древнее хозарских слоев (т. е. третьего — рисского оледенения) и даже второй миндель-рисской межледниковой эпохи, и в то же время новее апшеронских слоев, т. е. первого — гюнцкого оледенения. Вернее всего будет отнести бакинские слои ко второму — миндельскому оледенению. Тогда бакинские слои окажутся сверстником Камышинской морены, которая была доставлена тем самым льдом, талые воды которого и вызвали поднятие уровня Каспия в бакинский век.

	Западная Европа	Средняя часть СССР	Дакский бассейн	Черноморский бассейн	Каспийск. бассейн
Последняя ледниковая эпоха	Йольдическое море				Хвалынский ярус
IV ледниковая эпоха (Вюрм)				Прорыв Средиземного моря в Черное	
3-я межледниковая эпоха.		Троицкое озерное отложение			
III ледниковая эпоха (Расс)		Верхн. морена центр. губ. Верхн. морена Латвия		Образование лёсса и лёссовидных суглинков	Хозарский ярус
2-я межледниковая эпоха	Гейдельбергский человек. Глины с Palud. diluviana	Лихвинский лёсс и оверный мергель	Тираспольский гравий	Пески с Palud. diluviana	
II ледниковая эпоха (Миндель)		Нижн. морена центр. губ. Нижн. морена Латвия			Камышинская морена
I ледниковая эпоха					Баканский ярус
I ледниковая эпоха (Гюнц)					
Апшеронский ярус	Левантинские слои		Левантинские слои	Слои Чауда	Апшеронские слои
Кузальницкий ярус				Кузальницкие слои	
Актагальский ярус			Дакские слои	Керченские надрудные слои	Актагальские слои
Киммерийский ярус				Керченские рудные слои	Балаханские слои
Понтийский ярус	Понтийские слои		Понтийские слои	Олесский известняк Керченский ракушечник	Понтийские слои
Мэотический ярус				Керченский известняк	
Сарматский ярус				Сарматские известняки и глины	

Миоцен

Еще раз пришлось древнему Каспию проникнуть далеко на север в Заволжье — до широты Сызрани и это последнее крупное наступление нашего бассейна относится к так называемому хвалы некому веку. В хвалынских слоях содержится фауна почти уже неотличимая от современной каспийской. Хвалынское наступление совпадает, невидимому, с эпохой таяния льдов последнего — вюрмского — оледенения.

В промежутки между последовательными волнами оледенений отлагались у нас на крайнем юге разнообразные межледниковые образования. Так, во вторую межледниковую эпоху, в момент сильного таяния льдов, отложились в степном крае мощные наносы песка и гравия, нередко заключающие в себе богатые остатки, млекопитающих — носорогов, бизонов, верблюдов, лошадей, оленей, медведей (тираспольский гравий). Эпоха отложения тираспольского гравия совпадает с эпохой образования Лихвинских озерных слоев, с эпохой существования в Европе гейдельбергского человека. Далее — 9 то самое время, когда у Лнхвина на озерных мергелях лессе отлагалась морена (верхняя) третьего — рисского — оледенения, наше Черноморское побережье, бывшее лишь окраиной ледяного поля, покрывалось слоями лёсса и лёссоводных суглинков. Наконец, когда таяли льды четвертого — вюрмского — оледенения на берегах Хвалынского моря появился человек галлейхильского типа. Его остатки найдены недавно около с. Ундоры Ульяновской губ¹.

Но закончим историю Черного моря. В то время как Каспий, порвав связь с океаном и поддерживая свой высокий уровень лишь за счет талых вод великого оледенения» прогрессивно выдыхал, а прикаспийская впадина шаг за шагом превращалась в сухую бессточную область, Черноморский бассейн, наоборот, вступил в связь с океаном через Средиземное море. Во время второго оледенения (рис. 46) Эгеида еще существовала полностью и как барьер отделяла Черное море от Средиземного. На месте будущего Мраморного моря было всего лишь пресноводное озеро. Во время третьего оледенения (рис. 47) Эгеида уже начала разрушаться. Черное море сильно сократилось, совершенно изолировалось от Каспия, и уровень его стоял много ниже современного. Может быть, его постигла бы судьба Каспия, если бы не разрушение Эгеиды. Ко времени последнего оледенения относится образование сбросов и провалов на последней. Эти сбросы вызвали образование Дарданелл и Босфора, превратили Мраморное озеро в море и установили сообщение между Черным морем и Средиземным. Средиземноморская вода нахлынула в опресненную Эвксинскую впадину и подняла ее уровень настолько, что устья впадавших сюда рек превратились в наши лиманы. Для почти пресноводной эвксинской фауны это было, конечно, катастрофой.

¹ Павлов, Ископаемый человек эпохи мамонта» в восточной России и ископаемые люди Зап. Европы, 1925.

Карта южной части СССР приняла свой современный вид, а для настоящей морской фауны открылась новая область, которую предстояло еще заселить¹.

¹ Приведенная таблица, в которой сопоставлены главнейшие отложения верхнетретичного и ледникового периода, составлена по А. П. Павлову (Неогеновые и послетретичные отложения Ю и В. Европы, 1925).

II. ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИЛЫ.

Эндогенные и экзогенные силы.

Изучение памятников ледникового периода, истории Балтийского моря и пустынь Туркестана приводит нас к вопросу о так называемых «геологических силах, создающих историю земли. Геологические силы, которые неустанно работают над изменением земного шара, разделяются на две категории: под именем сил экзогенных (т.е. внешних) мы различаем те силы, которые действуют на земной поверхности. К числу таких сил или деятелей относятся солнечная теплота, воздух, вода и лед. Под именем же сил эндогенных (т. е. внутренних) известны силы, « воздействующие из глубин земли на ее поверхность. Они выражаются в горообразовании, в вулканизме и землетрясениях.

Действия экзогенных и эндогенных сил направлены в разные стороны; так, экзогенные силы, как силы вообще разрушительные, стремятся всякую возвышенность сгладить, всякую впадину засыпать продуктами разрушения горных пород. Если бы им одним предоставлена была полная свобода действия, земля приняла бы рано или поздно форму идеально правильного шара. В противоположность этому эндогенные силы создают всевозможные неровности на земной поверхности. Таким образом между двумя категориями геологических сил происходит известная борьба, и рельеф каждой данной местности свидетельствует о том, кто именно на этот раз остался победителем.

Совокупность всех разрушительных процессов в природе называется вообще выветриванием¹. Различают выветривание физическое (механическое) и выветривание химическое.

В первом видное участие принимает солнечная теплота: колебания температуры, вызывая попеременное расширение и сжатие горных пород, обуславливают распадение последних на отдельные куски, которые, в свою очередь, дробятся все дальше и дальше, пока не превратятся, наконец, в отдельные крупинки песка или даже в пыль². Затем вступают в действие и другие экзогенные деятели — воздух, текучая вода — и начинают переносить с одного места на другое продукты разрушения. Мы познакомились уже с работой ветра — развеивая нем, или дефляцией. В наших широтах, благодаря большей влажности климата, выступает особенно наглядно работа текучей, воды. Эту работу мы называем размыванием, или эрозией, а все вообще про-

¹ Термин этот довольно неудачен, так как очень часто ветер сам по себе не принимает никакого участия в процессе разрушения горных пород.

² Такому механическому раздроблению минеральных масс содействует и вода, которая, проникая в породу по трещинам и замерзая там при понижении температуры, увеличивается при этом в объеме и, таким образом, еще более расширяет трещины.

цессы, способствующие удалению продуктов выветывания и, следовательно, обнажению земных недр, объединяем под именем процессов денудационных. Наконец, на высоких горах и в полярных областях мы можем наблюдать разрушительную и переносную деятельность льда.

В химическом выветривании, кроме воды, принимают участие кислород и углекислота атмосферы. Этот род выветривания сопровождается глубоким химическим расщеплением минеральных частиц.

Если к указанным химическим и физическим деятелям прибавить еще растения, животных и бактерий, которые точно так же работают над разрушением верхних этажей земной коры, то нельзя будет не признать поверхность земли областью преобладающего разрушения. В результате этого разрушения возникает почва, под которой понимают самый верхний слой земли, измененный совокупной деятельностью климата, воздуха, воды, растений и животных.

Но где же протекают те созидательные процессы, в результате которых образуются минеральные массы, подвергающиеся затем на поверхности, земли выветриванию и постепенному превращению в почву? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны спуститься глубже, в земную кору.

Изучение как земной коры, так и других небесных тел, в особенности солнца, приводит нас к убеждению, что некогда весь земной шар был расплавлен. Постепенно, однако, двигаясь в холодном мировом пространстве, земля остывала и, наконец, покрылась твердой корой, поверх которой расположились, в свою очередь, водная оболочка — гидросфера и газообразная — атмосфера. Но и до сих пор еще земля хранит в своих недрах следы бывшего расплавленного состояния: под твердой земной корой или литосферой, залегает огненно-жидкая масса, составляющая расплавленный слой земного шара — пиросферу. Вещества пиросферы мы называем магмой, но, когда эти вещества по вулканическим трещинам изливаются на земную поверхность, мы даем им название лавы.

Из этой-то магмы, как первоосновы минерального мира, выделились все минералы и горные породы, которые затем, пройдя длинный путь различных превращений, дали начало почвам.

Земная кора.

Наши почвы — и подзолистые и черноземные — образовались при содействии климата и органического мира из подпочвенных коренных пород, происхождение которых связано с работою льда в ледниковую эпоху. Так, валунные глины снесены ледниками с Финляндских и Скандинавских гор и представляют собою не что иное как продукт разрушения кристаллических Торных пород этих стран. Преобладающей горной породой Скандинаво-финляндского массива является гранит. Гранит обладает зернисто-кристаллическим строением, залегает в земной коре сплошными массивными глыбами, уходящими на неизведанную глубину. Он . относится к числу

сложных горных пород, так как состоит из различных минералов. Мы различаем в гранитах кристаллы трех минералов: розового или красноватого ортоклаза (одного из представителей группы «полевых шпатов»), белой или черной слюды и прозрачного кварца. Кварц в химическом отношении есть чистый окисел кремния или кремнезем (SiO_2). Слюда и ортоклаз представляют собою более сложные соединения, в состав которых входят кремнезем, окисел алюминия или глинозем (Al_2O_3) и окись калия (K_2O)¹.

Если бы мы расплавили смесь всех указанных веществ и сплав этот быстро охладили, он образовал бы сплошную однородную массу в виде стекла. При быстром застывании кристаллики отдельных минералов не могли бы достигнуть сколько-нибудь значительной величины, так как рост кристаллов происходит очень медленно. По тому же самому лава, излившаяся из вулкана и быстро застывающая на земной поверхности под слабым давлением, обладает тоже стекловатой структурой. Только под микроскопом можно заметить в ней отдельные мелкие кристаллики, погруженные в массу «вулканического стекла». Если же расплавленную массу подвергать охлаждению очень медленному и постепенному и держать под сильным давлением, то из нее выделяются крупные кристаллические индивидуумы. Это объясняет нам происхождение зернистой структуры гранита. Он образовался несомненно при медленном застывании расплавленных масс, под сильным давлением, и теперешнее залегание его в Финляндии на самой земной поверхности есть уже результат позднейшей денудации. В противоположность лавам, которые мы относим в группу горных пород вулканических, или эффузивных (т. е. излившихся на земную поверхность), гранит можно считать представителем пород глубинных (или интрузивных). И те и другие, однако, объединяются под именем пород «огневого» происхождения», или эруптивных. Все они обладают или явным или скрытым кристаллическим строением, залегают сплошными массами и потому называются породами «массивно-кристаллическими».

Магма. Образование минералов из магмы. Химические анализы минералов и горных пород дают нам возможность составить себе представление о степени распространенности различных химических элементов в доступной нам части земной коры. Следующие цифры представляют химический состав литосферы:

Кислород (O)	50%	Титан (Ti)	0,3%
Кремний (Si)	26	Углерод (C)	0,2
Алюминий (Al)	7,45	Хлор (Cl)	0,175
Железо (Fe)	4,2	Фосфор (P)	0,08
Кальций (Ca)	3,25	Марганец (Mn)	0,07
Натрий (Na)	2,4	Сера (S)	0,06
Магний (Mg)	2,35	Барий (Ba)	0,03

¹ В состав черной слюды входит и окись магния (MgO).

Калий (K)	2,35	Фтор (F)	0,03
Водород (H)	0,9	Азот (N)	0,02

Из этой таблицы видно, что вслед за кислородом первое место в минеральном мире занимает кремний; его роль здесь аналогична роли углерода в мире органическом. Подобно углероду, являющемуся основой всех органических веществ — белков, углеводов и жиров, — кремний образует целый ряд сложных веществ, так называемых силикатов. К ним, например, относятся полевые шпаты и слюды, и они-то и являются наиболее распространенными минералами земной коры.

Магма не есть какое-нибудь определенное химическое соединение, состав которого можно было бы выразить одной химической формулой. Это есть не что иное как очень сложный концентрированный раствор различных окислов. Вот главнейшие окислы магмы:

Слишком высокая температура магмы поддерживает эти окислы в разьединенном состоянии, но при понижении температуры между окислами начинается, проявляться химическое сродство. Происходит перегруппировка и соединение химических молекул, и из остывающей магмы начинают выпадать в известной закономерной последовательности более или менее сложные минералы. Так как среди элементов магмы есть и металлы и металлоиды, и так как одни из окислов магмы являются основными (FeO , CaO , Na_2O , MgO , K_2O), а другие кислотными (SiO_2 , Al_2O_3 , Fe_2O_3), то из соединения тех и других получаются соли (например, $\text{CaO} + \text{SiO}_2 = \text{CaSiO}_3$ — кремнекислый кальций). Соли могут быть простыми или сложными — двойными и комплексными, когда в образовании их участвует более двух окислов. Соли могут быть основными, средними или кислыми, смотря по преобладанию в них металлических или металлоидных окислов. Наконец, две соли могут давать между собою как двойные соединения, так и твердые однородные растворы, называемые изоморфными смесями¹.

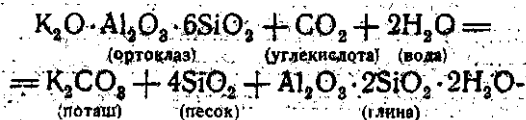
Жидкая магма способна дифференцироваться, распадаться, на слои, по которым распределяются ее окислы, сообразно их удельному весу. Так, из приведенных выше окислов в самых нижних слоях магмы соберутся такие тяжелые окислы, как FeO , Fe_2O_3 , TiO_2 , выше расположатся окислы щелочно-земельных металлов (CaO , MgO), а в верхнем слое будут скопляться окислы легких щелочных металлов — K_2O , Na_2O . Легкий кремнезем тоже сконцентрируется вверх. Таким образом при застывании магмы из верхних слоев ее образуются сильно кислые соли щелочных металлов.

¹ Изоморфные смеси могут давать веществ», которые при близком химическом составе обладают способностью кристаллизаться в сходных по форме кристаллах. Так, из окислов SiO_2 и 2MgO составляется минерал Mg_2SiO_4 , из окислов SiO_2 и 2FeO — минерал Fe_2SiO_4 ; обе последние соли дают между собою изоморфную смесь $(\text{MgFe})_2\text{SiO}_4$ — минерал оливин.

Таковы, например, ортоклаз ($K_2O \cdot Al_2O_3 \cdot 6SiO_2$) и слюда ($K_2O \cdot 3Al_2O_3 \cdot 6SiO_2 \cdot 2H_2O$). Избыток кремнезема застынет в виде чистого кварца (SiO_2). Несколько ниже образуются уже менее кислые или даже средние слои щелочных металлов. Как пример можно привести другой полевой шпат — анортит — $CaO \cdot Al_2O_3 \cdot 2SiO_2$ или шпинель — $MgO \cdot Al_2O_3$. В глубоких слоях магмы свободного кремнезема может совсем не оказаться, и там образуются минералы основного типа — $FeO \cdot Fe_2O_3$ (магнитный железняк) или $FeO \cdot TiO_2$ (титанистый железняк).

Из этого видно, что первозданная твердая кора на расплавленном-земном шаре должна была образоваться именно из гранита, так как главные минералы гранита — ортоклаз и слюда — представляют собою кислые соли калия, и, кроме того, в состав гранита входит и свободный кремнезем в виде кварца. Такие же тяжелые минералы, как магнитный железняк, встречаются в кристаллических породах более основного характера, происшедших из глубоких слоев магмы.

Распадение минералов и образование почвы. Силикаты, как минералы глубинные, оказываются неустойчивыми на земной поверхности. Если гранит выступит где-нибудь на поверхность, тотчас же начинается его разрушение, не только механическое, но и химическое. Кремнезем оказывается уже неспособным удерживать на земной: поверхности в прежней связи с собой — другие окислы. При существующих здесь условиях он принужден уступить своих спутников углекислоте. Последняя отнимает от силикатовой частицы металлические окислы и образует с ними соли угольной кислоты или карбонаты. В это разрушение силиката вмешивается также и вода, и в результате за счет минералов гранита образуются новые вещества, более устойчивые при господствующих, на земной поверхности условиях. Так, распадение ортоклаза может быть изображено следующим химическим уравнением:

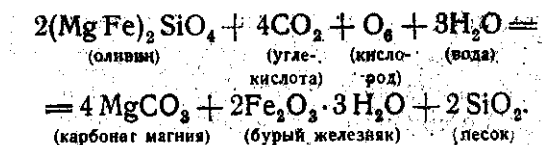

Мы видим, что углекислота, отщепив от ортоклаза окисел калия, образовала с ним растворимый карбонат калия (поташ), который будет унесен водою часть кремнезема выделилась в чистом виде, дав те кварцевые крупинки, которые од попросту называем песком; остаток от ортоклаза вместе с водою дал глину¹. Сходным образом разрушается и слюда, но она более устойчива на земной поверхности, чем ортоклаз, а потому при разрушении гранита листочки слюды освобождаются из компактной массы горной породы и сносятся

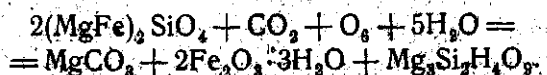
¹ 1) Приведенная формула относится к чистой фарфоровой глине — каолину. Наши обычные желтые или черные глины богаты различными примесями.

в низины текучей водой. Третья составная часть граница — кварц — еще более прочен и, выпадая из выветрившегося гранита, образует пески.

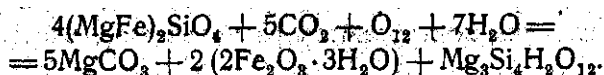
В разрушении горных пород, кроме углекислоты и воды, принимает участие и кислород. Приведем, как пример, выветривание оливина. Последний состоит из окислов магния железа и кремния. Сущность процесса заключается здесь в том, что углекислота и кислород (вместе с водою) разнимают этот силикат на части, причем углекислота извлекает из него окись магния, а кислород и вода присоединяются к закиси железа; кремнезем остается один:

Но это распадение оливина совершается не сразу, а идет как бы по ступеням, причем образуется целый ряд промежуточных продуктов распада, из которых каждый является отдельным минералом. Так, в начале своего действия углекислота извлекает из оливина лишь часть окиси магния:

Образующийся при этом остаток ($\text{Mg}_3\text{Si}_2\text{H}_4\text{O}_9$) представляет собою минерал серпентин — $3\text{MgO} \cdot 2\text{SiO}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$. По мере дальнейшего действия углекислоты из оливина извлекается новое количество окиси магния:

Остаток является особым минералом — тальком ($3\text{MgO} \cdot 4\text{SiO}_2 \cdot \text{H}_2\text{O}$). Отношения серпентина и талька к оливину позволяют нам сказать, что и минералы, подобно телам органической природы, подвержены постоянным, хотя и ч медленным, изменениям. То, что мы считаем определенным — минералом, есть только известный этап в процессе непрерывного изменения веществ земной коры.

Таким путем идет постепенное разрушение глубинных минералов на земной поверхности: глина, пески (кварцевые, слюдяные) да растворимые минеральные соли (в нашем примере с ортоклазом — поташ) — вот все, что остается от гранита в результате химического выветривания. Так из горной породы, выделившейся некогда из магмы, образуются те материалы, которые слагают верхнюю часть земной коры, или почву. Почва есть не что иное как

своего рода мусор от геологических сооружений. Если бы описанный распад шел всюду До конца, до выделения в свободном виде отдельных окислов, то минеральную часть почвы можно было бы рассматривать как аналог магме, этого, однако, не происходит — процесс останавливается на стадии образования глины¹. Во всяком случае, выпадение из магмы и разрушение в почву — вот начальный и конечный моменты эволюции всякого минерала. В итоге из веществ магмы образуется минеральная часть почвы. При этом глина и песок являются лишь «почвенным балластом». Для развивающегося на почве растительного покрова они имеют мало значения. Гораздо важнее для растений те растворимые продукты выветривания, те «вторичные» почвенные минералы, которые составляют минеральное питание растений. Ими являются соли угольной кислоты (карбонаты — поташ, известь), серной (сульфаты — гипс), азотной (нитраты — селитра), фосфорной (фосфаты). Можно воспитать совершенно нормальное растение и совсем без почвы, заменив последнюю, например, водой (водные культуры), лишь бы только к этой воде были прибавлены в небольшом количестве необходимые для растения минеральные соли².

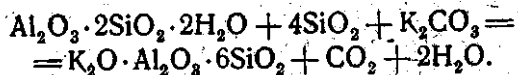
Метаморфизм, Геозоны. Если при поднятии из земных недр глубинных минералов и горных пород происходит их разрушение, причем последние подвергаются размельчению, растворению, окислению, карбонизации³ и гидратации⁴, то обратные процессы будут возникать при опускании поверхностных минеральных тел на глубину. Всякая рыхлая порода при этом становится более плотной и сцементируется: из песков образуются плотные песчаники, из глин — глинистые сланцы. Порода беднеет водою. При дальнейшем опускании начинается действие высокой температуры, минеральная масса расплавляется, и химические молекулы в ней перегруппировываются в новые, более устойчивые на глубине, соединения: карбонаты разлагаются, и возникают снова силикаты. В результате восстанавливаются из продуктов выветривания горных пород глубинные минералы, а еще дальше начинается уже область магматизации, где горные породы, распадаясь на окислы, как бы вливаются в общий резервуар первоосновы минерального мира — магму. Описанный процесс восстановления ортоклаза, из глины можно передать таким уравнием:

¹ Впрочем, в тропическом климате едина или каолин подвергается дальнейшему распаду глинозем отделяется от кремнезема и вместе с водой образует водный глинозем — латерит или боксит — $\text{Al}_2\text{O}_3 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$.

² Минеральные вещества почвы, поглощенные растениями, поступают затем в животные организмы и производят в них важную физиологическую работу. Так, железо входит в состав гемоглобина крови животных и принимает ближайшее участие в окислительных процессах, протекающих в организмах.

³ Действием уголекислоты возникают углекислые соединения, или карбонаты.

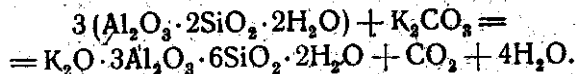
⁴ Вода, вступая в соединение с окислами, дает водные окислы, или гидраты.

В этом случае глина должна заключать примесь песку (суглинок). Если глина будет содержать примесь извести (мергель), то при сходных условиях образуется другой полевой шпат — анортит:

Так же восстанавливаются на глубине и слюды:

На известной глубине этот процесс приводит к превращению глинистых сланцев в сланцы слюдистые. Породы сильно обогащаются слюдой, подвергаясь как бы своеобразному слюдистому перерождению. Как при постепенном разрушении глубинных минералов на поверхности возникают различные промежуточные продукты, так при постепенном опускании горных пород в глубокие этажи земной коры образуются новые, промежуточные минералы. Так, например, переходной стадией при образовании сложных силикатов является разнообразные гранаты:

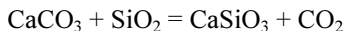

По химическим свойствам своим оба наиболее распространенные продукты химического выветривания — глина и песок — представляют собою кислоты: кварц есть не что иное как ангидрид кремневой кислоты (SiO_2), но и глина обладает кислотным характером. Каолину можно придать формулу $\text{H}_2\text{Al}_2\text{Si}_2\text{O}_8 + \text{H}_2\text{O}$ ¹. Водород этого соединений может быть заменен металлами. При таком замещении его кальцием получается формула анортита — $\text{CaAl}_2\text{Si}_2\text{O}_8 = \text{CaO} \cdot \text{Al}_2\text{O}_3 \cdot 2\text{SiO}_2$. Следовательно, анортит есть не что иное как кальциевая соль глины. Но в природе имеется несколько видов глины. Один из них состава $\text{H}_2\text{Al}_2\text{Si}_6\text{O}_{16}$ дает калиевую соль — $\text{K}_2\text{Al}_2\text{Si}_6\text{O}_{16}$, или $\text{K}_2\text{O} \cdot \text{Al}_2\text{O}_3 \cdot 6\text{SiO}_2$ — это и есть ортоклаз. Таким образом полевые шпаты вообще есть соли глины. С этой точки зрения превращение полевых шпатов при выветривании в глину есть восстановление чистой кислоты из ее солей. Но так как при атом металлические окисли полевых шпатов вступают в соединение с углекислотой и из силикатов образуются карбонаты, то, весь этот процесс

¹ Из двух частиц воды в каолине лишь одна прочно соединена с силикатовым ядром, а другая может быть легко удалена при нагревании.

нужно понимать как обменную реакцию: кремнекислоте принадлежит первое место в глубине земли, а углекислоте — на поверхности; при выветривании обе эти кислоты обмениваются основаниями.

К таким же реакциям обмена сводятся и явления так называемого «контактного» характера. В месте соприкосновения горных пород с расплавленными массами, излившимися из недр земли, может происходить перегруппировка химических молекул, и возникают новые минеральные тела. Так, если поток лавы пройдет мимо слоев известняка, то кремнезем расплавленных масс превратит карбонат в силикат:

При опускании на глубину глин, песков и других поверхностных горных пород происходит изменение их минерального состава и их структуры. Под влиянием главным образом высокой температуры они превращаются в кристаллические сланцы и гнейсы. Гнейс по минералогическому составу «своему» — тот же гранит, но листочки слюды в нем обладают слоистым расположением. Таким образом, как показывает само название, кристаллические сланцы совмещают в себе признаки пород и огневого и водного происхождения. Долгое время их происхождение оставалось загадкой для геологов: основываясь на глубокой, невидимой, их древности, видели в них «первозданную оболочку земли», считали их отложениями, образовавшимися на дне первобытного кипящего океана, и в этом понятии — «кипящий океан» искали объяснения тем следам одновременного действия огня и воды, которые заметны во всей структуре кристаллических сланцев. Теперь мы видим в кристаллических сланцах породы обычного осадочного происхождения, бывшие некогда глинами, песками и др., но впоследствии сильно видоизмененные, «метаморфизированные». При опускании в глубину они так переплавились и перекристаллизовались, что стали больше напоминать породы огневого происхождения. Но, с другой стороны, вполне возможно допустить, что и глубинные массивно-кристаллические породы, подвергаясь сильному и одностороннему давлению, могут тоже принять слоистое строение. Так, гранит может превратиться в гнейс. Глубокие слои земной коры являются местом преобразования горных пород под влиянием высокого давления и высокой температуры. Глубже высокая температура берет перевес над высоким давлением; начинаем плавление минеральных масс, одностороннее давление сменяется давлением равномерным со всех сторон — гидростатическим, и мы вступаем в область магматизации. Верхние же этажи земной коры можно назвать областью выветривания. Если разрушение минералов на поверхности земли назвать катаморфизмом, а восстановление на глубине первичных минералов — анаморфизмом, то земную кору и процессы в ней происходящие можно изобразить так:

3. Геофона выветривания процессы катаморфизма
2. Геофона сланцевая процессы метаморфизма
1. Геофона магматизации процессы анаморфизма
0. Пиросфера

В верхней геофоне из продуктов разрушения образуются на материках почвы, на дне морей — различные осадочные породы.

Идеальный разрез земной коры, на основании предыдущего, должен был бы состоять из следующих этажей:

3—осадочные породы, сверху превращенные в почву и местами прорезанные жилами вулканических пород¹;

2—кристаллические сланцы, гнейсы и массивно-кристаллические породы, составляющие большую часть твердой земной коры;

1—расплавленная магма.

В действительности строение земной коры в разрезах, доступных нашему наблюдению, представляет гораздо более сложную картину: горные породы в подавляющем большинстве случаев оказываются выведенными из своего первоначального положения, смещенными и в горизонтальном и вертикальном направлении; нередко осадочные слои, которые должны в сущности занимать горизонтальное положение, поставлены, как говорится, «на голову», т. е. вертикально, — а кристаллические сланцы и граниты надвинуты на слоистые породы более позднего происхождения. Все это несомненно говорит в пользу того, что земная кора в течение веков испытала многочисленные перемещения. В этих последних и сказывается работа эндогенных сил. Эта работа определяет условия залегания горных пород, или «тектонику» данной местности.

Тектонические процессы.

Поднятие и опускание литосферы. Большинство разрезов земной коры обнаруживает залегание между почвой, поверхностными наносами и ледниковыми отложениями—сверху и кристаллическими породами — снизу многочисленных и разнообразных слоев, содержащих в себе окаменевшие раковины морских организмов. Эти слои свидетельствуют о том, что данная местность неоднократно заливалась морем. Какие же причины могут вызвать затопление суши морем?

Как пример страны, испытывающей наступление моря, можно привести Голландию. Большая часть ее представляет собою низменность, лежащую ниже уровня моря. За историческое время море завладело здесь значительными пространствами суши. Так, в древности не существовал еще обширный

¹ Жилами называются трещины в земной коре, заполненные минеральными массами, так или иначе связанными в своем происхождении с глубокими недрами земли. Одни жилы заполнены поднявшейся снизу магмой, другие — теми веществами, которые вынесены были в растворах горячими водами из глубины, третьи — продуктами газообразных выделен и земных недр.

морской залив Зюдерзее. На его месте находилось пресноводное озеро Флево, через которое протекал один из рукавов Рейна. С IV века море начинает вторгаться в эту область, разрушать и заливать берега» и, наконец, в 139В г. оно прорывает узкий перешеек и превращает озеро в залив. Человек ведет здесь непрерывную борьбу с морем; он защищает свои берега высокими плотинами, но часто во время бурь море разрушает его сооружения и проникает в пониженные местности.

Хотя мы обыкновенно употребляем выражения «море затопляет Голландию», «море наступает на сушу», но механизм этого наступления моря не легко объяснить. В прежние времена, когда человеческая мысль находилась еще под сильным влиянием библейского учения о всемирном потопе, эта способность моря изменять свой уровень считалась понятной сама по себе и доказательств не требовала. Однако с течением времени выяснилось, что в океане нет никаких самостоятельных сил, которые могли бы вызвать его перемещение или изменение его уровня. Все движения океана вызываются всегда силами, извне приложенными к нему, и носят отраженный характер: так; волны и морские течения вызываются ветрами, приливы и отливы — притяжением луны. Наука принуждена была придти к выводу, что, лишь суша способна к активным движениям: только твердая земная кора может подниматься или опускаться, тогда как море только приспосабливается к этим восходящим и нисходящим движениям литосферы¹.

Поднятия и опускания литосферы объясняются следующим образом; плотность горных пород, составляющих литосферу, не превышает 2-3, между тем как плотность всего земного шара в целом равняется 5,6. Из этого следует, что под литосферой должны лежать более плотные, тяжелые вещества. Кроме того различные соображения заставляют нас приписать литосфере лишь незначительную толщину по сравнению с размерами самого земного шара: в то время, как радиус земли равен 6371 км, толщина литосферы равна всего 70 км (в среднем). Другими слоями; литосфера является всего лишь тонкой коркой, одевающей расплавленные земные недра. Но в таком случае она плавает на магме. Это обстоятельство обуславливает в одно и то же время и ее устойчивость и ее подвижность.

Плавающее тело, способно испытывать нисходящие и восходящие движения. Первые происходят при увеличении веса его, вторые — при уменьшении. Так и литосфера при отложении на ней лишнего груза в виде тех или других материалов земной коры может начать опускание в подстилающую ее магму, пока гидростатическое давление снизу не уравнивает ее избыточной тяжести; наоборот, при снятии геологическими силами некоторой толщи

¹ Ввиду трудности решения вопроса о том, испытывает ли активное поднятие или опускание суша или, наоборот, море опускает свой уровень или поднимает его, Зюсс предложил ввести в употребление более нейтральные термины и говорить о «положительном перемещении береговой линии», если перемещение это сопровождается увеличением площади моря за счет суши, или об «отрицательном перемещении», если, наоборот, увеличивается в конечном счете площадь суши.

земной коры, облегченный участок последней начинает как бы всплывать¹. Такие вертикальные перемещения могут охватывать громадные пространства суши и, так как совершаются они крайне медленно, то известны в геологии под названием «вековых колебаний» литосферы. В качестве примера их можно привести поднятие Скандинавии.

Еще в 1743 г. два шведских ученых, Линней и Цельзий, обратили внимание на явления, свидетельствующие о том, что берега Скандинавии медленно приподнимаются над: уровнем моря. По отметкам на скалах скорость этого поднятия была определена в 1,25 м в столетие. Вслед затем признаки поднятия суши были обнаружены и в многих других местах земли. Такими признаками поднятия являются, например, «береговые линии» и «береговые террасы». Первые представляют собою не что иное, как волноприбойные уступы, свидетельствующие о высоком некогда стоянии уровня моря. На берегах Скандинавии можно насчитать до 7 таких линий, опоясывающих весь полуостров и залегающих на высоте 5 — 200 м. На берегах же низких и плоских памятниками высокого стояния морского уровня служат береговые террасы, образованные скоплением рыхлых материалов. Как береговые линии, так и береговые террасы указывают на то, что периоды быстрого поднятия суши прерывались периодом поднятия медленного или даже полного равновесия суши и моря. Признаками опускания суши являются «подводные или континентальные террасы»: по мере опускания берега волноприбойный уступ постепенно расширяется и превращается в целую подводную платформу, которая состоит из рыхлых морских наносов, прикрывающих срезанные прибоем коренные породы суши. Такое срезание континента Наступающим морем называется «абразией». Если при этом породы суши были расположены под углом к горизонту, то при покрытии их горизонтальными морскими наносами получается так называемое «несогласное напластование».

Некоторые исследователи поднятие Скандинавии ставят в связь с событиями ледникового периода. В это время на Скандинавии лежал мощный слой льда. Такой избыточный груз должен был вызвать опускание скандинавского массива в подстилающую его магму. В конце ледникового периода, по мере таяния льда, Скандинавия становилась как бы легче, и началось ее восходящее движение. При этом временами поднятие прерывалось обратным опусканием, и все эти колебания отражались на очертаниях древних - баладйских бассейнов. Наблюдаемое ныне поднятие Скандинавии есть, с этой точки зрения, то же послеледниковое поднятие, продолжающееся уже как бы по инерции.

Дислокации. Чем меньше область, испытывавшая восходящее или нисходящее движение земной коры, тем яснее выступают в ней те различные нарушения нормального залегания горных пород, которые вообще называются

¹ Кроме того, не исключена возможность и того, что и сама магма под влиянием тех или других механических (космических) причин, способна перемещаться под земной корой из одного места в другое и тем вызывать поднятия и опускания плавающей на ней литосферы.

дислокациями. Дислокации являются элементами горообразования. Всякая горная система есть не что иное как комбинация этих элементов.

Главнейшими видами дислокаций являются сдвиги и сбросы. Сдвигами называются смещения пластов по горизонтальному направлению. Частным случаем сдвигов являются складки; от действия рокового давления, развивающегося в земной коре пласты в одних местах приподнимаются в виде валов или гребней, в других опускаются в виде корытообразных углублений. Первые складки, направленные вершиной вверх, называются антиклиналям (рис. 50), вторые, с вершинами, направленными вниз,—синклиналями (рис. 51). Те и другие, чередуясь друг с другом, тянутся часто на значительное протяжение, составляя основу складчатых гор. Линия их гребней, перпендикулярная к направлению давления, вызвавшего их возникновение, называется линией их простирации.

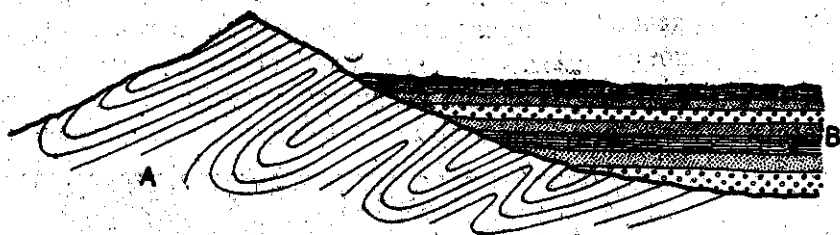

Рис. 49. Несогласное напластование.

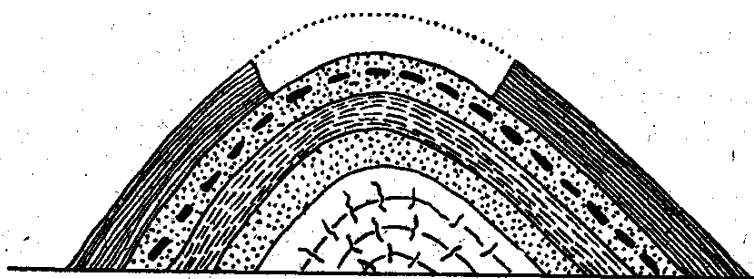

Рис. 50. Антиклинальная складка.

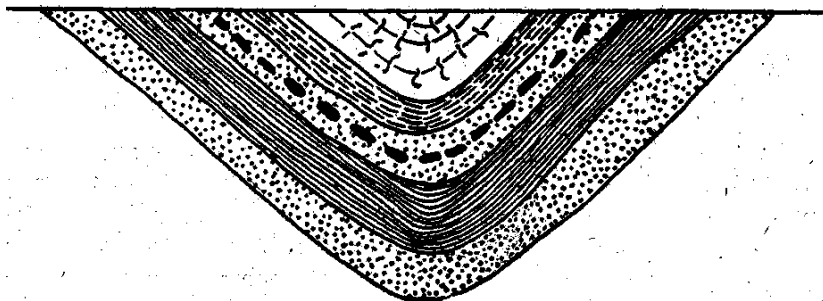

Рис. 51. Синклинали́ная складка.

Сбросами называются смещения пластов по вертикальному направлению, в силу оседания части земной коры вдоль трещины, прошедшей через литосферу. Таким сбросом являются, например, Жигулевские горы на Волге. Если часть земной коры, очутившаяся между двумя, приблизительно параллельными, трещинами, опустилась сравнительно с соседними участками, то получается грабен (рис. 52); если, наоборот, опустились соседние участки, а средний благодаря этому оказался приподнятым, то такое геологическое образование носит название горста (рис. 53). Так, Шварцвальд и Вогезы являются горстами, а находящаяся между ними Рейнская низменность представляет собою грабен. Грабены, или сбросовые впадины, могут достигать громадных размеров: так, впадина Красного моря есть не что иное как грабен, и продолжением его служит далее долина Иордана и Мертвого моря.

Рис. 52. Грабен.

Рис. 53. Горст.

Горные страны являются сложным сочетанием складок, сдвигов, грабенов и горстов. Горообразование. Современная теория горообразования рассматривает возникновение гор как результат сжатия земли от охлаждения и потому называется теорией контракционной (contractio — сжатие). Будучи

телом нагретым и двигаясь в холодном мировом пространстве, земля непрерывно остывает, и, в силу этого, литосфера ее сжимается, образуя складки или морщины. Эти морщины и являются горами (высочайшая вершина земли Эверест составляет всего $\frac{1}{750}$ земного радиуса). Процесс горообразования начинается с того, что какой-нибудь участок земной коры под давлением накопившегося на нем избыточного груза опускается вниз. Но так как, по причине шарообразной формы земли, каждый участок, вырезанный из литосферы, имеет форму клина, суживающегося по направлению к центру земли, то развивающееся при этом боковое давление собирает в складки пласты соседних участков (рис. 54). Таким образом горы возникают от бокового давления, но первичной причиной горообразования следует считать опускание литосферы.

Изложенная схема горообразования очень просто объясняет основные черты архитектуры горных цепей. Становится понятным, почему лишь в редких случаях горные цепи имеют симметричное строение, в большинстве же случаев один их склон полог, другой крут; крутой склон обыкновенно обращен в ту сторону, где находится область опускания и откуда, следовательно, шло боковое давление, вызвавшее образование складок. Так, Крымские горы круто обрываются к югу в сторону Черного моря, у Урала крутой склон обращен к Сибири. Становится далее понятной приуроченность горных цепей к берегам моря: рядом с горной цепью должна лежать область опускания, но последняя обычно и заполняется морем. Если, несмотря на это, мы видим в настоящее время много горных цепей, расположенных посреди материков и вдали от морей, то геология легко может доказать, что в момент образования своего эти горы находились на берегу исчезнувших ныне морей. Так, Альпы круто обрываются теперь к Ломбардской низменности, но низменность эта в недавнем геологическом прошлом представляла собою продолжение впадины Адриатического моря, которое было заполнено впоследствии наносами реки По и ее притоков. Наконец, схема объясняет, почему вулканы (как действующие так и потухшие) сопровождают обыкновенно крутой склон горных цепей: этот склон соответствует глубокому и резкому перегибу земной коры; он часто разбит трещинами, осложнен сбросами; по этим сбросам легко могут найти себе выход наверх расплавленные массы земных недр.

Однако образование складок осложняется иными дислокациями — сдвигами. Чтобы земная кора могла быть сложена в складки, должно быть соблюдено известное соотношение между ее толщиной и шириной той полосы земной коры, которая подвергается боковому давлению. В большинстве же случаев горные цепи при очень большой длине обладают лишь незначительной шириной, и при такой ширине участок литосферы в 70 км толщиной никак не может сложиться целиком в систему складок.

Чаще всего литосфера подвергается при действии бокового давления скалыванию, и вдоль трещины, наискось пересекающей литосферу, происходит

надвигание одного участка коры на другой¹. При этом более глубоко лежащие и, следовательно, более древние породы могут перекрыть породы более новые. Такие перекрытия или надвиги представляют самые обычные явления в архитектуре гор. По сравнению с ними сами складки играют уже второстепенную роль и представляют скорее детали горообразования, возникающие лишь в поверхностных частях литосферы. Иногда бывает, что антиклинальные складки отрываются от своих корней — синклиналей — и по плоскости надвига перемещаются далеко вперед; таким образом в горах нередко можно видеть отдельные массивы, не связанные непосредственно с подстилающими их горными породами: они, как валуны, являются в данном месте пришельцами, и корни их следует искать часто очень далеко от места их нахождения.

Если одно уже надвигание участков друг на друга способно глубинные породы переместить на несвойственную им вообще высоту, то еще более осложняется процесс горообразования участием разрушительных экзогенных сил. Более новые и, следовательно, более поверхностные породы бывают вообще менее плотны, чем породы глубинные, и потому легче разрушаются ветром, дождями, льдом и колебаниями температуры. Поэтому верхние части складчатой цепи будут неминуемо размыты и снесены, а из-под них выступят более прочные кристаллические породы и, с успехом сопротивляясь разрушительным силам, образуют мощные массивы и, причудливые пики.

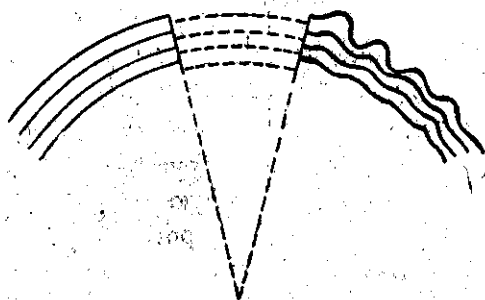

Рис. 54. Схема горообразования. Слева от сбросовой впадины показано положение земных слоев до начала процесса горообразования, справа — после того, как боковое давление смяло эти слои в складки.

Если литосфера плавает на магме, то к ней приложим закон Архимеда — вес плавающего тела равняется весу жидкости, вытесненной погруженной частью. Тело, опущенное в жидкость, погружается в нее до тех пор, пока давление жидкости снизу не сравняется по величине с весом тела. Отсюда ясно, что нижняя поверхность литосферы должна быть неровной, должна

¹ Лукашевич, Неорганическая жизнь земли, I.

обладать выпуклостями и впадинами, представляющими как бы зеркальное отражение материков и океанических впадин. Литосфера всего тоньше должна быть под океанами. Если бы весь земной шар был покрыт океаном, то лежащая под ним океаническая литосфера всюду на земле обладала бы почти одинаковой толщиной; В действительности же материки приподнимаются над дном океанических впадин как массивные плоскогорий. Этот избыток массы в них должен быть уравновешен соответствующим выступом литосферы на нижней ее стороне: материки должны иметь фундаменты, глубоко уходящие в магму, и каждая горная цепь на материке должна иметь в магме соответствующие ей корни. Чем выше горная цепь, тем глубже уходят в магму ее корни. Но из этого следует, что высота гор на земле имеет свой естественный предел: слишком глубокие корни гор подверглись бы неминуемо расплавлению, а это вызвало бы оседание всего горного массива (Лукашевич).

Борьба суши и моря. Материки представляют собою не что иное как утолщение литосферы. Там, где мы можем наблюдать под покровом осадочных пород кристаллические фундаменты их, мы видим весьма сложную картину складок, сбросов и сдвигов в гранитах, гнейсах и кристаллических сланцах, свидетельствующую о том, что материки образовались в результате многочисленных дислокаций, последовательно наслаивавшихся друг на друга. В течение своей истории материки много раз перестраивались, в одних направлениях росли, в других разрушались, и в настоящий геологический момент представляют собою, в сущности, сложную мозаику разнородных и разновременных образований. Горные цепи при этом играли роль как бы основной сетки, петли которой постепенно выполнялись осадочными материалами в силу чего к береговой полосе причленились новые пространства суши. Зато при наступлении моря горные долины служили самыми удобными путями для проникновения морской воды в глубь суши. Они являлись наименее прочными местами в материковой системе и легче всего прорывались, тогда как береговые цепи, с их глубоко врытыми в магму корнями, еще долгое время сопротивлялись нашествию моря.

Из двух противников — моря и суши — море имеет в сущности гораздо больше шансов на успех в борьбе: средняя высота суши над морем равна всего 700 м, тогда как средняя глубина моря 3 500 м. Морю, следовательно, гораздо легче возрасти насчет суши, чем суше насчет моря. Вычисления показывают, что если бы уровень моря поднялся на 1 000 м, т.е. о целых 80% площади суши исчезли бы под водою; наоборот, если бы уровень моря понизился на 1000 м, то обнажились бы, правда, наиболее мелкие места морского дна, но площадь суши выиграла бы при этом всего лишь 30%. Другими словами, и ничтожная трансгрессия может сильно затопить сушу (Лукашевич). Однако, несмотря на такое неравенство шансов, суша с большим успехом в течение всей истории земли борется с морем и отодвигает его от себя. Причина этого заключается в том, что горы возникают именно по берегам морей: опускающееся под тяжестью своих осадков дно моря само развивает боковое

давление в сторону суши, само тем самым способствует возникновению горных цепей по берегу суши. Эти береговые цепи становятся барьером, закрепляющим за сушей ее новые приобретения.

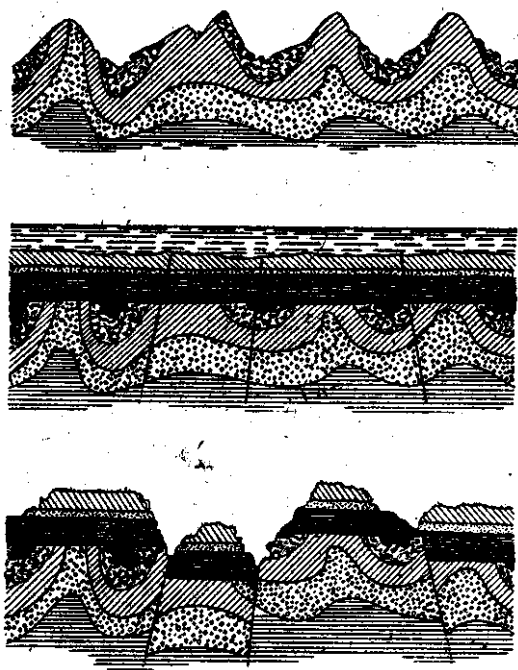

Рис. 55. Преобразование складчатых гор в глыбовые.

Чем больше разрушает море своим прибоем материк, чем больше принимают в этом разрушении участие все другие экзогенные силы, тем больше будет материк всплывать вверх, по мере удаления с него горных масс и уменьшения его веса. Но это всплывание имеет свой предел: с поднятием материка будет укорачиваться и фундамент его, погруженный в магму. Когда он исчезнет, море победит. Но только морю придется для полной победы своей смыть не только ту массу горных пород, которая выступает в виде материка над уровнем моря, но и ту массу, что образует магматический фундамент материка. Этот последний для обороняющегося материка является тем запасным; фондом, из которого он может до поры до времени почерпать резервы для борьбы с морем.

Изучение истории земли показывает, что ни одна горная цепь не возникала в один прием, в одну какую-нибудь строго определенную геологическую эпоху. Наоборот, каждая горная цепь испытывала за все время своего

существования несколько поднятий, и более краткие периоды сильных поднятий чередовались с более продолжительными периодами равновесия. В течение последних экзогенные силы с удвоенной энергией принимались за свою работу разрушения вновь приподнявшихся гор и иной раз успевали срезать их до самого уровня моря, обнажив тем самым гранитный фундамент горного массива. Но массив снова начинал подниматься, и снова усиливалась работа разрушения и т. д. С каждым новым поднятием, однако, горная цепь приподнималась все меньше, энергия внутренних геологических деятелей падала, и колебания земной коры затихали. Вместе с тем от непрерывного надвигания и скупивания складок материк мог приобрести и большую прочность, так как разнородные части его, лишь слабо сцементированные прежде между собою, образовывали, по мере прогрессивного утолщения коры, устойчивую компактную массу.

Только сравнительно тонкая, литосфера может давать ряд хорошо выраженных складок. С утолщением же литосферы складкообразование затрудняется. Когда на срезанный денудацией фундамент складчатых гор лягут новые слои осадочных пород, утолтившаяся литосфера окажется способной подвергаться лишь сбросам. Эти сбросы разобьют прежнюю складчатую цепь на ряд отдельных массивов, и сочетание возникших при этом горстов и грабенов даст картину так называемых глыбовых гор (рис. 55). Таким образом молодые горы относятся к типу складчатых гор, а старые — к типу глыбовых.

Периоды усиленного горообразования являются всегда вместе с тем и периодами значительных перемещений океана. Гидросфера непрерывно приспособляется к перестраивающемуся рельефу литосферы.

Вулканические явления.

Уже давно геологи обратили внимание, что при приближении к горам из-под пластов, слагающих; соседнюю равнину, показываются все более и более древние, приподнятые и измятые в складки, пласты, а самое ядро гор состоит из пород кристаллических (рис. 56). Не умея различать породы собственно вулканические (эффузивные) от пород глубинных — гранитов и гнейсов — и приписывая всем им одинаковое происхождение» видели во всех решительно кристаллических породах застывавшие лавы, а потому и создался такой взгляд на происхождение гор: в земной коре возникает громадная трещина; через нее вырываются из недр земли расплавленные массы, разрывают, коверкают и отбрасывают в сторону земные пласты, а сами застывают в виде центральных кристаллических массивов. Такое происхождение гор рисовалось в виде грандиозных катастроф, в короткое время совершенно изменивших лик земли. Причина горообразования лежала, по этой

теорий, в том давлении, которое оказывает расплавленная масса земных недр на твердую земную кору¹.

В настоящее время, при господстве контракционной теории горообразования, вулканизму отводится гораздо более скромное место в тектонических процессах. Мы смотрим на вулканические явления не как на причину горообразования, а только лишь как на спутников его: не вулканы порождают дислокации, наоборот,— дислокации дают выход вулканическим силам.

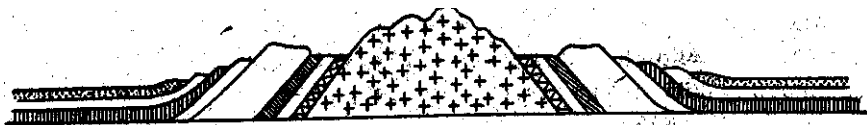

Рис. 56. Разрез через горную цепь (по воззрениям „вулканистов“).

Вулканический процесс. Называя вулканы «огнедышащими горами», мы в сущности допускаем двойную ошибку: 1) вулканы только в редких случаях извергают настоящее пламя; обыкновенно огненный столб, поднимающийся над кратером, объясняется освещением снизу раскаленной лавой столбе пепла и водяных паров; 2) для вулканов вовсе не обязательна конусообразная форма горы с кратером на вершине: во многих вулканических местностях земли лава выливается просто из трещин в земной коре. Наконец, в наших обычных представлениях о вулканических процессах есть много одностороннего и неверного уже потому, что мы обыкновенно обращаем внимание лишь на одну из стадий вулканического извержения, самую эффектную, правда — стадию взрывов и излияния лавы, но зато и самую короткую, и далеко не столь важную в жизни и деятельности вулкана вообще.

Вулканические силы земных недр могут на много веков прекращать свою работу, и из памяти местных жителей изгладятся воспоминания о былой работе потухших ныне вулканов. Однако такие местности в большинстве случаев отличаются характерными геологическими явлениями, — например, горячими минеральными источниками, выходами из трещин земли углекислого газа². Все это может продолжаться неопределенно долгое время, но возможно, что жители начнут замечать постепенное изменение химического состава ключей и источников: обнаружатся выходы из трещин земли сероводорода или сернистого газа. Вместе с тем и температура дубинных вод нач-

¹ В некоторых местах действительно существуют горы, происшедшие именно таким образом: магма по трещине поднялась вверх, раздвинула и приподняла земные пласты и образовала под ними куполообразное скопление; впоследствии рыхлые породы были удалены с этого купола, и застывшие кристаллические массы выступили на земную поверхность. Такие геологические образования называются лакколитами. Но они всегда имеют вид отдельных массивов, и описанным способом нельзя объяснить происхождения настоящих горных цепей. К лакколитам относятся в Крыму — Аю-Даг, Кастель, на Кавказе — Бештау, Машук и др.

² Если по одной и той же трещине поднимаются из глубины и вода и углекислота, то получаются углекислые источники.

нет повышаться, также как и температура почвы вообще. Последнее может повести к высыханию колодцев. Чем дальше, тем больше будет появляться различных веществ из расселин в земной коре: начнут выделяться хлористый и углекислый аммоний, газовые струи будут постепенно повышать свою температуру. Трудно, конечно, сказать, сколько времени все это будет продолжаться, но во всяком случае подобные явления свидетельствуют о постепенном нарастании напряжения подземных сил. Рано или поздно разразится настоящее извержение в каком-нибудь ближайшем, до сих пор не деятельном, вулкане: начнутся взрывы, сотрясения почвы, «будет выброшен пепел и громадное количество водяного пара; наконец выльются и потоки лавы, Этим и закончится извержение в тесном смысле этого слова. Жители окрестностей вулкана, успокоившись после пережитых волнений, перестают уже интересоваться им, но между тем во всей данной местности события продолжают идти своим ходом, но только развиваются теперь уже в обратном порядке, и снова процесс затухания вулканических сил может растянуться на неопределенно долгое время. Много времени спустя после выхода лавы на склонах вулкана и из трещин в излившихся лавовых потоках выходят с большою силою и шумом газовые и паровые струи, называемые фумароллами. Химический состав фумаролл связан с их температурой, а последняя, в свою очередь, — с расстоянием фумаролл от кратера вулкана или от вулканических трещин. Чем выше температура, тем больше разнообразных веществ выделяет фумаролла. Наиболее горячие фумароллы (выше 500°) выделяют главным образом хлористые соединения, а имеющие температуру от 500° до 100° , кроме водяного пара, выделяют сернистый ангидрид и углекислоту. Ниже 100° фумароллы выделяют хлористый и углекислый аммоний. Такие аммиачные или щелочные фумароллы постепенно переходят в ту стадию умирания вулкана, которая получила название сольфатары по имени одного вулкана около Неаполя, потухшего в 1198 г. или, вернее, остановившегося именно на этой стадии. Сольфатара выделяет главным образом сероводород и неопределенно долгое время может питать серные источники. Последней стадией вулканической деятельности является мофетта, доставляющая преимущественно углекислоту с примесью азота, водорода и углеводов (Собачья пещера близ Неаполя, Нарзан). Крайними отзвуками почти угасшей вулканической деятельности являются горячие ключи.

Одна уже продолжительность всех перечисленных стадий сравнительно с периодом настоящего извержения заставляет нас не считать стадию «взрывчатую» или «лавовую» самой главной. Последняя есть только кульминационный момент весьма длительного процесса. Весь же вулканический процесс, взятый в целом, представляется нам теперь как процесс постепенного освобождения земных недр от различных химических веществ, вырабатывающихся на глубине и постепенно поступающих в атмосферу, почву и гидросферу. Вулканические трещины и кратер вулкана служат только удобным путем выхода для этих веществ из глубин; дислокации облегчают им этот выход.

Причина извержений. В прежнее время причину вулканических извержений видели в притекающей сверху в вулканический очаг морской воде. Встречей этой воды с расплавленной лавой объясняли вулканический взрыв и самый выход лавы наружу. Мнение это опиралось на подмеченный факт близкого соседства вулканов и берегов моря (хотя тогда уже отмечалось то обстоятельство, что некоторые вулканы Америки находятся слишком далеко от моря, чтобы можно было допустить просачивание морской воды в вулканический очаг). Но продукты мофетт, сольфатар и фумаролл не могут быть заимствованы вулканом, подобно воде, с земной поверхности: им необходимо приписать самостоятельное, глубинное происхождение. А если так, то едва ли одна вода является в данном случае исключением. Несомненно, что и те массы водяных паров, которые доставляет вулкан, имеют глубинное происхождение: элементы воды были изначально заключены в магме и теперь впервые покидают ее. Образовавшейся при этом «ювенильной (девственной)» воде предстоит в дальнейшем

принимать участие в установившемся на земле круговороте влаги. С этой точки зрения вулканы являются не потребителями веществ земной поверхности, а насосами, нагнетающими в атмосферу все новые количества глубинных ювенильных веществ.

Самое поднятие лавы по вулканической трещине объясняется теперь как работа расширения тех газов и паров, которые заключены в магме и, пользуясь ослаблением давления на магму в области рассеявшейся земной коры, спешат выйти наружу и увлекают за собою лаву. Соседство вулканов с морем есть только следствие того, что по берегам моря проходят обыкновенно линии дислокаций.

На севере Атлантического Океана находится остров Исландия. Он весь состоит из потоков лавы, и на них воздвигаются отдельные вулканические горы, или йокули. У подошвы их лежат горячие болота; рядом с потоками лавы ползут глетчеры, и во время извержений: долины заливаются могучими потоками воды, образовавшейся из-за внезапного таяния снегов. Вся почва покрыта бесчисленными вулканическими трещинами и интересно, что извержения здесь часто состоят только из излияния потоков лавы из этих трещин без образования обычных в других местах конусообразных гор с кратерами на вершине. Исландия была открыта жителями древней Норвегии — норвегами — в половине IX в. и быстро была колонизована. Довольно рогатая природа привлекла многочисленное население, и в течение нескольких веков Исландия была центром своеобразной и развитой культуры на севере Европы. Теперь это бедная, малолюдная и мрачная страна, и не что иное как беспрестанные и разрушительные извержения сделали ее такою. Особенно роковым был для нее 1783 г. В этом году произошло сильное извержение из вулканической трещины Скаптар. Оно длилось 5 месяцев. Потоки очень жидкой лавы, выступившей из трещины, имели до 60 км в длину, до 30 км в ширину, до 20 м в толщину. Лава широко разлилась по поверхности острова, докрыв около 1000 кв. км и, конечно, все уничтожая на своем пути. Если поток лавы

встречал озеро, то последнее с ужасным шипением превращалось в пар. Если на пути лаву встречал обрыв, она низвергалась с него огненным каскадом. По соседству с лавой таяли льды и снега, и дикие потоки талой воды устремлялись вниз, доканчивая разрушение того, что еще пощадила лава. Воздух был насыщен удушливыми газами. Растительность погибла, погиб и скот, доставлявший питание жителям. Голод и эпидемии обезлюдили страну.

Рис. 57. Кратер вулкана Килауэа во время извержения.

Исландская лава принадлежит к типу жидких базальтовых лав. Они льются как вода, образуют обширные потоки и покровы, медленно застывают. В химическом отношении они содержат мало кремнезема и много тяжелых металлических окислов. Такие лавы называются основными. При застывании они дают вулканическую породу базальт, распадающуюся обыкновенно на характерные многогранные столбы или призмы. Эти столбы располагаются параллельно друг к другу и перпендикулярно к плоскости охлаждения лавы. Во многих странах базальтовые покровы достигают колоссальных размеров: так, в Индии на Деканском плоскогорий базальтовый покров занимает площадь в 300000 кв. км..

На одном из Сандвичевых островов в Тихом океане — Гавайи — находятся три вулкана: Мауна-Лоа, Мауна-Кеа и Килауэа. Эти вулканы имеют вид широких выпуклых щитов с пологими склонами, а на их вершинах расположены кратеры в виде обширных лавовых озер. У Килауэа кратер имеет 5 км в диаметре, у Мауна-Лоа — 15 км. Стены кратеров падают крутыми обрывами свыше 100 л высотой. Плоское дно состоит, из застывшей лавы, и в пе-

риод спокойствия вулкана можно безопасно ходить по нему. Извержение состоит в том что дно кратера начинает плавиться и из него брызжут огненные фонтаны; лава поднимается, но затем вдруг оседает, точно уходит в глубину, так как где-нибудь на склонах вулкана прорвала себе выход. После ~этого огненное озеро снова успокаивается (рис. 57).

Весь щит гавайских вулканов состоит только из потоков лавы, в разное время изливавшихся из кратера. Пепла эти вулканы не дают, и вообще извержения их происходят спокойно, без взрывов.

Как самый вид гавайских вулканов, так и характер извержений их объясняются всецело химическим составом их лав. Гавайская лава — основная базальтовая, — очень жидка. Она легко выделяет из себя газы и пары, которые без затруднения, без взрывов и без пепла, покидают ее. Будучи легкоплавкой, она расплавляется в начале извержения на большом пространстве, и так возникают широко открытые кратеры — лавовые озера. Капли лавы, взлетая вверх, вытягиваются в длинные и тонкие стеклянные нити, которые напоминают паутину¹.

Рис. 58. Конец лавового потока Везувия.

Совсем иную картину представляют вулканы типа Везувия. Кислая и тугоплавкая лава Везувия обладает значительным содержанием кремнезема, а кремнезем придает лаве вязкость. Такая лава медленно движется, быстро

¹ Полагают, что кольцеобразные горы на луне представляют собою не что иное как грандиозные потухшие вулканы гавайского типа.

густеет и застывает, по крайней мере — снаружи. Уже через Час-два можно бывает перейти через лавовый поток, но, вследствие плохой теплопроводности лавы, внутри потока в течение еще нескольких лет могут сохраняться расплавленные массы. Такая лава с трудом освобождается от своих газов и паров. Последние придают лаве пористое строение¹, вспучивают и обуславливают бугристую поверхность лавовых потоков (рис. 58). Если газам и парам удастся преодолеть сопротивление лавы, то они выходят из нее с сильными взрывами; эти взрывы раздробляют лаву в мелкую пыль, называемую вулканическим пеплом. Извержения вулканов типа Везувия отличаются вообще взрывчатым характером. Тугоплавкая лава расплавляется на небольшом лишь пространстве, и потому кратер имеет вид узкого канала. Это обстоятельство еще более увеличивает силу взрывов. Поэтому везувианские вулканы дают очень много пепла, и из пепла и состоят главным образом их высокие конусы.

Кроме пепла, из кратера выбрасываются куски размягченной лавы. Мелкие, величиною с орех, называются ляпиллями, крупные — вулканическими бомбами.

В 79 г. нашей эры при извержении Везувия погибли древнеримские города Помпея и Геркуланум. Выброшенные вулканом водяные пары и пепел выпали при этом снова на землю потоками грязного дождя, и оба города были залиты жидкой грязью, которая, затвердев, образовала «вулканический туф».

Различные, вулканы отличаются друг от друга характером своих извержений: одни из них доставляют главным образом массы пепла, другие — газообразных продуктов. В 1883 г. произошло необычайно сильное извержение — на острове Кракатау в Зондском проливе. На этом небольшом необитаемом островке находилось три вулканических конуса, но уже два века они считались потухшими. Пробуждение вулканических сил началось с землетрясения 1880 г. С мая месяца 1883 г. вулкан начал действовать, над ним появилось громадное облако, падал пепельный дождь. Так продолжалось 3 месяца. Катастрофа разразилась 26 и 27 августа. От сильного взрыва, звук которого долетел до Цейлона и Австралии, 2/3 острова взлетели- на воздух; на море поднялись волны до 25 м высотой и обрушились на берега соседних островов, уничтожив целый ряд деревень и городов. Когда извержение стихло, и люди посетили Кракатау, глазам их представилась совершенно новая картина. Большая часть острова с двумя «конусами исчезла, и на этом месте образовалась глубина в 300 м. Часть третьего конуса тоже обрушилась в море. Уцелевшая часть состояла из темного пепла с прослойками лавы и как бы лавовой пробкой, заткнувшей жерло вулкана (рис. 59). Лавы излилось сравнительно немного, зато колоссально было количество пепла, что объясняется встречей лавы с морской водой и происшедшим при этом сильным взрывом. Мельчайшие частицы пепла поднялись в верхние слои атмосферы и были

¹ Особенно пористая лава, настолько легкая, что куски ее могут плавать на воде, называется пемзой.

разнесены ветрами вокруг всего земного шара. Несколько лет плавал этот пепел в атмосфере, вызывая явление «красных зорь» и «светящихся облаков».

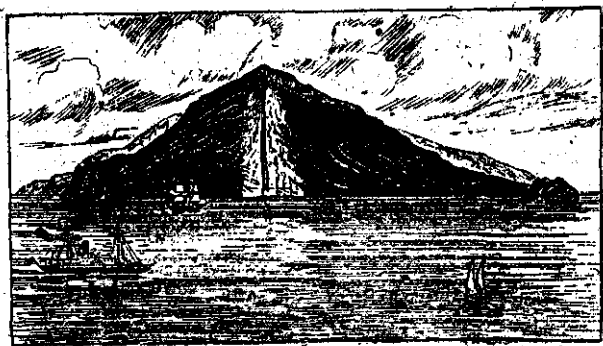

Рис. 59. Кракатау после извержения.

Весной 1902 г. погиб г. Сен-Пьер на Мартинике от извержения вулкана Мон-Пеле. Интересно, что за три дня до извержения специальная комиссия осматривала вулкан и пришла к заключению, что городу опасность не грозит, так как кратер широко открыт и от края его к морю по склону горы идет долина, по которой, несомненно, и направится лава, минуя город. Однако 8 мая город был уничтожен, и из 40 000 жителей случайно уцелел один человек. Случилось нечто непредвиденное: хотя лава действительно города не залила, но на склоне вулкана, обращенном к городу, образовалась трещина, из нее вышло облако ядовитого и раскаленного газа и со скоростью вихря слетело на город (рис. 60). Здания были снесены, а трупы жителей носили следы ожогов и удушья. По-видимому, лава была слишком густа, и газы, не имея возможности выйти сквозь нее, проложили себе путь, разорвав склон горы.

Как ни грандиозны вулканические извержения, однако их геологическая работа не может привести к крупным изменениям лика земли. Базальтовые покровы лав в Индии представляют явления скорее исключительных размеров, но и от них еще слишком далеко до изменения карты земли или до создания новых гор.

Точка зрения ярых «вулканистов» на извержения как на причину горообразования (см. рис. 56) не может быть поддержана. Вулканизм только спутник горообразования; горообразовательные процессы есть явление первичное а вулканизм — вторичное, производное.

Но вулканические извержения являются для нас показателями того напряжения, которым обладают земные недра. Вулканы есть те пути, по которым магма вступает в химическое взаимодействие с атмосферой, почвой и гидросферой. С изменением Характера химической работы земных недр неминуемо должен измениться и химизм земной поверхности. Перестав быть в наших глазах рычагом горообразования, вулканизм рассматривается нами

теперь как регулятор химизма земного шара. В этом сношении и для органического мира населяющего земной шар, далеко не безразлична работа той химической лаборатории, которую представляет собой магма.

Сейсмические явления.

Связь землетрясений с горообразованием. Как вулканические явления, так и явления сейсмические, или землетрясения, современная наука ставит в связь с процессами горообразования и видит в них спутников этих процессов. Мы знаем уже, что горообразование начинается с опускания известного участка земной коры, для чего необходима неравномерная нагрузка в двух соседних областях литосферы. Перенос материалов с одного участка на другой может длиться столетия, и до поры до-времени литосфера все-таки будет сохранять равновесие; но рано или поздно равновесие нарушится, и произойдет разрыв земной коры. Этому моменту разрыва и резкого перемещения двух участков литосферы и соответствует землетрясение. В глубине земли происходит толчок, частицы литосферы приходят в движение. Вокруг центра землетрясения возникает «сейсмическая волна». Она быстро расходится; достигает поверхности земли в точке, которая называется эпицентром, и распространяется дальше причём наблюдателю будет казаться, что, от эпицентра по поверхности земли распространяется круговая волна, тогда как сейсмическая волна имеет в действительности скорее шарообразную форму¹.

Сейсмические удары направлены по радиусам волны. Поэтому в самом эпицентре удары будут направлены снизу вверх; чем дальше от эпицентра, тем они будут более косыми, а на окраине области землетрясения смещения почвы будут почти горизонтальными. Видимая сейсмическая волна, расходясь от эпицентра наподобие круга от брошенного в воду камня, производит разнообразное разрушения; причем замечено, что стены зданий, параллельные волне, разрушаются сильнее стен, к ней перпендикулярных. Фабричные и дымовые трубы падают так, что вершинами своими обращаются по направлению к эпицентру.

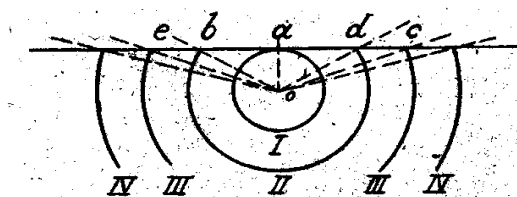

Рис. 61. Схема распространения сейсмической волны (в течение первых 4 секунд); *o* — центр, *a* — эпицентр.

¹ Вернее, сейсмическая волна имела бы вполне шарообразную форму, если бы земной шар обладал полной однородностью.

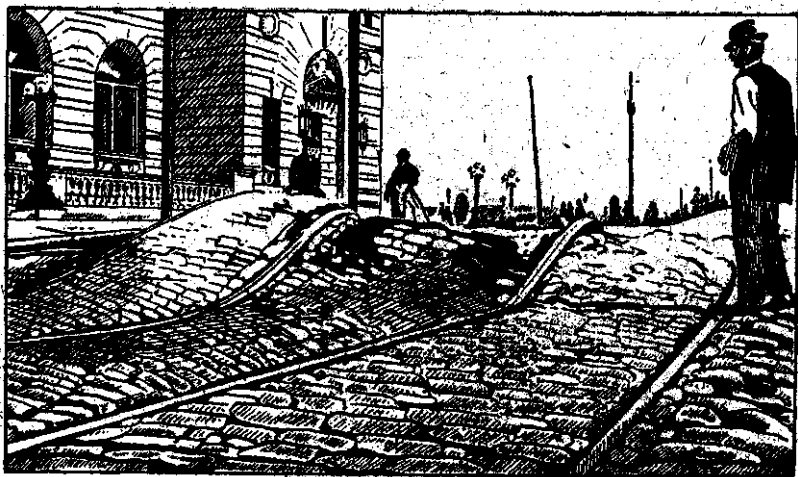

Рис. 67. Улица в С.-Франциско после землетрясения.

Сильные перемещения почвы приводят к образованию различных дислокаций: «происходят сбросы, сдвиги, оползни и обвалы. Сбросы происходят вблизи эпицентра, сдвиги несколько дальше (рис. 68). Во время землетрясения в Японии в Овари-Мино поперек долины произошел сброс на протяжении 64 км, причем вдоль трещины почва осела на 6 м. Вместе с тем произошел и горизонтальный сдвиг на 4 м, что хорошо видно в местах, где трещина перерезала дороги. В 1861 г. произошло землетрясение в Греции около Коринфа. Местность представляла собою покатую к морю равнину, примыкавшую к горной цепи. От удара образовалась трещина вдоль этой цепи на протяжении 15 км. Вдоль этой трещины вся местность сильно осела, и при этом в море погрузилась широкая полоса земли. В горных местностях трещины при землетрясениях простираются обыкновенно вдоль склонов, вызывая обвалы и оползни.

Относительно геологического эффекта землетрясений можно повторить то же самое, что мы уже говорили об извержениях: дислокации, сопровождающие землетрясения, в конечном счете слишком ничтожны, чтобы ими можно было объяснить крупные изменения в лике земли — образование гор или морских впадин. У нас нет оснований допускать, что те и другие могли возникнуть в результате каких-то особенно грандиозных землетрясений, имевших будто бы место в прошлые геологические эпохи. Изменений лика земли создаются горообразующими процессами, которые работают медленно в течение миллионов лет и в которых проявляется прогрессивное охлаждение земного шара.

Рис. 68. Сдвиг рельсов при землетрясении.

Но эти изменения слагаются из бесчисленного множества мелких перемещений земных масс: вот эти-то перемещения и сопровождаются землетрясениями. Поэтому становится понятной приуроченность землетрясений к тем

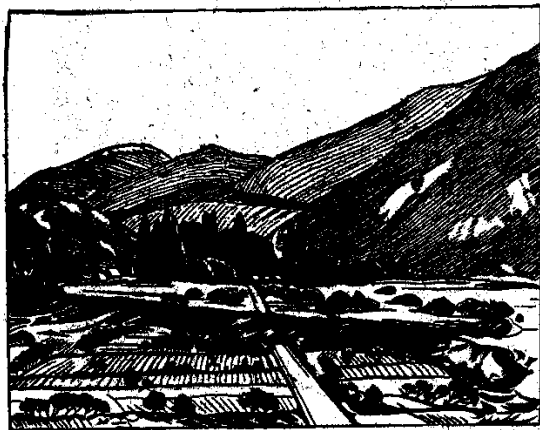

Рис. 69. Сброс при землетрясении в Овари-Мио.

областям земли, где земная кора находится в неустойчивом состоянии: к берегам морей, к линиям простираения молодых, еще не закончивших своего развития, складчатых горных цепей. Поэтому, далее, сейсмические области часто являются в то же самое время и областями вулканическими (рис. 70).

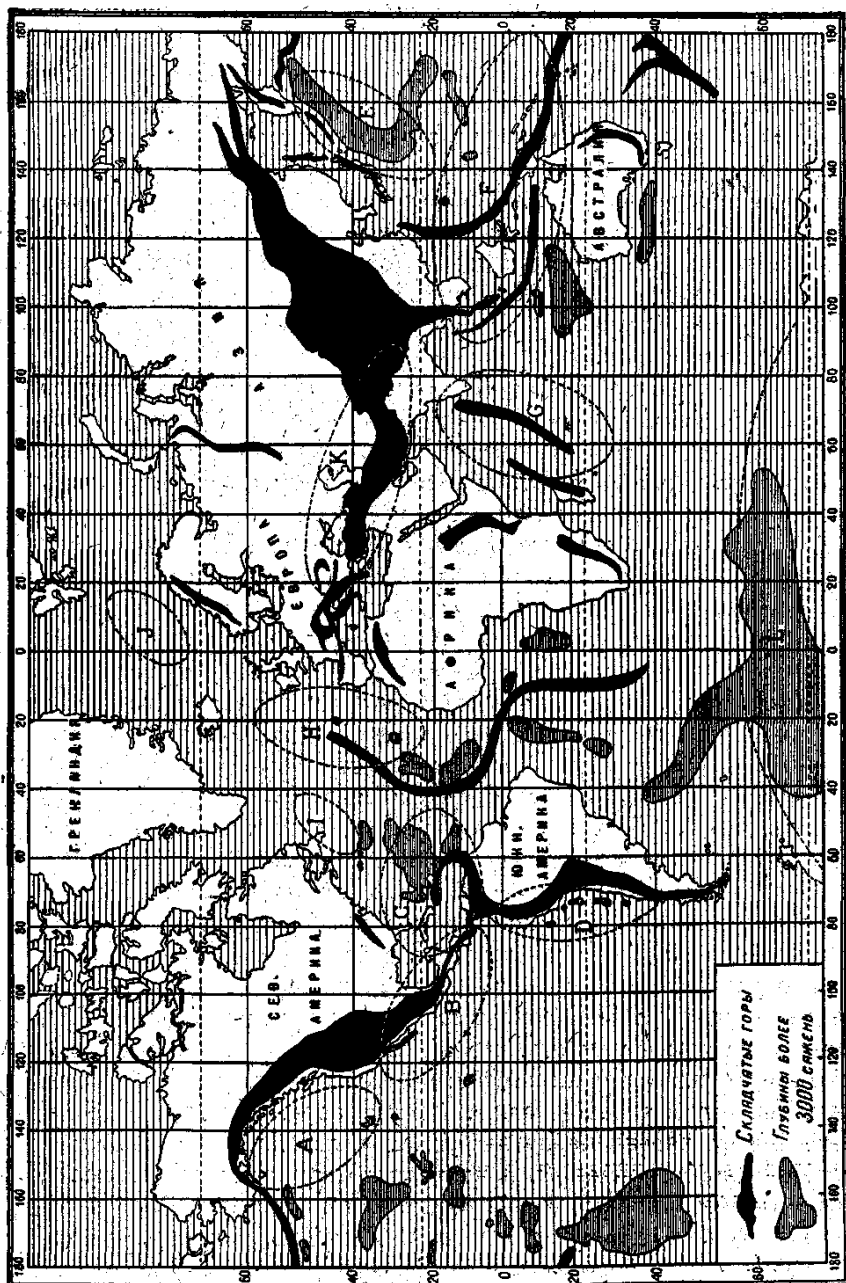

Рис. 70. Карта главн.з. сейсмических областей.

Конечно, сильные землетрясения, которые заставляют Говорить о себе весь мир, случаются не часто. Но если сосчитать число всех подземных ударов и толчков, из которых подавляющее большинство настолько слабы, что могут быть отмечены лишь специальными приборами, то их окажется в год до 30 000. Эта цифра совершенно изменяет наше обычное представление о землетрясениях как о явлениях редких и исключительных. Их, наоборот, нужно считать явлениями повседневными и нормальными для земной коры. Это — своего рода пульс литосферы, свидетельствующий о непрекращающейся работе горообразующих сил. Называя, горы «морщинами зети», мы не должны думать, что это «морщины старости»; образование складчатых гор свидетельствует еще о сравнительной молодости земли, об упругости и пластичности земной коры; так и про землетрясения нужно сказать, что, когда они прекратятся совсем, наступит уже геологическая дряхлость земли как мирового тела.

Делались многочисленные попытки подметить связь между землетрясениями и другими явлениями природы. Так, обратили внимание на то, что напряженность сейсмических явлений значительно увеличивается с уменьшением атмосферного давления, что землетрясения чаще происходят при прохождении циклонов. Однако не следует думать, что атмосферное давление может само по себе вызвать землетрясение: циклон может, самое большее, дать «повод» к землетрясению. Земная кора, уже долгое время, быть может, неравномерно нагружаемая, находилась в состоянии неустойчивого равновесия, и ничтожного толчка оказалось достаточно, чтобы вызвать в ней, наконец, перемещение. В роли такого толчка может выступить и циклон, но, конечно, тысячи циклонов могут бороздить атмосферу и тем. не менее они не вызовут землетрясения, если для этого ничего еще не подготовлено в толще литосферы.

Сейсмические волны. Описанные выше «видимые» сейсмические волны, вызывающие разрушение зданий и дислокации наблюдаются только в местностях, близких к эпицентру. Но кроме них возникают при землетрясениях еще иные колебания, значительно осложняющие данную нами схему сейсмических явлений (см. рис. 71). Эти колебания настолько слабы, что их можно заметить только при помощи особых приборов — сейсмографов, записывающих всевозможные, самые мелкие дрожания земной коры.

Оказывается, что один и тот же удар в недрах земли вызывает собственно три рода колебаний, три рода волн. Первые колебания — продольные; они дают волну сжатия и разрежения, аналогичную звуковой волне. Вторые колебания — поперечные; они дают волну сдвига, аналогичную волне световой. Оба рода колебаний распространяются из центра землетрясения с различными скоростями, причем скорость распространения колебаний продольных вдвое больше скорости распространения поперечных колебаний.

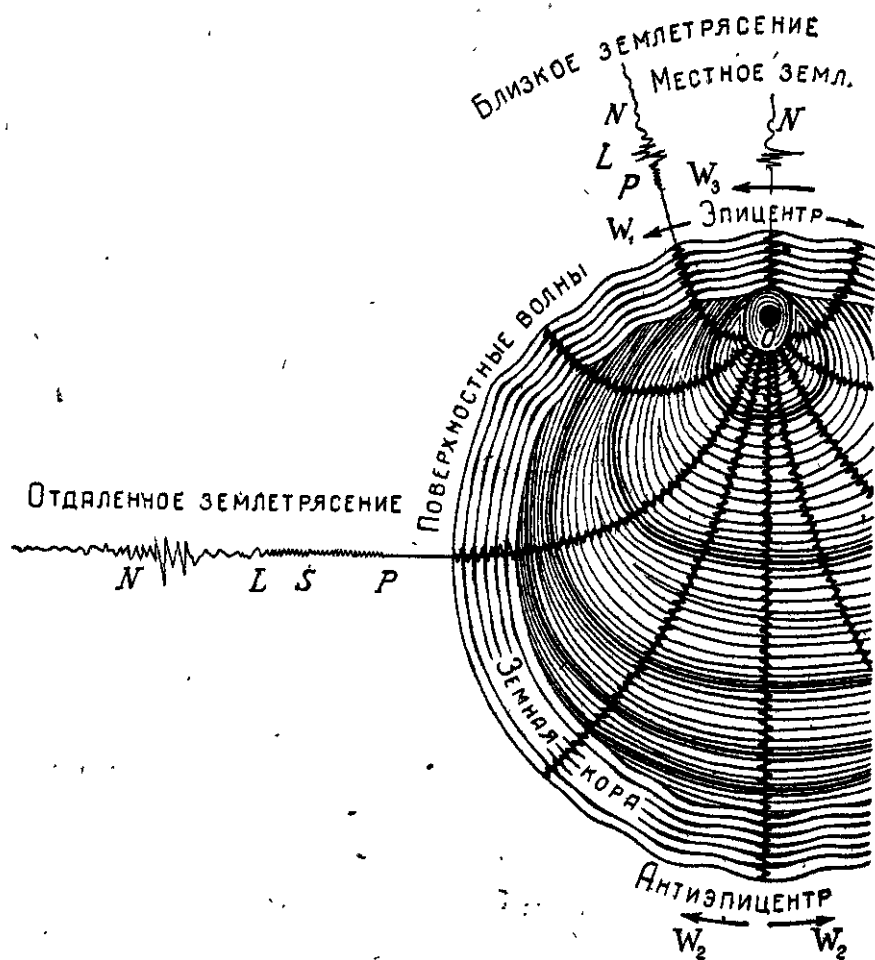

Рис. 71.-Схема распространения сейсмических волн через земной шар.

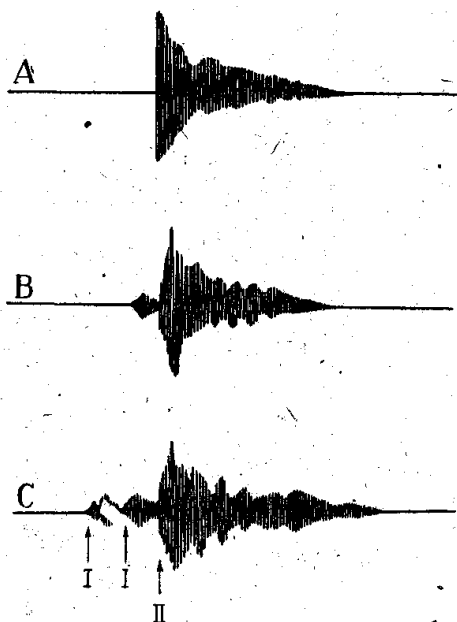

Рис. 72. Сейсмограммы: А) местного, В) близкого, С) дальнего землетрясения

снова разойтись от нее во все стороны по земной коре, но замечательно, что в глубину земли они не идут и как бы затухают в пластичной пиросфере. Все эти три рода колебаний (рис. 71) настолько слабы, что разрушений причинить не могут. Сейсмограф, записывающий свои дрожания, будучи помечен близко от эпицентра, не различит отдельные роды волн ввиду почти одновременного достижения ими земной поверхности. Но если мы будем помещать его все дальше и дальше от эпицентра (рис. 72), то начнет уже сказываться разница в скорости этих трех волн, и вдали от области землетрясения сейсмограф вычертит нам характерную кривую — сейсмограмму, на которой мы ясно заметим запись всех трех волн: продольных (I_1) поперечных (I_2) и рэлеевских (II) (рис. 73).

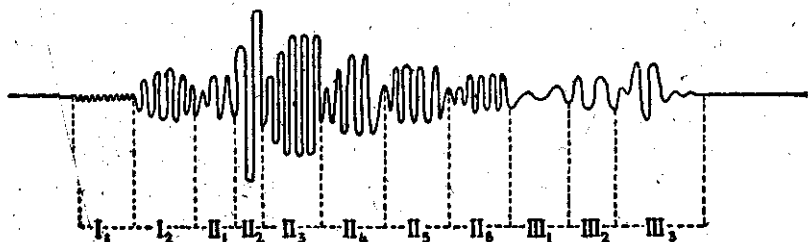

Рис. 73. Нормальная сейсмограмма.

Так, в поверхностных слоях литосферы скорость первых колебаний около 7 км а, вторых — около 4 км в сек. На так как расстояние от центра до эпицентра невелико, то в этой области опоздание вторых колебаний мало заметно, и волны достигают поверхности земли почти одновременно и вызывают весьма сложные и капризные движения частиц почвы. Кроме того от эпицентра в сею очередь начинают исходить во все, стороны третьи волны, названные рэлеевскими, или поверхностными, так как они распространяются только в литосфере, как круг на воде. Скорость их около 3 км в секунду; они могут обойти вокруг всей земли, сойтись в другом полушарии к точке, прямо противоположной эпицентру и

Первые две фазы отличаются небольшими амплитудами и короткими периодами колебаний, третья — большими амплитудами и длинными периодами. Таков образ события, которое само по себе длится лишь не-сколо секунд, растягивается на очень продолжительное время, и сейсмограф, удлиняя свою запись, позволяет нам проанализировав, сейсмический процесс во всех деталях.

Замечательно, что волны первой фазы колебаний изменяют свою скорость в зависимости от того, на какой глубине они идут от центра землетрясения к месту наблюдения. Скорость их увеличивается по мере того, как им приходится проходить большую толщу земных масс.

Барисфера. В сейсмографе наука приобретает весьма чувствительный прибор для изучения земных недр, недоступных непосредственно человеку. Пользуясь показаниями сейсмографа, мы можем до известной степени составить себе представление о физическом состоянии земного ядра. Это ядро получило название «барисферы», и высокий удельный вес земли заставляет предполагать присутствие в барисфере весьма тяжелых веществ (напр, железа).

Два факта кладутся в основу наших суждений о физическом состоянии земного яра: факт постепенного нарастания температуры с углублением в землю и факт увеличения с углублением давления.

Слой постоянной годовой температуры есть граница, до которой проникает в литосферу действие солнечных лучей. Ниже этой границы мы вступаем в область собственной тепловой энергии земного шара. Первое, что мы при этом замечаем, — это повышение температуры с глубиной. Углубление, соответствующее повышению температуры на 1° , называется «геотермическим градиентом», а поверхности одинаковой температуры внутри литосферы «геоизотермами». В среднем геотермический градиент равен 33 м. Повышение температуры с глубиной делает для нас понятным присутствие на глубине расплавленной магмы. Принимая температуру поверхности земли равной 0° , мы должны допустить в центре земли температуру около 200000° . Даже если допустить увеличение градиента с глубиной, то и тогда температура в центре земли должна быть около 100000° . Между тем мы знаем, что для каждого газа существует определенная «критическая температура», выше которой газ никаким давлением не может быть сжат в жидкость. А так как температура в 100000° наверное выше всех критических температур всех газов, то отсюда надо заключить, что барисфера должна быть газообразной.

Факт нарастания давления приводит к иным заключениям. Давление слоев равно их весу, и вычисление показывает,¹ давление в центре земли должно измеряться несколькими миллионами атмосфер. А так как давление повышает температуру плавления горных пород, то мы можем допустить, что, несмотря на крайне высокую температуру земных недр, вещества барисферы должны быть в твердом состоянии.

¹ Расчеты показывают, что для образования Альп земная поверхность должна была сократиться на 120 000 км³, причем радиус земли укоротился менее, чем на 1 км.

Вопрос в настоящее время далеко еще не решен, ровидимому, однако, теория газообразной барисферы имеет больше преимуществ. Как известно, образование складчатых гор является результатом сокращения земной поверхности и уменьшения длины земного радиуса. Мы можем, расправив мысленно все складки горных цепей, определить, как именно велико было это сокращение. Другими словами, мы можем определить коэффициент сжатия земного шара. Вычисления (Лукашевич) показывают, что он равен 0,00075, т. е. в 16 раз больше коэффициента сжатия железа и в 25 раз больше коэффициента сжатия горных пород. Величина его одного порядка с величиной коэффициентов сжатия газов, так как газы сжимаются гораздо более, чем твердые тела, при охлаждении на одно и то же число градусов. Итак, земной шар в целом реагирует в термическом отношении, как тело газообразное. Суша, вследствие размывания, понижается ежегодно на 0,1 мм; горы размываются еще быстрее. Как ни мала эта цифра, но в миллионы лет и такое размывание должно привести к громадным результатам: все горы должны бы быть смыты до основания. Отсюда ясно, что скорость поднятия гор больше скорости их размывания. Земной шар, шлифуемый снаружи экзогенными силами, тем не менее сравнительно быстро успевает воздвигнуть на поверхности своей все новые и новые горы. Эта скорость говорит о значительной еще пластичности земного шара, свидетельствует о газообразной консистенции большей части его массы.

Но, признавая газообразное состояние барисферы, мы должны внести весьма существенную поправку в наши обычные представления на этот счет. К газу барисферы, находящемуся при температуре выше критической, неприложимо то, что мы привыкли связывать с понятием о газе. Этот «закритический газ» обладает совершенно особыми свойствами: закон Бойля-Мариотта, например, к нему неприложим; он отличается громадным внутренним трением, вязкостью и плотностью. Огромная скорость распространения сейсмических колебаний внутри земли говорит о том, что твердость ядра земли должна значительно превосходить твердость стали. Словом, закритический газ барисферы совмещает признаки весьма упругого газа с признаками весьма твердого тела. Свойства барисферы, свойства земного шара в его целом, требуют допущения одновременно и твердого и газообразного ядра. Этим требованиям и может удовлетворить только «закритический газ».

Атмосфера и климат.

Земля как тепловая машина. Жизнь земли есть не что иное как вечная смена явлений. Из туч выпадают дожди, дождевые потоки размывают землю и Сбегают в реки, речная вода медленно движется, отмывая частицы почвы от берегов, и все это — песчинку за песчинкой — сносит в море, выдвигая свою дельту все дальше и дальше и засыпая осадками морской бассейн. И, в то время как в реках перед нами движутся те материалы, из которых со временем на морском дне будут воздвигнуты новые горы, горы, ныне существ-

вующие, под действием солнечного тепла и мороза, ветра, воды и льда, беспрестанно разрушаются» крошатся и тают. Из неуничтожимых атомов постоянно строятся новые формы с тем, чтобы в следующий затем момент исчезнуть и освободить материал, который пойдет на новые сооружения.

Весь этот сложный механизм геологических явлений требует непрерывного расхода энергии. Земной шар есй не что иное как тепловая машина. Мы можем указать два главных источника тепловой энергии земли: одним из них является солнце, другим — нагретые земные недра. Но теплота может работать, лишь перетекая от очага к холодильнику, может работать, пока между очагом и холодильником существует разность температур. Только при падении температуры с высокого уровня на низкий возможно превращение теплоты в механическую работу.

У земли есть свои очаги и свои холодильники. Для внутреннего потока тепла очагом служат земные недра, холодильником — поверхность земли и холодное мировое пространство; для тепла солнечного очагом является экватор, холодильником к нему — полюсы земли. Первый поток тепла — от барисферы к поверхности земли — лежит в основе механической работы эндогенных сил, второй — работы сил экзогенных.

Внутренняя теплота земли сама по себе почти не влияет на температуру земной поверхности. Вычислено, что земля ежесекундно теряет из своих внутренних запасов тепла $8 \cdot 10^{12}$ мал. калорий¹. Но этот внутренний поток тепла составляя всего лишь 0,001 часть тепла, получаемого землею от солнца, и таким образом внутреннее тепло не может оказать существенного влияния на температуру земной поверхности. Без солнца земля неминуемо превратилась бы в ледяную пустыню.

Но внутреннее тепло производит громадную геологическую работу, Эта работа прежде всего выражается в процессах горообразования: возникновение дислокаций, складчатых гор, материковых массивов и океанических впадин — все это является следствием прогрессивного охлаждения земли. Вулканические и сейсмические явления сопутствуют всем этим тектоническим процессам; трансгрессии и регрессии моря возникают точно так же в результате приспособления гидросферы к перемещениям литосферы. Словом, внутреннее тепло земли является тем скульптором, который создает основные черты лика земли.

Этот лик земли подвергается затем дальнейшей обработке со стороны экзогенных сил, работа которых теснейшим образом связана со вторым источником энергии земли — солнцем.

Солнце излучает в мировое пространство колоссальное количество тепловой и световой энергии. Эту энергию улавливают движущиеся вокруг него планеты. Количество энергии, приходящееся на долю каждой планеты, зависит от величины самой планеты и от расстояния ее от солнца. По вычислениям Лангley, земля получает 3 мал. калории в минуту на 1 см^2 поверхности,

¹ Малой калорией называется то количество тепла, которое может нагреть 1 г воды на 1°C .

обращенной перпендикулярно к солнечным лучам. Отсюда можно определить, что на всю освещенную поверхность земного шара падает в 1 минуту $382,5 \cdot 10^{16}$ мал. кал. В год это составит $2011 \cdot 10^{21}$ мал. кал. Если мы эту энергию переведем в лошадиные силы¹, то окажется, что 36500000000000 лош. сил непрерывно работают над переустройством земного шара. Эта цифра служит мерою работы экзогенных сил. За счет солнечной энергии работают ветер, текучая вода, морской прибой, морские течения, глетчерные льды, — работают и все организмы. Но доля, приходящаяся на органический мир, совершенно ничтожна: она равна всего лишь 0,0042% солнечной энергии, получаемой землей. В тепловых единицах энергия, достающаяся всему органическому миру, составляет 56.1018 мал. кал.

Таков тепловой бюджет земли и всех ее обитателей.

Солнечный и действительный климат. Распределение солнечного тепла по земной поверхности, весьма сложное и разнообразное, зависит от многих условий: 1) шарообразной формы земли, 2) наклона земной оси к плоскости земной, орбиты, 3) эллиптической формы земной орбиты, 4) перемещения воздушных масс, 5) направления морских течений, 6) неодинакового отношения суши и моря к нагреванию, 7) устройства поверхности материков.

Если бы земля была лишена атмосферы и океана, климат ее зависел бы только от угла падения солнечных лучей и от продолжительности освещения земной поверхности. Средняя годовая температура тогда правильно убывала бы от экватора к полюсам, и в климатическом отношении не существовало бы разницы ни между обоими полушариями, ни между пунктами, лежащими на одной параллели. Такой идеальный климат можно было бы назвать «солнечным».

Действительно, средняя годовая температура земли постепенно падает от экватора к полюсам, что видно из следующей таблицы, где количество тепла, приходящееся на экватор, принято за 100:

Широта:	0°	10°	20°	30°	40°	50°	60°	70°	80°	90°
Количество тепла:	100	97	93	87	77	67	56	46,5	42	41

Если бы ось земли была перпендикулярна к плоскости земной орбиты, все климатические явления на земле были бы много проще. Всегда и всюду на земле день был бы равен ночи, не было бы смены времен года, — вечное лето было бы свойственно экваториальной области, как вечная зима — полярной. В действительности же ось земли наклонена к плоскости земной орбиты под углом в $66\frac{1}{2}^\circ$, а плоскость экватора с плоскостью орбиты составляет угол в $23\frac{1}{2}^\circ$. От такого положения оси и зависит смена времен года. Во время годового движения земли вокруг солнца ось земли всегда остается себе параллельной, и, следовательно, избыток тепла и света приходится на долю то северного, то южного полушария. Только два раза в год — 21 марта и 23

¹ Одна лош. сила равна 75 килограммометрам в секунду.

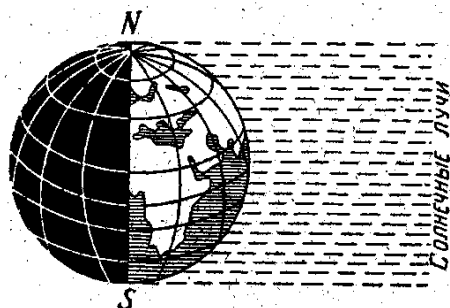

Рис. 74. Положение земли относительно солнечных лучей в дни весеннего и осеннего равноденствия.

параллелям, расположенным между экватором и $23\frac{1}{2}^\circ$ с. ш. 21 июня — суточное движение солнца по небосводу совпадает с тропиком Рака (день «летнего солнцестояния»).

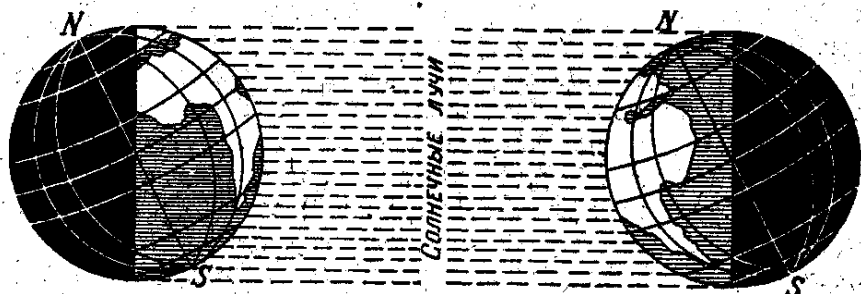

Рис. 75. Положение земли относительно солнечных лучей в дни зимнего и летнего солнцестояния.

Затем оно начинает спускаться, как бы по раскручивающейся спирали, снова к экватору, на котором оно будет 23 сентября. Далее его путь перемещается в южное полушарие, и 21 декабря оно пройдет под тропиком Козерога. После этого дня «зимнего солнцестояния» оно к 21 марта возвратится на экватор. Из рис. 75 видно, что от экватора, где день всегда равен ночи, продолжительность дня летом и ночи зимой увеличивается с широтой до полюсов, где полугодовой день сменяется полугодовой ночью и где понятия дня и ночи совпадают с понятиями лета и зимы. Вот продолжительности самого длинного и самого короткого дня под различными широтами:

Широта	0°	10°	20°	30°	40°	50°	60°	66 $\frac{1}{2}$ °
	ч.	ч.м.	ч.м.	ч.м.	ч.м.	ч.м.	ч.м.	ч.
Самый длинный день	12	12 35	13 13	13 56	14 51	16 09	18 30	24
Самый короткий день	12	11 25	10 47	10 04	09 09	07 51	05 30	0
	0	01 10	02 26	03 52	05 42	08 18	13 00	24

На параллели $66\frac{1}{2}^{\circ}$ солнце один раз в году не заходит и один раз не восходит. На сев. полюсе самый длинный день продолжается 186 суток, самая длинная ночь 179 суток. (На южн. полюсе наблюдается обратное: солнце не заходит 179 дней и не восходит 186 дней.) Это неравенство полярной ночи и полярного дня происходит от того, что, двигаясь по эллиптической орбите, земля в зимнюю половину года находится ближе к солнцу, чем в летнюю, и, следовательно, ускоряет в это время свое движение. Астрономическая продолжительность ночей укорачивается благодаря сумеркам. В то время как на экваторе день быстро сменяется ночью и обратно, в приполярных областях во время наивысшего солнцестояния вечерняя и утренняя зори начинают уже сливаться («белые ночи»). На сев. полюсе утренняя заря начинается 4 февраля, солнце восходит 21 марта, заходит 23 сентября, а 6 ноября потухает и вечерняя заря. Настоящая ночь длится только 90 дней.

Если принять за 1 000 то количество тепла, которое получает экватор за время весеннего равноденствия, то во время летнего солнцестояния:

сев. полюс получит.....	1 203
экватор	881
южный полюс	0 ¹

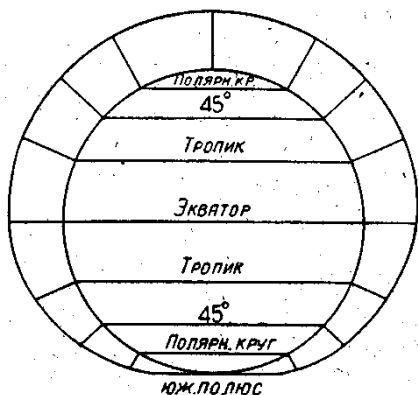

Рис. 76. Распределение солнечного тепла на различных широтах летом сев. полушария.

Этот избыток тепла, получаемого полюсом по сравнению с экватором, объясняется продолжительностью полярных дней. Рис. 76 представляет распределение тепла по различным широтам летом северного полушария: перпендикуляры к параллелям пропорциональны количествам суточной теплоты. Отсюда видно, что полярные страны обладают громадными колебаниями в количестве получаемого ими тепла в разное время года.

По теоретическим расчетам средняя годовая температура земли должна составлять всего около $4-6,5^{\circ}$. Но так как облака и пыль, взвешенные в атмосфере, отнимают у земли около

$30^{\circ}/0$ тепла, то это понижает температуру земной поверхности приблизительно на 50° : средняя температура земли от этого должна быть всего -14° .

Однако наблюдаемая температура выше теоретической на целых 30° и равна в действительности $+16^{\circ}\text{C}$. Такое повышение температуры земли обусловлено атмосферой, накапливающей в толще своей избыток тепла и предо-

¹ Обратное получится во время зимнего солнцестояния, но, вследствие большей близости земли к солнцу, южный полюс получит тогда 1 286 единиц, т. е. на 80 единиц больше.

храняющей землю от остывания. Атмосфера по отношению к земле играет роль стекла парника: подобно стеклу, газы атмосферы легко пропускают сквозь себя световые солнечные лучи и, наоборот, задерживают темные тепловые лучи, испускаемые самой землей. Поэтому и происходит, особенно в нижних слоях атмосферы, накопление тепла. При этом замечено, что главную роль в этом задерживании тепловых лучей играет углекислота: чем больше будет углекислоты в воздухе, тем выше должна быть температура земли. И наоборот — Аррениус вычислил, что если бы из воздуха исчезла вся углекислота, то температура земли понизилась была 21° . Некоторые ученые поэтому объясняют смену ледниковых эпох тропическими и обратно колебаниями количества углекислоты в воздухе. Так как главными поставщиками углекислоты являются вулканы, то, по мнению Аррениуса и др., периоды усиленной вулканической деятельности сопровождались установлением тропического климата, а периоды ослабления работы вулканов совпадали с ледниковыми периодами. Таким образом существует, хотя и косвенная, связь климата земной поверхности с земными недрами.

Общая циркуляция атмосферы. То обстоятельство, что атмосфера сравнительно свободно пропускает световые лучи и задерживает темные тепловые, обуславливает нагревание воздушной оболочки земли снизу, от нагретой земной поверхности. Но теплый воздух легче холодного, потому, нагреваясь снизу, он легко может оказаться в положении неустойчивого равновесия: воздушная колонна, у которой основание будет легче вершины, может легко, так сказать, опрокинуться. Действительно, все воздушные течения носят характер именно таких «опрокидываний». Ветер есть, следовательно, стремление воздуха восстановить свое равновесие, нарушенное нагреванием солнца. Солнце постоянно производит возмущения в воздушной оболочке земного шара, а сила тяжести, при посредстве ветров, их выравнивает.

Над сильно нагретым местом воздух поднимается и, достигнув некоторой высоты, растекается от места нагрева в стороны. Такой отток воздуха вызывает уменьшение давления в основании нагретой воздушной колонны. Наоборот, давление над соседними участками возрастает, и это вызывает перемещение воздушных масс со всех окружающих мест к области нагрева. Так возникают ветры из областей высокого давления в области низкого давления. Воздушные течения обуславливают крайнюю сложность климатических явлений. Однако вся эта сложность приурочена лишь к дну воздушного океана, к самой верхней части литосферы и к самому верхнему слою гидросферы, словом — к той области земли, которая является ареной жизни и называется биосферой. Вглубь и вверх от нее распределение тепловой энергии упрощается.

Ниже слоя постоянной температуры в почве начинается область однообразного нарастания температуры с глубиной. Геоизотермы в общем повторяют неровности земной поверхности, но в несколько смягченном виде: их выпуклости соответствуют горам, но менее значительны, чем выпуклости самих гор. Таким образом на некоторой глубине влияние земного рельефа уже не

сказывается, и все местные различия в тепловом состоянии литосферы совершенно стираются.

Существует слой постоянной температуры и в гидросфере, но здесь он лежит глубже, чем в литосфере, так как неравномерно нагретые солнцем слои воды способны перемешиваться. Суточные колебания проникают в морскую воду приблизительно до 10 м, годовые до 200—300 м. Начиная с этой глубины, температура воды медленно и постепенно падает. На больших, глубинах всякое различие в тепловом состоянии океана под различными широтами исчезает. Организмы, приспособленные к определенному давлению на определенной глубине, могли бы перемещаться в горизонтальном направлении от полюса к экватору и при этом не заметили бы никакой разницы между температурными условиями различных широт.

Но и с поднятием вверх от поверхности земли местные и временные различия быстро стусеиваются. Явления, иллюстрируемые нашими географическими картами, имеют очень мало влияния на механизм атмосферы в ее целом. Воздействия суши и моря простираются не выше 4—5 км. Климатические явления на более значительной высоте совершенно не зависят от того, что именно находится ниже, под данным местом — океан или суша. Жизнь атмосферы на высоте 5 км нисколько не изменилась бы, если бы мы Совершенно иначе распределили по земной поверхности океаны и материи, горы и равнины. Все богатство красок географического ландшафта стирается по мере удаления от земли. На высоте 8—15 км, там, где уже исчезают восходящие потоки атмосферы, обнаруживается и в последней слой постоянной температуры.

Если бы земля не вращалась вокруг оси, круговорот атмосферы, создаваемый неравномерным нагреванием экватора и полюсов, был бы очень прост: нагретый всего сильнее на экваторе воздух поднимался бы над последним и на некоторой высоте растекался бы поверху к полюсам; холодный же воздух полярных стран направлялся бы понизу от полюсов к экватору.

Но вращение земли оказывает отклоняющее влияние на движущиеся воздушные массы. Так как точки поверхности вращающейся земли обладают различными скоростями, то всякое тело, перемещающееся вдоль земной поверхности от экватора к полюсу с некоторой постоянной скоростью, будет опережать в своем движении самую поверхность земли и, наоборот, перемещаясь от полюса к экватору, будет отставать в сравнении с самой землей. Поэтому подобное тело в сев. полушарии будет видимо отклоняться вправо и в южном полушарии — влево от линии своего движения¹. В силу этого закона верхние воздушные течения, направляясь от экватора к полюсам, постепенно отклоняются в сторону и тем сильнее, чем больше широта: в сев. полушарии они из южных превращаются в юго-западные, затем — в западные, а в южном — из северных в северо-западные и, наконец, в западные. Эти ветры, более свободные и сильные, чем нижние, увлекают за собою обратные

¹ Впервые это явление было замечено на реках, которые в сев. полушарии подмывают свои правые берега и отступают от левых.

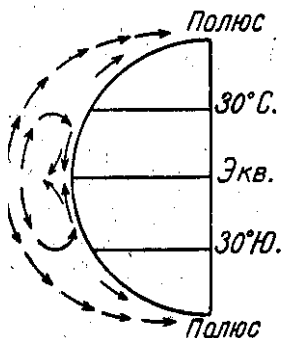

Рис. 77. Схема общей циркуляции атмосферы.

течения, идущие от полюсов к экватору. Так создается в приполярных широтах обоих полушарий мощное воздушное течение вокруг полюсов — с запада на восток. Этот «околополярный вихрь» развивает центробежную силу, которая отбрасывает воздушные массы обратно к экватору: между 30° и 40° с. и ю. ш. происходит накопление воздуха, и образуются гребни высокого давления (затропические максимумы). От этих гребней воздух движется далее к экватору, и течения эти получают название пассатов — северо-восточного в северном полушарии и юго-восточного — в южном (рис. 77). Эта схема ветров представляет механизм атмосферы в наиболее чистом, не осложненном никакими частностями виде. Здесь все определяется только шарообразной формой земли, вращающейся вокруг оси и получающей солнечные лучи под различными углами. Такая система ветров должна в сущности возникнуть на любой планете, имеющей атмосферу. Поэтому ее можно назвать «планетарной системой ветров».

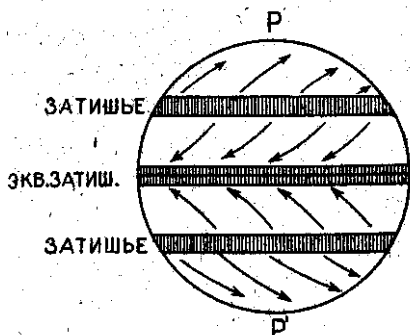

Рис. 78. Схема господствующих ветров.

На дне воздушного океана приведенная циркуляция атмосферы должна проектироваться в виде определенной системы «господствующих» ветров. Вдоль самого экватора (рис. 78), где преобладает восходящее движение воздуха, мы должны встретить полосу экваториального затишья. Эта штилевая полоса получила название «облачного кольца» и в прежнее время служила серьезным препятствием для парусного судоходства. На материках здесь протекают полноводные реки (Конго, Амазонка), и берега их заросли тропическими лесами.

К северу и к югу от экватора мы встречаем полосы с.-в. и ю.-в. пассатов. Эти полосы отличаются вообще климатом сухим, так как воздух, направляясь из высших широт к экватору, удаляется от точки насыщения. Здесь расстилаются тропические лесостепи, или саванны; леса вытянуты вдоль рек. В области пассатов резко различаются два времени года: дождливое лето и сухая зима. Дожди в общем следуют за солнцем, так как там, где солнце стоит в зените, пассат утихает и сменяется восходящим движением воздуха, сгущающим свои пары. Наоборот, зимой наступает засуха.

За полярными границами пассата мы вступаем в полосы высокого давления, опоясывающие оба полушария. Это и будут те гребни затропических

максимумов, о которых мы уже говорили. Степи и пустыни сопровождают их.

За осями тропических максимумов начинается область преобладающих западных ветров. Последние приносят с океанов много влаги. Почва, промытая дождями, зарастает лесами, сперва лиственными, потом хвойными, и только у берегов Полярного моря леса уступают место тундре.

Такова естественная и закономерная смена ландшафтов, вытекающая из общей циркуляции атмосферы. В такой последовательности должны были бы располагаться между экватором и полюсом климатические, почвенные и растительные зоны, если бы на них не оказывали влияния другие осложняющие обстоятельства.

Отношение суши и моря к нагреванию. Существует глубокое различие между отношением суши и моря к нагреванию. Прежде всего различны их теплоемкости: в то время как для нагревания 1 см^3 морской воды на 1° требуется 0,9 кал., для нагревания такого же объема суши нужно 0,6 кал. При нагревании свободной поверхности воды очень много тепла затрачивается на испарение воды. Наконец, нагревание воды уменьшается от сильного отражения водою солнечных лучей, и это отражение особенно значительно в высших широтах, где лучи падают под большим углом к поверхности моря. Суша и вода, даже под одной и той же широтой, получают различные количества тепла, и в общем вода везде получает меньше, чем суша. Но, с другой стороны, получая меньше чем суша, вода бережнее хранит запас своего тепла. Температура над водой ночью и зимой выше, а днем и летом — ниже, чем на суше, так что морской климат отличается меньшими суточными и годовыми колебаниями, чем климат континентальный. Кроме того в высших широтах, с их продолжительными зимами, средняя годовая температура выше на море, а в широтах низших — на суше.

Исходя из этих данных, Ценкер вычислил ряд «нормальных температур» нижнего слоя воздуха над сушей и над морем на различных широтах, представленный в следующей таблице:

Широта	0°	10°	20°	30°	40°	50°	60°	70°	80°	90°
суша	34,6	33,5	30,0	24,1	15,7	5,0	—7,7	—19,0	—24,9	—26,1
море	26,1	25,3	22,7	18,8	13,4	7,1	0,3	—5,2	—8,2	—8,7
разница (маг. кл. и люрк. кл.)	+8,5	+8,2	+7,3	+5,3	+2,3	-2,1	-8,0	—13,8	—16,7	—17,4

Из таблицы видно, что на экваторе климат материков теплее климата моря; затем разница между климатами сглаживается, и под 45° море и суша в тепловом отношении сравниваются; Далее к полюсу морской климат становится теплее. Отсюда можно сделать вывод, что если бы вся суша сплошным

поясом была сосредоточена вдоль экватора, а с севера и с юга от него находился бы океан, то средняя температура земли была бы наиболее высока¹.

Учитывая это, мы можем «нормальные» температуры Ценкера соединить изотермами, и тогда получится схема, изображенная на рис. 79. На этой схеме видно, что только на широте 45° климаты суши и моря одинаковы (изотерма 10°), а то, что в низших широтах материки теплее океанов и в высших — океаны теплее материков, находит своё выражение в характерных изгибах изотерм.

Но на схеме изгибы эти вполне симметричны, так как здесь не приняты во внимание ни морские течения, ни рельеф материков.

Основной причиной морских течений являются ветры. Ветер приводит в движение самый верхний слой воды, который увлекает за собой слой нижележащий, тот в свою очередь — следующий и т. д., так что движение постепенно передается в толщу океана.

С течением времени при непрерывном действии ветраскорость на всякой данной глубине должна бы увеличиваться, но это увеличение идет все медленнее и, наконец, прекращается. Тогда каждый слой воды приобретает постоянную скорость, зависящую от его глубины. На глубине 4000 м такое состояние может наступить только через 100000 лет, — с такой поразительной медленностью вовлекается в движение инертная масса океанической воды. Ветры над морем могут изменять направление, но их влияние в глубине моря быстро затухает. Только «господствующие» ветры, дующие неопределенное время в одном направлении, способны создать мощное течение. Главными из таких ветров являются пассаты. Они-то и создают, систему морских течений.

Пассаты сгоняют воду от тропиков к экватору, но так как они наклонены друг к другу под углом, то вода как бы выжимается ими вдоль экватора, и таким образом создается экваториальное течение, направляющееся с востока на запад. В Атлантическом океане (рис. 80) это течение ударяется в выступ Бразилии и разделяется на две ветви: одна из них направляется на юг (Бразильское течение), другая идет к северу, заходит в Мексиканский залив, огибает Флориду и становится Гольфштрмом. Некоторое время Гольфштром движется вдоль берегов С. Америки, но, постепенно подчиняясь отклоняющему влиянию вращения земли, отходит к востоку, пересекает океан: и приближается к Европе. Здесь он омывает берега Англии и Скандинавии и вступает, наконец, в Полярное море. Другая ветвь Гольфштрма, не доходя до Европы, поворачивает обратно на юг и под именем Канарского течения идет вдоль Африки на пополнение убыли воды произведенной пассатами в экваториальных областях. Точно так же и Бразильское течение, постепенно поворачивая влево, возвращается, под именем Бенгуэльского Течения, к берегам

¹ Есть все основания думать, что именно такое «зональное» распределение суши и моря имело место на земле в древнейшие геологические эпохи. В этом обстоятельстве находит, между прочим, свое объяснение несомненный факт высокой (и равномерной) температуры земли в первые эпохи геологической истории. В действительности, однако, материковые массы Старого и Нового Света и разделяющие их океаны имеют скорее меридиональное расположение.

Африки, образуя и в южной части Атлантического океана замкнутый круговорот. Непрерывный приток теплых вод с экватора в Полярное море вызывает в свою очередь обратные холодные течения: вдоль берегов Гренландии движутся Гренландское и Лабрадорское течения и под влиянием вращения земли прижимаются к берегам С. Америки¹.

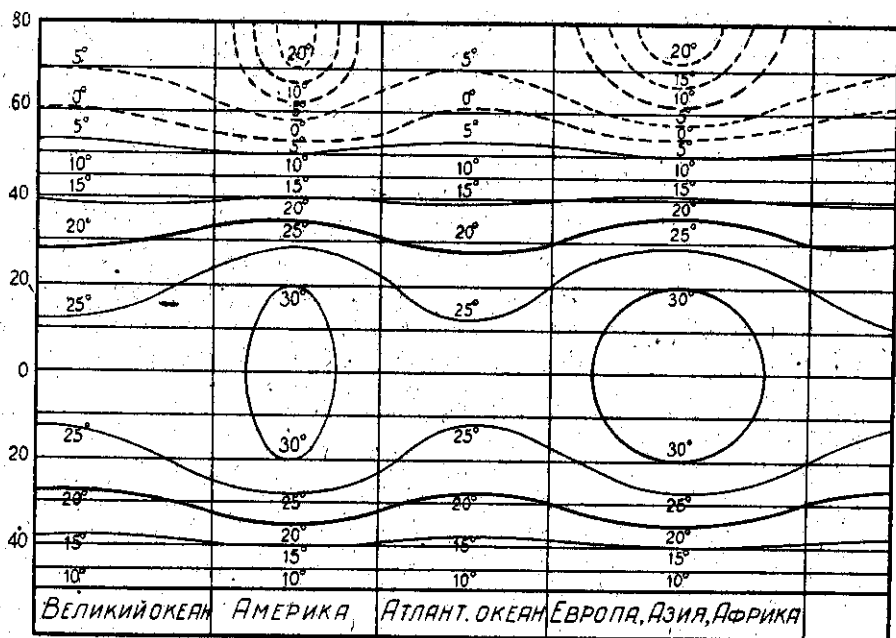

Рис. 79. Нормальные изотермы.

Морские течения сильно влияют на климат земли. Если бы всю воду Гольфштрима, протекающую мимо Флориды, охладить до температуры Полярного моря, то из нее можно было бы извлечь количество тепла в $5 \cdot 10^{15}$ калорий в час, — так колоссально велика та тепловая энергия, которую Гольфштром извлекает из экваториальных областей и переносит к нам на север. Недаром он получил название «водяного отопления» Европы. Его влияние на Европу сказывается, например, при сравнении вечно-зеленой Англии с суровым Лабрадором, где земледелие почти невозможно. Но если в приполярных странах восточные берега океанов оказываются благодаря течениям гораздо теплее западных, то обратное приходится сказать о тех же берегах в экваториальных областях: здесь теплая вода сгоняется к западным

¹ Аналогичная система течений развита и в Тихом океане: Гольфштриму там соответствует Курр-Сивй, Гренландскому — Курильское и т. д.

берегам океана, а вместо нее у берегов восточных выступают из глубин холодные воды и питают, например, Канарское и Бенгуэльское течения.

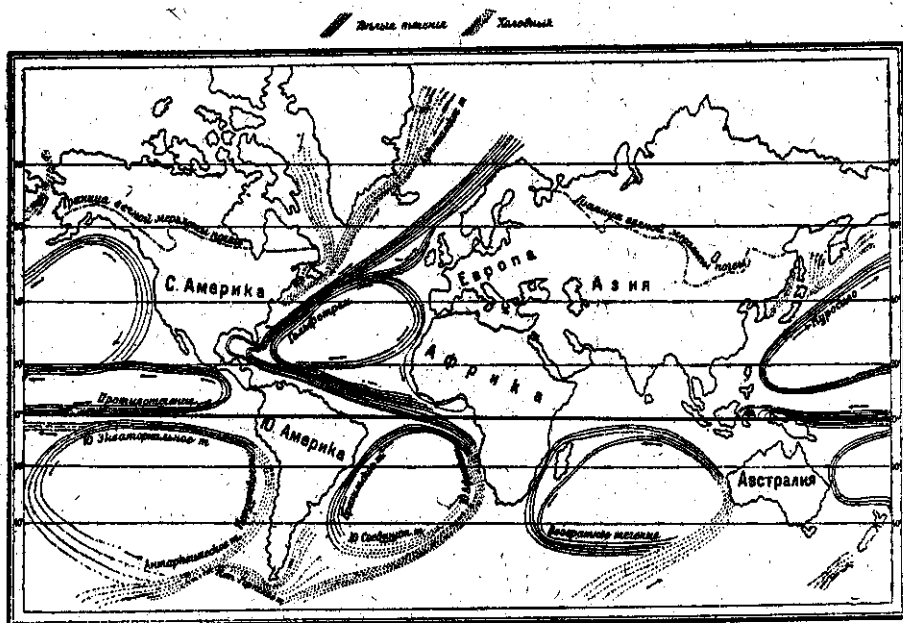

Рис. 80. Карта морских течений.

Связь экзогенных сил с эндогенными. Перейдем к рассмотрению распределения по земле средних годовых температур. На карте изотерм года (рис. 81) мы видим сильные изгибы этих изотерм. В общем они соответствуют изгибам на схеме нормальных изотерм (рис. 79), но изгибы эти далеко не так симметричны: их вершины, сдвинуты, у западных материков они изогнуты особенно круто, а на восток спускаются полого. Все эти изгибы объясняются местным влиянием ветров, горных хребтов и морских течений.

Так, бросается в глаза, что теплые течения изгибают изотермы к полюсам, а холодные к экватору. В южном полушарии, где суши мало, и изотермы менее искривлены. В средних широтах изотермы направляются на материках с с.-запада на ю.-восток, а на океанах с с.-востока на ю.-запад. Западные части материков имеют здесь, следовательно, более теплый климат, чем восточные. Это объясняется преобладанием западных ветров. В низших широтах, наоборот, восточные берега материков теплее западных: это результат влияния — на востоке пассатов, а на западе — холодных течений.

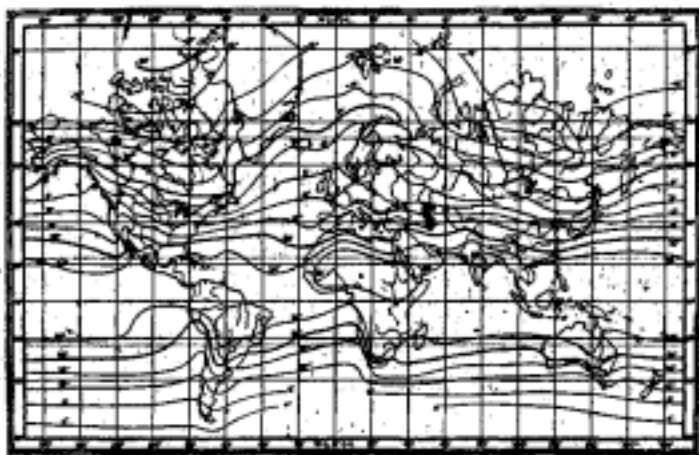

Рис. 81. Изотермы года.

Таким образом действительная климатическая картина земли складывается в итоге сочетания солнечного климата, планетарной циркуляции атмосферы и того распределения суши и моря, гор и равнин, которое и составляет лик земли.

Но этот лик земли есть создание эндогенных сил. Поток внутреннего тепла земли превращается в механическую работу тектонических сил и определяет архитектуру земли. В одних местах литосфера опускается и становится ложем моря или океана, в других она приподнимается и образует континенты. Распределение тех и других обуславливает систему морских течений. Горные цепи изменяют направление ветров, вмешиваются в распределение влажности. В то время как на равнинах изотермы раздвигаются друг от друга, горные хребты их сближают, скучивают, точно завязывают в узлы. В горных странах устанавливается особый климат, в значительной степени независимый от широты и географического положения местности.

При одном и том же количестве солнечного тепла, приходящегося на долю нашей планеты, для последней далеко не безразлично, будет ли, например, вся суша ее собрана в виде одной компактной массы идя, наоборот, рассеяна по всему мировому океану в виде архипелага островов. Во втором случае влияние моря всюду глубоко проникнет, и климат будет мягким и равномерным; в первом случае центральные части материка приобретут все черты резко континентального климата. Здесь неминуемо разовьются пустыни.

Развитие с течением геологического времени крупных материковых масс было одной из причин осложнения идеального «солнечного» климата. Такое же значение нужно приписать и образованию гор. Приподнятые до известной высоты участки литосферы, становятся конденсаторами влаги. Она скопляется на них в виде снега и льда, массы которого начинают растекаться отсюда

во все стороны. Если смыкание отдельных участков суши в сплошной континент ведет за собой песчаную трансгрессию, то поднятие гор способно дать начало трансгрессии ледяной, может привести к наступлению ледниковой эпохи. И то и другое неоднократно и происходило в истории земли.

С работой эндогенных сил, с переустройством последними лика земли связана далее и работа текучей воды. При одних условиях образуются области без стока к морю; при Других вся живая сила, текучей воды направляет свою работу именно в сторону океана, Поднятие литосферы усиливает эрозию, понижение ее — ее ослабляет. Материк, превращенный экзогенными силами в плоскую равнину, едва возвышающуюся над уровнем океана, живет угнетенной геологической жизнью, и вяло протекают в нем все геологические процессы: реки плутают по своим чрезмерно широким долинам, сжимаются мелями и перекатами, разбиваются на рукава, не справляются с собственными наносами. При достаточно влажном климате страна начинает страдать от застоя воды, покрывается болотами» торфяниками, но она может возродиться к новой жизни при поднятии материка.

И органический мир не остается безучастным к работе эндогенных сил. Раз изменяется лик земли, изменяются и климат, и флора, и фауна. Животные принуждены бывают уходить с опускающихся под уровень моря материков, переселяться с места на место под натиском песчаных или ледяных трансгрессий. В значительной степени однообразные на равнинах, они становятся весьма разнообразными, вырабатывают массу местных рас и разновидностей в горных областях.

Эпохи сильного проявления горообразующих сил являются в то же самое время критическими моментами для органического мира. Сравнительно быстрое изменение лика, земли и климата нарушает установившееся равновесие в природе и, предъявляя к организмам новые требования — приспособиться к новым физико-географическим условиям — вызывает гибель одних форм и расцвет других.

III. ИСТОРИЯ ЗЕМЛИ.

Геологическая летопись.

Морское дно и его осадки. Коренные горные породы, слагающие континенты, подвергаются непрерывному разрушению и превращаются постепенно в рыхлые поверхностные наносы — дилuviий и аллювиий.

Дилувием называются обломочные материалы, смытые дождевыми потоками с возвышенностей.

С течением времени, при общей равнинности страны, при малой живой силе текущих вод в ней, громадные толщи дилувиия могут сплошным пркроваххм одеть склоны холмов и придать местности мягкие, волнистые очертания (рис. 84). Отложения текущих вод — рек, ручьев — называются аллювием. Ровными, тонко-слоистыми покровами лежат они в долинах рек, нарастая после каждого половодья. Как обнажённые коренные породы, так и образующиеся на наших глазах дилувиий и аллювиий, под дальнейшим воздействием солнечного тепла, атмосферных осадков, растений и животных, превращаются в почвы.

Хотя на поверхности суши непрерывно происходит перемещение минеральных масс, постоянно создаются, разрушаются и вновь возникают различные геологические образования, но в общем нужно сказать, что на суше процессы разрушительные преобладают, над процессами созидательными: так, растущие овраги быстро съедают громадные толщи дилувиия, а перемещающиеся из стороны в сторону реки разрушают свои же наносы, которые они незадолго перед тем отлагали. Вот почему немного геологических памятников, образовавшихся на материках, имеют шансы избежать разрушения и сохраниться на будущие времена. Лишь кое-где в осадочной толще земной коры можно бывает найти слои речного аллювиия или пласты пресноводных озер, существовавших здесь некогда¹. К геологическим свидетельствам суши относятся и ледниковые морены. Больше памятников оставляет после себя пустыня. Мы говорили уже о барханных песках-трехгранниках, пустынным загаре на камнях и слоях соли. В последнее время выяснилось, однако, что даже такое хрупкое и непостоянное образование, как корка почвы, — этот

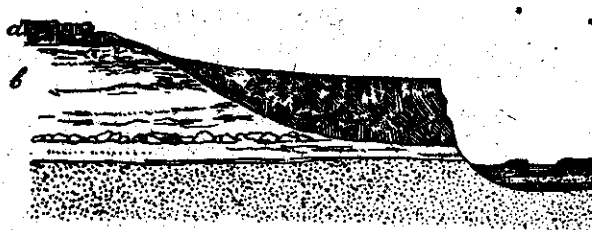

Рис. 84. Покров дилувиия на склоне холма.

¹ Решать вопрос — принадлежит ли данный слой к морским, речным или озерным осадкам — геолог может на основании заключенных в этом слое остатков органической жизни.

«эпителий» земного шара, по выражению Неуструева, — может в некоторых исключительных случаях сохраниться от разрушения. А так как тип почвы зависит от климата, то находимым в разных местах уцелевшим от разрушения остаткам древних «погребенных» почв можно судить о климате данной страны в отдаленном геологическом прошлом. В своем месте мы говорили, что на нашем севере разрушение сложных горных пород при их превращении в почву не идет до конца и останавливается на стадии образования глины ($\text{Al}_2\text{O}_3 \cdot 2\text{SiO}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$). В тропическом климате разрушение идет дальше, до выделения чистого гидрата окиси алюминия, и так образуются скопления боксита ($\text{Al}_2\text{O}_3 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$). Боксит является в наших глазах признаком влажного тропического климата. В таком случае нахождение, например, у нас в Воронежской губернии погребенных слоев боксита проливает свет на тропические условия; царствовавшие в этой местности до ледникового периода.

В противоположность суше со всеми разрушительными процессами на ней, океан есть область преимущественного накопления и отложения рыхлых продуктов выветривания.

Мы знаем, какую большую роль в почвообразовательных процессах играют органические вещества. Наряду с климатом, мы должны рассматривать и, их как необходимый фактор почвообразования. Без организмов (живых или мертвых) почва в сущности и не образуется. Физическое выветривание горных пород само по себе образует еще не «почву», а лишь минеральную часть последней, почвенный балласт (песок, глину) и минеральные растворимые соли почвы. Почва есть горная порода, вступившая в тесное взаимодействие с биосферой. Это есть минеральная масса, переработанная не только климатом, воздухом и водой, но и организмами.

Почвенному покрову на твердой земле соответствует покров осадков на морском дне. Правда, в глубине моря отсутствуют те экзогенные силы, которые вызывают физическое выветривание горных пород на суше: минеральная часть морских осадков, этот «почвенный балласт» морского дна доставляется сюда с берегов, вносится в море реками. Берега континентов окаймлены сравнительно узкой полосой мелкого моря, дно которого постепенно понижается до глубины около 200 м. Эта мелководная площадка покрыта продуктами разрушения суши: у самого берега (особенно если он скалист) лежат камни, обточенные прибоем (галыки); дальше они переходят в песок, «песок сменяется в свою очередь глинистым илом. Все эти осадки можно рассматривать как покров дилuvia (или аллювия) суши, опустившийся под уровень моря.

Вся толща морской воды полна организмов, и общая масса живой протоплазмы в океане колоссальна. В жизни моря органические вещества играют весьма важную роль.

Морская вода есть определенный раствор солей. Эти соли образуются при выветривании горных пород на суше и затем сносятся реками в море. Но между солями речной воды и морской существует глубокое различие: в то

время как среди морских солей первое место (по количеству) занимают хлористые соли, второе — сернокислые и третье — углекислые, в речной воде углекислые соли, наоборот, стоят на первом месте, а хлористые на последнем. Ясно, что соли моря не получились в результате простого вымывания и сноса солей суши. Между солями рек и солями моря стоит органический мир моря. Морские организмы больше всего нуждаются в углекислых соединениях и менее всего — в хлористых. Таким образом своим избирательным отношением к солям они совершенно изменяют относительные количества карбонатов и хлоридов. Морская вода, можно сказать, есть вода суши, но предварительно прошедшая через протоплазму. Гидросферу такую, какой мы ее знаем, сделали организмы моря.

Когда морская вода подвергается простому выпариванию, из нее в известной последовательности выпадают кристаллы различных солей — сернокислого кальция, хлористого натрия. Этот процесс происходит в соленых озерах, он может происходить и в мелководных морских заливах в условиях жаркого пустынного климата. Между тем в обычных условиях из морской воды происходит выделение углекислых, фосфорнокислых солей и кремнезема. Такой ход осаждения есть результат работы живого вещества моря. Так как раковины и скелеты морских животных построены из тех же химических веществ, которые растворены в морской воде, то самое их образование и скопление (после смерти животных) на морском дне можно рассматривать как концентрацию и выделение из раствора морских солей тех или других определенных соединений. Но это выделение не есть простое физико-химическое явление осаждения; это есть процесс биохимический. Его можно поставить в параллель выделению ортштейна в подзолистых почвах. При участии органического вещества на дне моря (как и в горизонте ортштейна) образуются конкреции (или стяжения) различных химических соединений. Кроме того между веществом самой раковины, упавшей на дно, и окружающим ее раствором солей могут возникать обменные реакции. Вещество раковины может полностью заместиться каким-нибудь посторонним веществом, и так образуются в морских осадках окаменелости («ископаемые»).

Среди морских животных есть очень много таких, которые извлекают из воды и накапливают в себе колоссальные количества кальция. Но углекислого кальция в морской воде сравнительно мало; гораздо больше там находится сернокислого кальция. Несомненно, что морские организмы способны поглощать из воды сернокислый кальций и превращать его в углекислый. Это доказано и прямыми опытами над животными. Выделение из воды углекислого кальция происходит при сравнительно высокой температуре. Поэтому обилие известняков среди осадков каких-нибудь, ныне исчезнувших, морских бассейнов свидетельствует о теплом климате данной эпохи.

Другие морские организмы накапливают в себе главным образом кремнезем. Сам по себе кремнезем растворен в морской воде в совершенно ничтожных количествах. Ясно, что кремнеземистые организмы имеют какой-то иной источник кремнезема. Опытами опять-таки доказано, что они способны до-

бывать кремнезем, разлагая для этого глинистые частицы. Процесс выделения ими кремнезема происходит при более низких температурах — на больших глубинах или в областях холодных течений. Поэтому известковые и кремнеземистые организмы являются антагонистами. Между отложением на морском дне кремнезема и углекислой извести существует в известной степени такое же отношение, как между процессами оподзоливания в холодных северных почвах и образования углекислой извести в лёссовых почвах теплых степных стран.

Большое значение имеет выделение из морской воды фосфорнокислых солей кальция, который образуют вокруг и внутри раковин скопления так называемого фосфорита. Из подобных скоплений состоят иногда целые слои, и, переполненные окаменевшими остатками организмов, они свидетельствуют о резком нарушении обычных физико-географических условий в бассейне минувших периодов. Сходным образом, при участии органических веществ, образуются на морском дне скопления минерала глауконита. Чаще всего он встречается в песках и песчаниках, указывающих на прибрежный характер отложений.

Мы знаем, что озера часто сплошь зарастают и превращаются в торфяники. Снизу доверху заполняется они полуразложившимися растительными остатками. Такого скопления углеродистых веществ на дне моря образоваться не может уже потому, что вся толща морской воды пронизана до самого дна значительным количеством кислорода. Но и на морском дне имеются обширные площади, которых не может достичь ни один обломок горных пород суши и где накапливаются неводолюбивые продукты жизнедеятельности морских организмов. Это — область глубокого моря. За пределами мелководной прибрежной площадки, окаймляющей материка, дно моря начинает быстро понижаться и широкими уступами падает в сторону глубочайших пучин. Дно такого глубокого моря покрыто раковинками морских животных; ни песок, ни глина с берегов сюда уже не доносятся. Непрерывным дождем падают раковинки на дно и, претерпевая своеобразную сортировку в зависимости от глубины бассейна и степени растворимости, своего вещества в морской воде, покрывают дно различными видами «органического ила».

Из морских животных, обладающих известковой раковиной, следует упомянуть микроскопических корненожек глобигерин. Их скопления на дне образуют глобигериновый ил. Из глобигерий состоит белый мел, образовавшийся, следовательно, из известкового ила, на дне океанов минувших периодов. Среди организмов, строящих свои оболочки из кремнезема, наиболее важны диатомовые водоросли и корненожки радиолярии. Скопление первых дает диатомовый ил, вторых — радиоляриевый (рис. 86).

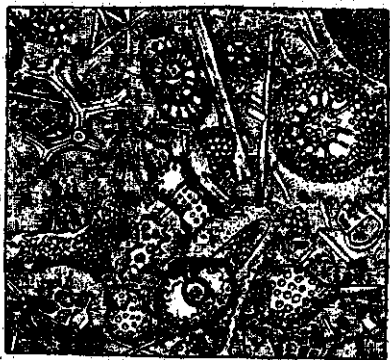

Рис. 86. Радиоляристый ил.

расстояние от берега. Это должно сказываться на характере осадков: прибрежные пески сменятся глинами, глины — известковым илом,

Таким образом океан, перемещаясь по земной поверхности, покрывает ее своими осадками. Он при помощи их записывает историю своих трансгрессий и регрессий, историю своего углубления и обмеления. Пласты его пород служат страницами его геологического дневника. Пройдут тысячелетия, и рыхлые пески его дна превратятся в песчаники, глины — в глинистые сланцы, глины более глубокого дна (с примесью извести) — в мергеля, известковый ил — в известняк, радиоляриевый ил — в кремнистые сланцы. Наконец, прибрежная галька, сцементированная с течением времени каким-нибудь веществом, даст особую горную породу, известную под названием конгломерата.

Геологическая хронология. Последовательности геологических событий во времени соответствует последовательность земных слоев в пространстве: что было раньше — то записано в пластах более глубоких, что произошло после — то надо искать выше. Конечно, применяя на практике это главное правило геологии, необходимо учитывать как дислокации слоев, искажающие нередко нормальные соотношения напластований, так и денудацию

Принятое в современной геологии подразделение земной коры на отдельные группы слоев установилось постепенно в течение XIX века. Один из основателей геологии как науки—Вернер — принимал (в концеXVIII века и в начале XIX века) деление всей земной коры на 4 крупных этажа, или «формации»:

- 4 — новейшие рыхлые наносы;
- 3 — различные осадочные породы с многочисленными окаме-нелостями и рудами полезных ископаемых;
- 2 — переходная формация — глинистые и кремнистые сланцы, конгломераты и другие породы, иногда кристаллические, иногда с окаменелостями;
- 1— основные породы—граниты, кристаллические сланцы, гнейсы.

В зарастающем озере дно может как бы приподниматься в силу накопления на нем растительных остатков. Дно моря может действительно изменять свою абсолютную высоту вследствие колебательных движений литосферы.

Эти движения литосферы могут, кроме того, перемещать море и в горизонтальном направлении. Заливая какую-нибудь местность, море, прежде всего покрывает ее покровом своих песков. При дальнейшем движении его в каждом данном пункте растет

Все породы земной коры — даже гранаты — Вернер считал продуктами осаджения из моря. По его мнению, первичный океан некогда покрывал весь земной шар, и уровень его был выше всех современных гор. Постепенно этот уровень опускался, а на морском дне осаждались в виде горных пород различные химические осадки. По мере выступления из-под моря материков к этим химическим осадкам присоединялись и продукты механического разрушения суши. Таким образом, несмотря на игнорирование пород огневого происхождения и отнесение даже гранитов в группу пород осадочных, Вернер правильно понял и оценил громадное значение моря в деле образования осадочной толщи земной коры.

В дальнейшем схема, данная Вернером, постепенно усложнялась, и, выделив породы кристаллические, геологи сосредоточили свое внимание на детальном расчленении осадочной толщи. В тех местностях Европы, где издавна процветало горное дело, людям знакомы были уже различные этажи земной коры, в правильном порядке налегавшие друг на друга. Так, в Англии хорошо знали, что под слоями каменного угля лежат серые «горные» известняки, а под этими и над этими слоями наблюдатели привыкли встречать громадные толщи ярко-красных песчаников, заключающих в себе прослойки каменной соли и гипса. Нижняя толща песчаника была известна под названием «древнего красного песчаника», а верхняя — «нового красного песчаника». Или, например, в Германии рудокопы давно обратили внимание на залежи медной руды, приуроченные к так называемому «медистому сланцу». Они знали, что медистый сланец лежит на слое красных песчаников и конгломератов, и дали этим последним слоям название «мертвого красного лежня». Ту же пустую породу, которая обычно прикрывала медистой сланец, они называли «цехштейном». Всем, наконец, были знакомы толщи белого мела, образующие нередко живописные утесы. Но английские исследователи знали при этом, что обыкновенно под мелом лежат слои зеленого песчаника, еще ниже — слои светлого известняка, состоящего из мелких зерен, напоминающих окаменевшую икру («оолитовая» формация), и, наконец, черные или бурые глины, называемые в Англии «лейасовой формацией». У ученых и возникла мысль, что все подобные геологические образования характеризуют целые эпохи истории земли. Из их названий и была составлена хронологическая таблица геологических, периодов.

Чтобы разобраться в пестрой смене различных напластований и сравнивать геологическое строение отдаленных местностей, геологи выделили из всей толщи слоев несколько наиболее определенных «горизонтов» и были уверены, что породы данного горизонта в своем распространении охватывают весь земной шар. За такие руководящие горизонты были приняты гранит, каменный уголь и мел. Получились как бы три основные линии, подразделяющие всю осадочную толщу земли, и геолог, работая в любой местности, старался прежде всего отметить эти горизонты, так как они давали ему возможность устанавливать одновременность или разновременность других пластов и геологических образований.

Но как ни была правильна сама по себе мысль — разделить всю земную кору на отдельные этажи определенными пластами, а геологическое время на ряд отдельных эпох, на деле это привело к крупным ошибкам, которых как раз и хотели избежать, — к путанице в последовательности событий в истории земли. Предполагалось, как нечто вполне очевидное, что все, например, слои угля образовались на всей земле в одну и ту же эпоху — «каменноугольную», и всякий мел — в «меловую» эпоху. Позже выяснилось, однако, что каменный уголь образовывался на земле в самые различные эпохи: в любое время при подходящих условиях, в болотах, где под водой сгнивали большие массы растительных остатков, могли образоваться залежи угля. Угли разных стран не являются непременно сверстниками. Уголь можно найти не только ниже, но и выше, например, залежи мела. Равным образом и мел сам по себе, как шобигериновый осадок, мог образоваться в различные эпохи. С другой стороны, один и тот же океан в одних условиях оставляет после себя пески, в других глины, в третьих известняки. Следовательно, никоим образом нельзя думать, что моря какой-нибудь данной эпохи могли всюду на площади своей отлагать, например, известняк — и только известняк; нельзя в сущности подобным известняком характеризовать всю эпоху. Белый мел, который одно время ученые так тщательно разыскивали как определенный и непрерывный памятник особой «меловой» эпохи, мог быть заменен в других странах иными осадками — конгломератами, песчаниками, сланцами и т. п.

Химический и минеральный состав породы зависит не от времени, а от условий ее образования. Только одинаковые органические остатки определяют одновременность различных слоев.

В морской воде обитают разнообразные морские животные. Правда, одни из них поселяются на каменистом дне, где бушует прибой, другие избирают для жительства дно илистое; место обитания одних строго ограничено определенными условиями, другие пользуются широким распространением в пределах данного бассейна. Для нас особенно важны те из них, которые населяют самую поверхность моря и, разделяясь повсюду волнами и течениями, после своей смерти могут «погребаться» во всех точках морского дна в самых разнообразных его осадках. Если бы море высохло, то остатки этих животных, находимые в различных осадочных породах бывшего морского дна, были бы в наших глазах ручательством за одновременность отложения всех этих пород, за принадлежность их к одному бассейну, к одной геологической эпохе. Следовательно, установить одновременность или разновременность морских слоев можно лучше всего и проще всего по погребенный в них организмы; слои одновременные должны заключать в себе некоторое количество одинаковых окаменелостей. Такие окаменелости мы называем «руководящими формами», так как они действительно могут руководить нами при установлении возраста слоев.

Эту мысль выдвинул впервые английский геолог Вильям Смит.

Инженер по профессии, В. Смит, работая над прорытием каналов, пристраивался к последовательности слоев, слагающих Англию. Он заметил

при этом, что окаменевшие раковины двух слоев, непосредственно налегающих друг на друга, весьма между собою сходны; наоборот, организмы, особенно в слоях, далеко друг от друга отстоящих, в вертикальном направлении, имеют мало сходства, между собой. Посещая, разные местности, Смит убедился, что всюду можно проследить присутствие одних и тех же слоев, но не на основании их сходства по виду и химическому составу, а на основании одинаковых окаменелостей. Таким образом геология получала возможность точно сравнивать между собою пласты различных местностей и устанавливать принадлежность их к одной или разным эпохам.

В том, же направлении работали во Франции Кювье и Броньяр. И они подметили, что различные пласты земли отличаются различными ископаемыми. Но кроме того они обратили внимание на то обстоятельство, что чем выше, лежит пласт, тем больше заключенные в них животные остатки напоминают ныне живущие на земле организмы, и чем ниже лежит он, тем меньше сходства между современными обитателями земли и погребенным в пласте прежним органическим миром.

Идея эволюции уже носилась в воздухе, но она не сразу отлилась в современную форму.

Будучи зоологами, Кювье и Броньяр интересовались окаменелостями как остатками прежней органической жизни, так сильно отличавшейся от жизни современной¹. Человеческий ум вообще скорее и охотнее всего подмечает во всем различия, чем сходства. Не избег этого и Кювье: выкапывая из парижских слоев скелеты вымерших животных, таких странных на наш взгляд и необычных, он больше интересовался их своеобразием и пришел к убеждению, что исчезнувший животный мир был существенно иной, чем тот, что населяет землю ныне. Для него было ясно, что в пластах земли погребены остатки как бы нескольких животных миров, последовательно сменявших друг друга, и не было в его глазах никаких переходов между этими столь различными мирами. Чем же в таком случае можно было объяснить эти резкие перерывы в истории органического мира, как не гибелью одних форм и новым созданием форм других?

Тут и вспомнили геологи о вулканических катастрофах, которые, по их мнению, не раз потрясали в прошлом земной шар. Этим катастрофам стали приписывать обновление органического мира. Правда, сам Кювье, как ученый очень осторожный, не думал, что катастрофы эти имели мировой характер, могли охватить всю землю и уничтожить все население ее. По его мнению, катастрофы имели только местное значение; они могли испепелить население какого-нибудь материка, но в других уголках земли жизнь шла своим путем и развивалась непрерывно. Корень жизни никогда не подрубался катастрофами, но только животные постоянно принуждены были переходить с места на место. Гонимые периодическими катастрофами, они покидали одни области и вторгались в другие, и, конечно, эти «вторжения» могут, за извест-

¹ Наука о вымерших организмах, созданная Кювье, получила название палеонтологии.

ной дальностью расстояния, производить на нас впечатление внезапных переворотов.

Другие ученые, менее осторожные чем Кювье, пошли дальше. Они придали вулканическим катастрофам слишком универсальный характер, распространили их разрушительное действие на всю землю целиком. Мысль о взаимном обмене материков своими живыми обитателями отошла на задний план. Вместе с тем была порвана всякая связь между животными, последовательно сменявшими друг друга, и, чтобы объяснить одновременное и «внезапное» появление во всех пунктах земного шара множества различных видов животных, не имеющих предшественников в минувшие геологические эпохи, пришлось прибегнуть к особым «актам творения», обратиться к услугам таинственной «творческой силы». Так, д'Орбиньи доказывал на основании изучения окаменелостей всей осадочной толщи, что земля пережила 27 мировых катастроф и что фауны различных геологических периодов не связаны между собою никакими переходными формами.

Пришло, однако, время, когда более изощрившийся глаз наблюдателей стал открывать в вымерших организмах и черты сходства с современными. Английский ученый Ляйэль развенчал теорию катастроф, он же подвел прочный фундамент и под теорию органической эволюции. Изучая окаменелости, он пришел к заключению, что новые животные появляются в пластах далеко не сразу, а лишь постепенно, как бы понемногу вытесняя старые формы и замещая их. Чем выше лежит слой, тем больше в нем процент животных, которые и в настоящее время обитают на земле. Прежнее мнение о катастрофических перерывах в истории обитателей земли можно понять и оправдать только тогда, когда мы берем для сравнения пласты слишком далеких друг от друга эпох. Но в таком случае мы всегда можем найти местность, где между подобными же пластами находятся промежуточные — с окаменелостями, представляющими полный и незаметный переход между формами нашего нижнего и нашего верхнего слоя.

Ляйэль, один из первых в науке со всею силою выдвинул идею колоссальной продолжительности геологической истории. При всех попытках измерить в привычных для нас единицах — столетиях, тысячелетиях — ход геологических событий мы получаем такие миллионы и миллиарды лет, что цифры эти в нашем сознании не умещаются. Поэтому геология и ограничивается лишь относительным, а не абсолютным времяисчислением.

Вся история земли разделяется на крупные эры и более мелкие периоды, или эпохи. Под той или другой эпохой подразумевается некоторый промежуток мирового времени, характеризующийся 1) определенным состоянием лика земли, 2) определенной суммой физико-географических условий и 3) определенным органическим миром. Конечно, совершенно, ясно, что и лик земли, и климат ее, и органический мир — все это самым тесным образом связано между собою и друг друга обуславливает. И часто поэтому геологу приходится о первом или о втором судить по третьему. Делать это он может с тем большей уверенностью, что органический мир, как самый чувствитель-

ный барометр, отражает на себе почти все изменения внешней среды. Держащий в руках окаменелость геолог имеет перед собой не только стертый от времени остаток органической жизни; эта окаменелость для него кроме того является известным минеральным образованием, возникшим на морском дне в ту или другую эпоху, является частью самого дна моря. По ней он может судить о физических условиях, царивших на этом дне, о химии моря. Но море, с другой стороны, живет одной жизнью с сушей и морские осадки аналогичны почвам суши. Следовательно, возможно делать отсюда заключения и о физико-географических условиях, имевших место и на соседние исчезнувшему морю континентах. Море — летописец земли; но оно не пассивный только свидетель событий, протекающих на земле: оно живет с последней одною, общою жизнью, связано с ней тысячею нитей.

Серия всех слоев, отложившихся на земле за определенную эпоху, составляет геологическую систему. Для удобства системы слоев делятся обыкновенно на отделы (верхний — средний — нижний), которые часто получают специальные названия. Отделы далее подразделяются, в свою очередь, на ярусы, и, наконец, самые мелкие подразделения, характеризующиеся нередко одной какой-нибудь строго определенной «руководящей формой», носят название зон.

В 1822 г, Конибир и Филлипс установили «каменноугольную систему». К ней были отнесены (в Англии); а) угленосные слои, состоящие из глинистых сланцев и песчаников, перемежающихся с пластами каменного угля, и б) толща так называемого «горного известняка». В Западной Европе горный известняк составляет нижний отдел, угленосные слои — верхний отдел каменноугольной системы. У нас в СССР тоже залегает мощная толща горного известняка, но угленосные слои не прикрывают ее, а, наоборот, подстилают.

В том же 1822 году была установлена «меловая» система. В эту систему, кроме самого белого пишущего мела, широко развитого лишь в верхнем отделе системы, входят многочисленные и разнообразные горные породы, давно уже различавшиеся геологами под разными местными названиями.

Английский ученый Бекланд, изучая самые верхние слои земной коры («наносы Вернера»), разделил их на 2 отдела: верхний — аллювий, нижний — диллювий. Под последним он подразумевал более древние наносы, приписывая их образование библейскому «всемирному потопу» (слово «диллювий» и обозначает «потоп»). Впоследствии диллювиальные отложения были признаны за отложения ледниковые, и словом «диллювий» стали обозначать ледниковую эпоху. Прибавив к существовавшему в его время списку формаций различавшиеся у горнорабочих формации «пестрого песчаника» и «раковинного известняка», Бекланд в 1823 г. сгруппировал все формации следующим образом:

- 11 — аллювий
- 10 — диллювий
- 9 — надмеловая формация
- 8 — меловая формация

- 7 — формация зеленого песчаника
- 6 — оолитовая формация
- 5 — лейас
- 4 — раковинный известняк
- 3 — пестрый песчаник
- 2 — каменноугольная формация
- 1 — основные кристаллические породы.

В 1829 г. Вроньяр объединил оолитовую формацию и лейас под одним именем «юрской» системы, а в 1839 г. Бух, основываясь на преобладающем цвете юрских пород, предложил деление юрской системы на 3 отдела: 3) верхнюю, или белую, юру, 2) среднюю, или бурую, и 1) нижнюю, или черную. Однако эти «цветные» названия не удержались в науке.

Англичане Мурчисон и Седжвик предприняли детальное изучение слоев, лежащих между каменноугольной формацией и основными кристаллическими породами. В 1833 г. Мурчисон выделил систему «силурийскую», а в 1836 г. Седжвик под силурийской системой отличил систему «кембрийскую», лежащую непосредственно на гранитах и гнейсах¹. Те же Мурчисон и Седжвик в 1839 г. выделили между силурийской и каменноугольной системами новую — «девонскую». К ней, между прочим, был отнесен давно уже известны «древний красный песчаник». Что же касается «нового красного песчаника», то его положение среди других формаций было выяснено несколько позже. Путешествие Мурчисона в Россию дало ему возможность познакомиться с целой серией своеобразных напластований, развитых у нас в Приуральском крае, и в 1841 г. он признал в них особую систему — «пермскую». По положению своему эта система соответствует «новому красному песчанику», а по ископаемым остаткам тем двум формациям — цехштейна и мертвого красного лежня, между которыми в Германии залегает медистый сланец. Таким образом пермская система была установлена и на Западе. Но в то же время оказалось, что часть толщи «нового красного песчаника» имеет более поздний, чем пермский, возраст и должна быть присоединена к тем слоям, которые и прежде были известны геологам под именем пестрого песчаника и раковинного известняка. Все эти формации вместе с более верхней, носившей местное название «кейпера», были соединены в одну систему, и для них еще в 1834 г. Альберти предложил название «триаса».

Пока Мурчисон и Седжвик расчленили на отдельные системы «переходную формацию» Вернера, ряд геологов детально изучал слои, расположенные между меловой формацией и дилuviем — «надмеловую формацию» Бекланда. За этой серией слоев оставлено было название «третичной» системы, впервые употребленное итальянцем Ардуино (еще около 1760 г.), когда он, изучая напластования итальянской области Тосканы, подметил здесь такое же деление земной коры на 4 крупных отдела, какое установил Вернер в

¹ Впоследствии силур был разделен на нижний и верхний отделы, которые некоторыми геологами рассматриваются как самостоятельные системы.

Германии. Впоследствии Ляйэли другие подразделили третичную систему на отделы: 5) плиоцен, 4) миоцен, 3) олигоцен, 2) эоцен и 1) палеоцен.

Если добавить ко всему этому, что еще в 1841 г. Филипс разделил все геологическое время на 3 крупных эры — палеозойскую, мезозойскую и кенозойскую — и что в 1872 г. Дана предложил для древнейших геологических времен, от которых остались лишь кристаллические породы, почти лишенные организмов, название «архейской» эры, то мы и будем иметь нижеследующую таблицу, по которой ведется геологическое времяисчисление в настоящее время. (Принятое в современной геологии подразделение земной коры на «системы» слоев приведено в пятом столбце.)

Архейская эра.

В основании всей осадочной толщи лежит, как фундамент, мощная свита древних кристаллических пород — гранитов, гнейсов и кристаллических сланцев. Они лишены органических остатков и потому являются для геологов «доисторическими» геологическими памятниками. В прежнее время их рассматривали как первозданную оболочку земли, образовавшуюся еще тогда, когда расплавленный некогда земной шар впервые покрылся твердой корой. С этим, конечно, трудно согласиться: ведь вся вышележащая толща осадочных пород произошла несомненно из продуктов разрушения первичной кристаллической коры земли. Действительная первозданная кора» давно уже не существует, и частицы, некогда составлявшие ее, пошли на образование глин, песков и др. пород осадочной толщи.

Вернер	Англия	Германия	Бекланд	Современное подразделение
I Наносы			Аллювий	Современная
			Дилувий	Ледниковая
Надмеловая формация			Третичная (Ардуино 1760)	
Белый мел Зеленый песчаник		Белый мел	Меловая формация Зеленый песчаник	Меловая (дАллау 1822)
Оолит Лейас			Оолитовая формация Лейасовая формация	Юрская (Броньяр 1829)
«Новый красный песчаник»	Кейпер Раковистый известняк	Кейпер Раковистый изв. Пестрый песч.	Триасовая (Альберти 1834)	
	Цехштейн Медистый сланец Мертвый красный лежень		Пермская (Мурчнсон 1841)	

145

	Каменный уголь Горный извест- няк	Каменный уголь	Каменноугольная формация	Каменно- угольная (Кони- бир 1822)
III Переходная фор- мация	«Древний крас- ный песчаник»			Девонская (Мур- чисон и Седжвик 1839)
				Силурийская (Мурчисон 1833) Кембрийская (Седжвик 1836)
IV Основная форма- ция	Граниты, гнейсы, кристаллические сланцы		Кристаллические породы	Архейская группа

Фундаментальные кристаллические породы лежат обыкновенно на большой глубине, лишь иногда выходя непосредственно на земную поверхность. Они всегда сильно дислоцированы — разбиты сбросами, сложены в складки и пронизаны жилами интрузивных пород.

Время, в течение которого образовались все эти породы, получило название архейской эры. Судя по колоссальной мощности архейских пород, продолжительность архейской эры была несравненно больше, чем время, протекшее от конца ее до современного момента истории земли.

За отсутствием ископаемых установить какое-нибудь прочное деление архейской толщи на отделы и ярусы очень трудно. Все такие деления (на основании различий в самих горных породах) могут иметь только местное значение.

В верхней части архейской толщи мы видим несомненные следы работы древнейших океанов: встречаются слои конгломератов, глинистых сланцев, даже известняков (конечно, перекристаллизовавшихся). Залежи антрацита говорят нам о том, что органическая жизнь уже существовала на земле в эти отдаленнейшие эпохи. Если прибавить к этому, что в некоторых местностях в архейской толще найдены следы работы ледников — валуны, морены, — то придется сделать вывод, что физико-географические условия этих отдаленнейших времен в общем не так уже сильно отличались от нынешних. Ни первобытного «кипящего океана», ни первозданной коры, раскаленной внутренним жаром земли, не открывает нам геология, как бы далеко в прошлое земли ни устремляли мы свой взор.

Только в самых нижних — «катархейских» породах не видно следов работы океана. Повидимому, его в то время на земле и не было. Изучая финляндские кристаллические породы, гнейсы и конгломераты, проф. Павлов пришел к следующим оригинальным выводам: гнейсы и кристаллические сланцы не всегда являются по происхождению своему нормальными осадочными породами, лишь впоследствии сильно метаморфизированными действием высоких температур. Есть все основания считать их породами обломочного происхождения, но возникшими в условиях крайне жаркого и сухого климата.

Раскаленные пустыни с их интенсивным физическим выветриванием являются самыми подходящими областями для образования колоссальных масс всевозможных обломков, щебня и мелких продуктов разрушения и распыления горных пород. Затем уже все эти продукты, прикрытые позднейшими образованиями, могли подвергнуться действию температуры и давления. Это и метаморфизировало. Метаморфизация усиливалась внедрением снизу в их толщу расплавленных магматических масс. Таким образом многие архейские породы, и уже во всяком случае катархейские, образовались не на дне океана, а в древнейших доисторических пустынях.

«Есть основание думать, — говорит проф. Павлов, — что обнаженные громады гор и пустыни, лишенные всяких признаков жизни, были более древними географическими типами, чем океаны». Всемирного океана, который представляли себе прежде геологи, никогда и не было, «но существование всемирной первозданной пустыни в высокой степени вероятно. Мы имеем перед глазами изящную модель небесного тела, сформировавшего свой лик без участия водной оболочки. Это наш спутник — луна... Теперь пустыня — это местное проявление некоторых особых географических условий — приютилась в немногих уголках земли. У нее много врагов. Из них самый важный — океан, занимающий более $\frac{2}{3}$ земной поверхности. Прежде океан еще не владел землею... Суша, неравномерно нагретая, с многочисленными вулканами, владела почти нераздельно поверхностью планеты. Это и была древнейшая на земле пустыня».

Такова картина земли в катархейское время, когда еще вся масса воды будущих океанов либо находилась в атмосфере, либо даже заключалась еще в магме. Лишь постепенно появлялись на земле водные бассейны, и для земли наступала новая океаническая эра. Только с водворением на земле моря — этой колыбели жизни — и начиналась настоящая геологическая история.

Кристаллический панцырь земли. Архейские породы одевают сплошным панцырем весь земной шар. Но из-под налегающих на них осадочных пород более позднего времени они выступают на земную поверхность только местами. В этих случаях они образуют обширные кристаллические массивы, которое Зюсс назвал «щитами»¹.

Эти щиты геология рассматривает как древнейшие части современных континентов: образовавшись на заре геологической истории, они в дальнейшем обрастали по краям горными хребтами; путем такого роста их от центра к периферии, путем смыкания их между собою и возник современный лик земли. Такими щитами являются: 1) Скандинаво-финляндский, или Балтийский, — в Европе, 2) Ангарский (или Восточно-сибирский) — в Азии, 3) Канадский — в С. Америке, 4) Бразильский — в Ю. Америке и др. Кроме таких крупных щитов, в архитектуре материков можно различить и много более мелких, играющих подчиненную роль и как бы включенных в общую массу данного «континента. То, что мы называем «частями света», есть мозаика

¹ Кроме того архейские породы обнажаются часто вдоль линии простиранья горных хребтов, образуя «кристаллические оси» последних.

разнородных частей, бывших некогда самостоятельными образованиями. Неоднократные трансгрессии и регрессии океана сплестили их толщами своих наносов в одно целое.

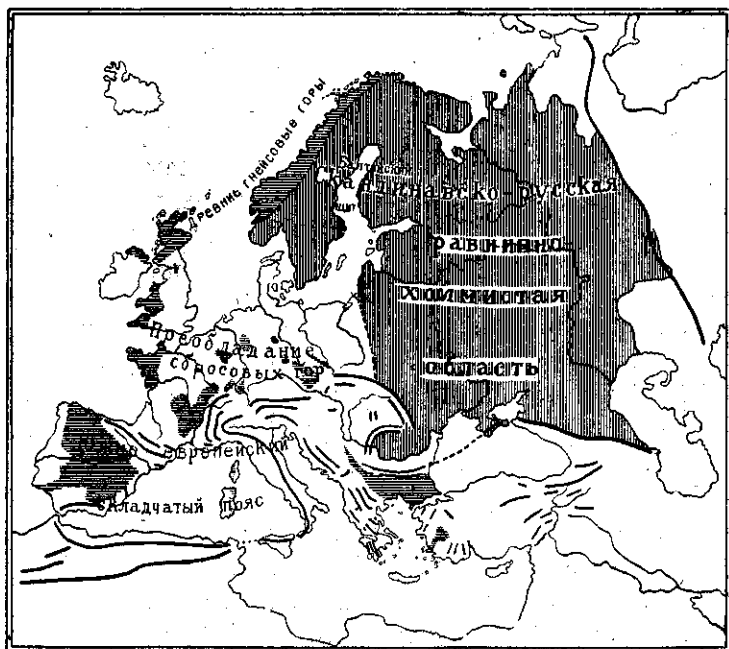

Рис. 87. Тектоническая карта Европы.

На тектонической карте Европы (рис. 87) можно видеть, что этот материк состоит из трех частей: 1) скандинаво-русской равнины, 2) южно-европейского пояса складчатых гор (Средиземье) и 3) средне- и западноевропейской области глыбовых (сбросовых) гор. Складчатые горы южной Европы возникли лишь в третичную эпоху. Это самая молодая часть Европы, до сих пор не закончившая своего образования, о чем свидетельствуют вулканические и сейсмические явления здесь. Более старой является средняя и западная Европа, мощные складчатые цепи которой давно уже превратились в изолированные глыбовые массивы (Уэльс, Гарц, Богемия, Вогезы, Шварцвальд), разделенные широкими равнинными областями и грабенами. Перечисленные горные массивы (а также центральная часть Испании, Корсика с Сардинией и Фракийский массив — в ю. Европе) представляют собой горсты из кристаллических пород, отчасти прикрытые более поздними отложениями. Как прочные устои, глубоко врытые в земную кору, они оказывали задерживающее и отклоняющее влияние на направление новых складчатых гор. Скандинавский север и равнина СССР представляют собою единую кристал-

лическую платформу, возникшую еще в архейское время. Но, в то время как в самой Скандинавии и Финляндии граниты и гнейсы выступают на земную поверхность на нашей равнине, к югу от линии Белое море — Финский залив, кристаллические породы скрываются на глубину, и над ними располагается толща всевозможных осадочных отложений. Эта гранитная плита служила неоднократно ложем морей. Как в старой торцовой мостовой одниторцы опускаются ниже других, так и в нашей гранитной плите вдоль дислокационных трещин происходили поднятия и опускания отдельных глыб. Образовывались подземные горсты и грабены. Из первых особенно важен тот, который составляет сплошную кристаллическую платформу между Волюнью и сев. берегом Азовского моря (Азовско-подольский горст). Сверху он прикрыт осадочными породами, но его кристаллическая основа обнажается всюду в долинах рек. Подобно западно-европейским глыбовым массивам, он оказывал значительное влияние на направление тектонических движений прусской земной коры.

Таким образом архейские породы служат фундаментом для всех позднейших осадочных толщ; они составляют как бы твердый скелет литосферы, отмечают древнейшие черты лика земли, определяют основные линии в архитектуре континентов.

Кроме щитов, в архитектуре земли различают другой основной элемент—так называемые «геосинклинали».) Это название дают длинным, но сравнительно узким прогибам земной коры. Как глубокие рвы, разделяют эти геосинклинали щиты друг от друга. Как впадины, как отрицательные элементы рельефа, они служат ложами морей. Вместе с тем в них происходит непрерывное накопление все новых и новых масс осадков. Под тяжестью последних дно геосинклиналей испытывает длительное опускание. Но рано или поздно это опускание приостанавливается, и начинается процесс обратный: со дна геосинклиналей поднимаются горы. Они возникают сперва вдоль краев геосинклиналей, там, где непосредственно соприкасаются материковая и океаническая литосферы: здесь, по линии перегиба земной коры, легче всего могут проявиться тектонические силы. С поднятием горных цепей вдоль обоих краев геосинклиналей последняя суживается; дно ее продолжает углубляться; снова поднимаются цепи гор, еще более суживается геосинклиналь, и все это продолжается до тех пор, пока геосинклиналь не замкнется совершенно. Так на месте океанической впадины, разделявшей когда-то два щита, остаются мощные цепи гор.

История лика земли и складается в общем счете из описанных взаимоотношений первичных щитов и геосинклиналей.

Рис. 88. Дно кембрийского моря и его население.

Палеозойская эра.

Кембрийский и силурийский периоды. По южной окраине Балтийского щита мы находим памятнику двух древнейших периодов геологической истории — пласты кембрийского и силурийского морей. Они лежат непосредственно на архейских гранитах и гнейсах и содержат в себе древнейшие, вполне определенные остатки органической жизни. Впервые кембрийские слои были обнаружены и изучены в Англии, в Уэльсе, Вскоре затем такие же слои были найдены и в других местах западной Европы — в Бельгии (Арденны), в Германии (Тюрингия), во Франции (Бретань), в Чехии, в Польше, Испании и Италии (Сардиния). Но так как все эти выходы кембрия разбросаны лишь редкими островками по площади Европы, то крайне трудно по ним составить себе представление о распространении кембрийского моря: карта земли в кембрийский период для нас еще очень неясна. Сквозь покров позднейших отложений перед нами смутно, выступают силуэты Канадского и Балтийского щитов, разделенных глубокой морской впадиной, проходившей в меридиональном направлении там, где находится теперь Шотландия (Каледонская геосинклиналь); как далеко простирался на восток. Балтийский щит, мы в точности не знаем, но во всяком случае, на востоке он был ограничен второй меридиональной геосинклиналью, со дна которой впоследствии поднялся Урал; за Уральской геосинклиналью мы различаем в восточной Сибири третий щит — Ангарский; полоса моря к югу от него отделяет этот зачаток

Азии от Китайского щита (впоследствии эти два щита соединились и, постепенно обрастая горными цепями, образовали материк Азии). В разных местах Азии — в Индии, в Гималаях — мы встречаем разрозненные выходы кембрийских слоев: здесь, следовательно, простиралось море, но как далеко шло оно на запад, соединялось ли с морем южной Европы, оставившим лоскуты своего осадочного покрова в Италии и Испании, сказать достоверного ничего нельзя. Ясно, что по таким отрывочным данным нельзя составить себе отчетливого представления о физико-географических условиях столь отдаленного времени.

Мы не знаем фауны более древней, чем кембрийская. Но из этого совсем не следует, что кембрийский органический мир есть мир первозданный. Кембрий — не начало жизни вообще. В кембрийских слоях мы находим уже довольно богатый и, главное, весьма разнообразный животный мир (рис. 88). Среди него мы различаем представителей простейших одноклеточных, кишечно-нополостных, иглокожих, червей, моллюсков, членистоногих.

Ясно, что здесь уже налицо все главные группы беспозвоночных. Правда, некоторые группы представлены здесь наиболее примитивными формами, есть организмы, занимающие промежуточное положение между резко различными теперь группами; есть, наконец, и такие формы, которым лишь с трудом удастся найти место в современной систематике. Но во всяком случае несомненно, что первые этапы своего развития животный мир прошел уже задолго до кембрия и к этому последнему периоду успел распасться на целый ряд дифференцированных ветвей. Однако памятники этих первых моментов жизни на земле, хранившиеся в докембрийских породах, навсегда уничтожены метаморфизацией¹. В кембрийских слоях не найдены позвоночные, но и они безусловно существовали уже, так как в следующую затем эпоху — в силуры — мы видим довольно значительное число рыб: их более примитивные предки, конечно, должны были быть и в кембрий. Что касается растений; то из кембрия нам известны лишь очень неясные остатки их. Повидимому флора кембрия была представлена только водорослями.

Когда геологам в целях сравнения кембро-силурийских отложений различных местностей пришлось разделить всю толщу этих систем на отдельные этажи, они должны были выбрать из всех кембро-силурийских организмов несколько наиболее характерных, которые отмечались бы сильной изменчивостью в течение кембрия и силура. Выбор их пал на трилобитов и граптолитов, которые и стали «руководящими формами» кембро-силура.

Несуществующая в настоящее время группа трилобитов относится к ракообразным (тип членистоногих). Свое название они получили из-за того, что тело их, одетое сверху плотным панцырем, разделялось и в продольном и в поперечном направлении на 3 лопасти (рис. 89). Средний отдел тела (туловище) состоял из отдельных подвижных сегментов, и благодаря этому трилобиты обладали способностью свертываться наподобие мокриц. На верхней

¹ Неясные следы органической жизни в верхних этажах архейских горных пород позволили геологам выделить эти этажи в особую систему — альгонскую.

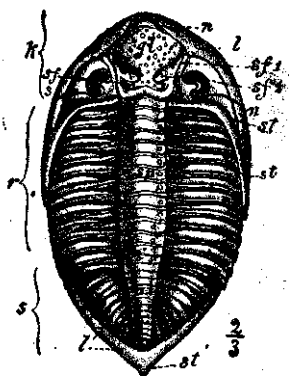

Рис. 89. Трилобит.

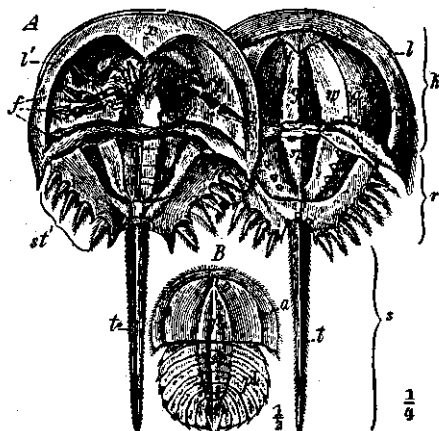

Рис. 90. Мечехвост и его личинка.

стороне переднего, или головного щитка находились большие сложные глаза, но наряду с этим многие трилобиты были совсем лишены глаз, что, повидимому, указывает на них как на обитателей морского дна. С нижней стороны тело трилобитов снабжено было жабрами, жевательными придатками и лапками для плавания и ползания по дну.

Трилобиты существовали вплоть до каменноугольной эпохи. Но расцвет их приходится на кембрий и силур¹. В кембрийский период различные виды

Рис. 91. Гемияспис.

их были строго приурочены к различным отделам системы слоев. Поэтому и удалось разделить всю толщу кембрийских осадков на 3 крупных отдела и на несколько более мелких зон. Раз это было сделано, тотчас вся толща кембрия в глазах геологов стала чем-то живым, полным движения: вместо пестрого, но путаного и — в глазах первых исследователей — в общем однотипного комплекса горных пород, перед геологами обнаружилась серия разнообразных пластов, закономерно сменявших друг друга; в смене этих пластов можно было теперь прочесть запись различных условий морского дна — то мелководного, глинисто-песчаного, то глубоководного — известкового. Мало того: сравнивая осадки разных ярусов и разных местностей, можно было проследивать, как менялись очертания морского бассейна, как море то надвигалось на кристаллические щиты, то сходило с них, заполняя лишь глубокие прогибы земной коры.

¹ Из кембрийских отложений известно 282 вида трилобитов, из нижне-силурийских — 866, из верхне-силурийских — 482, из девонских — 105, из каменноугольных — 15 и из пермских — 1.

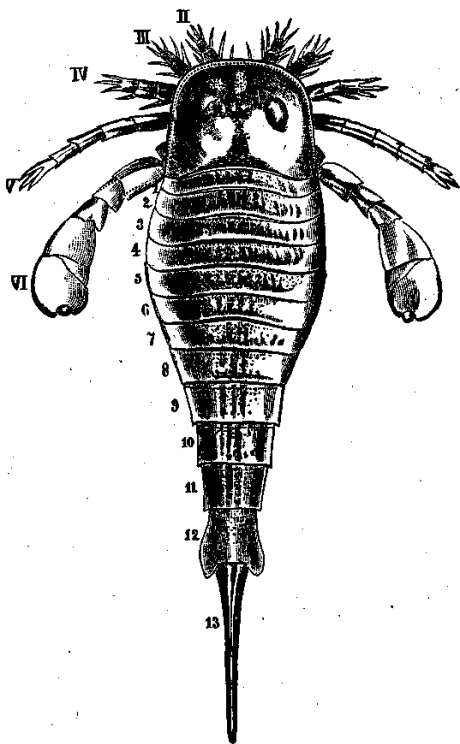

Рис. 92. Гигантский рак (*Eurypterus*).

стеногих — мечехвосты (рис. 90) и так называемые гигантские рак и. В настоящее время мечехвостов существует всего 2 вида. Современный мечехвост — м олуккский рак в стадии личинки настолько напоминает трилобитов, что становится совершенно ясной связь мечехвостов с этими раннепалеозойскими ракообразными. Такая форма, как верхне-силурийский г е м и а с п и с (рис. 91), наглядно представляет переход от трилобитов к мечехвостам. Гигантские раки (рис. 92) тоже находятся в связи с трилобитами: за это, говорит, например, трилобитообразная форма. личинки одного из гигантских раков — эвриптера (рис. 93). Итак, трилобиты стоят у истока двух ветвей членистоногих — мечехвостов и гигантских раков. Но, с другой стороны, как мечехвосты, так и гигантские раки во многих отношениях «стоят уже близко к классу паукообразных, как бы намечая переход от трилобитов к скорпионам. Если это так, то в лице трилобитов мы имеем группу вымерших животных, связывающих два класса членистоногих — раков и пауков. Из силурийских же слоев нам известны и первыенастоящие скорпионы (рис. 94).

Для детального расчленения силурийской толщи геологи воспользовались другими вымершими животными — граптолитами, которые позволили установить в силуре до 30 отдельных зон. Граптолиты, почти исключительно

Таково значение трилобитов как «руководящих ископаемых» для геологии. Но не менее велико их значение и для самой палеонтологии. Современные членистоногие разделяются на 4 класса: ракообразных, паукообразных, насекомых и многоножек. Совершенно очевидно, что высшее место по своему развитию занимают насекомые, низшее — многоножки, тесно соприкасающиеся с типом червей. В настоящее время перечисленные классы членистоногих резко обособлены друг от друга. Не то, однако, было в глубокой древности, и в этом отношении вымершая группа трилобитов может дать нам руководящую нить в распутывании тех сложных соотношений, какие должны были существовать между отдельными ветвями членистоногих. Добавим только, что кроме трилобитов существовали еще 2 группы вымерших члени-

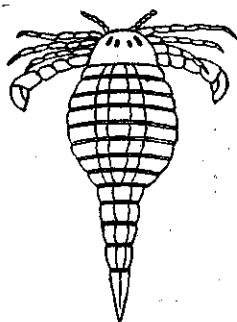

Рис. 93. Личинка гигантского рака.

а

Рис. 95. Halsites.

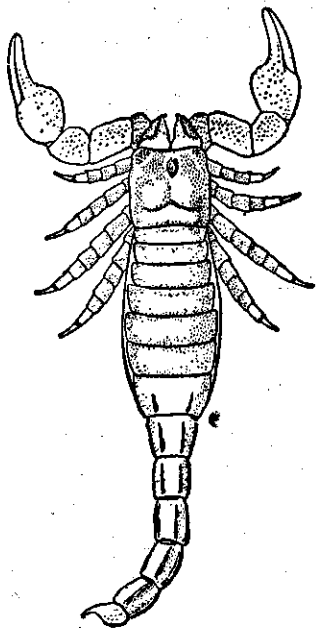

Рис. 94. Силурийский скорпион.

свойственные кембрию и силуру, принадлежат к типу кишечно-полостных, к классу гидроидов¹. Черные хитиновые скелеты их колоний, встречаясь часто в слоях сланцев, богатых углеродистыми и сернистыми соединениями, производят впечатление затейливых рисунков, нанесенных кисточкой на поверхности камня (рис. 96).

В силурийский период начинают играть выдающуюся роль в морской фауне головоногие моллюски, ив следующую — девонскую — эпоху их представители становятся уже руководящими формами. Ввиду исключительного значения их в геологии мы сейчас же Скажем о них несколько слов, хотя при описании их эволюции нам придется выйти далеко за пределы палеозоя.

В простейшем случае известковая раковина головоногих моллюсков представляет слегка расширяющуюся трубку, разделенную вогнутыми перегородками на отдельные камеры: с ростом тела животное надстраивало себе

¹ Второй класс составляют кораллы. Настоящие, строящие рифы кораллы появились лишь во вторую половину силура, и в толще, верхне-силурийских отложений имеют широкое распространение коралловые известняки. В начале же палеозойской эры вместо кораллов строителями рифов являлись табуляты, принадлежавшие, как и граптолиты, к тому же классу гидроидов. Подобно кораллам, они образовывали колонии, состоявшие из параллельных известковых трубочек, разделенных поперечными перегородками (рис. 95). Они существовали во время всего палеозоя.

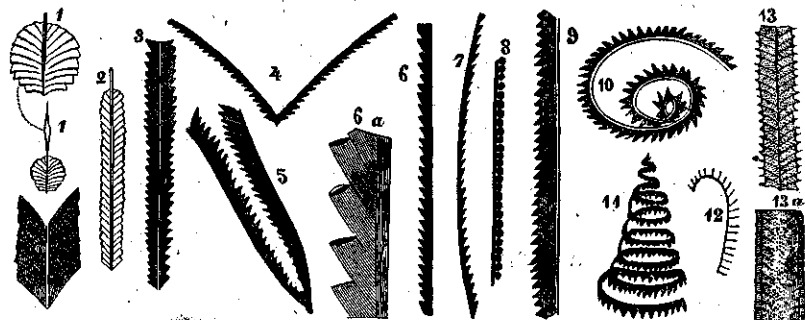

Рис. 96. Граптолиты.

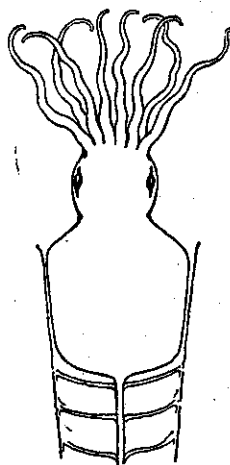

Рис. 97. Головоногий моллюск.

камеру за камерой, обитая всегда в самой передней из них, тогда как задние заполнялись воздухом (рис. 97). Кожистый тяж, или сифон отходил от заднего конца тела и протягивался вдоль всей раковины, прободая перегородки. Древнейшая группа головоногих обладала совершенно прямой раковиной, но рядом постепенных переходов прямые формы (ортоцерасы — рис. 98) связываются с формами изогнутыми (рис. 99) и, наконец, со свернутыми в плоскую спираль. Эти спирально свернутые формы составляют семейство наутилид. Сперва междукammerные перегородки имели наиболее простую форму — форму вогнутого часового стекла; впоследствии, начиная с каменноугольной эпохи, перегородки становятся несколько изогнутыми. Равным образом по мере дальнейшей эволюции некоторые наутилиды приобретают раковину, закрученную не в виде плоской спирали, а в виде конуса, как у улиток. Замечательно, что в разные моменты геологической истории для различных групп наутилид наступали периоды регрессивного развития и раковина их снова приобретала форму простого цилиндра. Это возвращение к первобытной форме у некоторых наутилид можно заметить и в течение их индивидуального развития: в молодости их раковина представляла плоскую спираль, к старости вытягивалась в прямую трубку.

Наибольшего развития наутилиды достигают в палеозойскую эру, но и в позднейшие эпохи они не сходят с геологической сцены. Даже до настоящего времени дожил один их род — наутилус, или кораблик, представленный шестью видами (рис. 100).

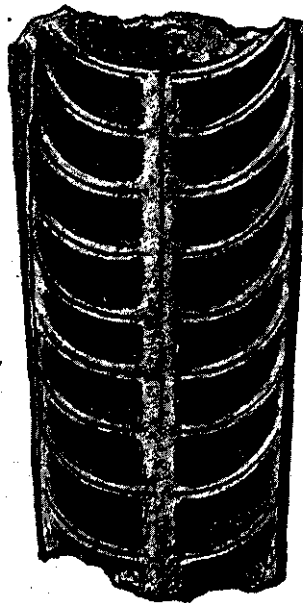

Рис. 98. Ортоцератит.

Рис. 99. Изогнутая форма головного моллюска (Cyrtoceras).

Рис. 100. Наутилус в своей раковине.

В нижнедевонскую эпоху рядом с наutilusами появляется более высоко организованная группа головоногих — аммоидеи. Как общее правило, они обладают спиральной раковиной с оборотами, то лишь слабо касающимися друг друга, то охватывающими друг друга так, что внутренние (молодые) обороты раковины почти скрываются под оборотами внешними. Перегородки между камерами становятся все более сложными и извилистыми и, просвечивая сквозь тонкую раковину, образуют на наружной поверхности тела животного своеобразный рисунок, — так называемую лопастную линию. Нетрудно заметить, что каждая данная особь по мере своего индивидуального развития переходила от более простых лопастных линий в молодости к более сложным. Сифон, прободавший у древнейших форм междукамерные перегородки по их середине, теперь смещается к наружной стенке раковины, к внешнему, нередко крутому, перегибу ее. Этот наружный перегиб соответствует брюшной стороне тела животного, помещающегося в жилой камере, и таким образом животное плавало в воде так, что спираль воздушных камер раковины помещалась у него на спинной стороне (рис. 101). Раковина аммоидеи нередко была покрыта снаружи сложной и разнообразной скульптурой складок, ребер и бугорков, а на внешнем перегибе своем несла часто приподнятый киль.

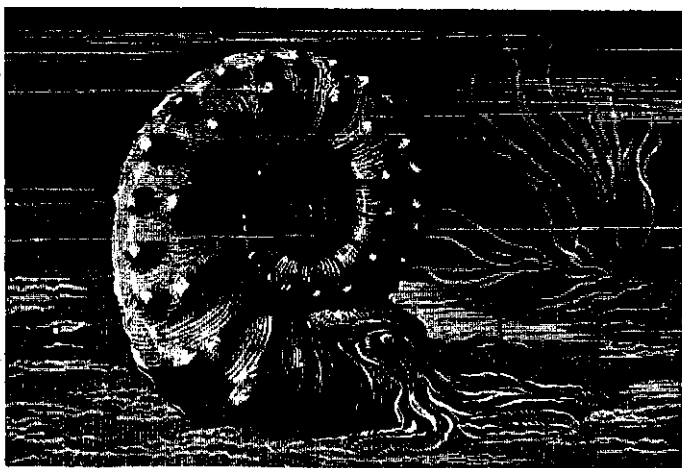

Рис. 101. Головоногий моллюск.

В девон представителями аммоидеи являются гониатиты. Они отличаются особым строением своих перегородок. Рассматривая лопастную линию гониатитов сверху (рис. 102), мы видим в ней части, выступающие вперед по направлению к жилой камере и к устью раковины, и части, отступающие назад, в сторону молодых оборотов. Первые называются седлами, вторые — лопастями. У гониатитов очертания седел округлы, лопастей — за-

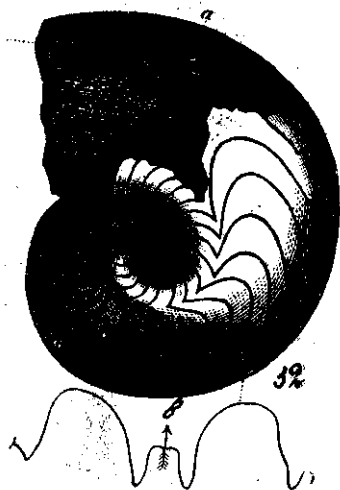

Рис. 102. Гониатит и его лопастная линия.

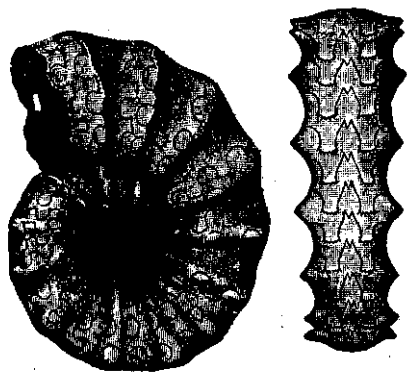

Рис. 103. Цератит.

острены. Сопоставляя лопастные линии различных гониатитов, последовательно сменявших друг друга с течением времени, можно видеть, что позднейшие и более сложные формы в процессе своего осложнения повторяли вкратце те стадии, которые были пройдены их предками. Особенно характерные для девона гониатиты окончательно вымерли в триас. Но интересно отметить, что по мере своего развития те или другие группы гониатитов испытывали временами и регрессивное движение, приобретая иногда даже вполне прямую форму раковины. Несомненно, это явление надо считать признаком вырождения той группы головоногих, среди которой оно наблюдается. От гониатитов ведут свое начало высшие формы головоногих — це рати ты, характерные для триасового периода, и аммониты, необыкновенно развившиеся в течение мезозойской эры, но не перешедшие за пределы ее. Лопастная линия продолжала осложняться: у цератитов седла сохраняют попрежнему округлые очертания, лопасти же становятся мелко зазубренными (рис. 103); у аммонитов и седла становятся разрезными, и вся лопастная линия походит на очень сложный узор (рис. 104)¹. Типы лопастных линий аммонитов чрезвычайно разнообразны и наряду с формой раковины и с ее скульптурой являются важными систематическими признаками. С удивительным постоянством сохраняется тот или другой тип в данной группе

аммонитов, и в то же время по мере индивидуального развития какого-нибудь организма быстро и кратко проходят те стадии, которые были нормально свойственны предкам данного вида. Все это делает изучение аммони-

¹ Усложнение лопастной линии — другими словами, самих междукамерных перегородок — было вызвано, невидимому, чисто механическими причинами: задняя часть тела животного непосредственно примыкала к перегородкам, и, чем сложнее была поверхность перегородки, тем больше точек соприкосновения имело тело животного с воздушной частью раковины, помещавшейся на спине аммонита. Это обстоятельство помогало животному сохранять устойчивое положение.

тов весьма важным для уяснения общих законов эволюции. Немного найдется организмов, которые, подобно аммонитам, так точно записывали бы в своей раковине ход своих возрастных изменений: Разняв спиральную раковину аммонита на отдельные камеры, мы видим перед собою весь онтогенезис данной формы. Но так как по известному биологическому закону онтогенезис (развитие особи) есть краткое повторение филогенезиса (развитие всей данной группы), то в молодых оборотах аммонита мы можем найти указание на то, каковы были его предки и среди каких аммонитов нижележащих слоев этих предков следует искать. Приведем один пример. В том месте, где сифон прободает междукammerную перегородку, на перегородке, имеется небольшая известковая трубочка, на некотором расстоянии сопровождающая сифон. Такие сифонные трубки у древнейших форм головоногих обращены назад; у форм второй половины палеозоя они обращены и назад и вперед; наконец, у форм мезозойских они обращены только вперед. Оказывается, что мезозойские аммониты кратко проделывают ту же эволюцию, перемещая все указанные три стадии в свой онтогенезис: на молодых оборотах сифонные трубки обращены назад, на взрослых — вперед.

Но изучение внутренних оборотов аммонитов знакомит нас еще с одним интересным явлением. Иногда на молодых камерах неожиданно появляется какой-нибудь новый признак (напр, новый скульптурный элемент); он существует некоторое, очень короткое время, и затем бесследно исчезает; дальнейший онтогенезис аммонита протекает по шаблонному для данного вида пути. Но проходит некоторое геологическое время. И вот в вышележащих слоях появляются новые аммониты, у которых признак этот, промелькнувший было в молодости у предков, усиливается и становится доминирующим признаком нового вида. Эти, открытые акад. Павловым, «пророческие стадии» развития становятся в наших глазах руководящей нитью для перехода от предков к потомкам, и рядом с тем законом, что «онтогенезис есть повторение филогенезиса», обнаруживается новый закон — закон «предварения филогенезиса онтогенезисом». Если первый выявляет консервативную тенденцию эволюции, то второй отмечает начало прогрессивное. Учитывая оба закона, мы можем теперь сказать: детство организма есть явление очень сложное, в нем причудливо переплетается старое и новое, пережитое и грядущее. Детство полно атавистических черт и вместе с тем нередко скрывает в себе зародыши дальнейшего прогресса, которым суждено проявиться во всей полноте, быть может, лишь в отдаленном будущем.

Бее это вместе взятое позволило палеонтологам с необыкновенной тщательностью изучить эволюцию аммонитов и выяснит-взаимное отношение между различными группами их. Мы можем шаг за шагом проследить, как от девонских гониатитов отходят все новые и новые ветви аммонитов, как развиваются они в различных направлениях, одни быстро, другие медленно, как время от времени вырождение постигает ту или другую группу их и группа эта сходит со сцены, дав перед вымиранием своим развернутые или прямые

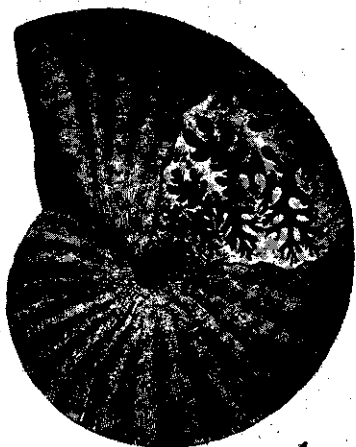

Рис. 104. Лопастная линия на раковине аммонита.

формы, с лопастной линией, упростившейся до цератитового или даже гониатитового типа.

Если мы выведенное палеонтологами «генеалогическое древо» аммонитов наложим на толщу пластов земли, то к услугам геолога будет прекрасное средство для исторического изучения бассейнов минувших эпох. Отдельные моменты эволюции аммонитов будут отмечать собою различные периоды, устанавливать одновременность осадков, а по географическому распространению тех или других видов мы будем в состоянии следить за изменениями очертаний моря.

Кембрийская и силурийская системы.

Вернемся к геологическим памятникам раннего палеозоя. Выходы кембрия и силура сосредоточены у нас в Прибалтийском крае. По данным буровых скважин, по обнажению к югу от Ленинграда, вдоль южного берега Финского залива, по р. Ловати в Псковской губ. и у Вышнего Волочка в Тверской губ. строение кембро-силурийской толщи представляется нам в следующем виде.

Самым нижним слоем кембрийской системы является синяя или голубовато-зеленая глина со скудными остатками органической жизни (ядрами корненожек, трилобитами и роговыми раковинками древнейшего плеченого — лингулии, указывающими на ниже-кембрийский возраст этого слоя. Море, отложившее эту глину, обладало незначительной глубиной, и несомненно, что сама глина является продуктом выветривания кристаллических пород Балтийского щита. Кверху синяя глина становится более песчанистой (море мелеет) и постепенно сменяется слоем белого кварцевого песчаника. По имени встречающейся в нем раковины, плеченого оболу с а, песчаник этот называется оболowym. Он находит себе применение в хрустальном производстве. Обол-овый песчаник в свою очередь прикрывается слоем черного горючего сланца, получившего название диктионемового по имени часто встречающегося в нем граптолита диктионемы; Этим и заканчивается у нас кембрийская система.

Море продолжало мелеть. Как памятник его регрессии появились в песках зерна главконита. Фауна слоя главконитовых песков представляет собою уже смесь кембрийских и силурийских форм: кембрий постепенно сменился силуром.

Вслед затем началось углубление бассейна. Образовалась толща главконитового известняка. Кверху она переходит в слой ортоцератитового извест-

няка¹, а еще выше — в слой известняка эхиносферитового (по имени встречающихся в нем йстатков эхиносферита (рис. 105)². Все эти отложения можно на бл ю дать в высоких обрывах южного берега Финского залива (рис. 106), но в Латвии и Эстонии можно видеть и более высокие ярусы силура (рис. 107). Там они состоят преимущественно из известняков, богатых нередко кораллай. В верхних горизонтах силура вместо подобных известняков чисто морского происхождения встречаются черные глины и сланцы с многочисленными остатками «гигантских раков». В таких же породах находим этих животных в Скандинавии, Англии и С. Америке. Невидимому, гигантские раки селились в опресненных морских заливах, изрезывавших берега тогдашних континентов. Избегая морокой воды нормального состава, они держались у берегов. В девонский период они уже покинули море, и их остатки мы находим только в озерных отложениях.

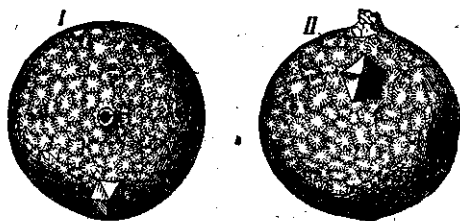

Рис. 105. Эхиносферит.

Зная лишь в самых общих чертах распределение суши и моря в кембрий и силур, мы можем лишь немного сказать и о физико-географических условиях этих периодов. Климат был тогда, невидимому, более или менее всюду однообразный, что видно из широкого меридионального распространения животных, Климат кембрия едва ли был жарким, так как среди кембрийских животных было мало форм, снабженных толстым известковым скелетом. С другой стороны, среди кембрийских отложений найдены несомненные ледниковые морены (в Норвегии, Китае, Австралии).

Рис. 106. Разрез кембро-силура на южном берегу Финского залива. (По Борисюку.)

¹ Называемый ленинградской плитой, он разрабатывается для строительных целей.

² Эхиносфериты принадлежали к вымершей группе иглокожих—цистоидей, совмещавших в себе признаки морских лилий и морских ежей.

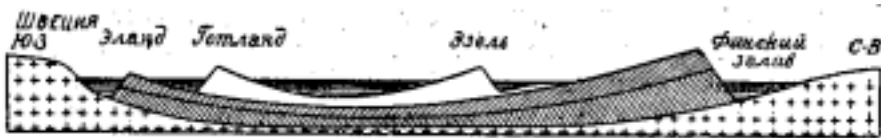

Рис. 107. Разрез через Балтийское море. Налегание кембро-силура на гранит.

Поэтому правильнее будет сказать, что кембрийские климатические условия вообще мало отличались от современных. С большей уверенностью можно приписать жаркий климат силуру: здесь уже много строящихся известковые рифы животных, и нигде не найдено следов оледенения. Но вообще восстановление климатических условий минувших периодов составляет очень трудную задачу. Принято, напр., в доказательство жаркого климата силура указывать на нахождение кораллов на таком далеком севере, как Американский архипелаг. Но, с другой стороны, силурийские кораллы далеко не тождественны с современными, и по биологии вторых судить о первых едва ли возможно. Кроме того некоторые-исследователи указывают, что, эти «полярные» кораллы обладали карликовой величиной, что, по всей вероятности, свидетельствует о неблагоприятных условиях жизни. Если это так, то не приходится говорить о полной однородности физико-географических условий на всей земле в то время: некоторые климатические различия между широтами во всяком случае уже существовали. Факт этот находит себе подтверждение и в замеченной приуроченности разных трупп трилобитов к различным географическим широтам. Если фауна кембро-силура была вообще более однообразна, чем это теперь замечается на земле, то скорее всего это можно объяснить иным, чем теперь, распределением суши и моря.

К востоку от Балтийского моря кембро-силур скрывается под более молодыми отложениями. Снова находим мы как нижний, так и верхний силур на Урале. Почти не подлежит сомнению, что на Урале есть и кембрий, но кембрийские породы здесь испытали метаморфизацию. Верхне-силурийские отложения найдены кроме того, на Карпатах, Волыни, в Подолии и Бессарабии. Исходя из этого, предполагают, что вдоль нынешнего Урала в течение всего кембро-силура тянулся морской бассейн, от которого на запад по направлению к Скандинавии отходил широтный рукав.

В большинстве случаев ниже-силурийские отложения лежат строго параллельно кембрийским или, как говорят, находятся с ними в согласном напластовании. Это, например, мы видели около Ленинграда, где переход от кембрия к силуру совершенно постепенен. Вообще нужно заметить, что и в отношении органического мира своего нижний силур самым тесным образом связан с кембрием. Совершенно иное приходится сказать о силуре нижнем и верхнем: различие между их фаунами настолько велико, что дало повод некоторым геологам эти два отдела считать самостоятельными системами. Мало того: часто наблюдаемое «несогласное напластование» верхнего силура на сильно дислоцированном нижнем заставляет нас признать, что на границе

этих двух отделов произошли в земной коре значительные тектонические движения. Эти движения, переместив границы моря и суши, выразившись в процессах горообразования и вулканизма (кембрий в этом отношении был периодом затишья), и провели резкую грань между нижним и верхним силуrom. Можно заметить, что в упоминавшейся нами выше Каледонской геосинклинали глубокоководные осадки, непрерывно отлагавшиеся там в кембрий и нижний силур, сменились во вторую половину силура осадками мелкоководными — глинами и песчаниками с гигантскими раковинами¹. Дно геосинклинали, следовательно, стало испытывать поднятие. Как и всегда бывает в таких случаях, воды океана должны были переместиться. Они стали заливать низменные части материков, и верхний силур является поэтому эпохой значительной морской трансгрессии: во многих местах верхне-силурийские отложения занимают гораздо большую площадь, чем нижне-силурийские (лежат на них трансгрессивно). Но эта трансгрессия почти не коснулась нашего Союза. Дело в том, что во вторую половину силура испытал поднятие и весь Балтийский щит. Это движение его увлекло за собою соседние части нашей равнины, в силу чего силурийское море должно было отступить. Оно отступило на восток к Уралу и, кроме того, к югу и к юго-востоку в сторону Польши, Волыни и Бессарабии в область южно-русского кристаллического массива. Этим и закончился силур.

Девонская система. Тектонические явления, обнаружившиеся на границе нижнего и верхнего силура, были только вступлением к очень сильным движениям литосферы, которые пришлось пережить земному шару в течение первой половины девонского периода. В это время дно Каледонской геосинклинали, значительно уже обмелевшей к концу силура, приподнялось, и здесь образовались горные цепи, заполнившие пространство нынешней Шотландии и надвинувшиеся на Норвегию. Море покинуло эту область, и спаялись в один сплошной материк Канадский и Балтийский щиты. Этот материк называется Сев. Атлантидой. Кроме того, каледонские складки охватили юго-западный и южный берег этого материка и распространились по Англии, Бельгии, с Франции и Германии, оттеснив к югу западно-европейское море.

Как всегда, горообразовательные процессы сопровождались энергичным проявлением вулканизма. Поднятие континентальных массивов (и в том числе Балтийского щита) уменьшило площадь океана, и в общем европейское море сместилось на юг, оставив местами за собою лишь замкнутые мелкоководные бассейны. Аналогичное смыкание материковых масс произошло и в других областях земли. Так, в экваториальном поясе образовался колоссальный материк, получивший название Гондваны. От Австралии и Индии он протягивался в области нынешнего Индийского океана к Африке и, быть может, соединялся далее в одно целое с Бразилией. Между Гондваной юга и Канадско-Балтийским материком (Северной Атлантидой) с севера протягивался с запада на восток обширный океан Тетис, в котором обозначились

¹ Здесь же была найдена и такая наземная форма, как древнейший скорпион.

многочисленные островные массы. Ничтожным остатком этого океана является современное Средиземное море. Мы видели, что уже кембро-силурийские отложения встречаются во многих местах средиземноморской Европы. Значит, и в кембро-силур впадина Тетиса уже существовала.

В основании германского девона лежат так называемые герцинские слои с своеобразной фауной, а верхнюю границу девона определяют слои с одним из гониатитов — климений. Климении свойственны исключительно верхнему девону и резко отличаются от всех других гониатитов тем, что сифон у них располагается не с наружной, а с внутренней стороны оборотов (рис. 108).

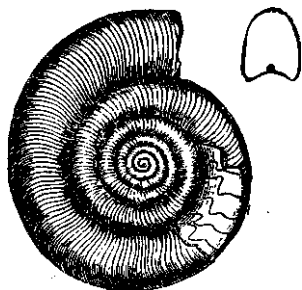

Рис. 108. Климения

С герцинским девоном легко сравнить девон уральский. На Урале девон представлен мощной толщей известняков, обнажающихся на обоих склонах горной цепи. Здесь имеются и слои с герцинской фауной и слои с климениями. Эта полная серия девонских отложений свидетельствует, что в течение всего девонского периода уральская геосинклиналь продолжала существовать. Глубина ее порою становилась столь значительной, что здесь вместо известняков отлагался кремнистый радиоляриевый ил, давший со временем известные уральские яшмы. В то же время уральская фауна и отличалась во многих отношениях от фауны западноевропейской: это вполне понятно, так как в уральский бассейн могли свободно проникать холодные воды Полярного моря, путь которым в з. Европу был прегражден с закрытием Каледонской геосинклинали.

На пространстве между Уралом и з. Европой девонские отложения занимают обширные площади в средней и западной части нашего Союза, выполняя впадину между Балтийским щитом и южным кристаллическим массивом. Если нанести на карту все места, где имеются девонские отложения, то получится рис. 109. Как видно, русское девонское море соединяло море германское с уральской геосинклиналью. Но карта эта дает слишком суммарное представление о физико-географических условиях описываемого времени. Прежде всего надо отметить, что у нас нет ниже-девонских осадков: в начале девонского периода наша страна была сушей, и это обстоятельство несомненно стоит в связи с процессами каледонской складчатости. Не что иное как поднятие Балтийского щита и всей прилегающей к нему русской равнины вытеснило отсюда море, и последнее сохранилось лишь на Урале.

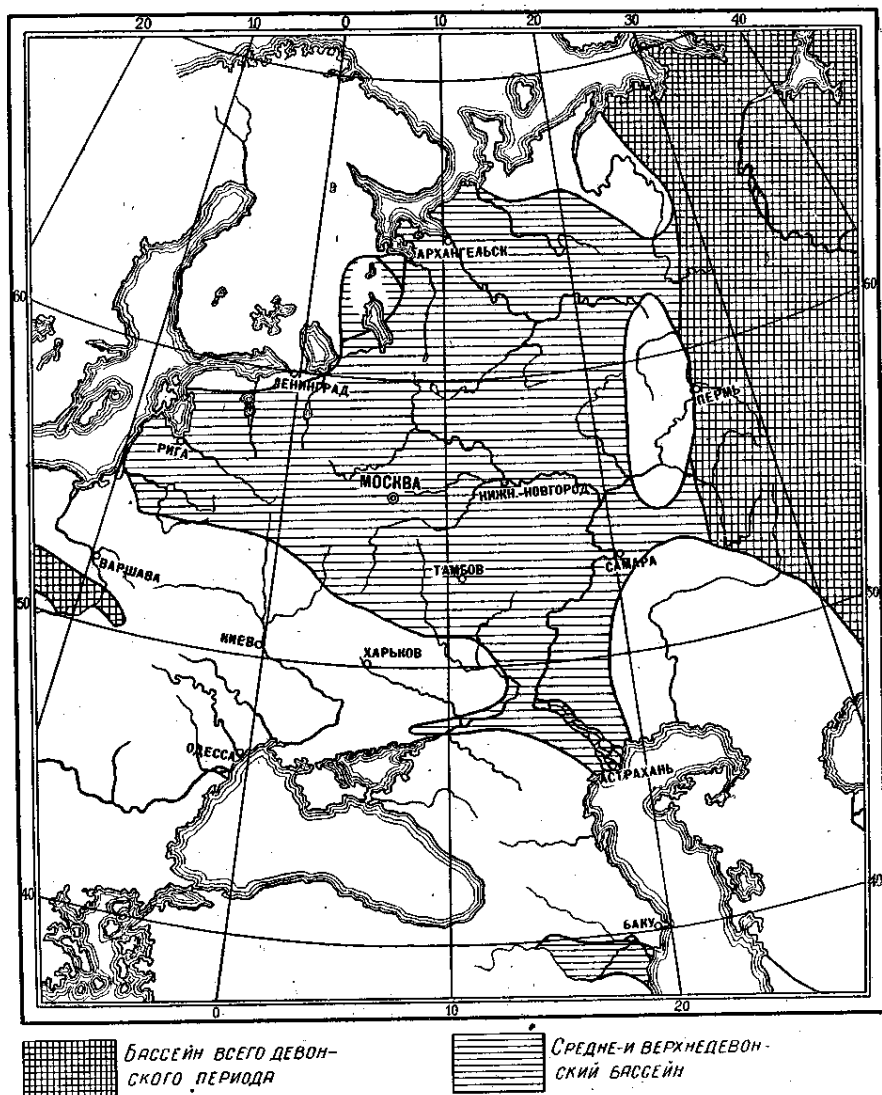

Рис. 109. Карта девонского моря СССР.

Герцинская форма девона могла проникнуть из западной Европы на Урал лишь обходным путем — кругом Кавказа и через Туркестан. Лишь к началу среднего девона восходящее движение Балтийского щита и подчиненной ему части русской платформы сменилось движением нисходящим. Этим воспользовался океан и с обеих сторон — со стороны Урала и Германии — стал надвигаться по образовавшимся прогибам земной коры. Так возникло наше средне- и вёрхне-девонское море. Фауна этого моря была не богата; в ней отсутствовал целый ряд форм, свойственных западному девону. Что-то, повидимому, затрудняло доступ сюда западным организмам. Геологи предполагают, что в области Белоруссии и Польши по дну этого моря протягивался своего рода мелководный порог, препятствовавший обмену фаун. Другую мелководную область нужно предположить в восточной части моря, в районе Уфы, и это предположение опирается на более мелководный характер девонских осадков в указанном пункте.

На европейской равнине СССР девонские пласты выступают во многих местах: выходы их в Карелии, в Ленинградской, Псковской, Новгородской, Смоленской и б. Витебской губ. составляют так называемое «западное девонское поле», в Калужской, Тульской, Орловской и Воронежской губ.— «южное поле».

Наиболее юго-восточный пункт залегания девона находится в Бобровском и Коротояжском у. Воронежской губ., где девонские слои бокрывают непосредственно гранит нашей южной кристаллической гряды. Если отсюда подвигаться на север к Тульской губ., то эти нижние слои девона постепенно будут уходить на глубину и наконец скроются под напластованием каменноугольной системы. Ясно, что девонские слои, прислоненные к кристаллической гряде Украины, наклонены, «падают» на север. Под Москвой они должны залегать уже на очень значительной глубине. Вся толща девона (мощностью не меньше 300 м) состоит главным образом из известняков. Геологи разделили эту толщу на несколько ярусов на основании различных ископаемых (особенно из рода *спирифер*). Интересно при изучении фауны этих последовательных ярусов следить за эволюцией *спириферид*: нижним ярусам свойственны одни виды, затем их постепенно вытесняют другие. Следовательно, условия глубокого моря оставались здесь в общем неизменными очень долгое время, но эволюция органического мира шла своим путем.

Девонские отложения западного поля построены иначе. Принадлежа в общем к среднему и верхнему отделу девона, они разделяются на три этажа: нижний состоит из кварцевых и слюдистых песчаников преимущественно красного цвета, то тонко-, то грубозернистых; среди них иногда залегают прослойки гравия, глин и мергелей (красноватого или зеленоватого цвета); ископаемыми все эти породы очень бедны, только местами встречаются в глинах остатки рыб. Средний этаж складывается главным образом из серых, желтых или красноватых известняков, опять-таки с прослойками глин разных цветов; встречаются пропластки гипса; среди ископаемых мало рыб, но много моллюсков. Наконец, верхний этаж снова состоит из песчано-глинистых

пород пестрой окраски с многочисленными остатками рыб. Ясно, что только средний этаж имеет нормальное морское происхождение. Что же касается нижнего и верхнего этажа, то этим пестроцветным породам нужно поискать другого объяснения. Для этого мы покинем область девонского моря и познакомимся с физико-географическими условиями, царствовавшими на громадных девонских материках.

Девонский период. В Англии и Шотландии исследователи давно уже обратили внимание на колоссальную толщу красных песчаников, глин, конгломератов и мергелей, достигающую мощности в 6000 м. Она была известна под названием «древнего красного песчаника». Ее залегание между силурийской и каменноугольной системой заставило отнести ее к девону. Долгое время на всю эту серию пластов смотрели как на прибрежные отложения мелкого моря. Отчасти это справедливо, но, с другой стороны, несомненно, что, кроме морских мелководных отложений, кроме осадков морских заливов и лагун, мы имеем здесь перед собою и чисто континентальные образования. Здесь можно видеть и озерные глины с остатками рыб, и прослои соли и гипса, и, наконец, толщи песков и щебня, всем своим видом и строением напоминающие отложения пустынь. Перед нами памятник громадной девонской пустыни; и преобладающий цвет этих пород — красный — указывает на господство сухого пустынного климата. Море, омывавшее материк С. Атлантиды, вело непрерывную борьбу с пустыней и временами затопляло ее краевые области, погребая песчаные дюны под своими наносами и превращая соленые озера в свои заливы. Но в следующий момент пустыня оттесняла от себя море, и на берегах ее разворачивались события, какие теперь можно наблюдать, например, на берегах Каспия и его залива Кара-Бугаза.

Совершенно подобные толщи красных песчаников находятся и в Скандинавии, и в С. Америке, и в Африке, и в Индии. Эти толщи впрочем приурочены к громадным девонским материкам — С. Атлантиде, Гондване — и свидетельствуют, что сухой пустынный климат был уделом девонской суши вообще. Мало того: подобные красноцветные породы встречаются всюду на земле и среди других геологических систем. Но замечательно, что всегда их появление приурочивается к тем. эпохам, которые отличались регрессией океанов. Если смыкались большие участки суши, климат на них устанавливался сухой, континентальный; если возникали на этих континентах обширные области без стока к морю, то неминуемо здесь развивались пустыни, и даже близость моря не могла оттеснить их. В таких областях шло энергичное выветривание, накапливались массы обломочных материалов, горячее солнце окрашивало их в красный цвет окиси железа, а случайно образовавшиеся озера становились солеными или быстро высыхали.

Близость западной части нашего Союза к северно-европейскому девонскому матерiku и йаложишш свхда печать на девонские отложения нашего западного поля, Пестроцветные породы ящшются свидетелями победы девонской пустыни над омывавшим ее морем, и до сих пор минеральные

нстсташг Ст. Руссы выносят из девонских отложений хлористые соединения калия, натрия, серноокислый кальций и бромистые соли.

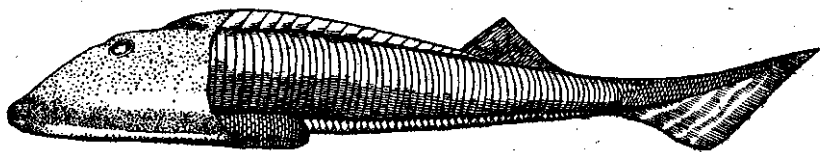

Рис. 110. Панцирная рыба *Cephalaspis*.

В озерных прослойках красного песчаника мы находим интересную фауну рыб. Прежде всего надо отметить существование здесь оригинальных панцирных рыб, которые были свойственны почти исключительно девонскому опериоду и могут гкь этому играть роль руководящих форм для него. Систематическое положение этой совершенно вымершей группы не вполне ясно. Их отличительная особенность заключается в том, что, не имея еще костного позвоночника, они были, покрыты снаружи костяныш панцирем. Панцирь этот или покрывал все тело или только голову (рис. 110). У оригинальной рыбы птерихтис (рис. 111) по бокам тела вместо плавников находились придатки наподобие весел. Панцирные рыбы просуществовали весьма короткое время. Это и понятно, так как костяной панцирь был весьма несовершенной попыткой разрешить задачу защиты тела животного от повреждений: он слишком стеснял рост и передвижение, и панцирные рыбы принуждены были уступить место другим, более удачным в механическом смысле типам организации.

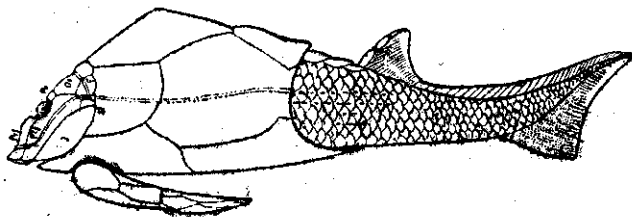

Рис. 111. Панцирная рыба *Pterichthys*.

Кроме панцирных рыб, в девонских отложениях встречены несомненные остатки многочисленных так называемых двоякодышащих рыб. В настоящее время таких рыб известно всего 3 вида, Один из них — цератод или рогозуб — живет в Австралии (рис. 112), другой в Ю. Африке и третий в Ю. Америке. Когда австралийские реки высыхают, цератод пользуется для дыхания плавательным пузырем, стенки которого обильно снабжены кровенос-

ными сосудами¹. Это приспособление особенно ценно в сухом климате, в странах периодических засух. Неудивительно поэтому необыкновенное развитие двоякодышащих именно в девоне, с его огромными пустынями. Здесь мы видим хороший пример того, как определенное переустройство лика земли, приводящее к развитию пустынь, тем самым влияет и на выработку новых, приспособленных к данным условиям органических форм.

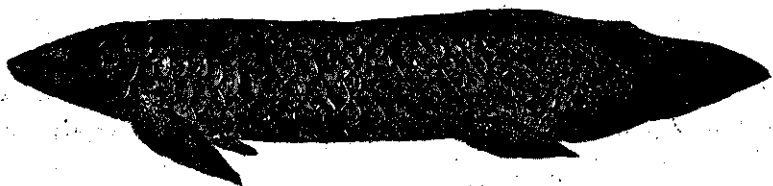

Рис. 112. Цератод.

Открытие цератода (в 1870 г.), казалось, проливало свет на загадку происхождения легочного дыхания вообще: легкое есть видоизменившийся плавательный пузырь, и многие ученые стали смотреть на двоякодышащих рыб как на формы, переходные между рыбами вообще и наземными организмами. Но от этого взгляда пришлось впоследствии отказаться. Девонские легочные рыбы представляют собою, как принято говорить, боковую ветвь развития. В течение всей дальнейшей истории земли потомки их продолжали оставаться все-таки настоящими рыбами вплоть до современного цератода. Прямая линия развития к наземным формам прошла мимо них. Задачу перехода от жаберного дыхания к легочному решила другая группа рыб, которая тоже появилась в девонский период. Мы сейчас назовем ее, но предварительно остановимся немного на эволюции класса рыб вообще.

Рис. 113. Селахия (девон).

¹ На нёбе цератода имеются своеобразные зубы в виде гребешков. По находкам подобных же зубов в девонских слоях и было открыто впервые присутствие двоякодышащих рыб в этот период.

Если оставить в стороне панцирных рыб, то все остальные рыбы могут быть разделены на 3 основные группы: первую группу составляют щележабёрные (или селахии), к которым в настоящее время относятся акулы и скаты; вторую группу — двоякодышащие, о которых мы только что говорили; к третьей можно отнести всех тех рыб, в теле которых в той или другой степени развивается уже костный скелет. Сюда, кроме настоящих, наиболее высоко организованных костистых рыб, следует отнести тех рыб, которых ещё и теперь часто называют гакоидными. Правильнее, однако, было бы различать среди гаиридов 3 отряда: ганоидов кистепёрых, ганоидрв х р я щ е в ы х и ганоидов костистых. Можно, наконец, объединить хрящевых и костистых ганоидов вместе с настоящими костистыми рыбами в отряд луче-пёрых и противопоставить его отряду кистепёрых. Как бц то ни было, костистые рыбы представляют высшую степень рр-ганизацш, тогда как щележаберные являются наиболее примитивной группой; ганоиды занимают среднее положение.

Геологические находки в общем удостоверяют последовательное выступление этих групп в намеченном порядке. Древнейшие остатки рыб принадлежат щележаберным, которые появились еще в силуре. Конечно, формы силурийских рыб представлены очень не полно: чаще мы имеем от них лишь зубы и чешую. Но уже в девонских отложениях заключается богатая фауна акулоподобных селахии (рис. 113). Особенно пышно развились эти рыбы в каменноугольный период. Замечательно, что, будучи вообще очень примитивными по своей организации, они тем не менее не только удержались в морях до нашего времени, но и являются там наиболее видными хищниками. С юрской эпохи к акулам присоединились скаты. В девонский период фауна рыб обогатилась очень значительно: появились двоякодышащие, кистепёрые и хрящевые ганоиды. Так, уже в нижнем девоне мы застаем первого представителя хрящевых ганоидов — хейролеписа (рис. 114).

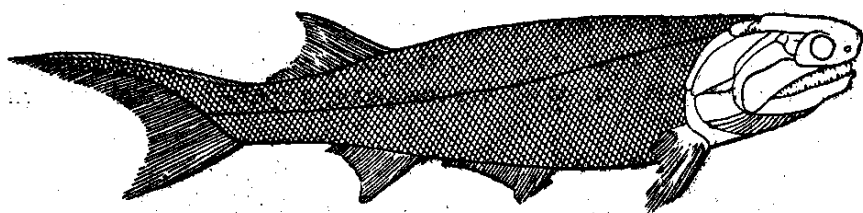

Рис. 114. *Cheirolepis* (девон).

Дальнейшая линия развития ведет от подобных примитивных форм к мезозойским хондростеидам (рис. 115), которые рядом переходов соединяются с третичными и современными осетровыми (осетр, стерлядь, белуга и др.).

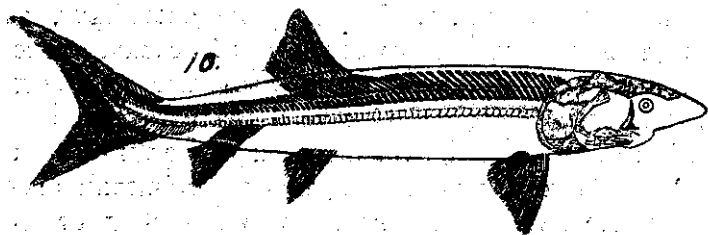

Рис. 115. Chondrosteus.

Если хрящевые ганоиды как-никак сохранились до настоящего времени (хотя и в небольшом числе форм и в ограниченном числе мест), то менее благоприятно сложилась судьба костистых ганоидов, от которых в настоящее время сохранились лишь панцирная щука и ильная рыба в С. Америке. Так же мало представителей уцелело и от кистеперых: богато представленные уже в девоне, они не выдержали конкуренции с лучеперыми и ныне представлены африканским многопёром или полиптером. Настоящие костистые рыбы появились лишь с триаса. С меловым периодом совпадает время их главного расцвета, которое продолжается и теперь. С меловой эпохи становятся уже известны семейства сельдей, шук, с третичной — сомовых, карповых, тресковых и др. Таким образом к настоящему моменту фауна рыб представлена, главным образом, либо самой молодой группой костистых, либо самой древней и примитивной группой щележаберных; промежуточные группы ганоидов явно угасают.

В поисках той группы рыб, среди которой мог бы осуществиться переход от жаберного дыхания к легочному, пришлось остановиться на группе кистепёрых. Они имеют черты сходства не только с двоякодышащими рыбами, но и с классом настоящих земноводных — амфибий. Несмотря на ряд весьма примитивных черт, сближающих их даже с щележаберными, в их организации есть многое, что уже напоминает будущих амфибий. Особенно интересно устройство плавательного пузыря полиптера: он состоит из двух мешков, открывающихся одним щелевидным отверстием на брюшной (а не на спинной, как у всех остальных рыб) стороне; особые мускулы расширяют и сжимают это отверстие. Внутренний скелет парных конечностей очень массивен, и замечено, что полиптер пользуется плавниками как лапами, упираясь ими в дно водоема. Наконец, у личинок полиптера имеются наружные перистые жабры, как и у личинок амфибий. Словом, кистепёрые легче всех других рыб могли дать начало земноводным.

Хрящевые рыбы были с самого начала и остаются до сих пор главным образом обитателями моря. Но они, как известно, и не имеют плавательного пузыря. Ганоиды и костистые рыбы вырабатывались, вероятно, в пресноводных бассейнах (хотя впоследствии многие костистые и перекочевали обратно в море). Тот факт, что плавательный пузырь, исполняющий функцию легкого, имеется у древних пресноводных двоякодышащих, и кистепёрых, свиде-

тельствует, что эта функция его и была первоначальной. Лишь впоследствии, с обратным переходом в море, у высших представителей рыб плавательный пузырь превратился всего лишь в гидростатический аппарат. Вместе с тем потеря массивного скелета конечностей (типа кистепёрых) и замена его легким скелетом лучепёрых сделала рыб более приспособленными к свободному плаванию в морях. «Но эта специализация представляет в то же время тупик эволюции; трансформацией конечности и плавательного пузыря для лучепёрых заперт выход на сушу; организация, чисто наземная и дышащая атмосферным воздухом, уже не может развиваться из этой основы» (Сушкин).

Настоящие земноводные амфибии развились лишь в каменноугольную эпоху. Девонские двоякодышащие и кистепёрые были их предшественниками. Задача завоевания организмами суши впервые была поставлена на очередь в девон. В озерах и лагунах пустынных девонских материков впервые начался процесс освобождения животных от власти водной стихии. «Все уничтожающая засуха дала начало новой жизни» (Вальтер)

Каменноугольный период (карбон). С именем каменноугольного периода обыкновенно связывается представление о каменном угле как наиболее важном и интересном образовании этого времени. Однако совершенно ошибочно думать, что слои каменного угля являются главным членом системы карбона. В свите пластов последнего уголь сам по себе лежит всегда лишь незначительными прослойками, и выражение «слои каменноугольной системы» совсем не значит то же, что «слои каменного угля».

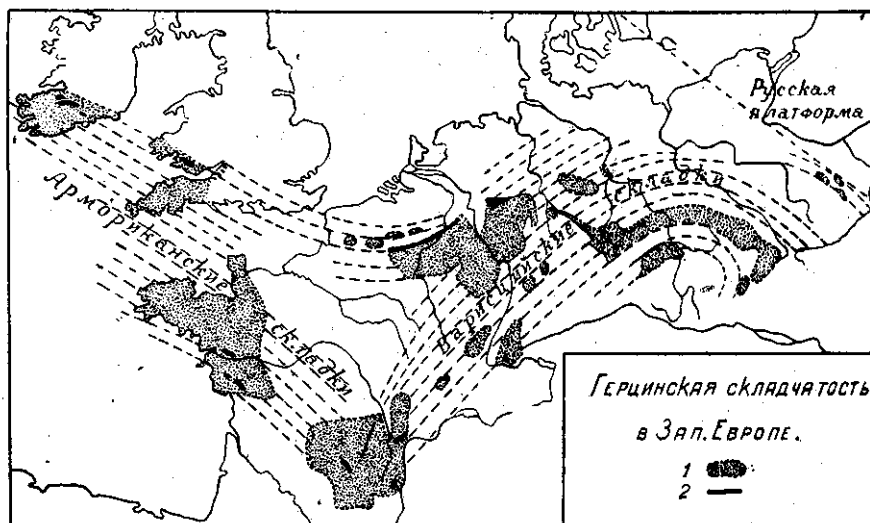

Рис. 117. Армориканские и варисийские складки. (По Борисяку.)

Уголь образовывался в этот период только местами, только при наличии определенных условий — в болотах, озерах, морских мелководных заливах. В подобных условиях залежи угля могли возникать и в другие геологические эпохи. И все-таки карбон был действительно временем исключительного углеобразования. Этот факт прежде всего требует объяснения.

Каменноугольная эпоха была временем необыкновенно сильного горообразования. Вся земная кора, можно сказать, пришла в небывалое (со времен архейских) движение, и во всех частях света стали возникать мощные горные цепи. В зап. Европе образовалась по внешнему краю-Каледонских гор система герцинских складок, смявших земную кору в Англии, Франции, Бельгии и Германии. Складки эти простирались по двум направлениям (рис. 117) — армориканскому и варисцийскому, и остатки их составляют теперь глыбовые горы средней Европы — Бретань, Арденны, Гарц, Вогезы, Шварцвальд и др.; в Америке поднялись Аллегань, у нас Урал, в Азии — мощная система Алтаид. Как всегда, это сопровождалось, с одной стороны, усилением вулканической деятельности, причем вулканы доставили в атмосферу громадное количество углекислоты, с другой — значительными перемещениями океана: дно его в одних местах сильно опустилось, и образовались обширные глубоководные впадины; но, убрав в них свои воды, океан тем самым схлынул с других мест и обнажил дно своих мелководных краевых частей. К материкам причленились обширные, слабо покатые к морю низменные пространства. Здесь образовались бесконечные топкие болота. В борьбе суши и моря, при неустойчивом положении береговой линии, они как бы переходили из рук в руки: то море их заливало, то снова они примыкали к суше. Здесь развилась, в условиях влажного и теплого климата, богатая растительность. Растения интенсивно разлагали углекислоту, кислород возвращали в атмосферу, а углерод накапливали в себе. Отмирая и погребаясь на дне болот и озер, они подвергались гниению. Но доступ кислорода под воду к их разлагающимся остаткам был, конечно, затруднен. Гниение не могло идти до конца, до полного окисления углерода в углекислоту. Углерод органических соединений не освобождался нацело из растительных тканей и накапливался на дне водоемов. Так и возникли его отложения в форме каменных углей.

Таким образом основу угля — углерод — доставили земные недра, вскрытые горообразовательными процессами, накопился же этот углерод на земной поверхности благодаря избытку влаги и застою вод. Углеобразование есть своего рода нарушение обмена веществ в природе: вместо того, чтобы безостановочно совершать свой круговорот — из атмосферы в растения, из растений — в животных, из животных снова в атмосферу, — углерод отводился как бы в сторону, попадал в какой-то тупик и отлагался на дне водоемов. Это, искажение нормального природного процесса обусловлено было земноводными условиями того времени; в миниатюре то же самое происходит и сейчас в любом -торфянике, в условиях карбона это стало явлением грандиозным.

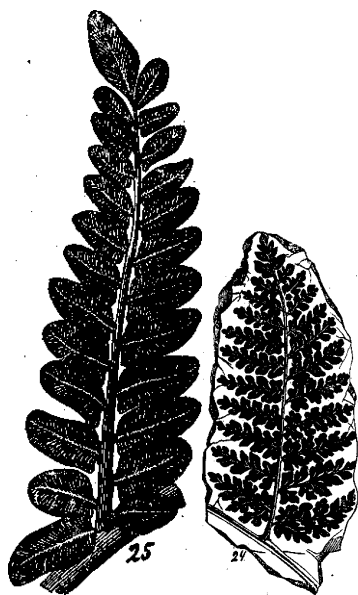

Рис. 118. Каменноугольные папоротники.

Так дело обстояло на суше. Но аналогичный процесс происходил и в морях. В морской воде находится в растворе много двууглекислого кальция — $\text{Ca}(\text{HCO}_3)_2$. Между количеством углекислоты, связанной в виде этого соединения, и углекислотой атмосферы существует определенное и постоянное отношение: если деятельностью растений количество углекислоты в воздухе будет уменьшено, тотчас же часть двууглекислого кальция морской воды разложится по уравнению $\text{Ca}(\text{HCO}_3)_2 = \text{H}_2\text{O} + \text{CO}_2 + \text{CaCO}_3$, свободная углекислота поступит в атмосферу, где восполнит убыль этого газа, а CaCO_3 оседает на дно в виде известкового ила. Таким образом и на морском дне произойдет отложение углерода: морские известняки каменноугольного

периода, как и угли, есть форма отложения извлеченного из атмосферы углерода. Здесь мы видим пример того, как тесно связаны в своих химических процессах почва материков и морское дно.

Общий «земноводный» характер физико-географических условий карбона неминуемо должен был наложить свою печать и на флору и на фауну этого периода. Богатая и разнообразная флора того времени состояла главным образом из споровых (тайнообратных) растений — папоротников, плаунов и хвощей. Эти группы, не в пример современным их представителям, достигали громадной величины. Кроме папоротников (рис. 118) нам-известны древовидные плауновые лепидодендроны (рис. 119) и сигиллярии (рис. 120), достигавшие 30 м высоты; стволы лепидодендронов, имевшие до 2 м в поперечнике, раздваивались на некоторой высоте, и следы от прикрепления к ним листьев, в «виде характерных ромбических рубцов, располагались косыми рядами. Под именем стигмарей описаны особые плоские корневища лепидодендронов и сигиллярий, приспособленные, по-видимому, для укрепления этих деревьев в мягкой илистой почве. Древовидные хвощи над-

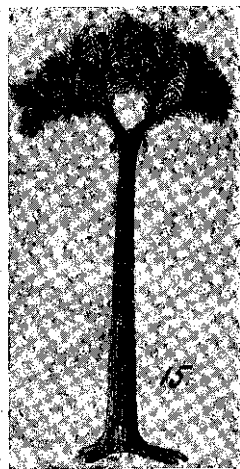

Рис. 119. Лепидодендрон.

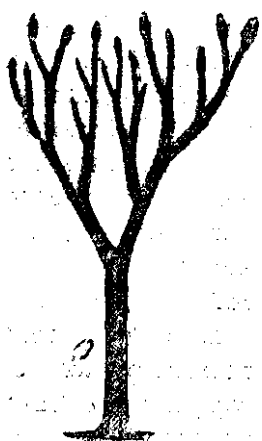

Рис. 120. Сигиллярия.

вающих на периодические остановки в росте, и что вся эта флора отличалась поразительным однообразием на громадных пространствах суши, то перед нами встанет картина тропического леса, по пояс погруженного в воду, в котором ни времена года, ни географическая широта не могли изменить тепличных условий.

Вся эта описанная растительность и доставила материал для образования каменного угля.

Уже давным-давно наука твердо установила растительное происхождение последнего, и в геологии получила права гражданства «торфяно-антрацитовая» теория. Суть ее заключается в объяснении происхождения каменного угля из торфа. Действительно, если взять главные виды минерального топлива, то их нетрудно рас-

ставлены каламитами (рис. 121). Наконец, к древесным породам карбона принадлежали кордаиты, несшие на цилиндрическом стволе длинные лентообразные листья, покрытые параллельными жилками. Кордаиты находились вероятно в родственных отношениях с саговниковыми, но весьма вероятно, что их можно рассматривать и как предков хвойных. Все эти гиганты растительного царства отличались громадным развитием листовой и корневой системы, что указывает на сильную работу испарения. Если к этому прибавить, что древесные стволы их не имели годичных колец, указы-

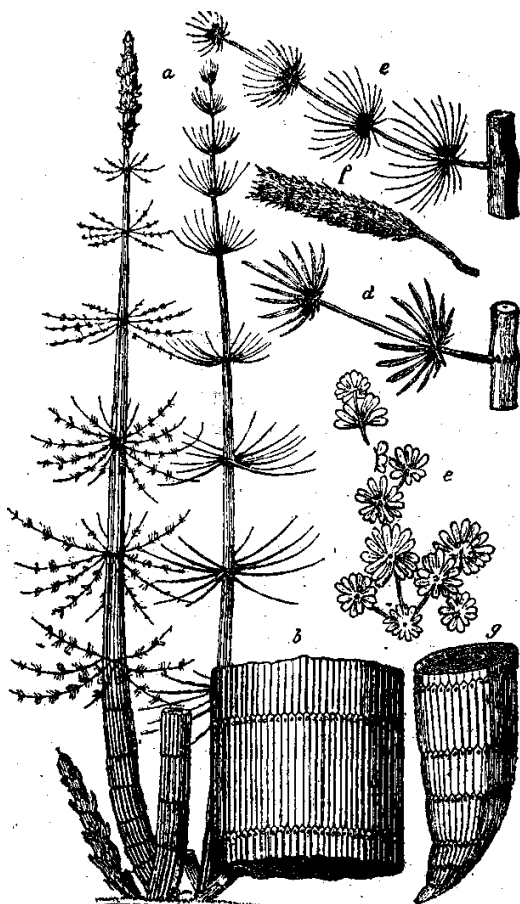

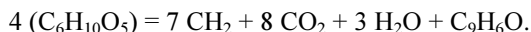
Рис. 121. Каламит.

положить в один ряд на основании их геологического возраста: торф является самым молодым членом этого ряда, и его образование происходит и теперь; так называемые «бурые угли» встречаются, как правило, в пластах третичных и мезозойских; настоящие каменные угли свойственны главным образом палеозою, и, наконец, антрацит палеозою или даже допалеозойским временам. Правда, можно указать много и исключений из этого правила: так, подмосковные угли палеозойского возраста по свойствам скорее приближаются к бурым углям, тогда как их сверстники, донецкие угли, имеют характер антрацита; третичные угли Сахалина неотличимы от настоящих палеозойских углей. Словом, можно говорить об углях, с одной стороны, отставших в своем развитии, с другой — как бы опередивших свое время. Эти исключения можно объяснить влиянием тектонических движений земной коры: сильное давление, захватывая угленосные слои, ускоряет процесс превращения рыхлых углеродистых веществ в плотные каменные угли, и Шпрингу удалось опытом доказать превращение торфа под давлением в 6 000 атмосфер в черную блестящую массу, подобную каменному углю.

Сущность превращения торфа в каменные угли заключается не только в уплотнении растительной массы, но и в химическом ее преобразовании. Процесс этот сводится к постепенному обогащению массы углеродом, за счет уменьшения ней количества кислорода, водорода и азота. В следующей таблице приведено процентное содержание главнейших элементов в разных видах топлива.

	Углерод	Водород	Кислород	Азот
Дерево	49 — 50	6	43 — 44	1
Торф	50 — 64	4 - 6,8	28,6 — 44,1	0-2,6
Бур. уголь	50 — 75	4 — 8	12 — 37	
Кам. уголь	80-85	5 — 6	8,3 — 14,5	
Антрацит	91 — 96	1,2-4	2,8-4,5	

На языке химии процесс превращения клетчатки в каменный уголь можно передать уравнением:

Как ни проста, как ни правдоподобна торфяно-антрацитовая теория, однако в последнее время ее господство пошатнулось ввиду весьма серьезных возражений. Прежде всего, как мы знаем, главным материалом для образования торфа являются мхи (сфагнум в выпуклых торфяниках и гипнум в плоских). Между тем никаких мхов в каменноугольных слоях нет и следа. Далее, торф отлагается в условиях влажно-холодного климата, между тем как климат карбона был тропическим. Следовательно, и исходный материал и условия образования торфа и угля были глубоко различны. Торф есть свойственный лишь современным условиям тип отложения углерода в земной коре, и нельзя от нашего торфа умозаключать к углям карбона. Кроме того необхо-

димо помнить, что гниение есть процесс биохимический и возможно лишь при участии бактерий. Исследования последних лет доставили нам интересные сведения о бактериях, следы которых заключены в каменных углях. Как и следовало ожидать, бактерии каменного угля оказались не тождественны с бактериями современных торфяников. Таким образом ни один из факторов торфообразования не может быть целиком перенесен на процессы палеозойского углеобразования: жизнедеятельность различных микроорганизмов в различных условиях и над различными растительными тканями не могла привести к различным результатам. Уголь не был миллионы лет тому назад торфом.

Мы можем идти и далее: нет, в сущности, говоря, в природе одного угля не может быть поэтому и одной теории происхождения его. Уголь есть горная порода, и подобно тому, как мы различаем песок морской, речной, дюнный или ледниковый, так должны мы различать и совершенно различные типы каменных углей. При решении вопроса об их происхождении нам, за отдаленностью палеозойского времени, приходится, конечно, решать иногда задачу со многими неизвестными.

Техника давно уже сумела различить несколько видов каменных углей по их свойствам и технической ценности. По количеству летучих веществ и характеру пламени отличаются друг от друга угли тощие, жирные и газовые (длиннопламенные); чем больше уголь содержит водорода и кислорода, тем более летучих веществ получается при сухой перегонке тем больше дыма дает уголь, тем длиннее его пламя. Одни сорта угля благодаря высокой теплотворной способности своей употребляются специально для котлов, другие для домашнего обихода или в кузнечном деле. Иными свойствами обладает антрацит, немаркий, с полуметаллическим блеском, горящий без дыма, слабо светящимся пламенем, с трудом раскаляющийся, дающий мало летучих веществ и золу, группе наименее плотных бурых углей различают лигнит, в большей массе своей состоящий из обуглившейся древесины.

Тщательные исследования, показали, что различные типы углей имеют совершенно различное происхождение. Так, один из лучших сортов угля — богхед — произошел несомненно из остатков водорослей, другой сорт — кеннельский уголь — из скопления спор тайнобрачных. Оба они дают много летучих веществ, но первый имеет блестящую, а второй матовую поверхность. В образовании других видов угля играли преимущественную роль скопления или листьев, или древесины, или, наконец, то и другое вместе.

Не менее различны были и топографические условия образования различных углей. Если торф образуется в наземных условиях, в болотах, то у нас есть все основания приписать такой же способ происхождения многим, если не всем, бурым углям (и лигнитам), тем более, что в толще ледниковых отложений сохранились во многих местах чередующиеся пласты древнего торфа и лигнитов. Последние тесно связаны с торфами, свидетельствуя лишь о временном перерыве процесса торфообразования и о победе лесной формации над болотной. Что касается богхеда и кеннельского угля, то им несо-

мненно следует приписать озерное происхождение. Этим углям дают название углей сапропельных. Сапропелем называют студенистая масса, образующаяся на дне озер из мелких взвешенных в воде растительных и животных организмов. Образование сапропеля можно наблюдать в зарастающих озерах (рис. 122), которые, с одной стороны, постепенно выполняются трупами водных организмов, с другой — погребаются под растительностью, надвигающейся с берегов. В случае кеннельского угля, например, сапропель дал ту основную массу, к которой присоединилось затем колоссальное количество спор палеозойских деревьев, росших по берегам озера. Настоящие каменные угли (им часто дают название гумусовых углей) отчасти образовались в озерах (как это положительно доказано для многих французских залежей), отчасти же возникли в мелководных заливах (лиманах) каменноугольного моря, и этот тип углей является наиболее распространенным. В пользу такого именно происхождения настойчиво говорит факт переслаивания каменного угля с нормальными морскими осадками — глинами, песчаниками. Таким образом три основных типа образования углей могут быть представлены в следующей таблице¹.

Наземные образования (болота)	Приморские образования (лиманы)	Озерные образования
Торф		Богхед Кеннель
(Лигниты)	Гумусовые угли	

Из всего вышесказанного следует, что далеко не все виды ископаемого топлива связаны между собой взаимными переходами: торф -может с течением времени превратиться в бурый уголь, это большее, что можно допустить, но между бурым углем и настоящим каменным углем подобного перехода быть не может. Даже геологические промежутки времени не в состоянии этого сделать. Что касается антрацита, то вопрос о его происхождении остается еще открытым. Возможно, что антрацит есть метаморфизированный каменный уголь: по крайней мере, иногда удавалось наблюдать превращение угля в антрацифбвидную массу в местах сильных Дислокаций или на границе с - Шилами изверженных пород. Но возможно, что антрацит имеет самостоятельное происхождение. Так как антрацит при сгорании почти не дает золы, то это заставляет предполагать глубокое и изначальное различие между растениями, дававшими простой уголь, и растениями, давшими антрацит.

¹ Арбер, Естественная история угля.

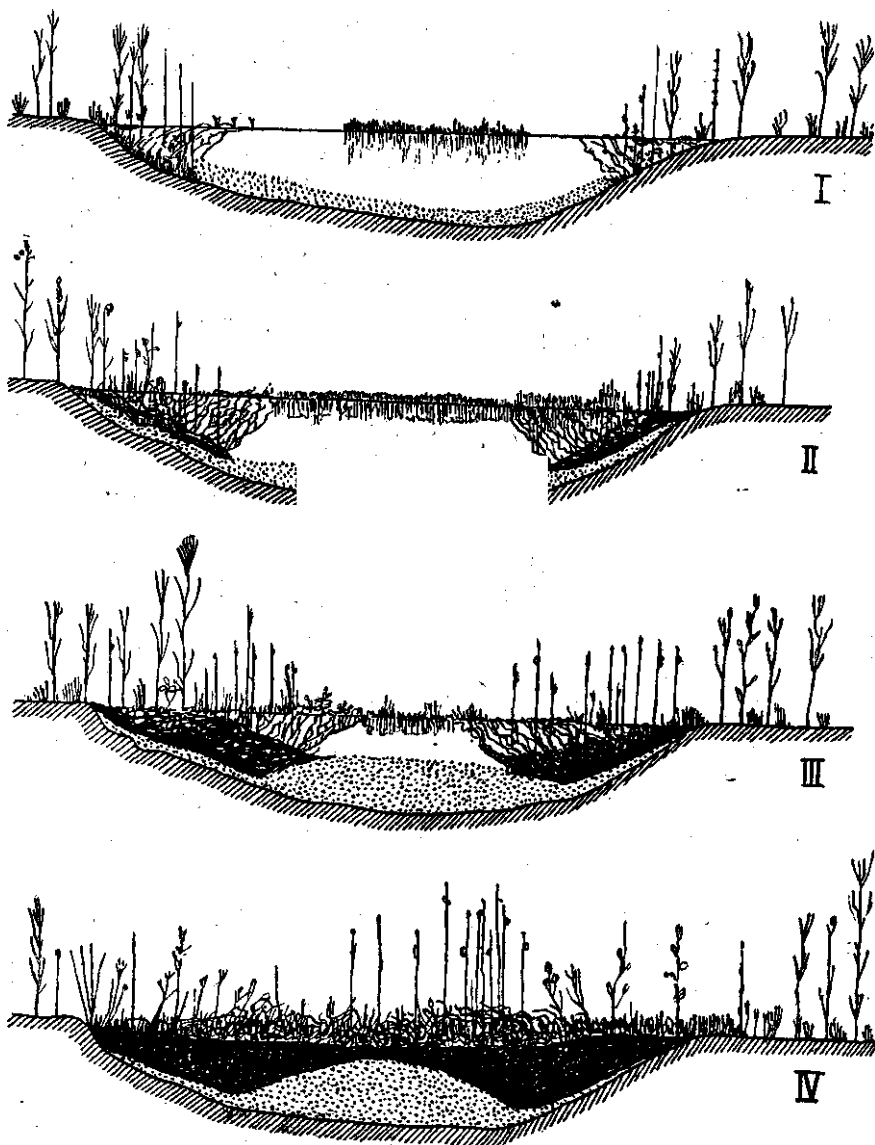

Рис. 122. Заполнение озера растительными остатками.

Не исключается возможность образования некоторых видов углей и на морском дне. Обнаруженные, например, в Карибском море на глубине 1 800 м скопления растительных веществ имеют, собственно говоря, полную возможность дать начало углям, и очень может быть, что именно такое происхождение имели некоторые девонские угли.

Еще недавно велись споры о том, образовались ли угли из той растительности, которая как раз росла на месте будущих залежей, или же растительность эта была снесена водными потоками из мест своего произрастания в озера и морские заливы. Казалось, что за первое предположение красноречиво говорят и вертикальные стволы деревьев, часто находимые в залежах, и полная однородность и чистота угля, отсутствие в нем песчаных и глинистых примесей. В настоящее время считают возможным допускать оба способа происхождения: если большинство лиманных углей произошло несомненно за счет растений, живших в тех же самых лиманах, то для некоторых озерных отложений угля неоспоримо доказано их происхождение путем сноса растений в озеро из других мест.

Еще одно возражение против торфяно-антрацитовый теории: допуская превращение торфа в каменный уголь, последняя требует для этого колоссального времени. Между тем некоторые наблюдения заставляют нас предположить, что уголь мог образоваться и в короткое сравнительно время, минуя все требуемые теорией промежуточные этапы. Так, найденные в некоторых угольных слоях угольные же конгломераты показывают, что уголь был образован, затем размыт морем и снова отложен им в виде морской гальки и что все это с начала и до конца произошло в течение того же самого каменноугольного периода.

Мы перечислили уже выше те группы растений, которые обитали на земле в карбон. Нельзя не обратить внимания на то, что по биологическому характеру своему растения эти были именно земноводными. До сих пор развитие папоротников, хвощей и плаунов тесно связано с водной средой. Припомним развитие наших папоротников: их споры должны попасть на влажную-почву; прорастая здесь, они образуют так называемый заросток; на нижней стороне последнего возникают мужские половые органы — антеридии и женские — архегонии; дальнейший процесс оплодотворения возможен лишь в жидкой среде, и только после этого из оплодотворенной яйцеклетки образуется наземный папоротник. Эта приуроченность первых этапов развития к воде напоминает развитие такого класса позвоночных, как амфибии (лягушки, тритоны, саламандры), личинки которых живут в воде и имеют ряд рыбьих черт организации (жабры, двукамерное сердце, плавательный хвост). Становится поэтому вполне понятным, что амфибии, наряду с тайнобрачными растениями, являются самыми характерными для карбона организмами. Они полностью отразили, на себе общий земноводный характер этой эпохи. Если связаны между собою белый подмосковный известняк каменноугольного возраста и черный уголь из перегнивших папоротников, то также связаны и эти папоротники с каменноугольными амфибиями. Все это — взаимно обу-

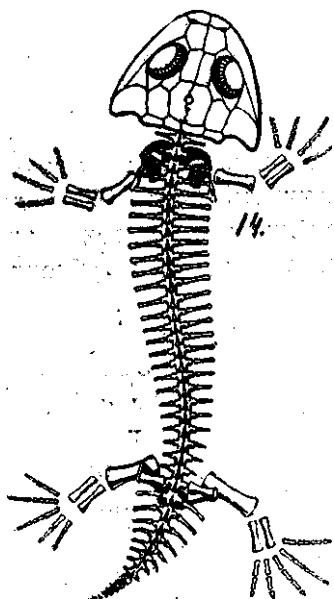

Рис. 123. Бранхиозавр.

окружающих условий: климат пермской эпохи, более сухой, чем девонский, был мало пригоден для этих животных. Последние стегоцефалы доживают до начала мезозойской эры, и тут история амфибий обрывается. Мы не можем проследить связи между этими древними формами и современными представителями класса амфибий.

Прибрежные болота каменноугольных материков интересны не только как места, где отлагался будущий уголь. В этих болотах создавались новые формы материковой органической жизни. От предыдущих периодов нам почти не известны остатки наземной флоры и фауны. Получается впечатление, что вся органическая жизнь кембро-силура, а может быть и девона, была сосредоточена еще в морях, этой колыбели жизни вообще. Правда, в девоне мы уже видели попытки морских организмов приспособиться к наземным условиям существования, но это были только отдельные попытки. Лишь в карбон выход на сушу стал массовым явлением. Этому благоприятствовали

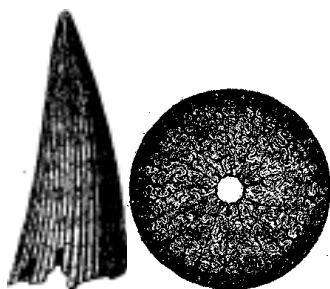

Рис. 124. Зуб лабиринтодонта
сбоку и в разрезе.

¹ Череп одного из них достигал более метра в длину.

общие земноводные условия эпохи, и болотистые низины были самой подходящей средой для преобразования водных организмов в сухопутные. Вот почему Вальтер назвал карбон эпохой «великого исхода» из моря. Одной из причин этого исхода было то обострение борьбы за существование, свидетелем которого был каменноугольный период. Регрессия моря уменьшила общую поверхность его, возросла теснота жизни. Это вызвало беспрецедентное развитие хищников. Одних только акулоподобных селахий мы можем насчитать около 300 видов; хищные, прожорливые, — быстрые они поражают нас высокой специализацией своего главного орудия — зубов, острых, зазубренных, режущих, жующих, и всюду среди белых известняков, в которых погребена мирная фауна карбона, виднеются эти черные зубы (рис. 125), свидетельствующие об ожесточенной борьбе за жизнь. Перед угрозой смерти органический мир спешно мобилизуется: среди кораллов начинают преобладать формы колониальные, некоторые защищаются от хищников своими острыми иглами; морские ежи, головоногие и прочие моллюски вооружаются, чем кто может, и в короткое время фауна совершенно преобразается. Одни формы бесследно вымирают, другие, как трилобиты, спасаются в пресные и солоноватые воды, третьи покидают поверхность моря и становятся обитателями глубокого дна. Четвертые, наконец, переходят постепенно на сушу. Последнее приложимо и к растительному миру: сомкнутым строем двигались растения из-под уровня воды на сушу и кольцом оцепляли материки.

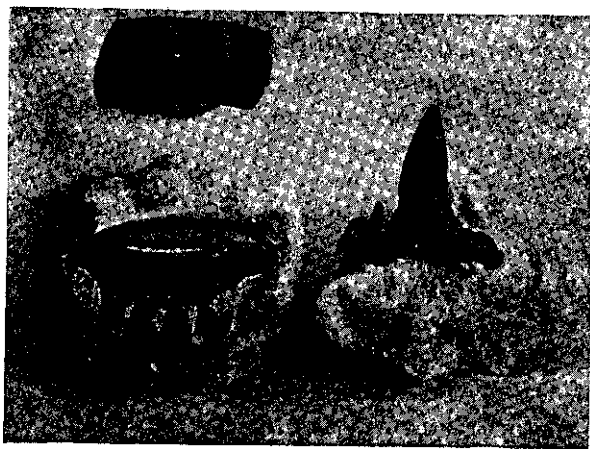

Рис. 125. Зубы каменноугольных акул.

Этот исход из моря, поскольку он является не чем иным как процессом освобождения организмов от власти водной стихии, был весьма важен по своим последствиям для дальнейшей судьбы органического мира вообще. Как говорит проф. Завьялов, организмы, выйдя из моря, унесли это море с собою: известно, что кровь животных представляет раствор определенных солей, среди которых хлористому натрию принадлежит, как и в морской во-

де, одно из первых мест. Опыты Леба показали все громадное значение морских солей для физиологии водных организмов. Теперь эти соли оказались включенными в самое тело животных и продолжают, в качестве внутренних рычагов, оказывать влияние на все функции организмов.

Каменноугольная система. Каменноугольная система была впервые установлена в Англии, и потому строение английского карбона долгое время считалось типичным. Здесь эта система разделяется на 2 отдела, причем нижний, называемый «горным известняком», состоит из морских известняков с разнообразными моллюсками и корненожками, а верхний представляет собою разнообразную свиту слоев (песчаников, глин и сланцев), среди которых и залегают знаменитые английские каменные угли. Оба отдела разделяются толщей серого песчаника, идущего на приготовление жерновов. Эту последовательность слоев геологи пытались установить и в других странах, полагая, что всюду, как и в Англии, горные известняки должны лежать внизу, а угленосные слои сверху. Только много времени спустя выяснилось, что могут быть и иные типы залегания: так, у нас в СССР угленосные слои лежат не выше, а ниже горного известняка. Эти различия объясняются, конечно, тем, что смена чисто морских отложений мелководными и континентальными может в разных странах идти в разной последовательности, а это в свою очередь зависит от того, что поднятие и опускание материков или регрессии и трансгрессии моря могут наступать в различных районах не в одни и те же моменты даже одного и того же периода. После эпохи каледонской складчатости, после некоторого затишья в эпоху нижнего карбона, начались, как мы уже знаем, интенсивные тектонические движения герцинского возраста. Эти движения совершались с начала среднего карбона до пермского периода включительно. Девонские геосинклинали сузились еще больше, зато увеличились площади континентальных массивов.

И можно отчетливо увидеть обнаруживающуюся при этом--противоположность в судьбе тех и других: когда горообразовательные процессы складывают в складки дно геосинклиналей, геосинклинали временно осушаются, но это тотчас же сопровождается трансгрессией моря в области континентальных массивов. В Англии ниже-каменноугольные морские отложения сменились мелководной и континентальной угленосной серией; следовательно, за это время Англия испытала поднятие. У нас в СССР на эпоху, соответствующую угленосным слоям Англии, приходится обширная трансгрессия каменноугольного моря.

Сходное с английским строение имеет толща карбона в сев. Франции, Бельгии и с.-з. Германии. Здесь мы встречаем ряд каменноугольных бассейнов с богатейшими залежами угля. Обычно всюду толща карбона начинается с морских отложений, весьма постепенно, переходящих книзу в морские же девонские слои. Так же обычно в указанных странах присутствуют лишь ниже- и средне-каменноугольные отложения, и отсутствуют самые верхние; последние можно видеть лишь местами. Пересекая Европу с севера на юг, можно видеть, что районы с однородным строением толщи карбона распола-

гаются в общем прерывистыми полосами, идущими вдоль Европы с запада на восток. При этом нельзя не заметить, что в разных полосах выступают различные этажи каменноугольной системы: если в Англии, Бельгии и Вестфалии нет верхнего карбона, то в полосе, протянувшейся от Бретани к Вогезам, Шварцвальду и Саарбрюкену нет нижнего карбона; еще южнее — в центральной Франции, Богемии и Альпах находится лишь верхний карбон. Интересно, что отмеченные полосы идут параллельно Средиземному морю, т. е. средиземноморской геосинклинали, и что по ту сторону этого моря в северной Африке можно заметить такое же поясное расположение выходов карбона. Очевидно, что все эти явления и связаны причинно с самой средиземноморской геосинклиналью. В течение всего карбона в области этой геосинклинали происходили тектонические движения, охватывавшие в известной последовательности береговые зоны геосинклинали, и послушное этим движениям карбоновое море перемещалось с места на место, оставляя то тут, то там осадки различных ярусов.

Иначе протекала история в. Европы в тот же период. Не средиземноморская широтная, а уральская меридиональная геосинклиналь была здесь главной осью истории. В уральской впадине лежало море непрерывно со времен раннего палеозоя. Это море временами (в том числе и в карбон) выдвигало от себя на запад широкий залив. Залив этот то расширялся, то сужался в зависимости от нисходящих или восходящих движений Балтийского щита. Последний точно гигантский поршень, то опускаясь, то поднимаясь, перекачивал морскую воду из уральской геосинклинали на русскую платформу, то снова спускал ее обратно в геосинклиналь. И хотя Балтийский щит был только крайним северо-восточным выступом сплошного северо-европейского материка (Атлантиды), но присутствие ближайшей геосинклинали на востоке от него, а не на юге, как в з. Европе, существенно изменяло ход геологических событий.

К концу девонского периода море, покрывавшее нашу страну, сильно уменьшилось и превратилось почти в замкнутый бассейн, едва-едва поддерживавший некоторую связь с Полярным морем и морем Средней Азии. В этом бассейне обитала явно вырождающаяся фауна, остатки которой можно найти в так называемых малевко-мураевнинских слоях, последних слоях русского девона. В тех же слоях, однако, можно заметить примесь и каменноугольных уже форм: девон нечувствительно сменился здесь карбоном. С началом каменноугольного периода со стороны Сибири началась трансгрессия моря. Так как почти весь север и северо-запад русской платформы, составляя тогда одно целое с Балтийским щитом, находился в стадии поднятия, то надвинувшееся море образовало лишь выпуклый к западу подмосковный залив, вклинивавшийся между Балтийским щитом и южно-русским кристаллическим массивом. В области последнего, кроме того, существовал донецкий залив. Как видно из карты Девонского моря (рис. 109), он возник еще в предшествовавшую эпоху: в осадках, накопившихся на его дне, можно найти характерных для девона панцирных рыб. Возникновение этой впадины

сопровождалось излиянием изверженных масс. Все эти явления были началом образования Донецкого кряжа, причем главное поднятие последнего относится к самому концу палеозоя¹.

В силу продолжавшегося поднятия Балтийского щита, увлекавшего за собой соседние области русской платформы, нижнекаменноугольное море, после непродолжительного пребывания в подмосковной впадине, снова начало оттесняться к юго-востоку, обнажая свое дно. Здесь-то и образовались болотистые котловины, бесчисленные озера и топи, заросшие каменноугольными тайнобрачными, и такова была обстановка, в которой началось образование каменных углей. Эти угли, как мы уже говорили, принадлежат скорее к типу бурых углей. Среди них можно различить и кеннельские угли («курные») и богхеды. Пласты угля не обладают ни значительной мощностью, ни широким распространением и переслаиваются с пластами глин, песков и песчаников. Это и есть наша угленосная толща. Выходы ее известны в Рязанской, Тульской, Калужской губ., а также в Тверской и Новгородской.

Поверх угленосных пород наслоилась в СССР мощная толща морских отложений, состоящая главным образом из белых или желтоватых известняков и доломитов, переслаивающихся местами с мергелями и глинами. Эта толща есть памятник новой трансгрессии каменноугольного моря, начало которой положило обратное, т. е. нисходящее движение Балтийского щита. Если нанести на карту все выходы этих верхне- и средне-каменноугольных отложений, то получится рис. 126. Но, конечно, нужно помнить, что это море не сразу затопило нашу страну, не сразу и покинуло ее; трудно даже представить себе, сколько миллионов лет понадобилось для образования толщи известняков в несколько сот метров мощностью; за это колоссальное время в любом данном пункте несколько раз менялись физико-географические условия морского бассейна, и эта смена записывалась последовательным наложением друг на друга различных осадочных материалов. Эту смену, эти записи их можно наблюдать в любой достаточно глубокой каменоломне. Удалось разбить всю толщу каменноугольных слоев на ряд отдельных ярусов, на основании находимых в них органических остатков. Нижний ярус, по имени часто встречающегося здесь плеченогого продуктуса (*Productus giganteus* — рис. 127), получил название продуктусового яруса; он соответствует горному известняку Англии, так как и в последнем есть то же руководящее ископаемое. Второй, ярус назван серпуховским; третий — московским: для него характерен один вид плеченогого спирифера (*Spirifer mosquensis* — рис. 128), и, кроме того, в нем встречаются громадные скопления корненожек фузулин (рис. 129), известковые раковинки которых напоминают окаменевшие зерна ржи. Четвертый ярус называется гжельским, пятый — верхний, по имени корненожки швагерины (рис. 130), получил название швагеринового.

¹ Впрочем, горообразовательные движения несколько раз возобновлялись здесь и в течение всего мезозоя и даже в начале третичного периода.

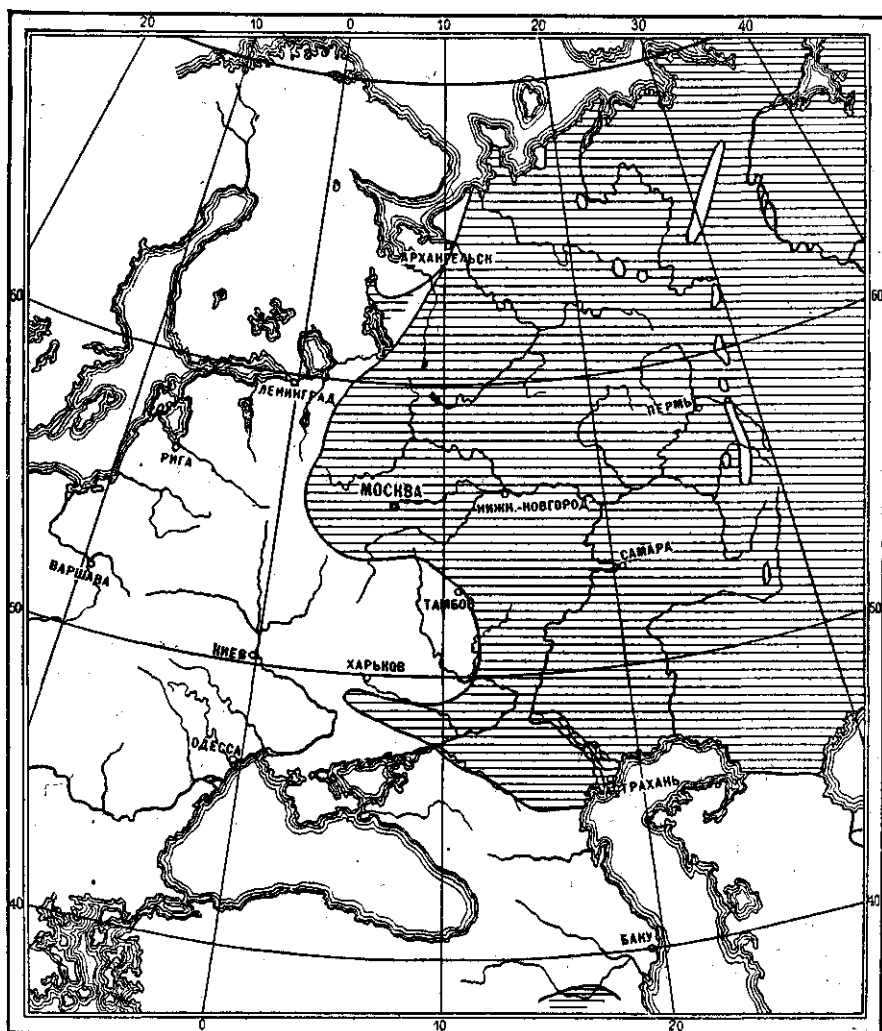

Рис. 126. Карта каменноугольного моря СССР.

Рис. 127. *Productus giganteus*

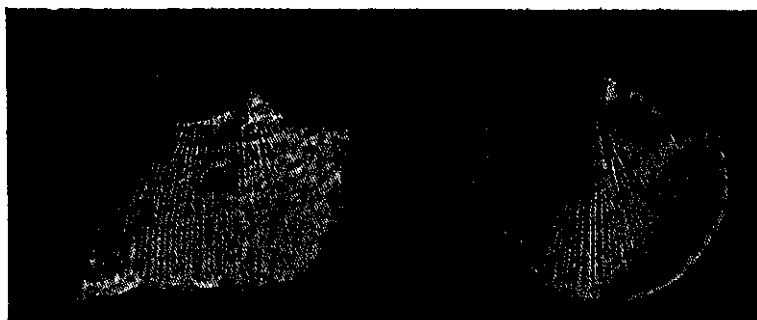

Рис. 128. Плеченогие московского яруса: *Spirifer mosquensis* (справа) и *Productus semireticlatus* (слева).

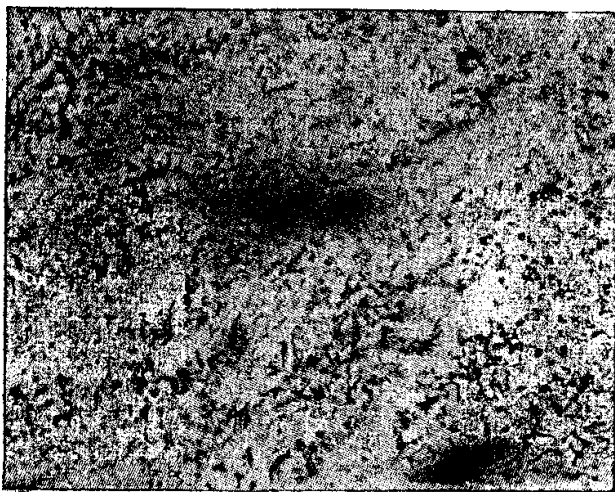

Рис. 129. Фузулины

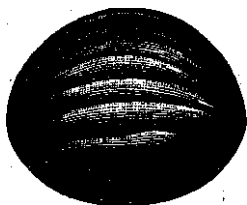

Рис. 130. Швагерина.

Сравнивая разрезы из разных местностей, можно убедиться, что в одних районах развиты одни ярусы, в других — другие: моря, следовательно, размещались вдоль переповерхности земли. Самые нижние ярусы обнажаются по южной и западной окраинам подмосковного бассейна, и если из Тульской или Тверской губ. двигаться по направлению к Москве, то более древние ярусы будут постепенно скрываться под более молодыми. Швагериновый ярус развит лишь к востоку от Москвы. Это показывает, что с течением времени сильно извилистая граница подмосковного бассейна постепенно перемещалась к востоку, приближаясь в то же время к более прямому меридиональному направлению. К концу карбона море снова было оттиснуто к востоку, в область Прволжья и Приуралья.

Каменноугольные известняки богаты органическими остатками: кроме фузулин, здесь много плеченогих и головоногих моллюсков, морских ежей, морских лилий, кораллов и коралло-подобных табулят. Но распределены эти остатки по слоям далеко не равномерно и, наряду с слоями, переполненными кораллами или члениками морских лилий, встречаются слои и «немые» в палеонтологическом отношении. Некоторые известняки так перекристаллизовались, что превратились в мрамор, другие остаются рыхлыми, мелоподобными. Интересно, что некоторые горизонты каменноугольной толщи свидетельствуют даже о временных перерывах в процессе отложения осадков: тогда между известняками вклиниваются красноцветные глины, напоминающие девонские континентальные образования. Таких пород становится особенно много в верхней толще карбона. Гжельский ярус своими глинисто-песчаными породами явно указывает на процесс обмеления моря.

Несколько иначе шло отложение осадков в Донецком заливе, где вместо известняков накопились мощные толщи песчаников и сланцев с прослоями угля. Повидимому, дно этого залива испытывало длительное опускание, как это бывает всегда в геосинклиналях. Наконец, мощную толщу карбона находим мы на Урале. Теперь эта толща сильно дислоцированная в эпоху поднятия Уральской цепи, лежит двумя полосами вдоль обоих склонов Урала, прорванная изверженными породами. В карбон же она покоилась на дне уральской геосинклинали, непрерывно накапливаясь там в течение всего периода. На Урале поэтому мы видим полную серию каменноугольных отложений от угленосного, яруса, сливающегося с девоном внизу, до самых верхних ярусов с фузулинами наверху.

Соотношения между отдельными осадками каменноугольной системы в различных местностях представлены в следующей таблице:

Отделы	Англия, Бельгия	Подмосковный край	Урал
Верхний	—	ржельский ярус	Швагериновый ярус.
Средний	Угленосные слои. Жерновой песчаник	Московский ярус	Верхний и нижний фузулиновые известняки
Нижний	Горный известняк	Серпуховский ярус. Продуктусовый ярус. Угленосный ярус	
			Продуктусовый ярус. Угленосный ярус.

Пермская система. К концу карбона море покинуло подмосковный край и сосредоточилось лишь в области уральской геосинклинали, стойко державшейся в течение всего палеозоя. Теперь очередь дошла и до этого прогиба земной коры. Здесь возникли Уральские цепи, в южной части своей связанные с горными цепями Средней Азии. Это поднятие осушило геосинклиналь, и только к западу от Урала, в области нынешней Волги, Камы и С. Двины, продолжал еще существовать меридиональный прогиб в литосфере. Море заняло его, длинным, но узким проливом протянулось от Полярного моря к великому средиземному морю палеозоя — Тетис,- но возникшие в бассейне нынешней Оки возвышенности, вытянутые параллельно Уралу, не позволили ему распространиться далеко на запад. В указанных пределах и протекали последние этапы палеозойской эры, составляющие пермский период.

Жизнь пермского моря, этого прямого наследника морей силурийского, девонского и каменноугольного, была, в сущности говоря, непрерывной агонией. Не опираясь уже на уральскую геосинклиналь, как бы предоставленное только своим собственным силам, оно оказалось всецело во власти надвигавшихся на него со всех сторон сухих континентальных пространств. Лишь временно расширяясь, оно в общем неуклонно высыхало, и полное исчезновение его отмечает конец палеозоя.

Свита пермских слоев может быть разделена на 5 ярусов. Рассмотрим эти ярусы снизу вверх.

1. Артинский ярус состоит из конгломератов и песчаников прибрежного характера. Фауна этого яруса отличается смешением каменноугольных и пермских форм, почему часто употребляют и другое название яруса — «пермокарбон».

2. Кунгурский ярус слагается из мертелей с прослойками гипса и соли. Фауна бедная, явно угнетенная.

3. Уфимский ярус — носит характер континентальных отложений (конгломераты, пески, глины, прослойки гипса, медные РУДЫ). .

4. Казанский ярус — морские отложения, песчаные вдоль западного склона Урала, известковые в Поволжье и далее к западу.

5. Татарский ярус— сложная серия глин и мертелей, тонкополосатых, окрашенных в разные цвета — красный, фиолетовый, зеленый («пестрые мергеля»).

Совершенно очевидно, что здесь перед нами запись при помощи тех или других пород колебаний морского дна: углубление сопровождалось отложе-

нием известняков (ярусы 2 и 4), а повышение дна приводило к превращению страны в сушу, на которой шло отложение континентальных продуктов выветривания (ярусы 3 и 5).

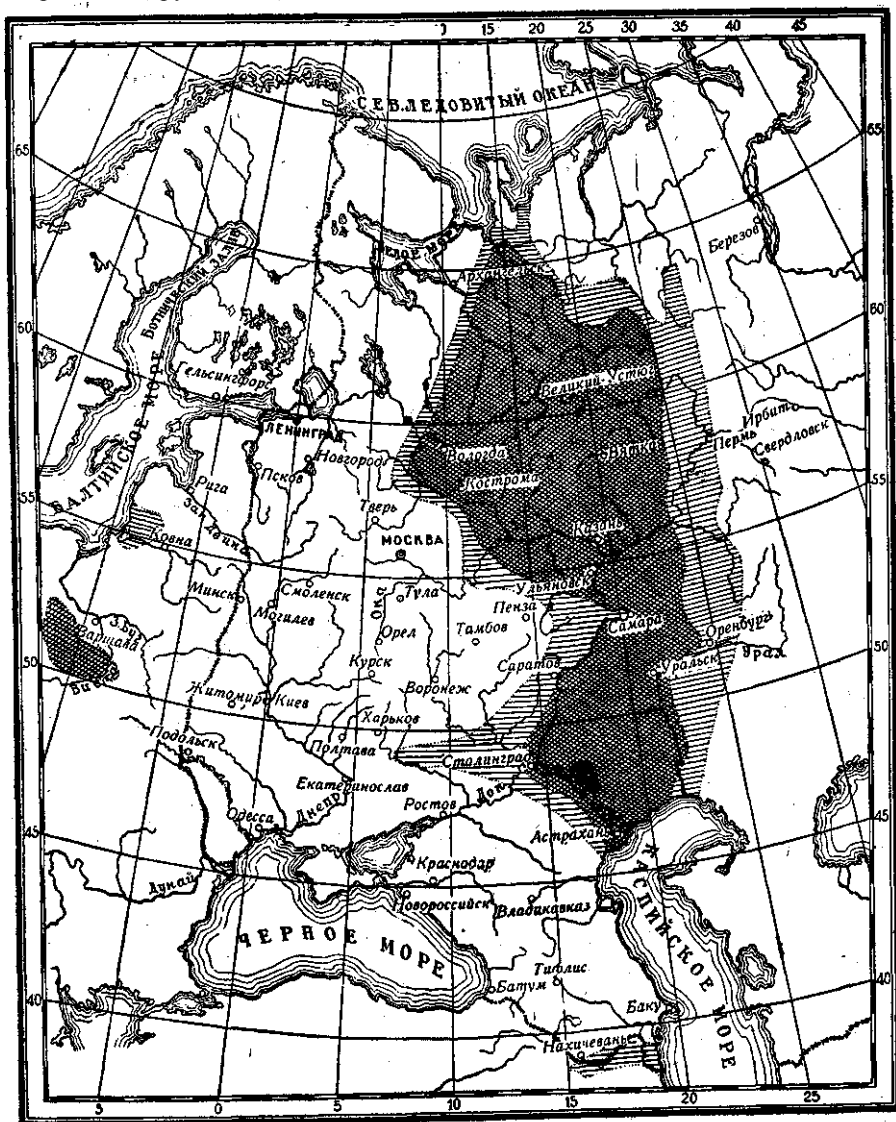

Рис. 132. Карта пермского моря в СССР.

Вся область распространения пермских осадков в СССР представлена на рис. 132, но, конечно, в течение пермского периода море не раз меняло свои

очертания и размеры. На рис. 133 представлен разрез, проведенный с запада на восток через всю область пермских бассейнов.

Органический мир пермского моря был много беднее каменноугольного, что вполне понятно ввиду замкнутого характера пермских бассейнов. Наиболее характерными формами являются аммоноидеи, но и их развитие отличалось сильными перерывами.

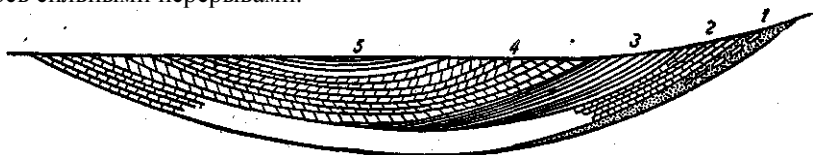

Рис. 133. Разрез через область пермских слоев в СССР. (По Борисяку.)

Высыхающие пермские бассейны оставили после себя один интересный и важный для нас в практическом отношении памятник — залежи каменной соли (и гипса). По берегам морей происходили явления, которые теперь можно наблюдать на берегах Каспия: здесь образовывались мелководные заливы, они отшнуровывались от моря песчаными косами; в них, благодаря сухому климату соседних материков, шло интенсивное испарение, и концентрировались морские соли; заливы превращались в соленые озера, а затем осадившиеся в них соли погребались под континентальными отложениями. Таково происхождение, например, знаменитой залежи соли в Илецке, и не удивительно, что именно на площади пермских морей расположены те пункты, в современных названиях которых звучит слово «соль» — Соликамск, Сольвычегодск, Усолье, К тому же времени относится образование залежей соли в Донецком бассейне (у г. Артемовска): и донецкая впадина в пермский период испытала высыхание. Одним словом, каменная соль столь же характерна для пермского периода, как каменный уголь для карбона. Оба эти вещества выразили общую сумму, царствовавших в эти периоды географических условий.

Конечно, сухой климат пермского периода не благоприятствовал образованию каменного угля, несмотря на то, что вулканические извержения в это время были интенсивнее, чем в карбон, и, следовательно, доставляли в атмосферу даже большее, чем в карбон, количество углекислоты. Нам известны из пермских отложений разных мест целые леса окаменевших деревьев, но они окремнели, а не превратились в уголь: для последнего процесса не было тогда подходящих условий. И тем не менее мы знаем в природе другой способ отложения углерода в земной коре. Это — образование нефти.

Уже давно было обращено внимание на несомненную связь выходов нефти с месторождениями соли. Так, во многих пунктах земли наблюдается тесное соседство залежей соли и асфальта, который, как известно, является продуктом окисления нефти. Связь эта, однако, долго оставалась совершенно неясной, так как в науке была исключительно принята теория происхождения нефти Менделеева. По этой теории нефть является продуктом взаимодейст-

вия железного ядра земного шара (барисферы) и притекающей к нему сверху воды. Ядро земли состоит из углеродистого железа, и, когда вода по вулканическим трещинам проникает к нему, она разлагается и соединяется с углеродистым железом так, что кислород воды с железом образует окислы железа, а водород с углеродом дают углеводороды; последние затем под влиянием высокой температуры и давления подвергаются Полимеризации и образуют нефть. В последнее время, однако, теория эта встретила серьезные возражения, особенно в геологической части своей, допуская совершенно невозможное проникновение воды в самые недра земли. Поэтому многие геологи обратились к органической теории нефти, высказанной Энглером еще в 1888 г. Энглер подвергал жиры и вообще животные остатки действию высокой температуры при повышенном давлении и при этом получал различные углеводороды. Он высказал поэтому мнение, что и в природе могло происходить подобное, же разложение животных остатков. Теория эта была подвергнута проверке и разработке и в настоящее время прочно обоснована. Таким образом нефть можно считать продуктом разложения животных организмов в той же мере, как каменный уголь — растительных. Нефть с этой точки зрения — образование, аналогичное углю. Правда, нефть находится лишь в немногочисленных пунктах. Для ее возникновения необходима массовая гибель животных, трупы которых затем, прикрытые осадками, должны подвергнуться нагреванию и давлению. Но в- этом отношении высыхающие морские бассейны представляют очень подходящую обстановку. Было указано на пример массовой гибели морских животных, которая постоянно происходит в Кара-Бугаз-ском заливе. Несомненно, что и в области пермских бассейнов подобные явления были широко распространены. Вот чем можно объяснить богатство пермской системы нефтью и асфальтом.

Трудно, конечно, точнее определить тот именно ярус системы, когда происходило образование нефти, так как нефть, как тело жидкое, способна перемещаться из одного горизонта в другой. По Ферсману, наиболее подходящим моментом образования нефти следует считать время отложения уфимского яруса.

Наконец, необходимо отметить, что пермские отложения очень богаты медными рудами, Самойлов указал на связь этих медных соединений с физиологическими особенностями пермских морских организмов, замещавших в своей крови железо другим металлом — медью. Интересно, что и в других странах пермские отложения богаты и солью и медью (Германия.)

Перейдем теперь к пермским отложениям Западной Европы. Особенно типично развиты они в Германии, и давно уже геологам были известны здесь 2 отдела пермской системы — «мертвый красный лежень» (нижний) и «цехштейн» (верхний). Между ними залегает так называемый «медистый сланец», энергично разрабатываемый. Мертвый красный лежень состоит из красных песчаников и глин континентального происхождения, с остатками растений и наземных позвоночных. Цехштейн представляет морские известняки, прикрытые глинами с гипсом и солью. В этих слоях лежат знаменитые Стасс-

фуртские залежи каменной соли. Таким образом только в верхне-пермскую эпоху Европа испытала трансгрессию моря; в первую же половину этого периода она находилась во власти сухого континентального климата; отложения пустынь того же времени в Англии носят название «нового красного песчаника». Подобно девону, и пермский период отличался широким распространением континентов и сухого климата. Только в южной Европе простиралось широкое, средиземное море — Тетис, фауна которого, сходная с артинской фауной Урала, совершенно незаметно сменила швагериновую фауну карбона. Сравнивая отложения западной Европы и Урала, можно увидеть полное соответствие казанского яруса цехштейну Европы, а поэтому соотношения пермских слоев можно изобразить в следующей таблице (см. табл.).

Отделы	Урал	Зап. Европа	Донбасс
Верхний	Татарский ярус («Пестрые мергеля») Казанский ярус	Соленосная толща ЦехштеКн -Медистый сланец	
Средний	Уфимский ярус	Мертвый красный лезень	Красная соленосная глина
Нижний	Кунгурский ярус артинский ярус (Пермокарбон)		Доломиты

Крайне интересные события происходят в пермский период на южном материке Гондваны. Здесь пермские отложения носят несомненные следы грандиозного оледенения. Типичные морены можно видеть всюду в тех странах, которые являются обломками Гондваны. Получается возможность говорить о верми как о великом ледниковом периоде палеозойской эры. Конечно, пермское оледенение Гондваны изучено много хуже, чем новейшее оледенение Европы, однако, важные последствия пермского оледенения для всего органического мира вполне ясны¹. Мы отмечали выше полное однообразие каменноугольной флоры тайнобрачных на земле. Однако уже во вторую половину карбона и еще более в Пермскую эпоху это однообразие нарушается. На Гондване развивается своеобразная флора, резко отличная от флоры северного полушария. Ей дают название флоры глоссоптерис по имени одного из наиболее характерных папоротников (рис. 134).

¹ Причины пермского оледенения точно не установлены: возможно, что оледенение Гондваны явилось результатом предшествующей работы горообразующих сил и, следовательно, поднятия горных массивов, на которых стала происходить интенсивная конденсация влаги. Другие геологи считают возможным допустить перемещение в течение геологической истории земной оси и полюсов. Оледенение Гондваны становится совершенно понятным даже при небольшом смещении южного полюса в область современного Индийского океана.

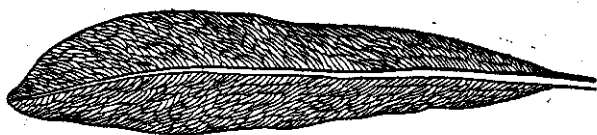

Рис. 134. Папоротник глоссоптерис.

Бедная и однообразная, явно несущая следы угнетающего действия низких температур, она сменяет богатую формацию лепидодендронов и каламитов. Позже она проникает и на материк северного полушария, и остатки ее найдены даже у нас в верхне-пермских отложениях. Эта гондванская флора знаменует собой перелом в процессе непрерывного развития от флоры палеозойской к флоре мезозойской: как позже великое оледенение сев. полушария, так теперь ледниковый пермский период нарушил резко равновесие в органическом мире. По составу флоры нижняя пермь значительно отличается от верхней. Флора нижней является прямым продолжением флоры карбона, со второй половины перми появляются уже хвойные, которым предстоит стать преобладающими растительными формами мезозоя. Если основываться на смене растительности, то границу между палеозоем и мезозоем следовало бы проводить именно по середине пермского периода. Что именно формация хвойных открыла собою мезозой, вполне понятно, так как хвойная растительность прекрасно приспособлена именно к сухому климату.

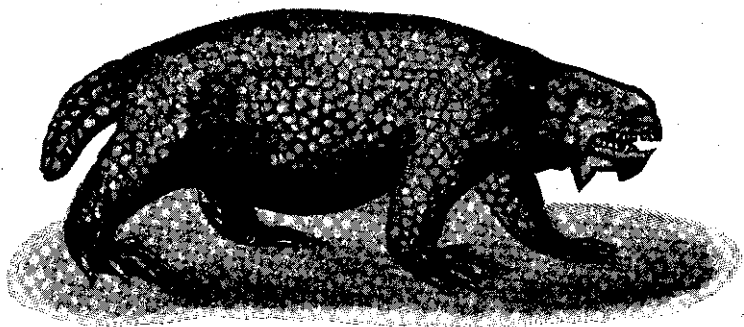

Рис. 135. Парейзавр.

Было бы странно, если бы мир позвоночных остался чужд изменениям климата на границе карбона и перми. Смена влажного климата сухим вызвала расцвет новой группы — рептилий, или пресмыкающихся. Правда, первые намеки на их появление видны еще в карбоне, но влажный климат этой эпохи более благоприятствовал амфибиям, чем им. В противоположность амфибиям, рептилии даже в личиночном состоянии не дышат жабрами и никогда не

откладывают яиц своих в воду. Это уже вполне сухопутные животные, порвавшие всякую связь с водой и могущие жить даже в пустынях. Такая-то организация и нужна была сухому пермскому периоду.

На Гондване и других пермских материках появляется новая фауна и в короткое время дает весьма богатый и разнообразный комплекс форм. Пермские рептилии принадлежат, конечно, к наиболее примитивным группам. В их организации есть черты, сближающие их с стегоцефалами и в то же время среди них есть формы высоко специализированные. Некоторые рептилии предвосхищают уже признаки млекопитающих настолько, что, когда скелеты их впервые были найдены, в них усмотрели именно млекопитающих. Не подлежит сомнению, что <где-то около этих форм и берут свое начало млекопитающие.

Рис. 136. Иностранцевия.

Из пермских рептилий наиболее интересны массивные неуклюжие парейзавры (рис. 135), с широким и плоским черепом, достигавшие 3 м длины. Наряду с этими травоядными животными существовала группа более легких и подвижных хищников, куда относится, например, иностранцевия (рис. 136). Подобных рептилий из-за их сходство с млекопитающими называли тероморфами (звероподобными). У циногнаты зубы, как у млекопитающего, были уже дифференцированы на резцы, клыки и коренные, хотя и имели простые корни, как это свойственно рептилиям (рис. 137).

Мезозойская эра.

Общая характеристика мезозоя. Триасовая система. Всякий, кто наблюдает у нас налегание мезозойских пластов на пермские, не может не заметить очень резкого различия между ископаемыми фаунами этих отложений. На первый взгляд нет ничего общего между ними, и невольно начинает

казаться, что этот резкий перерыв был следствием какой-то катастрофы, уничтожившей старый мир и на развалинах его водворившей мир новый. Непонятно, откуда взялись массы тех, всем известных, «чортовых пальцев», которые лежат в черных глинах, непосредственно налегающих на пестроцветные соленосные породы пермского возраста.

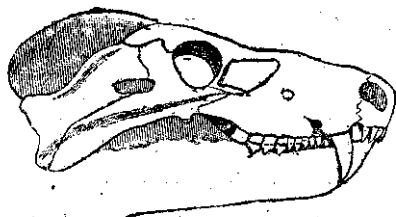

Рис. 137. Циногнат.

Такие же резкие перерывы можно часто наблюдать в толщах геологических напластований и в Западной Европе. Геологическая история Европы шла прерывистым темпом: занимая берега некогда бывшей на севере Атлантиды и омываемая с юга океаном Тетис, Европа то покрывалась мощными толщами континентальных отложений, то погребалась под уровнем моря, налагавшего поверх этих отложений свои осадки. В результате этой непрерывной борьбы суши и моря земная кора в Европе оказалась сложенной из пород различного состава и происхождения» Это обстоятельство сослужило хорошую службу геологии: оно позволило геологам разбить всю кору на ряд этажей и создать геологическую хронологию — эту основу истории вообще, хотя оно же внушило геологам на первых порах и ошибочную мысль о мировых катастрофах, прерывавших несколько раз спокойное течение земной истории. Как-никак, именно в Европе создалась геология как наука, и схемы, выработанные здесь, были потом уже распространены и на другие страны. Если бы от кембрия до наших дней в Европе непрерывно находилось глубокое море, здесь накопилась бы колоссальная, но однообразная толща осадка, в котором мы не могли бы усмотреть никакого ритма мирового времени.

Но, установив, на основании резких перерывов смену систем, смену периодов, геологи должны были затем обратить внимание именно на такие места, где подобных перерывов не было и где единство жизни никогда не нарушалось. Только найдя переходные слои между системами, они в разрозненных событиях геологической истории могли действительно усмотреть единство действия.

Как ни резок переход от палеозоя к мезозою в Европе, в других местах он совершенно незаметен. Этих мест следует искать в области океана Тетис, этой глубокой геосинклинали, неизменно существовавшей в течение галео-

зоя и мезозоя. В Гималаях мы можем встретить пласты, заключающие в себе полный ряд форм, ведущих от пермской фауны к мезозойской.

Мезозойская эра делится на 3 периода: триасовый, юрский и меловой. В глубине триасового Тетиса совершилось превращение пермских форм в мезозойские. И когда затем триасовое море южной Европы стало надвигаться на Атлантиду, оно принесло с собою в лагуны, врезывавшиеся в толщи нового красного песчаника, свою фауну, новую для Европы,

Вся триасовая эпоха в Европе прошла под знаком борьбы океана Тетис с материком Атлантидой. Триасовые отложения, особенно типично развитые в Германии, распадаются здесь на три отдела. Нижний, называемый «пестрым песчаником», состоит из конгломератов, песчаников и сланцев пестрых цветов, и представляет собою континентальные отложения. Они образовались путем разрушения горных цепей герцинского возраста в условиях сухого климата. Средний отдел называется «раковинным известняком». Он состоит из морских известняков и мергелей (с цератитами): ясно, что триасовый океан начал свою трансгрессию на материк и проник в его низменные места. Однако возникшее при этом в Германии море носит печать небольшого полузамкнутого бассейна, где развивалась фауна; бедная видами, хотя и, богатая особями. Верхний отдел получил название «кейпера»: его составляют снова континентальные и лагунные осадки, пестрые глины и песчаники с гипсом, солью и остатками рептилий. Море снова отступило. Такова история Германии в триас. В других местах море не имело даже временного успеха в борьбе с сушей. Так, в Англии в течение всего периода непрерывно продолжали накапливаться лишь «новые красные песчаники», и только в самом конце триаса надвинулось на них с юга триасовое море, отметив своими слоями (ретический ярус) конец триаса.

Нечто иное происходило южной Европе в области Тетиса. Тут простиралось настоящее коралловое море, всюду воздвигались рифы, известняки которых теперь обуславливают красоту ландшафтов Известковых Альп и доломитов Тироля.

В восточной части Европы картина Триаса напоминает то же, что и на западе: временно и в отдельных пунктах вдаются в континентальный массив заливы океана Тетис (так возникают триасовые слои Крыма, Кавказа); один залив проникает в нашу прикаспийскую область, и до сих пор можно видеть остатки нижнего триаса на одинокой горе Богдо у соленого озера Баскунчак. А к северу отсюда в бассейне Волги и Камы продолжали, как и в пермский период, отлагаться пестрые мергеля, как бы подчеркивая все сходство географических условий этой местности и Англии эпохи нового «красного песчаника» (см. рис. 132).

Великий североевропейский материк стоял - еще неизбежно и на крайнем западе и на крайнем востоке. Только в центральной части его делались со стороны триасового моря попытки его покорения (море раковинного известняка).

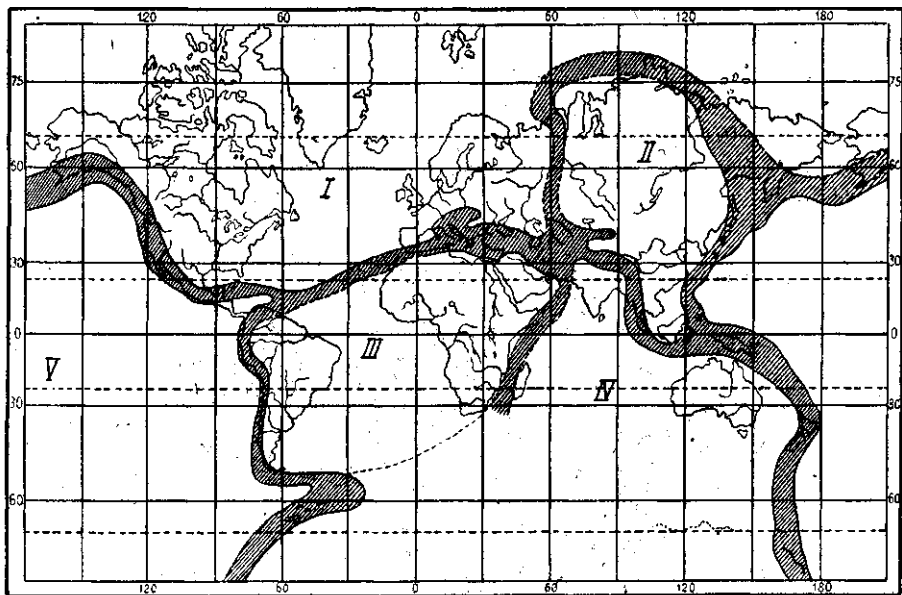

Рис. 138. Геосинклинали и континентальные массивы мезозойской эры.

Триасовый период представляется нам последним этапом того порядка вещей, который неуклонно существовал в Европе в течение почти всего палеозоя. Начиная со второй половины силура и до триаса включительно, перед нами проходит один большой цикл геологических событий. Когда пробудившиеся в верхнем силуре тектонические силы замкнули в девонском периоде каледонскую геосинклиналь, образовался сплошной материк С. Атлантиды; площадь его расширилась в эпоху герцинеких складок; поднявшиеся в карбон и пермь мощные цепи еще более укрепили его положение; слишком обширный, чтобы подчиниться влиянию моря, он неизменно и в девон и в пермь сохранял характер пустыни, и в толще «древнего» и «нового» красного песчаника каменноугольные слои выглядят лишь незначительной прослойкой, свидетельствующей о том, что земноводные условия были здесь лишь кратковременным эпизодом. То же продолжалось и в триас. Море «раковинного известняка» лишь повторило попытку моря цехштейна проникнуть в этот континентальный массив. Однако обстоятельства постепенно изменялись не в пользу материка, Герцинские горы разрушались, и вместе с тем материк лишался тех барьеров, которые защищали его от натиска моря. На выровненную денудацией сушу океан мог уже начать наступление широким фронтом. Вместе с тем закончился один цикл, и начался другой.

Наступил юрский период. Море длинными языками вдавлялся в материк и расчленяет его на архипелаг островов. Незначительные колебания земной

коры постоянно меняют очертания бассейнов, и эта неустойчивость в отношениях суши и моря чувствуется во весь юрский и меловой период. Только во вторую половину меловой эпохи море решительно берет перевес, и меловая трансгрессия является как бы повторением трансгрессии верхнего силура.

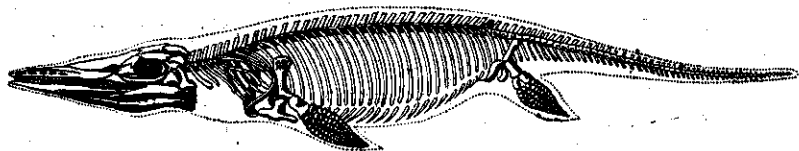

Рис. 139. Икhtiозавр.

Рис. 140. Бронтозавр.

Хотя над красными песчаниками наслаивается целая свита морских осадков, но вообще эти осадки указывают скорее на незначительную глубину моря. Глубоководные осадки можно встретить лишь в геосинклиналях, но и геосинклинали теперь уже не те, что были раньше. Очень широкие когда-то в палеозой, они превратились теперь в узкие ленты и в виде глубоких рвов разделяют разросшиеся континентальные массивы (рис. 138). Такими они будут в течение всего мезозоя, пока окончательно не исчезнут в третичную эпоху.

Мягкий, влажный и равномерный климат воцарился на земле, представлявшей тесное переплетение отдельных небольших материков и рукавов моря. Этот климат был крайне благоприятен для рептилий, и в мезозойскую эру они испытали беспрецедентное развитие. Вода, суша и воздух одинаково кишели их представителями. В морях плавали дельфинообразные ихтиозавры (рыбоящеры— рис. 139), достигавшие 20 м в длину, и плезиозавры, имевшие очень маленькую голову на длинной лебединой шее. Сушей владели, гро-

мадные динозавры, и самое пылкое воображение не может представить себе разнообразия этих чисто сказочных «драконов». Среди них были и неуклюжие, травоядные бронтозавры (рис. 140), и более легкие и стройные хищники мегалозавры (рис. 144). Тот же тип имели колоссальные диплодоки или атлантозавры, достигавшие 35 м длины. С т е г о з а в р (рис. 141), носивший на спине гребень из Пкостных пластинок, обладал при громадной величине очень маленьким черепом; зато в области крестца спинно-мозговой канал образовывал расширение, выполненное мозговой тканью, и эта местная «электрическая подстанция» организма превышала по объему в 20 раз головной мозг. Несколько другой тип организации имели ящеры, у которых велика была разница в длине передних и задних конечностей. Сюда относятся и крупный игуанодон (рис. 142) и более мелкие, но стройные животные, которых называют «кенгуровоподобными ящерами». Их скелет имел некоторые черты сходства со скелетом птиц. Были, наконец, рептилии, по общему облику своему напоминавшие млекопитающих. Таков, например, трицератопс (рис. 143). В воздухе летали «крылатые ящеры» (рис. 145) самой разнообразной величины: одни были ростом с голубя, тогда как у птеранодона размах крыльев достигал 8 м. Крыло их напоминало отчасти крыло летучих мышей: это была складка кожи, натянутая между телом и крайним пальцем передней конечности, чрезвычайно удлинненным (рис. 146). Обладая, как и птицы, прочной грудной клеткой и пневматическими длинными костями, они имели в то же время длинный хвост и зубы.

• Рис. 141. Стегозавр.

Рис. 142. Игуанодон.

Рис. 143. Трицератопс.

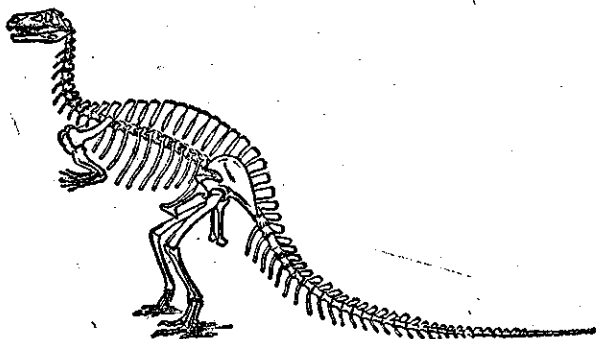

Рис. 144. Скелет мегалозавра.

Из обитателей моря мезозойской эры мы уже упоминали аммонитов. В триасе к ним присоединилась еще одна группа головоногих моллюсков — белемниты. Всем известны их остатки (чортовы пальцы) в виде известковых конусов с углублением на одном конце (рис. 147). Редкие находки полных остатков их позволили восстановить организацию этих животных (рис. 148). Подобно аммонитам мягкое тело белемнита помещалось первоначально в ряде раковин, имевших форму наперстка; с возрастом, однако, тело его перерастало раковину и как бы обволакивало ее снаружи: раковина из наружной становилась внутренней; вокруг ее нарастал в виде чехла известковый конус, выдвигавшийся из задней части тела. Таким образом -внутренние камеры (фрагмокон) входили как пробка в» углубление (альвеолу) конуса (рис. 149). Наряду с аммонитами белемниты являются руководящими формами для мезозойских отложений¹.

Рис. 145. Летаящие ящеры.

К концу мелового периода вся богатая фауна рептилий вымирает, и на смену ей приходит новый органический мир — мир млекопитающих и птиц. Скучные остатки первичных млекопитающих известны с триасовой эпохи. По всей вероятности, млекопитающие

¹ Совершенно неправильно называют конусы белемнитов «окаменелостями»: они не «окаменели» после смерти животного, они и при жизни его были такими «окаменелыми». Вот почему эти конусы всегда состоят из известки, между тем как фрагмоконы, как и камеры, аммонитов, могли заполняться всевозможными минеральными веществами — песчаником, фосфоритом, коячеданом.

произошли еще в конце пермской эпохи от одной из групп рептилий, близких к тероморфам. Следовательно, они уже существовали в течение всего мезозоя. По рстаткам их скелетов и зубов можно заключить, что они принадлежали к низшим отрядам— сумчатым и насекомоядным. В органическом мире мезозоя они, однако, играли весьма скромную роль. В тогдашних условиях их органиация не представляла никаких особых преимуществ, и господство принадлежало всецело рептилиям. Только с изменением внешних условий это господство оказалось нарушенным в пользу млекопитающих. Надо помнить, что рептилии принадлежат к животным холоднокровным, т. е. не обладают постоянной температурой тела. В условиях мягкого и однообразного климата мезозоя» рептилии развивались прекрасно. Но с меловой эпохи климат начинает изменяться: наступает некоторое охлаждение, в кольцах древесины деревьев ясно сказываются сезонные колебания температуры, дифференцируются климатические поясы на земле, и вообще обостряются климатические контрасты. Все это губительно сказывается на рептилиях, всецело зависящих от внешнего тепла и неприспособленных к перенесению крайностей климата.

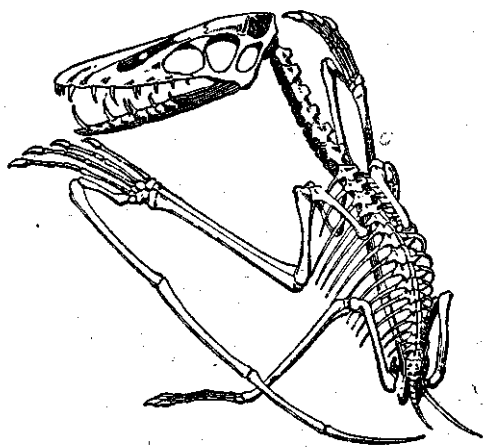

Рис. 146. Скелет крылатого ящера.

Наоборот, млекопитающие и птицы, зимой и летом, на севере и на юге сохраняющие температуру тела неизменной, оказываются менее зависимыми от неблагоприятных условий. Естественно, что в борьбе за жизнь они начинают постепенно выходить победителями.

Вообще вопрос о вымирании животных принадлежит к числу труднейших вопросов геологии. В то время как одни ученые ищут причин вымирания в изменениях климата, другие склонны искать причины смены

фаун в прямой борьбе за существование между различными группами животных: указывают, например, что как в свое время развитие головоногих положило конец существованию трилобитов, так в конце мезозоя появление костистых рыб привело в короткое время к исчезновению самих головоногих. Здесь уже вопрос переносится на почву соревнования организмов между собою и, следовательно, сравнительной высоты двух конкурирующих организаций. Причиной вымирания одной группы могут оказаться какие-нибудь внутренние недочеты в ее организации. К числу таких недочетов относится крайняя и односторонняя специализация: сильно специализированная форма

при малейшем изменении внешних условий может очутиться на краю гибели. С другой стороны, и недостаточная специализация может быть опасна для организма. Хороший пример этому мы видим в истории птиц.

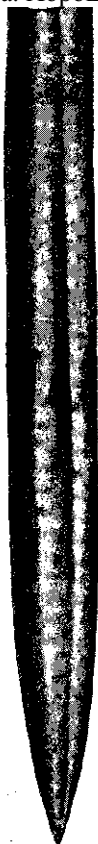

Рис. 147. Белемнит (*Belemnites absolutus*).

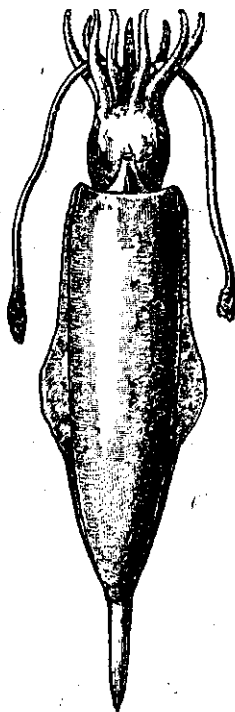

Рис. 148. Белемнит. Общий вид животного.

Рис. 149. Твердые части тела белемнита.

Птицы произошли несомненно от рептилий, но только не тех летающих рептилий, о которых мы упоминали. С меловой эпохи нам известны уже скелеты настоящих птиц, обладающих, впрочем, еще зубами. В самом же конце юрского периода жил организм, который обычно рассматривается как , форма, переходная между рептилиями и птицами: это был археоптерикс (рис. 150), Покрытый перьями, снабженный крыльями, он в то же время имел зубы, длинный хвост и функционировавшие в виде когтей пальцы передних конечностей, утраченные впоследствии птицами. Археоптерикс просуществовал очень недолго и вымер, и почти не приходится сомневаться, что не излишняя, а, наоборот, недостаточная специализация вычеркнула его из списка

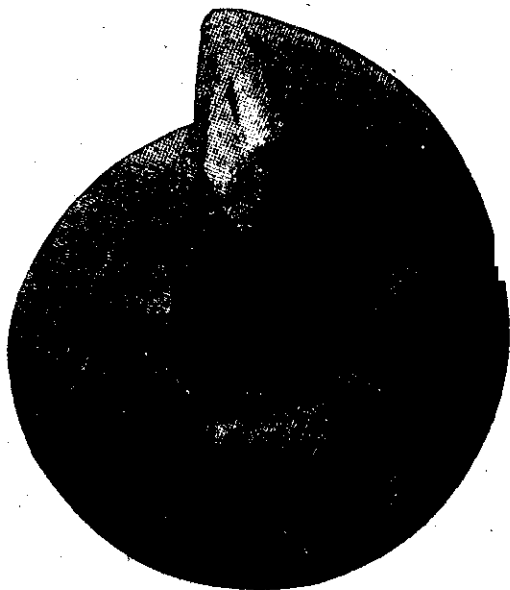

Рис. 151. *Craspedites nodiger*. (В. аквилон.)

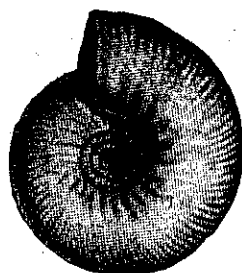

Рис. 152. *Craspedites subditus*.
(Н. аквилон.)

С изменением ландшафтов земли изменялась и растительность. Именно это и произошло во вторую половину мелового периода, когда вместо хвойных выступили высшие покрытосемянные.

Юрская и меловая системы. Ни одна система слоев не изучена с такой полнотой, как юрская. Это объясняется тем, что система эта представлена в Европе слоями, очень разнообразными и быстро сменяющимися друг друга, и тем, что руководящие формы юры — аммониты — принадлежат, как мы уже говорили, к организмам, быстро эволюционировавшим и дававшим массу разнообразных видов. Все это можно повторить в значительной степени и про меловую систему.

На западе принято деление юрской системы на три отдела: нижний — лейас, средний — доггер и верхний — мальм¹. Отделы разделяются далее на ярусы, причем общепринятым является деление лейаса на 3 яруса, доггера на 2 и мальма на 6. Приведем названия последних ярусов сверху вниз: 6) аквилонский, 5) портландский, 4) киммериджский, 3) еекванский, 2) оксфордский и 1) келловейский. Ярусы в свою очередь разделяются еще на отделы и зоны, причем каждая зона характеризуется тем или другим аммонитом. На помещенных здесь рисунках изображены два аквилонских аммонита (*Craspedites nodiger* — рис. 151 — верхняя зона аквилона, *Craspedites subditus* — рис. 152 — нижняя зона), два портландских (*Virgatites virgatus* — рис. 153 и *Perisphinctes dorsoplanus* — рис. 154), один киммериджский (*Cardioceras alter-*

¹ Доггер и мальм в прежнее время назывались вместе оолитовой формацией.

nans — рис. 155), один секванский (*Aspidoceras acanthicum* — рис. 156), один оксфордский (*Cardioceras coratum* — рис. 157) и три келловейских (*Quenstedticeras Lamberti* — рис. 158 — верхняя зона, *Comsmoceras Iason* — рис. 159 — средняя, и *Cadoceras Elatmae* — рис. 160 — нижняя. Вместе с аммонитами изменяются от яруса к ярусу и белемниту.

Мы уже говорили выше о том, какое значение имеет изучение аммонитов для вопросов общей биологии, для теории эволюции.

Не, меньшее значение имеют аммониты и в деле решения чисто геологических задач: умея различать по аммонитам один ярус от другого, мы получаем возможность следить за изменениями очертаний морских бассейнов в течение юрского периода. Впрочем, обе задачи — и палеонтологическая (изучение аммонитов самих по себе) и геологическая (изучение пластов, в которых те или другие аммониты находятся) — тесно связаны друг с другом: ярусы можно точно разграничить, если будут точно изучены формы аммонитов, а, с другой стороны, эволюцию аммонитов можно только тогда правильно по-, нять, -когда вся толща осадков детально расчленена на последовательные горизонты. В прежнее время геологи различали только самые основные типы аммонитов; соответственно этому и в юрской толще усматривали

лишь наиболее крупные отделы. В дальнейшем наука пошла по пути более и более детальной разработки и палеонтологического и геологического материала.

Так как основы изучения юрских отложений были заложены на Западе, то, естественно, что первое время русские геологи стремились прежде всего приравнять наши юрские отложения тем ярусам, которые были уже установлены в Западной Европе. Но на первых порах эта параллелизация была проведена лишь в самых грубых чертах: в середине XIX в. всю русскую юру относили к Оксфорду и к келловею. Только начиная с 80-х годов изучение юры приняло более углубленный характер, и юрская толща у нас стала расчленяться более детально. Сперва, однак, это расчленение коснулось лишь более низких этажей юрской толщи, для всех же

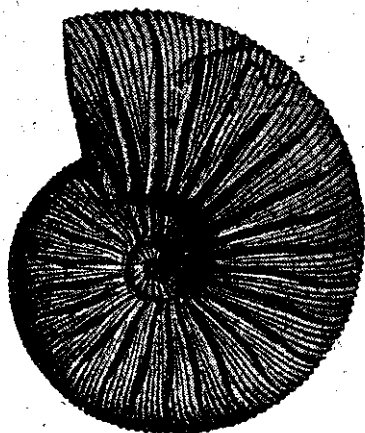

Рис. 153. *Virgatites virgatus*. (В. портланд.)

Рис. 154. *Perisphinctes dorsoplanus*. (Н. портланд.)

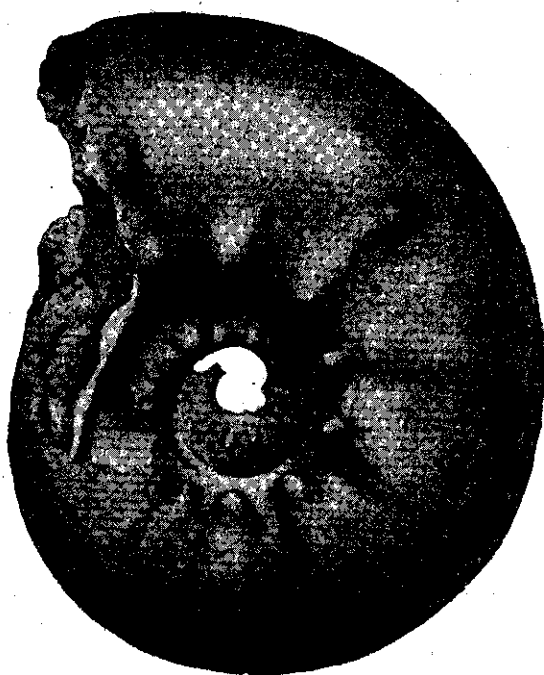

Рис. 155. *Aspidoceras acanthicum*. (Киммеридж.)

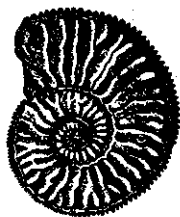

Рис. 156. *Cardioceras alternans*.
(Секван.)

более высоких напластований, лежащих выше Оксфорда, Никитин предложил название «волжского» яруса. По воззрениям Никитина, в эпоху волжского яруса наше юрское море потеряло связь с морем западно-европейским и получило своеобразную фауну, резко отличную от верхне-юрской фауны Англии, Франции и Германии. Это явление было аналогично тому, что уже установлено было для Южной Европы: в Южной Европе, в силу особенностей ее климата, отлагались осадки с фауной иного типа, чем на севере, и этим верхне-юрским слоям

средиземноморской области было присвоено название «титонских» слоев¹. По мысли Никитина, средиземноморскому титону и должен был соответствовать волжский ярус у нас.

¹ Слои с титонской фауной встречаются у нас в Крыму и на Кавказе.

Это мнение встретило возражение со стороны академика Павлова, который доказывал, что фауна волжского яруса не настолько отличается от соответствующей фауны Западной Европы, чтобы нужно было вводить новое название, и вполне приравнивал волжский ярус англо-французскому портланду. Но и он, впрочем, верхнюю половину волжского яруса Никитина принужден был выделить в особый ярус — аквилонский, учитывая несомненное своеобразие самых верхних юрских ископаемых у нас. Дело, конечно, заключается тут не в названиях, а в том, что, признавая идентичность волжского яруса и портланда, мы тем самым допускаем факт существования сообщения между двумя морскими бассейнами, т. е. должны построить карту юрских материков и морей иначе, чем в том случае, если допустим полную изоляцию этих бассейнов. Как видно, чисто палеонтологический спор об английских и московских аммонитах имеет самое тесное отношение к вопросу об истории лика земли. Мы приводили уже и раньше карты морей минувших периодов, но как они, спрашивается, составляются? Для этого необходимо в громадном числе пунктов изучить разрезы земной коры и детально расчленить их на ярусы и зоны, отмечать мощность слоев, их минеральный состав, и только тогда, сопоставляя все эти разрезы, можно установить ряд постепенных изменений в судьбе данного бассейна; наконец, как бы накладывая друг на друга карты морей отдельных зон и ярусов, мы можем получить общую карту какого-нибудь периода, подобную приведенным выше.

Приведем один пример. В портландских отложениях под Москвой различают 2 зоны, из которых нижняя характеризуется аммонитом, изображенным на рис. 154. Если бы мы собрали все сведения о том, где еще у нас обнажаются слои с этим аммонитом (и его обычными спутниками), то выяснилось бы следующее:

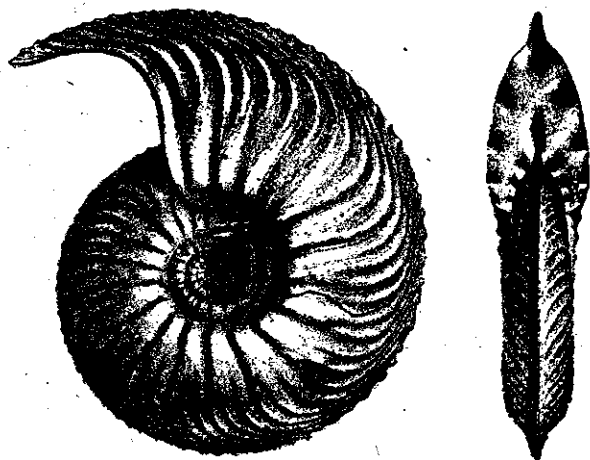

Рис. 157. *Cardioceras cordatum*. (Оксфорд.)

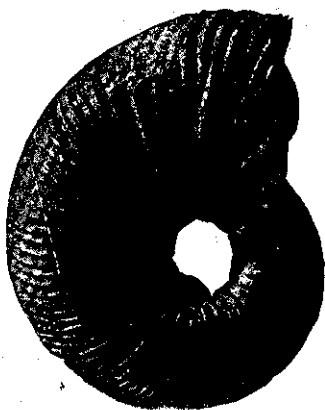

Рис. 158. *Quenstedticeras Lamberti*.
(В. келловей.)

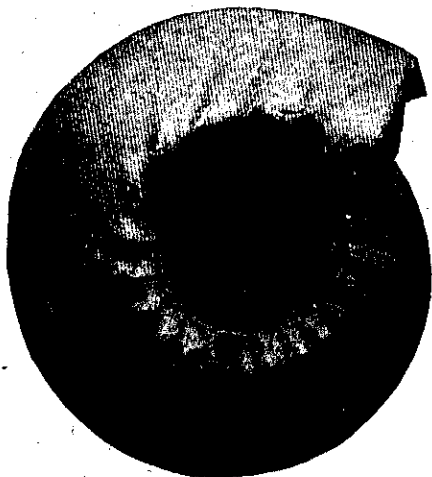

Рис. 160. *Cadoceras Elatmae*. (Н. келловей.)

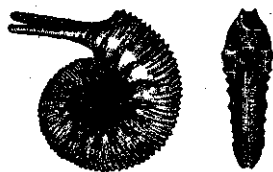

Рис. 159. *Cosmoceras Iason*. (Ср. келловей.)

интересующая-нас зона портланда
развита в Тверской, Костромской,
Вятской, Вологодской, Сев.-Двинской,
Архангельской губ., в, обл. Коми,
Нижегородской, Ульяновской,
Самарской, Оренбургской, Тульской

губ. и по р. Уралу. Не так
определенно присутствие этой
зоны во Владимирской, Яро-
славской и Рязанской губ. Нанеся
все указанные районы на карту,
мы получаем общую карту того
моря, в котором обитал наш
аммонит (рис. 161 : это море в
виде неширокого пролива
направлялось от Полярного
океана в Туркестан, образуя изгиб
в сторону подмосковного края.
Интересно, что фауна той же зоны
встречена и в Польше: возможно
поэтому, что польский бассейн
имел сообщение с подмосковным.
Тотчас же над описанным слоем в
московском портлан-- де лежат

слои уже иной зоны, характеризующейся аммонитом — виргатитом (рис. 153).
Если мы и для этой зоны выполним такое же построение, карта получится
иного вида (рис. 162). Вывод нетрудно сделать: с переходом от одной зоны к
другой море изменило свои очертания: исчезло сообщение его с Польшей,
замкнулся и пролив, шедший на север. Море превратилось в подмосковный
залив более обширного туркестанского бассейна. Ясно: 1) что все эти изме-
нения не могли не отразиться на физико-географических условиях порт-
ладского моря и 2) что они происходили, конечно, не сразу, а постепенно:
фауна моря должна была тоже изменяться.. А между тем здесь перед нами

всего два, в геологическом смысле кратковременных, эпизода из истории портландского моря в СССР.

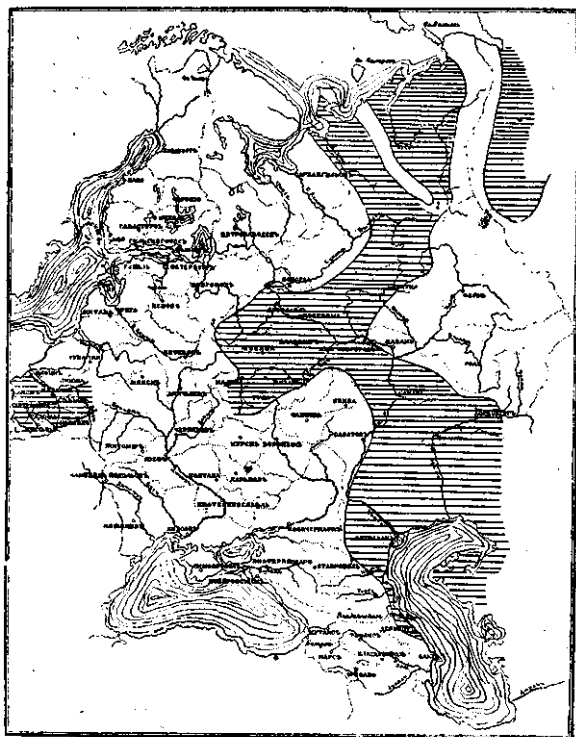

Рис. 161. Море эпохи *Perisphinctes dorsoplanus*.
(Портланд.)

На рис. 163 изображен схематический разрез (профиль) юрской толщи в подмосковном крае¹. Из него видно, что под Москвой обнажаются пласты всех верхне-юрских ярусов; недостает только нижней зоны келловей, и киммериджский ярус представлен всего лишь тонкой прослойкой конгломерата (из скатанных обломочков черных фосфоритов). Все же остальные юрские осадки представляют собою чередование глинистых и песчаных слоев (черного или серого цвета), что указывает на незначительную глубину юрского моря. Можно при этом непосредственно видеть, как изменялась глубина моря; так, ниже-портландские слои под Москвой представлены глинами; сверху глина становится более песчанистой (море мелеет); аквилон сложен уже очень рыхлыми песчаниками, которые сверху переходят в обыкновенные не

¹ На подобных профилях принято обозначать условно песчанистые слои точками, глинистые — черточками, известняки — решеткой и конгломераты — кружками.

сцементированные пески. Интересно сравнивать геологические разрезы разных местностей; та к, к востоку от Москвы киммеридж приобретает ббльшую мощность и более глубоководный характер и, например, в оренбургской юре представлен уже известняками. Это сразу открывает нам, где именно была прибрежная зона киммериджского моря и где, наоборот, была его коренная область.

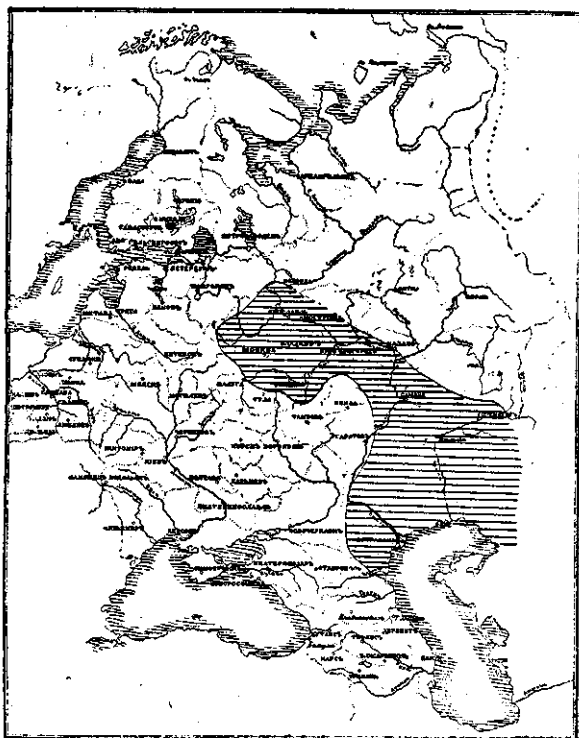

Рис. 162. Море эпохи *Virgatites virgatus*. (Портланд.)

Теперь проследим историю юрских бассейнов в СССР. Лейас встречается у нас лишь в Крыму и на Кавказе, значит — в нижнеюрскую эпоху почти вся наша страна была сушей. В эпоху средней юры происходят тектонические движения в южно-русской кристаллической полосе, и в области Донбасса образуются сбросы. Этим тотчас же пользуется юрское море и по сбросовым впадинам проникает на русскую платформу с юго-востока. Оно трансгрессирует двумя рукавами: один направляется по Украине, другой — к северу вдоль Волги. В то же время и Полярное море начинает свою трансгрес-

сию с северо-востока, из области р. Печоры¹. К келло-вейскому времени юрское море начинает надвигаться по этим двум наметившимся направлениям и с двух сторон подступает к подмосковному краю. «Следя за распространением отдельных зон келловей, — говорит Архангельский, — можно видеть, как море медленно преодолевает препятствия и распространяется все далее и далее; в области Поволжья наблюдается максимальная однородность пород, которые имеют здесь почти все время глинистый характер, тогда как в окружающих местностях царит гораздо большее разнообразие осадков и наблюдается целый ряд перерывов осадочного процесса».

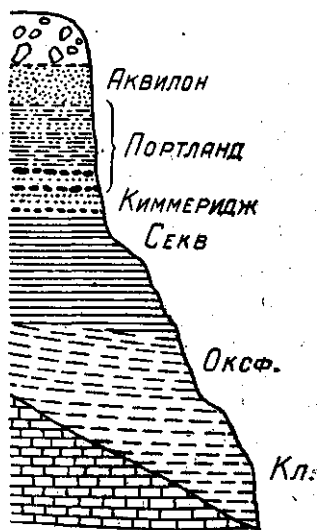

Рис. 163. Разрез юрских слоев средней части СССР.

«Ниже-келловейское море до самой Москвы, невидимому, не доходило; осадки его обнажаются к востоку, юго-востоку и югу от Москвы. В средний и верхний келловей море залило уже и подмосковный край, оставив в разных пунктах его различные, то глинистые, то песчаные, осадки, залегающие трансгрессивно на более древних породах. Это обстоятельство наглядно свидетельствует о процессе расширения юрского моря. В Оксфорд море достигло наибольшего распространения (рис; 164), и на дне его в некоторых местах стали отлагаться даже известковые породы (мергель). Секванское море занимало уже несколько меньшее пространство. С эпохи киммериджа море начинает уже сокращаться. В Поволжье оно сохраняет еще

довольно глубоководный характер, но в средней части СССР от него остается лишь тонкий слой прибрежных осадков. На переломе от киммериджа к портланду дно его даже превращается в сушу, и, когда снова надвигается море портландского века, оно разрушает и перемывает киммериджские осадки и отлагает их тонким слоем фосфоритовой гальки в основании собственных наносов. Дальнейшая история нашего юрского бассейна отличается резкими колебаниями дна и перерывами в осадочном процессе. В силу этого портландские и аквилонские слои имеют пестрый состав и в общем говорят об усыхании бассейна. К этому времени относятся, между прочим, те два эпизода из истории юрского моря, которые были уже изображены на рис. 161 и 162. Верхние зоны аквилона представлены уже сыпучими кварцевыми песками, быть может, дюнного происхождения.

¹ На р. Печоре залегают слои с фауной даже более древней чем келловейская.

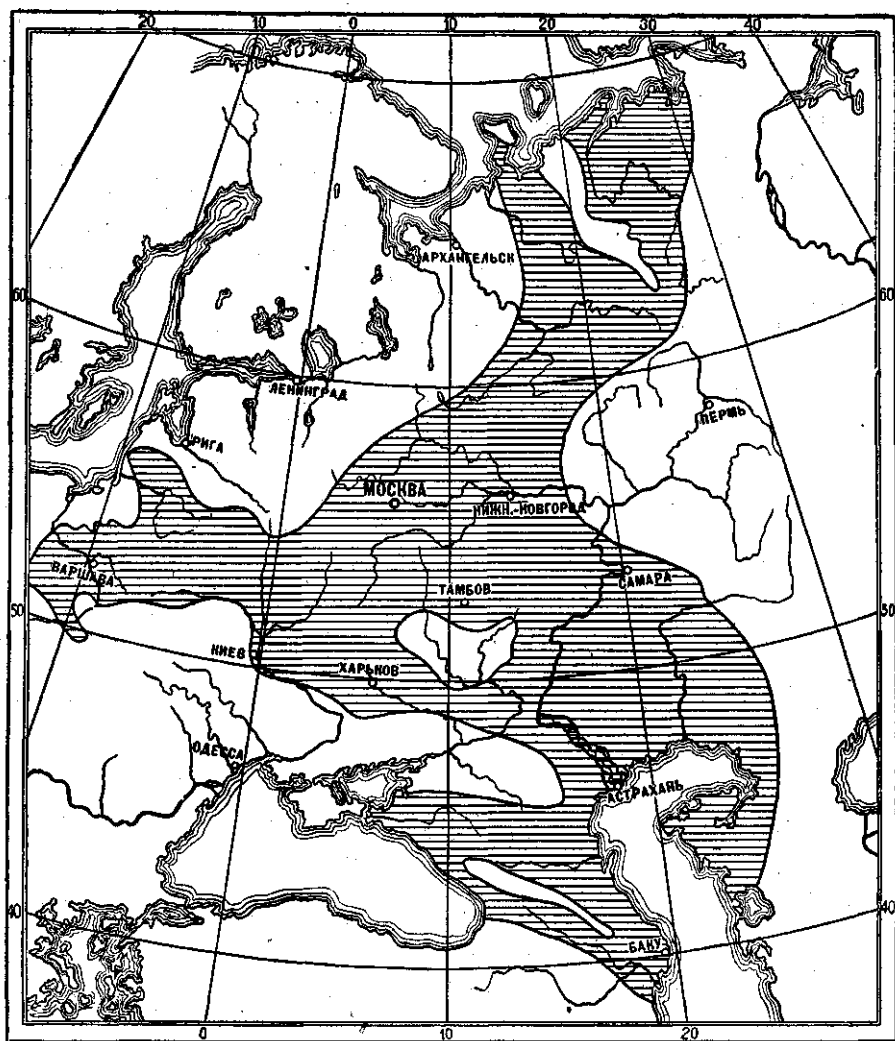

Рис. 164. Карта юрского моря в СССР. (Оксфорд.)

Когда в начале 900-х годов было предпринято у нас изучение фосфоритовых залежей (в целях эксплуатации их как удобрительных веществ), геологи подвергли пересмотру вопрос о происхождении фосфорита. До тех пор господствовало мнение, что отложения фосфорита образуются на дне морей в месте встречи холодных и теплых течений: здесь происходит массовая гибель организмов, и трупы их, содержа в себе фосфор, являются пунктом кри-

сталлизации и осаждения фосфорнокислых солей из морской воды. Тщательное изучение фосфоритовых прослоек в наших юрских отложениях заставило геологов расширить и углубить это объяснение. Для отложения фосфорита необходима массовая гибель организмов, но последняя может иметь место при всяком резком изменении физических условий в данном бассейне: опускается ли или сравнительно быстро поднимается морское дно, открываются ли или закрываются морские проливы,—все это нарушает установившееся перед тем равновесие моря и может катастрофически повлиять на судьбу его обитателей. Если так, то в наших глазах фосфоритовые прослойки становятся показателями своего рода революционных моментов геологической истории и тем самым отмечают резкие сдвиги в эволюции организмов.

А. Н. Розанов тщательно изучил 2 слоя фосфоритов, непосредственно налегающих друг на друга в самом основании подмосковного портланда. Сравнивая аммонитов того и другого слоя, он пришел к заключению, что только 4 вида аммонитов н-иж-него слоя встречаются и в верхнем, остальные же 8 или 9 исчезают совершенно при переходе к слою верхнему, зато в этом последнем появляется 8 новых видов. Таким образом фауны этих фосфоритовых слоев резко различны, и Розанов счел возможным провести именно между ними границу 2 различных зон портланда.

С изучения фосфоритов начался вообще пересмотр наших сведений об условиях образования морских осадков различных типов, и схемы, еще недавно общепринятые в геологии (например, схема смены конгломератовой, песчанистой, глинистой, известковой и кремнистой зон на дне морей), подверглись переработке. А. Е. Ферсман углубил наши представления о тех физико-химических процессах, которые должны были протекать в морском осадке с момента его отложения на дне моря и до момента его превращения в почву; эти процессы могут так сильно изменять первоначальный характер осадка, что отныне становится необходимым различать в слое образования, изначала ему присущие, от всякого рода новообразований: пласт, отложившийся на дне моря, продолжал жить своеобразной жизнью вплоть до наших дней, и его превращение в почву есть только заключительный момент длинной цепи непрерывных превращений. А. Д. Архангельский ввел новые методы исследования осадков и показал, что с помощью их геолог может изучать те события, которые происходили на дне бассейнов минувших эпох, с такою же ясностью, с какой глубоководные экспедиции изучают пучины современных океанов; в его работе о медовых отложениях Поволжья описана сложная система движений дна мелового моря, записанная в виде соответствующих изменений качества морских осадков. В геологии, таким образом, ясно определилось новое течение — геохимическое, которое до известной степени возвращает нашу геологию к проблемам «геогнозии» Вернера, когда не органические ископаемые остатки, а минеральный состав земных напластований стоял на первом месте перед геологом. Изучив типы осадков морского дна, условия их образования, т. е. то, что теперь в геологии называется «фациями»

дна, мы и самые геологические периоды начинаем изучать с геохимической точки зрения, как «формации» старых геологов.

Геологические события начала мелового периода до известной степени являются повторением того, что наша страна переживала в период юрский. Нижнемеловое море снова надвигается на СССР с двух сторон — с юго-востока и со стороны Печорского края. Эта последняя трансгрессия Полярного моря изображена на рис. 165. В следующий затем геологический момент море неширокой полосой протягивается в меридиональном направлении . вдоль Приуралья, причем с холодными водами Полярного моря проникают к нам представители северного органического мира (рис. 166). Очередное поднятие Балтийского щита и примыкающих к нему частей СССР прекращает соединение этого бассейна с Полярным морем приток северной фауны приостанавливается, и все море сокращается настолько, что в области Москвы вместо настоящих морских слоев отлагаются лишь континентальные или пресноводные пески с растениями (рис. 167). Море продолжало сокращаться и одно время было совершенно отеснено на крайний юго-восток. Все эти события имели место в течение времени, соответствующего трем первым ярусам меловой системы — неокому, апту и гольту. Однако с середины эпохи гольта начинается новая морская трансгрессия (рис. 168). Море протягивается теперь в широтном направлении и всюду к югу от параллели Москвы оставляет свои песчаные отложения. Наибольшего же развития достигает трансгрессия во вторую половину мелового периода. Толщу верхнемеловых отложений принято делить на несколько ярусов (сеноман, турон, сенон). Осадки этих ярусов развиты вобщем в южной половине СССР и часто представлены здесь меловыми известняками и мергелями, обнажающимися в обрывистых берегах южных рек и образующими нередко живописные утесы (гор. Белгород, утес Степана Разина). Общая карта верхнемелового моря представлена на рис. 169, но, конечно, мел сам по себе отлагался на обозначенной площади далеко не везде, и местами, в прибрежной полосе, заместителями его являлись глины и пески, в которых ничто, кроме имени, не говорит о принадлежности их к меловой системе. Как и юрское море, море меловое не раз меняло свои очертания, а устанавливавшееся иногда сообщение его с морем Полярным приводило к замене известковых отложений кремнистыми.

Мы не будем подробно следить за этими изменениями меловых бассейнов и отметим лишь следующий важный факт: впервые за всю геологическую историю южно-русский кристаллический массив становится добычей моря, тогда как в течение всего палеозоя он неизменно составлял южный предел всех древних морских бассейнов в СССР. Очевидно, неоднократно происходившие тектонические движения расшатали в конце концов это сооружение, и вместе с тем в следующий геологический период юг нашей страны и становится главной ареной горообразовательных процессов.

Рис. 165—168. Четыре момента нижнемеловой трансгрессии СССР.

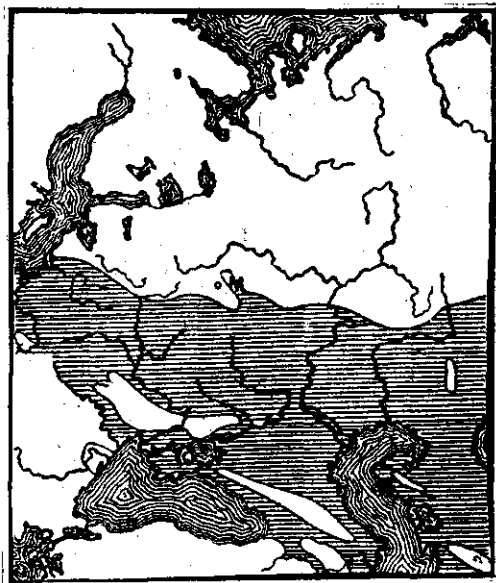

Рис. 169. Верхнемеловое море СССР.

Окидывая взором весь предшествующий ход геологических событий, мы не можем не заметить, что моря минувших периодов, покрывавшие СССР, чаще всего придерживались двух направлений — или меридионального, или широтного; иногда, впрочем, трансгрессии разворачивались одновременно по обоим направлениям. И тогда моря принимали очертания вроде большого треугольника (девон, Оксфорд). Следя, например, за юрской или меловой трансгрессией, невольно приходишь к мысли, что трансгрессиями этими руководили именно колебания литосферы; Балтийский щит с

его периодическими поднятиями и опусканиями был неизменно тем рычагом, который приводил в движение море и сушу у нас. С другой стороны, южно-русский кристаллический массив и Урал определяли собою южный и восточный предел той области, на которую распространялось действие этого рычага. Главным пунктом, откуда к нам всегда появлялось море, был прикаспийский юго-восток. В противоположном северо-западном углу ему противостоял Балтийский щит, и вся геологическая история нашей страны проходила под знаком непрерывного взаимодействия этих двух основных тектонических пунктов. Соединяющую их линию можно назвать главной > геологической осью СССР. В третичную эпоху, с погружением под уровень моря южной кристаллической полосы, эта ось приняла широтное направление и, совместившись с берегами Черного и Азовского морей, стала областью образования Крымско-Кавказской горной страны.

Кенозойская эра.

Третичная система и третичный период. Третичные отложения очень разнообразны и богаты ископаемыми, и тем не менее не легко бывает разделять их на отдельные ярусы и сравнивать между собою пласты различных местностей. Причина этого заключается и следующем. По мере приближения к третичному периоду лик земли принимает уже те очертания, которые свойственны ему в настоящее время. Сложились уже в общих чертах современ-

ные континенты, и всемирный океан вошел в свои современные берега. Поэтому настоящие осадки открытого моря третичного периода нам мало известны: они лежат и сейчас на дне современных морей. Мы можем изучать третичные слои лишь на тех участках суши, которые освободились из-под третичного моря в самые последние моменты геологической истории. В таких местах мы находим разнообразный комплекс прибрежных, пресноводных или континентальных отложений. Фауна, в них погребенная, часто имела лишь ограниченное распространение и с трудом может быть сравниваема по разным местностям. Зато в подобных осадках, более чем в морских, могли сохраняться остатки млекопитающих.

В Ю. Европе по-прежнему расстиралось обширное море (Тетис) протягивавшееся далеко на восток, в Ср. Азию. Его современным остатком является Средиземное море. На дне его в начале третичного периода отлагались известняки с крупными раковинами корненожек — нуммулитов (рис. 170). В других местах Европы море покрывало лишь отдельные районы, которые в настоящее время представляют собою низменности с памятниками весьма недавнего еще пребывания здесь моря (Парижская котловина, Ломбардия, Дунайская низменность и др.). У нас в СССР третичное море покрывало преимущественно южную степную полосу. Оно часто меняло свои очертания, и поэтому наша южно-кристаллическая гряда, с покровом белого мела наверху, одета, как скорлупками, глинами, песками и песчаниками третичного возраста.

Все эти отложения разбиты теперь на ряд ярусов (бучакский, киевский, харьковский, полтавский и мн. др.), и усилия геологов направлены на то, чтобы 1) установить соответствие между этими иногда чисто местными отложениями, 2) параллелизовать их с подобными же отложениями, установленными на Западе и, наконец, 3) разнести их по тем основным отделам третичной системы, которые приняты в геологии и которые должны иметь уже не местное только, а общее для всей земли значение. В этом последнем смысле вся третичная толща подразделяется прежде всего на два крупных отдела: нижний — палеоген и верхний — неоген. Палеоген разделяется далее на палеоцен, эоцен и олигоцен, а неоген — на миоцен и плиоцен. Основу такого деления дают, конечно, как и

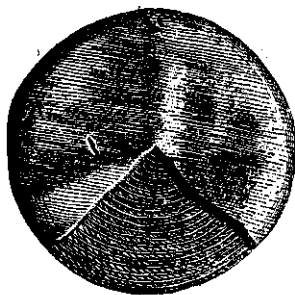

Рис. 170. Нуммулит.

Основу такого деления дают, конечно, как и всегда, морские отложения, а если с ними переслаиваются осадки пресноводные и континентальные, то определить возраст последних не представляет особых затруднений.

Впервые третичные отложения были исследованы в окрестностях Парижа, Броньяром и Кювье, в 1810 г. С тех пор парижская третичная толща в глазах геологов стала как бы ключом для распознавания и сравнения третичных осадков различных и самых далеких местностей. Уже очень скоро Веб-

стер установил третичные слои, аналогичные парижским, в окрестностях Лондона («лондонская синяя глина»). При этом аналогичность лондонских и парижских слоев была выведена из тождества палеонтологических остатков в тех и других, а не на основании минерального состава пластов: последний в этих двух районах оказался различным. Далее, стала выясняться все больше и больше сложность и пестрота третичных отложений в разных местностях, а весьма крупные различия в ископаемых формах отдельных слоев заставили прибегнуть к очень дробному подразделению третичных толщ. Это выдвигало дальнейшую задачу—параллелизовать отдельные пласты отдельных местностей, сопоставлять их хронологически. Так, Пар-кинсон заметил, что известные в английском графстве Суффолк под местным названием крага раковистые слои залегают выше «лондонской синей глины», имеющей себе эквивалент и среди парижских слоев, и, следовательно, относятся к гораздо более позднему времени. Вскоре итальянский ученый Брокки исследовал более поздние, чем парижские, третичные слои в предгорьях Аппенин. Бастеро описал третичные слои около г. Бордо (Франция) и, видя несходство заключенных в них раковин и с парижскими и с аппенинскими, приписал слоям Бордо возраст, промежуточный между возрастами парижских и аппенинских отложений. Наконец, несколькими годами позже в долине Луары у г. Тура были найдены слои, безусловно одновременные бор-досским, но здесь они ясно налегали на слои парижские, тогда как, как оказалось, в Италии около г. Турина они лежат ниже аппенинских слоев. Путем подобной «перекрестной» проверки удалось установить такие соотношения между указанными пластами:

Английские краги	туринские слои	плиоцен
Слои Бордо и Тура		миоцен
Лондонская глина и ее парижский эквивалент		палеоцен.

Приведем в общих чертах строение третичной толщи в окрестностях Парижа:

10. Известняки и пески с морской фауной	}	Олигоцен
9b Пески Фонтенбло (с моллюсками, акулами и др. рыбами).		
9a. Мергеля с устрицами		
8. Озерные и лагунные мергеля		
7. Гипсы Монмартрского холма (в горизонтальном направлении замещаются морскими мергелями)	}	Эоцен
6. Пресноводные известняки и морские пески.		
5. Переслаивающиеся морские и пресноводные слои		
4. «Грубый известняк» Парижа, кверху переходящий в лагунные отложения		
3b. Морские пески с нуммулитами.	}	Палеоцен
3a. Глины с лигнитами (бурый уголь).		
2b. Морские и континентальные осадки..		
2a. Главконитовые пески Брашэ.		
1. Известняки и мергеля, сменяющиеся книзу меловыми отложениями		

Итак, парижские третичные слои принадлежат к трем нижним отделам третичной системы — палеоцену, эоцену и олигоцену — и, кроме того, могут быть расчленены на десять ярусов (первый, снизу, называется монтским, второй — тэнетским, третий — лондонским и т. д.).

Сходно построена третичная толща в Бельгии и в Англии, так что перед нами выясняется картина единого англо-парижско-бельгийского бассейна, в географии Европы нижнетретичного времени игравшего такую же роль, какую теперь играет море Немецкое. Различия в пластах этих трех районов, конечно, есть, но они-то и позволяют нам восстановить очень полно цепь тех событий, которые переживал этот бассейн. Так, монтского яруса в Англии нет, но в Бельгии он представлен полнее всего и начинается конгломератом с мелководной фауной (выше он представлен известняками Монса, слабым продолжением которого являются монтские мергеля Парижа); ясно, что нижнетретичное море наступало со стороны Бельгии, затем покрыло парижскую область и уже позже дошло до Англии. Наоборот, в верхнетретичную эпоху, со времени начала миоцена, парижский район превратился в сушу, тогда как

Англия была под уровнем моря еще раз в плиоцен. Это последнее море, минув с. Францию, наступало опять-таки со стороны Бельгии, так как в Бельгии есть и верхнемиоценовые слои, которые отсутствуют в Англии¹. Следуя снизу вверх за сменой третичных пород, мы можем видеть, как надвинулось на с. Францию и Бельгию и отступило монтское море, как сменило его далее море тэнетское; мы можем видеть, как парижский бассейн то углублялся, и тогда на дне его отлагались известняки, то мелел, превращаясь в лагуны, где отлагался гипс, или в болота, в которых растительные остатки скоплялись в форме бурого угля. Частая смена песков и глин известняками и мергелями, чередование морских и пресноводных осадков свидетельствует о неустойчивости земной коры, о сильном напряжении геологических сил.

Но англо-парижско-бельгийский бассейн был связан с третичными бассейнами Голландии, с. Германии и Дании подобно тому, как современное Немецкое море связано с Балтийским. Они жили общей жизнью, их трансгрессии и регрессии были сопряжены. В палеоцен море распространилось вдоль северной окраины Германии, и здесь можно наблюдать и моятские конгломераты, и глауконитовые пески, и отложения тэнетского и лондонского яруса. В эоцен германское море сократилось, оставив после себя лагунные отложения с лигнитом. Олигоцен был, наоборот, временем обширной трансгрессии, причем море двумя обширными заливами (Майнцским и Эльзасским) вдавалось далеко на юг. В восточной Пруссии от моря остались, между прочим, толщи песков, содержащие янтарь². Наконец, и верхнемиоценовое море узкой полосой проникло из Бельгии вдоль с. Германии.

К западу от Европы, там, где теперь расстилается Атлантический океан, находилась обширная суша (Атлантида), соединявшая Европу с С. Америкой. Такое допущение приходится сделать, наблюдая большое сходство древнетретичных наземных животных Америки и Европы. Эта суша существовала и в монтский, и в тэнетский век. Позже Атлантида начинает разрушаться: она как бы разбивается на отдельные глыбы, и эти глыбы опускаются под уровень моря. Разрушение начинается с юга, постепенно распространяется к северу, сопровождается крайне интенсивным проявлением вулканических сил, и тотчас это обрушение моста между Старым и Новым Светом начинает сказываться в обособлении, расхождении линий развития европейских и американских животных. Но образовавшийся Атлантический океан начал свои трансгрессии на берега Западной Европы. В юго-западном углу Европы находился крупный массив Испании³, образовавшийся в океане Тетис еще в каменноугольную эпоху. Он как бы защищал Европу от вторжений Атлантического океана. Равным образом и на северо-западе все время существовал

¹ Плиоценовое море оставило в Англии, как мы уже упоминали, ракушечники — краги; так называемый белый (кораллиновый) краг соответствует у нас в СССР куяльницкому ярусу, красный краг и норвичский краг — апшеронскому ярусу и слоям Чауда.

² Янтарь, нередко содержащий в себе остатки насекомых, представляет собою затвердевшую смолу третичных хвойных деревьев.

³ Этот массив мы теперь называем Кастильским плоскогорьем. В третичный период его ядро обросло по окраине цепями гор — Пиренеями, Андалузскими.

материк, от Шотландии и Ирландии простиравшийся на запад, к С. Америке. Таким образом только между этими двумя форпостами Европы, в месте нынешней Франции, океану удобно было проникать в Европу. Поэтому область р. Луары и Гаронны и испытывала неоднократно океанические трансгрессии. Трансгрессии эти местами начинаются уже с эоцена, но особенно развертываются в миоцен и плиоцен.

Еще в палеозойскую и мезозойскую эру вдоль Ю. Европы и С.Африки протягивался океан Тетис. Он существовал и в третичную эпоху, хотя временами сильно сокращался благодаря возникновению в нем значительных континентальных массивов. Нынешнее Средиземное море является его ничтожным остатком. В третичную эпоху Испания стояла на пути его выхода в Атлантический океан. И можно проследить, как с течением времени открывались и закрывались проливы между обоими океанами, с севера или с юга от испанской преграды. Один пролив проходил там, где теперь поднимаются в С. Африке Атласские горы, другой тянулся вдоль нынешних западных Пиренеев. В горах Атласа нижнетретичные осадки имеют глубоководный характер и совершенно постепенно переходят книзу в меловые слои; выше они переходят в лагунные глины и пески, — пролив, следовательно, мелеет. Зато в верхнетретичную эпоху возникает несколько далее к северу узкий пролив до р. Гвадалквивиру. Он существует до плиоцена, когда уже образуется современный Гибралтарский пролив. К эоценовому времени относится поднятие Пиренейских гор: сообщение здесь между Средиземным морем и Атлантическим океаном прекратилось, но зато Испания примкнула к европейскому континенту.

Что касается Южной (средиземноморской и альпийской) Европы, то в геологической истории ее следует прежде всего различать нижне и верхнетретичное время. Нижнетретичная эпоха отличается вообще широким распространением моря: эоценовые известняки с нуммулитами занимают обширные площади на всем пространстве между Испанией, Альпами, Карпатами, Крымом, Кавказом, Туркестаном, с одной стороны, и С. Африкой (Марокко, Алжир, Тунис, Египет), Палестиной, Аравией, Персией и Индией — с другой. Это и есть область древнего Тетиса. В верхнетретичную эпоху Средиземное море значительно сокращается, в нем возникают крупные материковые массы, и само море принимает вид узких и длинных рукавов. Все чаще и чаще в верхнетретичной толще появляются полупресноводные и совсем даже пресноводные осадки. Вместе с тем и фауна его принимает своеобразный, местный характер. Ввиду все усиливающегося сходства этой фауны с современной фауной Средиземного моря, геологи ввели деление верхнетретичных осадков на три «средиземноморских» яруса, причем первый и второй ярусы. соответствуют первой и второй половине миоцена, третий — плиоцену¹.

¹ Здесь повторилось такое же обособление фаун северного и южного типа, какое мы видели в конце юрской эпохи, когда портланду и аквилону севера можно было противопоставить титон юга.

Помимо указанных различий в вертикальном направлении, нужно отметить различия в направлении горизонтальном: отдельные районы Тетиса претерпевали различную судьбу. На востоке Тетис прекратил свое существование раньше, чем на западе: в Гималаях нижнетретичные отложения даже неизвестны; в Тибете они представлены главным образом песчаниками. Подвигаясь на запад, мы видим, что нижнетретичные отложения имеют морской характер, и только верхнетретичные — пресноводный, или континентальный. Наконец, в западной (европейской) части Тетиса есть и морские верхнетретичные слои. На востоке дно океана Тетиса приподнялось и образовало ряд плоскогорий Ирана, Аравии, М. Азии. И на западе в третичную эпоху со дна Тетиса поднялось несколько крупных массивов; таковы массивы на месте Тирренского моря и западной части Средиземья, Эгеида, Венгрия. Но с течением времени они опустились, и их место заняли воды Тетиса. Особенно крупные оседания земной коры имели место в миоцен, когда опустились Венгрия (впадина, возникшая на его месте, вошла в состав Сарматского моря) и западный массив Средиземья. Эти опускания литосферы открыли выход вулканическим силам, — и никогда еще не знала Европа такой массы вулканов, как в миоцен: вулканы работали тогда не только на берегах Тетиса, но и во Франции, Чехии, Баварии, на Рейне и на Карпатах. Но опускания литосферы вызывают всегда и горизонтальные смещения земных пластов. Вот почему миоцен и является временем возникновения альпийской системы гор.

Впрочем не один миоцен: вся третичная эпоха отличалась сильным проявлением тектонических процессов. Вообще ни одна горная цепь не создается сразу, в один какой-нибудь геологический момент; тем более это справедливо относительно такой системы горных цепей, как альпийская. К последней относятся Альпы, Пиренеи, Аппенины, Динариды, Карпаты, Балканы, Крым, Кавказ, Атлас, Андалузские, Тавр и ряд цепей Западной Азии, связывающих в конечном счете Альпы с Гималаями. Образование всех этих кражей потребовало очень долгого времени, совершалось в несколько приемов, и мы видели уже, что если Пиренеи стали подниматься в эоцен, то Кавказ сформировался лишь в плиоцен. Во всяком случае со времени каменноугольного периода не было еще такой бурной в тектоническом отношении эпохи, как третичная. Горы возникали тогда всюду на земле, и на рис. 171 изображены цепи третичного возраста. Можно изобразить их и иначе. Если мы снимем мысленно бумагу с глобуса и расправим ее на плоскости вокруг сев. полюса (рис. 172), то все материи расположатся парами вокруг последнего в виде трехлучевой звезды, а новейшие горы третичного возраста примут вид своеобразного дерева: его ствол составляют американские Кордильеры, а крона ветвей охватывает разбитый на обломки древний материк Гондваны¹. Припомним, однако, карту геосинклиналей мезозойской эры (см. рис. 138): нель-

¹ На рис. 172 видно, что возникшие много раньше, в карбон, Урал и с. американские Алле-ганы составляют, повидимому, параллельные между собой обломки совершенно иной, более древней системы гор. Несомненно, в истории земли не раз возникали и разрушались подобные, но различные «системы гор».

зя не, заметить, что третичные горы определенно совпадают с этимихеосинклиналями. Геосинклинали, ныне уже закрывшиеся, и были колыбелью современных краёв земли. В этих краях оказались поднятыми на высоту как раз те осадки, которые в предшествующие периоды непрерывно накапливались на дне первозданных впадин литосферы. На вершинах горных хребтов заканчивается последняя страница летописи океанических пучин.

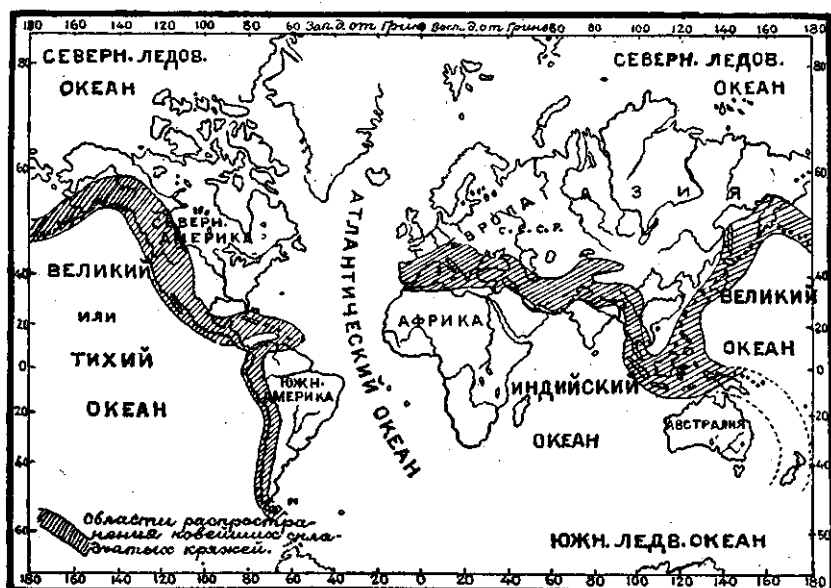

Рис. 171. Новейшие горные цепи, возникшие в третичный период.

Параллельно смыканию геосинклиналей-происходит расчленение тех обширных континентальных масс, которые существовали в течение палеозоя и мезозоя (рис. 138). Сев. Атлантида разделяется на С. Америку и Европу (и в то же время Европа окончательно соединяется с Азией); Бразильско-Африканский континент разделяется на Ю. Америку и Африку; Гондвана опускается под уровень моря, и от нее остаются только три обломка — о. Мадагаскар, Австралия и Индостан; последний примыкает теперь при посредстве Гималаев к Азии; наконец, опускается вся область Великого океана, на месте которой еще в мезозой был, как предполагают геологи, обширный Тихоокеанский материк. Это возникновение современных океанов — Атлантического, Индийского и Тихого — можно, следовательно, объяснить опусканиями (провалами) существовавших прежде материков, но более новая теория Вегенера допускает и иное объяснение: взглянув на карту восточного берега Америки и западного берега Европы и, Африки, нельзя не заметить их параллелизма — выпуклости одного соответствует вогнутость другого и об-

Рис. 172.

ратно. Получается впечатление, что эти материки, составляя некогда одно целое, подверглись как бы раскалыванию и затем отошли, разъехались в разные стороны, и если бы сблизить их снова до соприкосновения, то выпуклости и вогнутости их берегов совпали бы.. По мнению Вегенера, океаны и образовались путем такого расхождения отдельных кусков единой некогда суши (Пангеи), причем горизонтальное перемещение последних сузило, сомкнуло геосинклинали и сложило в

складчатые цепи осадки их дна (рис. 173)¹.

Но вернемся к Европе. Если северно-германская низменность, как мы видели, в геологической истории своей примыкала к англо-парижско-бельгийскому бассейну, то история южной полосы СССР через посредство придунайских стран тесно связана с альпийской и средиземноморской Европой. Это особенно касается второй половины третичного периода.

Палеоценовое море покрывало обширные площади у нас на юге СССР и оставило свои осадки на Украине, в Крыму, по нижнему течению Волги. Из этих осадков сложены высоты Хва-дынска, Вольска, Лысые горы над Саратовом и красивые утёсы Столбичей на Волге. По сибирской стороне Урала палеоценовое море, повидимому, сообщалось с Полярным морем: этим сообщением и, следовательно, проникновением из северного бассейна холодных вод можно объяснить тот факт, что палеоценовые отложения низового Поволжья представлены кремнистыми породами (опоками), содержащими диатомовые водоросли и радиолярии. В Крыму они замещены известняками с фауной южного типа, в бассейне Днепра и Дона — представлены песками (каневский ярус). Наиболее сложное строение имеют они в Поволжье, где среди них можно различить: — слюдистые (к северу — главконитовые) пески с большими конкрециями (стяжениями) — «караваями» — саратовский (лондонский) ярус. 2 — слюдистые песчаники с устрицами кремнистые глины (опоки) — тэнетский ярус, 1 — главконитовые песчаники с зубами акул... сызранский ярус.

В конце палеоцена площадь моря сократилась, и на вершинах Саратовских гор можно видеть памятник этой регрессии — песчаник с отпечатками наземных растений.

¹ По мнению Вегенера, расхождение Европы и С. Америки продолжается и теперь; из сравнения астрономических определений долгот некоторых пунктов с.-американского побережья за значительное время он заключает, что Америка постепенно удаляется от Европы со скоростью около 4 м в год.

Море следующей эпохи — эоценовой, начав свое наступление около середины эоцена, достигло наибольшего развития к началу олигоцена. В Крыму среднеэоценовые отложения носят опять-таки южный характер и представлены известняками с нуммулитами, верхнеэоценовые — черными глинами. На Украине эоцен состоит из: 2 — синей глины (с зубами акул) или белых мергелей — киевский ярус, 1 — песков и кремнистых песчаников с окремнелыми стволами деревьев — бучакский ярус.

На нижней Волге к эоцену относятся слои камышинского яруса (пески и песчаники с растительными остатками). Выше лежащий царицынский ярус относится отчасти уже к олигоцену. В нижней части своей он состоит из главконитовых песков и кремнистых глин, в средней — из мергелей, в верхней — из темных глин.

Олигоцен является временем сокращения моря, и к концу этой эпохи у нас на юге море образует лишь узкую полосу вдоль северной окраины Крыма и Кавказа. В то же время, однако, это море через Киевскую губ., Полесье, Литву и Польшу соединялось с тем северно-германским морем, которое отлагало в Пруссии янта-роносные пески. В области Днепра и Дона к олигоцену относятся: 2 — пески и глины с лигнитами и отпечатками растений — полтавский ярус, 1 — главконитовые пески с нуммулитами — харьковский ярус.

Совершенно ясно, что во всех перечисленных слоях, в их минеральном составе, мы должны видеть отражение тех физико-географических условий, которые царили в данном бассейне. Главконитовые пески указывают на регрессию моря, известняки — на значительную глубину его; кремнистые породы обычно отмечают низкую температуру воды, смена морских слоев лигнитами — процесс обмеления и т. д. Наконец, присутствие или отсутствие — в данных пунктах тех или других ярусов проливает свет на перемещение морей по поверхности земли. Только, тщательно разбирая все встречающиеся обнажения и сопоставляя их друг с другом (со стороны их минерального и палеонтологического .. состава), возможно затем набросать широкую/ картину вековых изменений в лике земли.

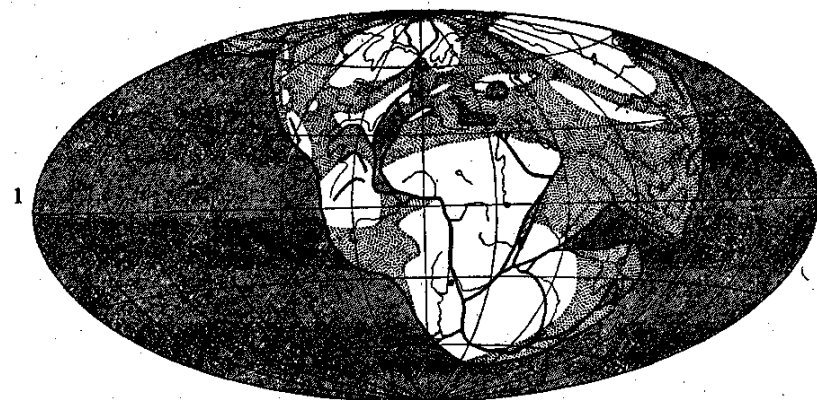
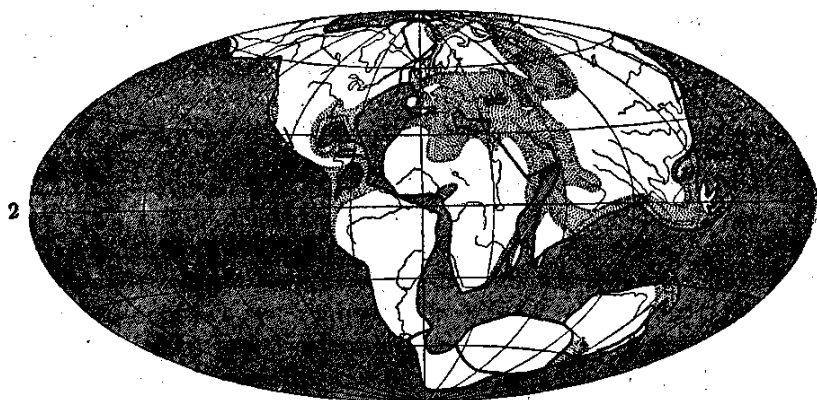
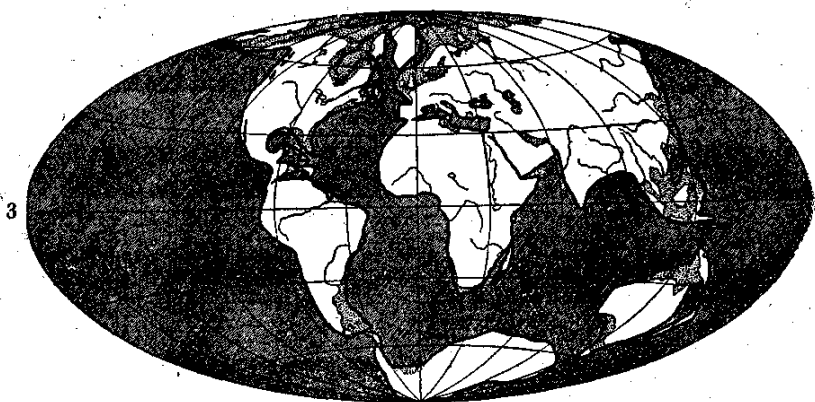

Рис. 173. Происхождение континентов по Вегенеру.

В нижеследующей таблице сопоставлены упомянутые ярусы нижнетретичной толщи как друг с другом, так и с главными отложениями парижского бассейна:

Париж	Украина	Поволжье	
Пески Фонтенбло	Полтавский ярус Харьковский ярус	} Царицынский ярус	Оligocen
Гипсы Монмартра Грубый известняк	Киевский ярус Бучакский ярус		Эоцен
Лондонский ярус Монтский ярус	Каневский ярус	Саратовский ярус Сызранский ярус	Палеоцен

На миоцен приходится время особенно сильного переустройства лика Европы. Опускание западного массива Средиземья открыло, путь водам Атлантического океана в область Тетиса, но стойкость Эгеиды не позволила этому последнему далеко распространиться к востоку. Зато поднятие Альп открыло водам Тетиса более северный путь, в обход Альп, на восток. Мы видели уже выше, как возник в миоцен предальпийский рукав от устья Роны к Вене, как распространился он через Венгрию к нам в южную часть СССР (рис. 41); мы говорили уже о том, как превратился он постепенно в море Сарматское, в море Понтийское. Мы проследили наконец, и дальнейшую судьбу этих, бассейнов, пока не превратились они исподволь в современные Черное, Азовское и Каспийское моря. Таким образом здесь, в наших черноморских и прикаспийских степях, была дописана последняя страница летописи океана Тетис. Эта летопись по частям, в неполном, разрозненном виде хранится в пластах земли во всех пунктах между Веней на западе и Крымом на востоке. Сличая эти местные геологические «записи», мы можем восстановить историю развития «Миоценового средиземного моря» Европы. Полнее всего запись крымская: здесь имеется полная серия пластов от нижнего миоцена до конца плиоцена (1-й средиземноморский ярус-пласты Чауда); море здесь рано обосновалось и стойко и протерзалось до наших дней. Коротче всего «запись» в Венгрии: только в миоцен опустился ниже уровня моря находившийся здесь прежде континентальный массив и стал дном Сарматского моря; уже в понтический век он сильно опреснился, а в плиоцен снова стал сушей и был покрыт озерными левантийскими отложениями. Так же коротка была история и Венского бассейна: море появилось здесь раньше, чем в Венгрии, — с самого начала миоцена, но уже к концу миоцена морские слои были замещены пресноводными отложениями. Таков метод восстановления географических условий, царивших на земле в минувшие геологические эпохи.

Геологические условия эволюции млекопитающих. Не подлежит сомнению, что частая и резкая смена физико-географических условий в Европе в течение третичного периода весьма сильно отражалась на судьбах животного мира и, в частности, на той группе животных, которая к третичному

времени оттеснила мезозойских рептилий и заняла на земле первенствующее положение, — на группе млекопитающих. Опускание материковых массивов и поднятие гор, возникновение и исчезновение проливов, непрерывная смена морских трансгрессий и регрессий — все это сравнительно быстро изменяло лик земли, изменяло климат. Тесное переплетение моря и суши, гор и равнин создавало в третичной Европе весьма сложное сочетание ландшафтов, а работа тектонических сил постоянно эти ландшафты перестраивала, сдвигала с одного места на другое. С каждым новым геологическим веком среда предъявляла к органическому миру все новые и новые требования. И с поразительной быстротой млекопитающие, столь однообразные и примитивные в мезозойскую эру, дали целые пучки расходящихся линий развития, распались на различные группы, как бы стремясь приспособиться ко всему разнообразию ландшафтов, использовать все условия географической среды.

Но если взрывы тектонических сил делали развитие наземных животных прерывистым, то они же, вызывая частую смену трансгрессий регрессиями и обратно, содействовали сохранению в осадочной толще многочисленных памятников отдельных моментов эволюции млекопитающих: если море покидало какую-нибудь область, оно оставляло после себя ряд лагун, озер, болотистых котловин; в самосадочных гипсах лагун, в озерном аллювии, в бурых углях на дне болот погребались скелеты обитателей суши, и поэтому в разрезах третичной толщи всюду в Европе мы видим эти прослойки пресноводных и континентальных отложений. Эти «кладбища» млекопитающих составляют в наших глазах неполные, правда, и разрозненные страницы истории наземных животных, но, сопоставляя их друг с другом, мы можем набросать картину эволюции последних. Даже морские слои доставляют нам материалы для этой картины: в них мы находим памятники истории таких морских млекопитающих, как киты, ластоногие (моржи, тюлени). Изучая остатки млекопитающих, погребенные в различных этажах третичной толщи, мы можем видеть, что те или другие формы строго приурочены к отдельным векам третичного периода. Их именами, следовательно, можно так же характеризовать отдельные моменты периода, как это обычно делается при помощи морских животных. Даже больше того: следя за географическим распространением ископаемых млекопитающих, можно восстановить картину их переселений с течением времени по лицу земли, — можно, следовательно, судить об истории континентов.

В Европе нам известно много пунктов, где сохранились пресноводные и континентальные отложения с богатыми остатками млекопитающих. Так, палеоценовая, древнейшая в Европе, фауна погребена, например, в конгломератах Сернэ около Реймса; гипсы Монмартра, «грубый известняк» Парижа доставили нам фауну эоцена; с олигоценовыми млекопитающими знакомят нас слои Ronzon в центральной Франции или фосфориты Керси в бассейне Роны; громадное количество миоценовых форм найдено в слоях Штейнгеймского озера в Швабии, Энингенского озера, возникшего на месте миоценового предальпийского морского рукава, в песках Орлеанэ и Sologne во Фран-

ции. К концу миоцена и к началу плиоцена в большей части Европы воцарился сухой климат; почти вся южная Европа превратилась в громадную область «без стока к морю»; соленые озера покрыли Испанию, Италию, мощные соляные залежи отложились на берегах Сарматского внутреннего бассейна в Галиции (Величка). В это время на Эгее развилась и отсюда распространилась по Европе своеобразная фауна с резко выраженным африканским характером. Богатейшим «кладбищем» этой фауны являются отложения Пикерми около Афин. Це же находим мы и у нас, около Севастополя, а несколько позже и в Зап. Европе (Эппельсгеймские пески в бассейне Майнца, Русильон — в ю. Франции), где она характеризует плиоцен.

Подобные (даже еще более богатые) памятники эволюции млекопитающих находим мы в С. Америке, равнины которой с конца мелового периода не покрывались морем, но зато часто переживали вулканические катастрофы. Эти катастрофы были «могильщиками» громадного количества третичных (главным образом — палеогеновых) млекопитающих. Слои Пуэрто содержат в себе палеоценовую фауну, более древнюю, чем Реймская в Европе, к палеоцену же принадлежат слои Yacaré и Wind-River. Эоценовый мир погребен в слоях Bridger и Uinta, олигоценовый — в слоях Wind-River и т. д. Если прибавить сюда отложения на других материках, например слои оазиса Файюм в Египте (эоцен и олигоцен) или Сиваликских холмов в Индии (миоцен), то у нас получатся все данные для того, чтобы воссоздать картину общего развития третичных млекопитающих.

В настоящее время класс млекопитающих распадается на много резко очерченных групп или отрядов. Мы различаем, например, сумчатых (доживающих ныне свой век в Австралии и отчасти в Ю. Америке), яйцекладущих (австралийские утконос, ехидна), неполнозубых (броненосцы, ленивцы, муравьеды), насекомоядных (кроты, ежи, землеройки), грызунов (крысы, мыши, кролики, белки, бобры, тушканчики, суслики), хищных (собаки, кошки, медведи), рукокрылых (летучие мыши), ластоногих (тюлени, моржи), китообразных (киты, дельфины), копытных (непарнопалые — лошади, носороги, тапиры, парнопалые нежвачные — свиньи, бегемоты, парнопалые жвачные — быки, козы, овцы, олени, жираффы, верблюды), хоботных (слоны) и приматов (полуобезьяны, обезьяны, человек). Даже при поверхностном знакомстве с миром млекопитающих нетрудно прийти к заключению, что между теми или другими отрядами их существуют самые близкие родственные отношения. Несомненно, например, что ластоногие есть не что иное, как ветвь хищных, приспособившаяся к воде, что рукокрылые являются группой, производной от насекомоядных, и т. п.. Но чтобы с полною уверенностью воссоздать картину происхождения одних групп от других, необходимо располагать значительным числом переходных форм, которые помогли бы выяснить механизм превращения одной группы в другую и указать геологическую эпоху, когда именно это превращение произошло. Уже со времен Кювье нам известно много форм, одни из которых совмещают в себе признаки различных групп, сглаживая этим в наших глазах резкие границы между современными типа-

ми, другие настолько уклоняются от современных нам форм, что дали повод Кювье говорить о полных разрывах в цепи животных существ, населявших землю в минувшие эпохи. Так, добытый Кювье из гипсов Монмартра скелет палеотерия позволил ему восстановить облик этого странного животного, одними признаками своими подходившего к лошади, другими — к тапиру. С другой стороны, открытый им же аноплотерий, животное копытное, но с плавательными перепонками между пальцами и длинным плавательным хвостом, производил впечатление формы, сильно отклонившейся от типичных млекопитающих в сторону, повидимому, земноводного образа жизни.

Спускаясь через толщу третичных . отложений, мимо заключенных в них «кладбищ млекопитающих», и возвращая скелетам, в них погребенным, их истлевшие мягкие части, мы не можем не заметить, как шаг за шагом от верхнего слоя к нижнему, от века позднего к веку более раннему, пропасть между современными группами суживается, резкие границы между ними расплываются, и сами группы все более и более сближаются между собою. В ту или другую эпоху происходит как бы на наших глазах уже совмещение каких-нибудь двух современных отрядов, т.е. перед нами в определенном слое третичной системы будут лежать скелеты формы, по признакам своим одинаково подходящей к обоим отрядам, формы «переходной». Числе ветвей млекопитающих будет, следовательно, уменьшаться, пока, не останутся две три основные ветви, уходящие: в глубь мезозойских слоев по направлению к древнейшей исходной форме всего класса. Однако по пути мы, несомненно, обнаружим в пластах третичной системы много совершенно новых для нас ветвей, продолжения которых в современном нам органическом мире мы не видим: эти вымершие без остатка отпрыски корня млекопитающих представляют собою ветви, как бы засохшие по пути, не пробившиеся сквозь осадочную толщу; это — тупики эволюции, и организмы, в своей эволюции свернувшие сюда, были обречены на гибель.

Среди неполных и немногочисленных остатков мезозойских млекопитающих мы уже различаем несколько групп, частью совершенно вымерших, частью перешедших из мезозоя в третичный период. Среди последних можно отметить сумчатых, неполнозубых и насекомоядных. Сумчатые, появившись в меловой период, в третичный широко были распространены по тогдашним материкам. Постепенно, однако, область их распространения суживалась, и из Европы они исчезли к началу миоцена¹. Дальнейшая история их неполна и неясна: после значительного перерыва мы находим их лишь в послетретичных отложениях Австралии. Таким образом даже в этой области своего исключительного распространения они являются, повидимому, лишь недавними поселенцами. Неполнозубые, более широко распространявшиеся по земле в третичный период, чем теперь, когда все они сосредоточены почти исключительно в Ю. Америке², прошли именно на этом материке весь путь своего

¹ Скелет сумчатого был найден Кювье в гипсах Монмартра.

² В настоящее время в Ю. Африке живет трубокзуб (капский муравьед) и в Индии панголин.

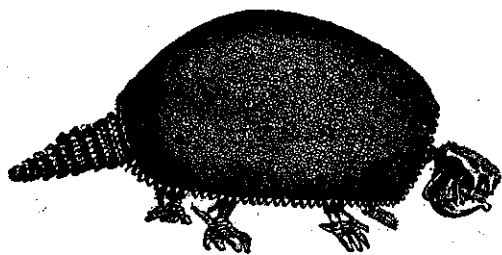

Рис. 174. Глиптодонт.

развития, и из глин южно-американских пампасов нам известны гигантский броненосец-глиптодонт (рис. 174) и достигавший 5—6 м мегатерий, совмещавший в себе признаки ленивцев и муравьедов (рис. 175). Весьма древняя группа насекомых является в то же время и группой очень консервативной:

она, весьма мало изменяясь в организации своей, прошла сквозь всю толщу третичной системы и уже в эоцене дала большинство современных подгрупп или семейств. Так же уже в начале третичного периода от нее отделилась своеобразная группа рукокрылых, которая с миоцена отлилась уже в формы современных родов.

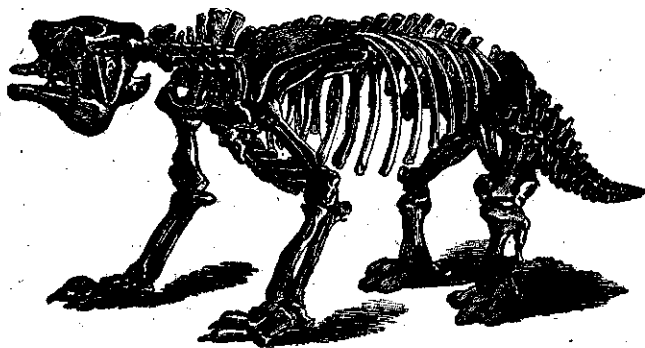

Рис. 175. Мегатерий.

В остальной массе млекопитающих мы прежде всего различаем, три основных ствола — грызунов, хищных и копытных, причем эти группы отличаются высоким развитием и специализацией зубного аппарата. Последнее несколько не удивительно, так как строение зубов выражает отношение животного к его пище, а возможность использовать те или другие вещества в качестве кормовых средств в первую очередь определяет всю организацию и все жизненное поведение животного. Зубной аппарат стоит далее в самой тесной связи со строением всего черепа. Но прежде чем пищу использовать, ее нужно отыскать, за ней нужно двигаться. Развитие органов передвижения является поэтому для животного насущнейшей задачей. Таким образом ничто так не характеризует отдельные моменты эволюции млекопитающих, как развитие зубов, черепа и конечностей.

Зубы млекопитающих, как известно, распадаются на три отдела — резцы, клыки и коренные, среди последних же различают ложнокоренные и на-

стоящие коренные¹. Состав зубного аппарата выражается «зубной формулой», которая пишется в виде дроби, в числителе и знаменателе которой обозначается последовательно число резцов, клыков, ложнокоренных и коренных зубов одной половины верхней и нижней челюсти. Так, зубная формула человека будет $\frac{2 \cdot 1 \cdot 2 \cdot 3}{2 \cdot 1 \cdot 2 \cdot 3} = 32$. Следя за эволюцией млекопитающих, нельзя не заметить, что вместе с специализацией зубного аппарата в направлении от форм низших к формам высшим происходит и сокращение количества зубов. Зубной формулой, исходной для третичных млекопитающих, можно, по видимому, считать формулу $\frac{3 \cdot 1 \cdot 4 \cdot 3}{3 \cdot 1 \cdot 4 \cdot 3} = 44$. По сравнению с нею зубная формула человека является уже сокращенной, но далеко не в столь сильной степени, как — это можно наблюдать, например, у некоторых копытных, где исчезают даже целые отделы зубов; присутствие у человека зубов всех трех категорий стоит в связи с его всеядным питанием и является признаком скорее примитивным, указывающим на невысокую специализацию зубного аппарата².

Среди высших млекопитающих грызуны особенно отличаются развитием резцов, хищные — клыков и копытные — коренных³. Грызуны среди них являются группой, наименее дифференцированной, наименее отошедшей от родоначальников всего класса и наиболее консервативной: очень рано сложился уже этот тип и мало подвергался осложнению и развитию за третичный период. Однако можно заметить как бы две геологических волны, два палеонтологических поколения грызунов, сменивших друг друга за это время. Началу третичной эпохи свойственна группа примитивных грызунов (Tillodontia), имеющая много сходства с насекомоядными и сохраняющая еще все отделы зубного аппарата. Однако резцы у них начинают уже специализоваться, а вместе с тем и весь череп приобретает характерную для грызунов форму. Группа существует в палеоцен и эоцен. Постепенно, однако, юна уступает свое место настоящим грызунам (Rodentia), которые утрачивают уже клыки, сокращают число резцов до одной-двух пар, сокращают и число коренных. Характерное для грызунов движение нижней челюсти при жевании вперед и назад вызывает изменение формы этих коренных и вместе с тем приводит к образованию на черепе сильно выдающейся скуловой дуги. К олигоцену примитивные грызуны уже вымирают, а с миоцена среди при-

¹ Ложнокоренные, в отличие от настоящих коренных, подвергаются смене в течение жизни жшотного и, следовательно, входят в состав так называемых молочных зубов, этого более древнего поколения зубов, унаследованного животным от его предков.

² Полная утрата зубов (как это имеет место у утконоса и некоторых неполнозубых) или однордчный их харжтер (неполнозубые, зубастые киты) для млекопитающего есть верный признак регрессивного развития. Равным образом признаком регресса нужно считать и увеличение с ходом эволюции количества зубов что точно так же сопровождается обычно тем, что зубы разных категорий принимают одинаковый облик.

³ У хищных кроме того обособляется так называемый плотоядный зуб с особо острыми бугорками; таким зубом обыкновенно становится последний ложнокоренной или первый коренной.

шедших им на смену грызунов высших мы имеем уже современные семейства зайцев, бобров, хомяков, мышей и крыс.

Сходную историю переживают в третичный период и хищные. И здесь мы видим смену двух типов, двух фаун; первая, более примитивная, очень близкая еще к насекомоядным, выступает в палеоцен и угасает уже в эоцен; ей дали название креодонтов. На смену креодонтам приходит более высоко организованная группа (Carnivora), которая существует и сейчас. В олигоцен от креодонтов остается лишь один представитель — гиэнодон (слои Wind-River C. Америки). Среди креодонтов можно различать несколько отдельных групп (семейств), и к ним, как к родоначальникам, сходятся все разнообразные виды, роды и семейства современных хищных; последние не только сменили креодонтов — они произошли от тех или других креодонтов. Мы можем видеть, как одни креодонты намечают в своей организации тип будущих кошек, другие — медведей; есть креодонты, обладающие одновременно такими признаками, которые станут со временем характерными для различных семейств хищных¹. Особенно интересно семейство миацид, из эоценового рода которого — *Miacis* — постепенно выделился в верхний миоцен род *Canis*, который затем распался в плиоцен на собак, шакалов и лисицу. С теми же миацидами связаны в истоках своих медведи, гиены, еноты, куницы и др. Таким образом все хищные восходят к креодонтам и представляют собою целый пучок специализировавшихся в разных направлениях отпрысков этого нижнетретичного ствола. Мы говорили уже, что близко к хищным стоят ластоногие (моржи, тюлени). Это совершенно верно, но связь тех и других осуществляется не иначе, как через тех же креодонтов: от наземных хищных современного типа нельзя, конечно, отводить ластоногих непосредственно. Зато одно семейство креодонтов (о к с и э н и д ы) в ряде своих представителей прекрасно иллюстрирует перед нами процесс постепенного превращения наземного хищника с типичной лапой в земноводного ластоногого, и мы можем проследить, как в миоцен вырабатывается тип тюленя, а в плиоцен — моржа. Наконец, от креодонтов ведут свое начало и китообразные. Такие представители их, как современный гренландский кит, совершенно утратили зубы, но они есть у них в ранней молодости, показывая этим, что утрата зубов (и замена их своеобразной цедилкой из роговых пластинок «китового уса») есть для китов явление вторичное². Киты зубастые должны быть древнее. У них, как мы уже говорили, замечается (ненормальное для млекопитающих) явление увеличения числа зубов и вместе с тем дедифференцировки их (у некоторых: неогеновых форм число зубов доходит до 60). Но, спускаясь в нижние этажи третичных пластов, мы встречаем древних китов, приближающихся в своей организации к типичным креодонтам. Так, эоценовые отложения Файюма (Египет) доставили нам остатки *Proloceliza*, который при

¹ Так, у *Mesonyx* пояс передних конечностей напоминает гиену, задний — медведя.

² Тип беззубых китов известен, однако, уже с миоцена.

всем сходстве с позднейшими китами обладал нормальным для креодонтов строением зубного аппарата $\frac{3 \cdot 1 \cdot 4 \cdot 3}{3 \cdot 1 \cdot 4 \cdot 3}$.

Из истории грызунов и хищных мы видим, что время около-середины третичного периода было для них моментом перелома: примитивные формы (креодонты, Tillodontia) угасли и уступили место высшим типам (Carnivora и Rodentia). Между фауной палеоцена, эоцена, с одной стороны, и фауной миоцена и плиоцена — с другой, заметно сильное различие. Совершенно очевидно, что эта смена фауны стоит в связи с резким изменением физико-географических условий на земле, имевшим место как раз к началу миоцена. Работа тектонических сил, переустройство лика земли, установление на материках континентального климата — все это, в общем взятое, и было причиной отмеченного кризиса в недрах органического мира. Еще более отразились все эти геологические события на судьбе, третьего основного ствола млекопитающих — на копытных.

Если поднятие гор внесло небывалое до сих пор разнообразие в распределение ландшафтов по поверхности земли и вызвало этим распадение более однообразных примитивных млекопитающих на массу отдельных специализированных групп и ветвей, то широкое развитие степей в миоцен сыграло особенно крупную роль в истории именно копытных.

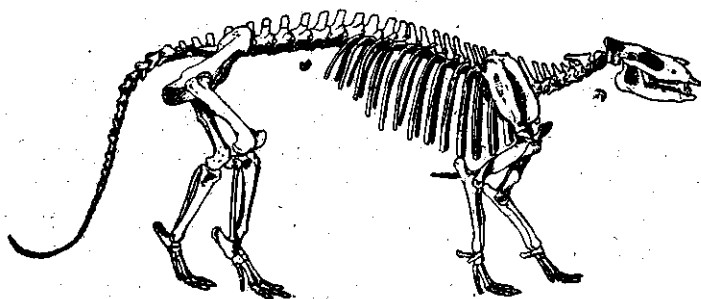

Рис. 176. Фенакод (Phenacodus).

Как все ветви хищных сходятся в конце концов к группе креодонтов, так все многочисленные копытные берут свое начало в группе примитивных нижнетретичных кондилартр. Типичным представителем последних является ф е н а к о д, сравнительно небольшое (ростом с собаку) пятипалое животное, с полной зубной формулой, с примитивными бугорчатыми коренными зубами, с длинным (как у креодонтов) хвостом; последние членики его пальцев по своей сплюсненной с боков форме представляли нечто среднее между копытом и когтем, средний палец был одет довольно широким копытом (рис. 176). Из кондилартр произошли две главные ветви копытных — парнопалые и непарнопалые. Эволюция эта в общем шла в направлении сокращения числа пальцев, но при этом двумя путями: сохранялось или нечетное число

пальцев (и вся тяжесть тела переносилась на палец средний) или четное (и тогда тяжесть тела распределялась между третьим и четвертым пальцами). Сам фенакод стоит в этом отношении ближе к непарнопалым, и вообще в его организации уже ясно сказываются черты, которые современем найдут свое завершение в стройном и легком на бегу организме лошади. — Еще в палеоцене стало заметно распадение кондилартр на парно- и непарнокопытных. К концу эоцена они уже сходят со сцены.

От обширного некогда ствола непарнопалых уцелели в настоящее время лишь тапиры, носороги и лошади. Из них наименее специализированы, наиболее примитивны тапиры, сохранившие полную зубную систему и даже 4 пальца на передних ногах. Есть все основания думать, что самый облик древнейших копытных был в значительной степени тапирообразным. За третичный период семейство тапировых претерпело мало изменений, и формы, весьма близкие к современному тапиру, сложились уже в миоцен. К плиоцену они приобрели очень широкое распространение, но великое оледенение изгнало их из северного полушария и оттеснило в Ю. Америку и Ю.-В. Азию, где они и сохранились в той же обстановке влажных тропических лесов, в какой, невидимому, обитали их предки.

Сложнее была история лошадей, эволюция которых от кондилартр (типа фенакода) к современной лошади (*Equus*) развертывалась на фоне развития в третичный период формации травянистых степей. В лице лошади мы имеем крайний член ряда форм, приспособившихся именно к жизни в открытых прериях. Живя в подобной обстановке, предки лошади могли спастись от врагов исключительно при помощи бегства. Все, что содействовало скорости бега, могло дать им преимущество в борьбе за жизнь. В таком случае иметь меньшее число пальцев, меньше точек соприкосновения конечности с почвой — значило обладать именно подобным преимуществом. В этом направлении и действовал естественный отбор: постепенно вымирали многопалые особи с неуклюжими и хрупкими конечностями и сохранялись лишь особи с сокращенным числом пальцев; только они и получали возможность размножаться, передавать потомству и закреплять в нем свои выигрышные свойства, и так постепенно сложился легкий и стройный организм современного скакуна (рис. 177). Вместе с сокращением числа пальцев изменялись и другие кости конечностей: изменялось расположение и число костей пясти и плюсны, запястья и предплюсны, парные кости голени и предплечья сливались, и все это приводило к тому, что вся тяжесть тела стала передаваться на главную ось всей конечности. — Но всякий организм представляет собою единую, связную систему органов, строго координированных между собою. Удлинение ног, увеличение роста должно сопровождаться у травоядного удлинением шеи и головы. В то же время приспособляющиеся к растительной пище зубы специализируются, и зубная система сокращается. Удлинение же челюстей компенсируется увеличением самих зубов (коренных), принимающих очень сложное строение, и, кроме того, между резцами и коренными на челюстях образуются пустые промежутки.

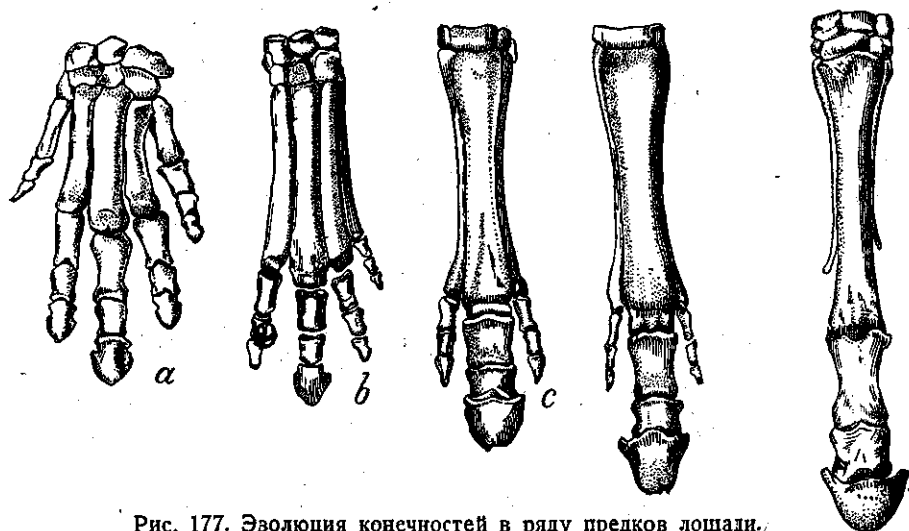

Рис. 177. Эволюция конечностей в ряду предков лошади.

Палеонтологические раскопки доставили нам богатый материал по истории развития лошадей. Мы можем теперь восстановить все этапы этого развития от пятипалого фенакода, через гиракотерия — с 4 пальцами на передней конечности и 3 — на задней, через ряд трехпалых форм к современной однопалой. В сущности мы имеем даже два таких ряда — американский и европейский. Американский ряд много полнее ряда европейского; несомненно, что всю свою эволюцию с начала и до самого конца лошадь проделала именно в Америке, хотя в послетретичное время она как раз в Америке то и вымерла¹. Европейский ряд отрывочен: он, по-видимому, состоит из американских выходцев, время от времени эмигрировавших по Атлантиде из Нового-Света в Старый.

Американский ряд

8. Фенакод
7. Eohippus
6. Epihippus
5. Mesohippus
4. Miohippus
3. Protohippus
2. Pilohippus
1. Equus

Европейский ряд

- фенакод (палеоцен)
- гиракотерий (н. эоцен)
- палеотерий (эоцен)
- « (нижн. миоцен)
- анхитерий (ср. и в. миоцен)
- « (в. миоцен)
- гиппарион (в. миоц., плиоцен)
- соврем. лошадь

¹ Современные лошади американских прерий есть уже одичавшие потомки лошадей, введенных в Америку европейцами.

Не следует, однако, думать, что все вышеуказанные формы связаны между собою непосредственно узами прямого родства; оба ряда (как и ряд на рис. 177) составлены как бы из отрывков нескольких самостоятельных и параллельных рядов, развивавшихся вообще в одном направлении. Это лишь схема, рисующая нам общий ход эволюции однокопытных. Палеотерий и анхитерий, несомненно, представляют собою лишь боковые ветви главного ствола, только в некоторых признаках своих подходивших к роли промежуточных звеньев между формами предшествующими и последующими. Равным образом и гиппарион не есть прямой предок современной лошади: для этого он слишком специализирован, и в некоторых отношениях его специализация даже выше, чем у лошади. — Современный род лошадей (*Equus*) появился в верхнем миоцене Индии, в верхнем же плиocene он известен и в Европе. Он широко распространился в степях межледниковых периодов, сперва служил предметом охоты первобытного человека, затем был и одомашнен. В Монголии до сих пор сохранилась дикая лошадь Пржевальского, от которой человек произвел целый ряд своих домашних пород. Но несомненно, что для других пород источником служили иные — западноевропейские — дикие лошади.

Как ни ясна и ни проста основная линия развития лошадей, но она отнюдь не является общеобязательной для всех групп копытных. Животный мир не развивается вообще в одном каком-нибудь определенном направлении: животные эволюционируют по всем возможным направлениям, давая постоянно целые пучки расходящихся линий, и дело естественного отбора решить уже затем, какие из этих вариаций могут уцелеть в борьбе за существование. Общим для всех организмов является лишь одно — стремление приспособиться, насколько возможно, к условиям внешней среды, а эти условия могут быть очень и очень различны.

Рядом с семейством лошадей развивалось вышедшее из того же корня кондилартр семейство носорогов, но интересно, что, начав с форм, своею легкостью и стройностью весьма напоминавших лошадей, носороги в конце концов пришли к формам массивным и тяжеловесным. А между тем и у них в течение эволюции неизменно осуществлялся тот же процесс сокращения числа зубов, так как примитивные «носороги начала третичного периода обладали полной зубной системой $\frac{3 \cdot 1 \cdot 4 \cdot 3}{3 \cdot 1 \cdot 4 \cdot 3}$, тогда как волосатые носороги

ледникового периода потеряли уже и резцы и клыки $\frac{0 \cdot 0 \cdot 4 \cdot 3}{0 \cdot 0 \cdot 4 \cdot 3}$. Дело в том, что первые, легкие на ходу, предки носорогов жили в сухих травянистых степях; но здесь они не выдержали конкуренции с другими копытными и были, отсюда вытеснены последними. Другая же их ветвь обитала по болотистым берегам рек и озер; она только и сохранилась и с миоцена осталась единственной представительницей всего семейства. Обстановка, в которой жили эти носороги, не требовала от них тех приспособлений, которые определили в степях организацию лошадей. На ногах у них навсегда осталось по 3 пальца

(а некоторые древние формы позволяют различить и 4-й рудиментарный). Вместе с тем, однако, сокращение резцов и клыков было как бы компенсировано развитием рогов. Но и рога появились не сразу: первые носороги были еще безроги¹. Только с миоцена рогатые носороги получили широкое распространение. Они перешли и в ледниковый период (волосатый носорог, замороженные туши которого доставила нам вечная мерзлота Сибири), а в настоящее время представлены двурогим африканским носорогом и однорогим индийским².

Не подлежит сомнению, что непарнопалые являются теперь группой уже угасающей. Перейдем ко второму крупному стволу копытных, оказавшемуся более жизнеспособным, — к парнопалым. Их принято делить на жвачных и нежвачных (всаядных). Последние более примитивны и в течение своего развития отошли от предков своих—кондилартр — не так далеко. К ним относятся свиньи и бегемоты.

Подобно лошадям, свиньи представляют хорошо прослеженный в палеонтологии ряд форм от палеоценовых родоначальников к представителям современного рода *Sus*, вполне сложившегося в эпоху среднего миоцена. Вернее даже будет сказать, что и в этом случае мы имеем два ряда форм — американский и европейский. Их древнейшие родоначальники были очень незначительной величины, имели (как и следовало ожидать) некоторое сходство не только с жвачными, но даже и с хищными, но дальнейшая эволюция внесла не так много новых черт в эту организацию: слегка сократилось число зубов (вместо $\frac{3 \cdot 1 \cdot 4 \cdot 3}{3 \cdot 1 \cdot 4 \cdot 3}$ стало $\frac{1 \cdot 1 \cdot 3 \cdot 3}{3 \cdot 1 \cdot 3 \cdot 3}$), удлинлись челюсти (за счет пустых промежутков между зубами), но сохранилось целых 4 пальца, хотя крайние из них у форм высших могут достигать земли только в случае мягкого грунта; коренные зубы сохранили примитивную низкую коронку, несущую простые бугорки. Сокращения в числе длинных костей конечностей нет. Все это заставляет смотреть на свиней как на группу консервативную. Интересно, однако, что главный ствол свиней дал несколько боковых ветвей, которые, впрочем, не оказались жизнеспособными. Так, например, от олигоцена до миоцена просуществовал элותרий, представляющий собою пример дисгармоничной формы, и несомненно, что внутренние противоречия, заключенные в этом организме, и были причиной его вымирания. В самом деле: очень массивное туловище с громадной головой (и с несоразмерно малым мозгом!) опиралось на тонкие, стройные конечности; зубы были вполне примитивны, а сокращение пальцев зашло дальше, чем у современных свиней (было всего

¹ У безрогих форм *Aceratherium* сокращение зубов было, конечно, не столь полным: $\frac{1 \cdot 0 \cdot 4 \cdot 3}{1 \cdot 1 \cdot 4 \cdot 3}$.

² В ледниковых отложениях встречаются крупные скелеты представителя боковой ветви носорогов — эласмотерия, который, что очень возможно, как современник мамонта и первобытного человека дал повод к созданию легенды об «единороге». Позади маленького рога помещавшегося (как вообще у носорогов) на носовой кости, у него имелся громадный второй рог, сидевший на куполообразном утолщении лобной кости.

2 пальца). Здесь коренным образом был нарушен закон соотношения органов¹.

Среди копытных жвачных можно прежде всего выделить семейства оленей (Cervidae) и полорогих (Cavicornia), причем отношения между ними аналогичны отношению между тапирами и лошадьми в группе непарнопалых: олени являются формами более примитивными, более консервативными. Они, например, сохраняют еще рудиментарные боковые пальцы. Соответственно большей своей примитивности, олени и появляются раньше полорогих: они известны с нижнего миоцена, тогда как полорогие — со среднего. Самым оригинальным органом оленей являются их рога. Здесь остается повторить то же самое, что было уже сказано по поводу носорогов: рога являются как бы компенсацией за сокращение зубного аппарата². Они развиваются вообще лишь у тех животных, которые утратили верхние резцы и клыки. Но зубной

аппарат современных оленей $\frac{0 \cdot 0 \cdot 3 \cdot 3}{3 \cdot 1 \cdot 3 \cdot 3}$ образовался не сразу: нижнемиоценовые олени имели еще утраченные впоследствии зубы. В полном согласии с этим у них отсутствовали еще рога. Рога оленей появились лишь в среднемиоценовое время. Отметим этот факт — одновременное геологически появление рогов у оленей и носорогов. Непрерывный ряд форм ведет от миоценовых оленей к современным. Проследивая этот ряд, мы видим, что с ходом геологического времени рога оленей становились все более сложными и ветвистыми: так, среднемиоценовые олени обладали небольшими вилообразными рогами, верхнемиоценовые — 2- или 3-ветвистыми и т. д., и максимальной сложности (и величины) достигли рога в верхний плиоцен и в ледниковый период. Интересно, что такое же усложнение рогов переживает в ускоренном темпе и современный олень в течение своего индивидуального развития, с каждым годом усложняя все более и более свое головное оружие. Высшее место среди парнопалых жвачных занимают полорогие. В противоположность лошадям они проходят весь путь своего развития в Азии и Европе, и лишь отдельные группы их переходят в плиоцене в С. Америку. Они распадаются на подгруппы антилоп (собственно антилопы, серны, газели), овец, коз и быков³. В их черепе особенно сильно развиваются лобные кости, на которых сидят несменяющиеся рога, причем эти кости постепенно оттесняют кзади кости теменные, и вместе с тем с ходом эволюции рога отодвигаются тоже назад, все дальше от глазниц. Зубная система сокращена

¹ Близкие к свиньям бегемоты известны с нижнего плиоцена Индии; в после-третичный период они обитали даже в Европе (Англия), теперь встречаются лишь в Африке. У них крайне примитивна четырехпалая конечность и в то же время своеобразно устроены зубы (особенно резцы).

² Рога оленей состоят из костного, а не рогового — как у носорогов — вещества, помещаются на лобных, а не на носовых костях; кроме того они подвергаются периодическому сбрасыванию.

³ Насколько близки между собою все эти группы, показывают такие формы смешанного характера, как сернобык Ю. Африки или с.-американский овцебык.

$\left(\frac{0 \cdot 0 \cdot 3 \cdot 3}{3 \cdot 1 \cdot 3 \cdot 3}\right)$), причем нижний клык принимает форму резцов. — Древнейшими из полорогих являются антилопы; как у форм более, примитивных, у них лобные кости еще не преобладают над теменными, и рога расположены прямо над глазами, да и весь облик антилоп весьма напоминает оленей. Позже, антилопы появляются (с верхнего миоцена) овцы и козы, почти исключительно свойственные Старому Свету, и наконец в верхнем миоцене Индия дает быков, которые в плиоцене расселяются по Европе и С. Америке. Кроме собственно быков, сюда относятся буйволы, бизоны, зубры¹. Многие полорогие в руках человека дали многочисленные породы нашего рогатого скота.

Среди парнопалых есть две своеобразных группы — это семейства жирафовых и верблюдовых, но палеонтология удалось связать и их с остальными копытными. Жираффы до известной степени занимают среднее место между полорогими и оленями. Это особенно справедливо относительно их древнейших представителей. Так в Сиваликских слоях Индии (в. миоцен — н. плиоцен) были найдены скелеты очень крупного жирафа, короткий и широкий череп которого был снабжен парой крупных, несколько сплюснутых и разветвляющихся рогов, подобных рогам оленей, и кроме того другой парой меньших костных выростов. Сокращенной зубной системой он напоминал жирафа, четырьмя своими рогами индийскую четырехрогую антилопу; голова его в общем походила на голову быка, но верхняя губа была оттянута в короткий хобот, как у тапира. Конечности были двупалые. — Еще ближе стоит к жирафу верхнемиоценовый элладотерий с черепом без костных выростов. Ряд промежуточных форм ведет к появляющемуся в плиоцене современному роду жирафа, которые в настоящее время так характерны для саванн Африки. На лбу у них находятся два костных выроста, покрытых снаружи кожей, а спереди от них у самцов имеется еще один непарный отросток, отсутствующий у самок. — Семейство верблюдовых (Camelidae) удалось проследить до олигоцена и в. эоцена, где оно берет начало в группе ореодонтид, четырехпалых животных с примитивным устройством конечностей и в то же время с очень дифференцированным зубным аппаратом. Эта группа появилась в С. Америке и долгое время только здесь и была распространена. Целый ряд переходных форм ведет от эоценовых родоначальников верблюдовых — маленьких четырехпалых животных, с несрастающимися парными костями голени и предплечья, с полной зубной системой, к формам миоценовым и плиоценовым, среди которых уже можно различить современный род *Camelus*. Вместе с тем в плиоцен *Camelidae* переселяются из С. Америки в Азию (расселение это шло по мостам суши, находившимся в области Берингового моря). У современного верблюда зубы всех трех родов, хотя число зубов несколько сокращено. Различают двугорбого азиатского и одногорбого

¹ Американский бизон, зубр европейский и зубр кавказский являются потомками ископаемого бизона (*Bison priscus*), который был широко распространен в ледниковую эпоху во всей Европе, Сибири и С. Америке.

африканского верблюда, но в сущности и у последнего горб является двойным. Горб верблюда создан уже в результате векового отбора, производившегося человеком.— В плиоцен верблюды проникли из С. Америки и в Южную и дали здесь такие формы, как лама, гуанако, альпака, вигонь (род Аиспеша). — Интересно отметить, что среди миоценовых представителей верблюдовых есть формы, приобретшие (вероятно, в связи с переменной образа жизни и с переходом из травянистых прерий в саванны) облик жираффа (*Alticamelus*). Подобное явление, когда два самостоятельных и даже далеких ряда организмов в силу приспособления к сходным условиям существования дают и сходные формы, называется «конвергенцией».

Далеко разошедшиеся между собою ветви парнопалых жвачных и всеядных могут быть, однако, сближены при помощи вымерших нижнетретичных групп, которые в значительной степени совмещают в себе признаки тех и других и стоят несомненно близко к исходным формами «копытных вообще». В открытии подобных «смешанных» типов организации и заключается одна из главных заслуг палеонтологии. Как главная линия развития непарнопалых на пути своем от кондилартр к лошади сопровождалась боковыми и отчасти параллельными ветвями тапиров, палеотериев и других, так и линию всеядных парнопалых сопровождали в течение первой половины третичного периода группы антракотериев, анаплотериев и другие. Из них антрекотерии¹ так близко стоят к свиньям, что их многие и рассматривают как группу, исходную для последних. Особенно широко они были распространены в олигоцен, достигали величины носорогов, имели полную зубную систему (с некоторыми особенностями, сближавшими их зубы с зубами бегемотов), четырехпалые конечности, со средними пальцами более сильно развитыми. — О земноводном анаплотерии мы уже упоминали.

Все эти животные, однако, оказались нежизнеспособными и вымерли без остатка. Вопрос о причинах вымирания многочисленных групп млекопитающих давно уже привлекал и продолжает привлекать к себе внимание палеонтологов. В полном объеме он не решен еще и до сих пор. Мы приведем здесь объяснение, данное еще в 1873—1875 гг. знаменитым русским палеонтологом В. О. Ковалевским, который изучал историю копытных. Оно состоит в следующем: общим явлением в истории развития копытных следует считать постепенное сокращение числа пальцев в конечностях. Но при этом подобное сокращение у парнопалых может идти двояким путем. В одном случае, — говорит Ковалевский, — «кисть, теряя свои боковые пальцы (2-й и 5-й), не получает лучшего приспособления к изменившимся условиям передвижения и опоры тела, кроме утолщения оставшихся пальцев». Отношения между запястьем и пястью, между предплюсной и плюсной остаются без изменения. Оставшиеся пальцы не встречаются в косточках запястья и предплюсны большей опоры. Оказавшиеся теперь лишними (с исчезновением

¹ Название «антракотерий» значит — «каменноугольный зверь». Это название объясняется тем, что скелеты антракотериев обычно находят в слоях, содержащих нижнетретичные угли (лигниты). Это были, несомненно, обитатели болот.

боковых пальцев) некоторые косточки этих двух отделов скелетов представляют лишь лишнюю нагрузку для пальцев средних, и вся конечность становится неустойчивой. Во втором случае средние пальцы сильно разрастаются в толщину и ширину, выталкивают в стороны боковые пальцы, захватывают принадлежащие этим последним косточки запястья и предплюсны и сами приобретают этим лучшую и более полную опору. «Каждый миллиметр, тераемый боковыми пальцами, захватывается расширяющимися средними, и еще до полного исчезновения боковых два средних захватывают целиком всю поверхность запястья и предплюсны». Первый способ сокращения (редукции) пальцев Ковалевский назвал неадаптивным, второй — адаптивным (приспособительным). Ясно, что адаптивная форма конечности имеет все преимущества в смысле прочности, гармоничности перед неадаптивной (рис. 178).

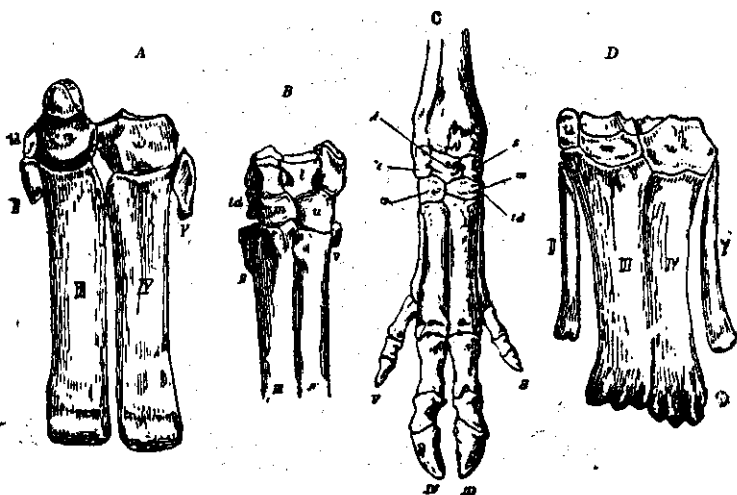

Рис. 178. Адаптивные и неадаптивные конечности копытных

Если мы с указанной точки зрения посмотрим на группы копытных, вымерших без остатка и сохранившихся донныне, мы увидим, что подавляющее большинство первых относится к формам неадаптивным, а вторых — к адаптивным. Причина вымирания первых лежала несомненно в неудачном решении той технической задачи, которая возложена на конечность копытного. Но этого мало; «временем перелома в истории развития копытных от старого типа к новому является начало неогена; тогда исчезают неадаптивные формы, и наступает быстрый расцвет адаптивных» (Борисяк). Если мы вспомним, кроме того, что век миоцена ознаменовался выступлением высших форм носорогов и оленей, что к началу этого времени сходят решительно со сцены все более примитивные группы млекопитающих и начинается

эра развития высших парнопалых, непарнопалых и хищных, то такое полное обновление третичной фауны нельзя будет объяснить иначе, как теми крупными геологическими событиями, которые имели место на земле с начала неогена: резкое переустройство лика земли, изменение климата, развитие формации травянистых степей — все это и вызвало как бы «пересмотр» третичных организмов. Новые физико-географические условия изменили самую «программу отбора», — по выражению проф. Сушкина. Те геологические силы — эндогенные и экзогенные, — которые непрерывно изменяют лик земли и на фоне «солнечного»^а климата создают причудливую и вечно изменяющуюся мозаику земных ландшафтов, являются в то же самое время и силами» нарушающими: равновесие органического мира, рычагами, приводящими последний в движение.

Мы проследили выше, как из примитивных нижнетретичных копытных, или кондилартр, выделились два основных ствола — парнопалых и непарнопалых. Нам осталось познакомиться еще с третьим стволом, который в первую половину третичного периода дал целый пучок форм, из которых ни одной не удалось сохраниться до нашего времени. Это были очень крупные, неуклюжие животные, во внешнем облике своем совмещавшие черты носорогов и слонов, с чрезвычайно слабо развитым головным мозгом. В одних отношениях их организация сохранила много очень примитивных черт, в других — они проявляют и черты своеобразной специализации. Среди них различают группу титанотериев, примыкающих к стволу непарнокопытных, и группу амблипод («тяжелокопытные»), представлявших в нижнетретичное время как бы предшественников хоботных. Титанотерии свойственны почти исключительно С. Америке, где они и просуществовали до миоцена включительно. Передние конечности их оканчивались четырьмя пальцами, задние тремя. Их группа началась с некрупных форм лошадинообразного или тапирообразного облика с полной зубной системой, а закончилась, например, типичным титанотерием, достигавшим 5 м высоты и обладавшим носорогообразным черепом с костными выростами на носовых костях и конечностями слона (рис. 179). Амблиподы имели более широкое географическое распространение (европейскому палеоцену особенно свойственен корифодонт, эоцену Египта — а р с и н о т е р и и), но геологическую историю закончили очень быстро, сойдя со сцены уже к олигоцену. В слоях руэрко они представлены еще формами мелкими и легкоподвижными, в слоях Уасач мы находим уже неуклюжего корифодонта до 2 м длиной с зачаточными рогами. В эоценовых слоях Bridger достигает особого развития уинтатерий: у него уже исчезают верхние резцы, зато на черепе появляются рога; одна пара сидела на теменных костях, другая на верхнечелюстных, третья на носовых; верхние клыки имели вид бивней моржа; длина тела достигала 4 м; конечности у всех амблипод оставались пятипалыми (рис. 180). Присматриваясь ко всем этим формам, мы не можем не видеть, что, несмотря на своеобразный вид свой и гигантскую величину, они до конца пути развития своего представляли собою группу со смешанными признаками; специализация их носила характер

односторонний, Вот почему и не смогли они пережить миоценового кризиса и уступили место более гармоничным копытным. Зато их заместителями в более поздние времена являются хоботные, но между последними и амблиподами прямой родственной связи нет. В тех же эоценовых слоях оазиса Файюм в Египте, где находятся скелеты одного из последних гигантских амблипод арсинотерия, формы, поражающей нас высокой специализацией своего черепа, затылочная часть которого несла широкие, вилообразные, направленные вперед, как рога, выступы, — найдены мелкие родоначальники будущих слонов, мамонтов и мастодонтов: развитие их черепа пошло по другому пути¹.

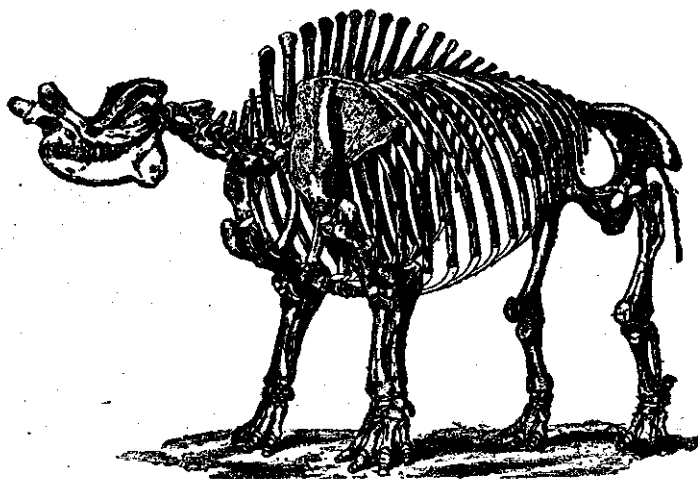

Рис. 179. Титанотерий.

Зубная система современного слона отличается крайней сокращенностью. У молодого слона с каждой стороны каждой челюсти имеется 3 небольших молочных зуба. К пятнадцати годам они выпадают, и у взрослого животного вся зубная система состоит из двух громадных резцов («бивни» слона, неправильно называемые часто клыками) в верхней челюсти, кроме которых с каждой стороны каждой челюсти имеется по одному массивному коренному зубу. Зубы эти на широкой жевательной поверхности своей снабжены поперечными складками эмали в виде гребней. Таких гребней на зубах африканского слона бывает до 11, на зубах индийского — до 27 (рис. 181). Собственно говоря, коренных зубов в течение всей жизни слона бывает не 4, а 12, но они лишь постепенно появляются друг за другом: новый зуб вытесняет износившийся старый, так что в каждый данный момент на каждой сто-

¹ В некоторых отношениях хоботные, как и амблиподы, сохранили примитивные черты. Так, конечности их остались пятипалыми.

роне челюсти, сверху и снизу, никогда не бывает более чем $1\frac{1}{2}$ зуба¹. Таким образом зубная формула слона будет $\frac{1 \cdot 0 \cdot 3}{0 \cdot 0 \cdot 3}$

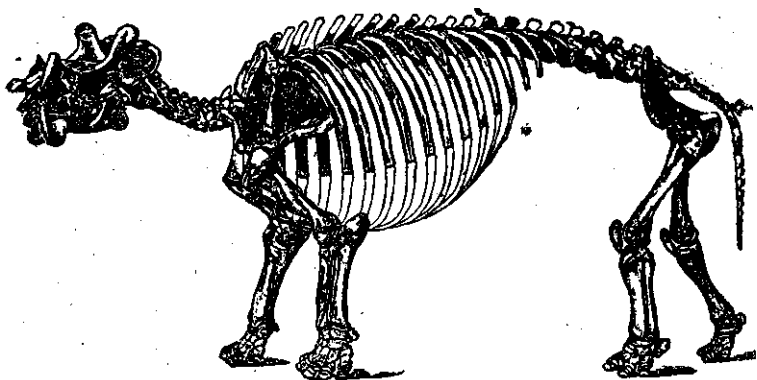

Рис. 180. Диноцерас из амблипод.

Однако эта оригинальная смена зубов по горизонтальному направлению сзади наперед установилась у хоботных не сразу. В эволюции последних замечается следующий процесс: вместе с прогрессивным развитием хобота и бивней исчезают остальные резцы и клыки; верхняя и нижняя челюсти укорачиваются; на коренных зубах постепенно увеличивается число поперечных гребней; сами зубы благодаря этому удлиняются, но такое удлинение коронок мешает им функционировать одновременно. В результате зубы начинают выступать лишь последовательно, по мере истирания более ранних.

Палеонтологические раскопки в Египте (Файюм) позволили восстановить постепенное развитие хоботных из таких эоценовых форм, в которых на первый взгляд крайне трудно признать родоначальников будущих слонов и мамонтов.

В основании ствола хоботных стоит меритерий (см. рис. 182), небольшое животное, и величиной, и общим обликом своим напоминавшее (как и большинство первичных копытных) тапира. Вероятно, он, как и тапир, был обитателем болотистых местностей. Положение носовых костей и носовых отверстий на черепе заставляет предполагать у него присутствие зачаточного хобота. Зубная система несколько сокращена, но зубы все-таки всех категорий $\frac{3 \cdot 1 \cdot 3 \cdot 3}{2 \cdot 0 \cdot 3 \cdot 3}$; коренные зубы несут по 4 бугорка, расположенных попарно — в 2 поперечных ряда.

¹ Первый постоянный зуб выходит на 15-м году Жизни, через 10 лет его сменяет второй, еще через 20 лет — третий и последний.

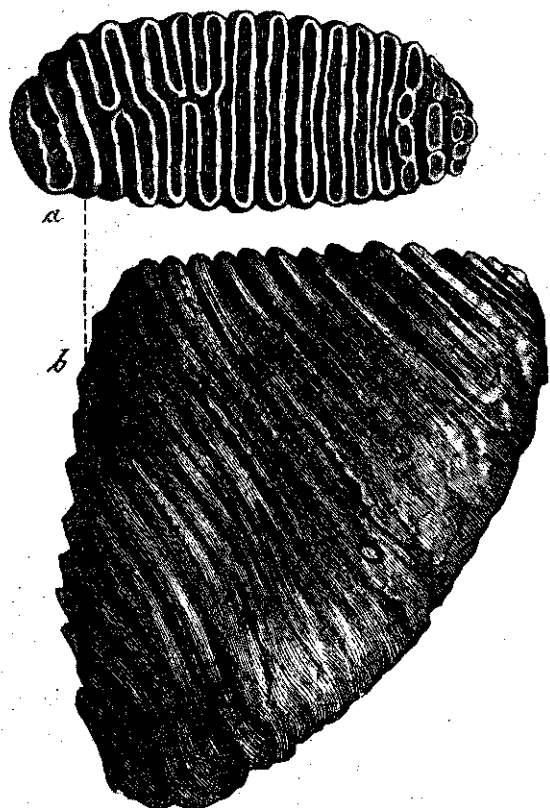

Рис. 181. Коренной зуб мамонта.

бивнями и хоботом.

С миоцена выступает группа мастодонтов. У древнейших их представителей резцы-бивни имеются и в верхней и в нижней челюсти, у позднейших они остаются лишь в верхней. Хобот удлиняется, затылочная часть черепа продолжает расти в высоту. Коренных зубов с каждой стороны каждой челюсти функционирует одновременно не более 2—3. Они несут до 5—6 гребней, которые ясно показывают свое происхождение из слившихся друг с другом бугорков. Появившись в миоцене, мастодонты в Европе вымирают в конце плиоцена, но в С. Америке переживают и ледниковый период.

В нижнем олигоцене мы находим следующую форму — палеомастодонта: у него все передние зубы за исключением резцов-бивней уже исчезают. Бивни верхней челюсти загнуты вниз, бивни нижней — направлены вперед. Коренных зубов одновременно имеется 6 в верхней челюсти и 5 в нижней. Эти зубы несут по 6 бугорков, расположенных в 3 поперечных ряда. Зубная

формула $\frac{1 \cdot 0 \cdot 3 \cdot 3}{1 \cdot 0 \cdot 2 \cdot 3}$;

хобот увеличивается, и вместе с тем череп в затылочной части значительно приподнимается: здесь прикрепляются те мускулы, которым приходится поддерживать голову, отягощенную

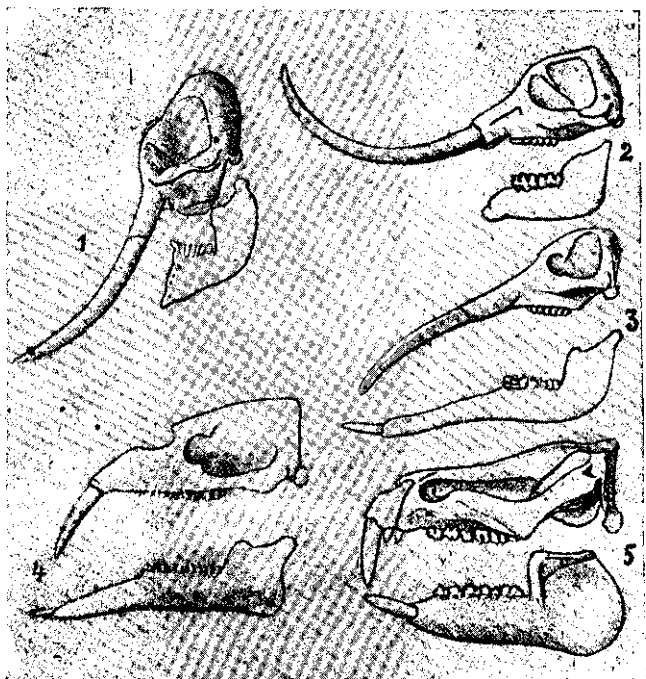

Рис. 182. Эволюция черепа у хоботных: 1. Современный слон. 2 — 3. Мастоdont. 4. Палеомастодонт. 5. Меритерий.

Через переходные формы, коренные зубы которых несут от 6 до 12 поперечных гребней, мастодонты связываются уже с современными слонами (род *Elephas*). У последних одновременно функционирует уже только один коренной зуб, верхняя поверхность которого, покрытая многочисленными гребнями эмали и чередующимися с ними полосами дентина и цемента, прекрасно-приспособлена к пережевыванию растительной, пищи.

Различные виды третичных, ледниковых и современных слонов можно различать по числу и форме гребней эмали на поверхности их коренных зубах. Так, у современного индийского слона более многочисленные гребни идут параллельными рядами от внешнего края зуба к внутреннему, тогда как у слона африканского и число гребней меньше, и образуют они на поверхности зуба ряд фигур в виде ромбов. К первому типу относятся зубы мамонта *Elephas primigenius* — полярного слона ледниковой эпохи, покрытого длинной рыжевато-бурой шерстью. Он широко распространен был по всему северному полушарию, за ним охотился первобытный человек, а вечная мерзлота Сибири доставила нам и целые замороженные трупы его. Но *Elephas primigenius*, зубы и скелеты которого так часто обнаруживаются у нас в

СССР, появился лишь в конце ледникового периода. В на--нале же ледниковой эпохи в Европе обитал более ранний вид слона — «слон южный» (*Elephas meridionalis*), остатки которого часто встречаются во Франции и Италии; по типу своих зубов он был ближе к слону африканскому, Наконец, середине ледникового периода соответствует так называемый «слон древний» — *Elephas antiquus*. Он чаще встречается в Зап. Европе, чем у нас.

Когда впервые была установлена принадлежность мамонта к слонам, перед наукой встала нелегкая задача — объяснить факт нахождения остатков такого, как думали тогда, «тропического» животного на далеком севере. Одно время распространение мамонтов по Европе и Сибири пробовали ставить в связь с «всемирным потопом»: думали, что хлынувшие откуда-то с юга воды потопа оттеснили этих животных так далеко на север, где они и погибли. Теперь мы знаем, что мамонт всегда и был именно северным животным. Мамонт есть детище ледникового периода (этого преемника «всемирного потопа» в истории геологических знаний), есть ледниковая модификация типа хоботных. Следя за географическим распространением ископаемых слонов (от *Elephas meridionalis* к *El. antiquus* и *El. primigenius*), нетрудно установить пути расселения этих животных: появившись сперва на юге, они распространились затем к северу, по Западной Европе, а отсюда перешли к нам в СССР и в Сибирь. Если вообще причиной расселения их была та теснота, которая ощущалась животными на их родине, то путь из Европы в Азию стоял в несомненной связи с надвиганием европейского оледенения: льды уменьшали площадь обитания, вытесняли слонов из Европы и гнали их в Сибирь, которая сплошного ледникового покрова не знала. С отступлением льдов мамонты получили возможность распространяться дальше на север или снова на запад — в Европу, но, впрочем, конец ледникового периода был уже началом их гибели: животное, приспособленное к полярному климату, к твердому грунту вечной мерзлоты, не могло примириться с резким изменением привычных для него физико-географических условий. История развития хоботных кончилась, и в настоящее время уцелели лишь потомок *Elephas meridionalis* — африканский слон, не испытывавший воздействия ледникового периода, да слон индийский, этот оттесненный на крайний юг Азии потомок сибирского мамонта — *El. primigenius*.

Интересно отметить и на примере хоботных, что прослеженное нами направление их эволюции отнюдь не было единственным и, так сказать, обязательным для всей этой группы. Близко к исходной для мастодонтов и слонов форме (меритерий) лежало начало и другой линии развития: она привела к хоботным, у которых бивни имелись не в верхней, а в нижней челюсти. Таковы, например, динотерии. Они, впрочем, вымерли без остатка.

Наконец, подобно тому, как от ствола хищных отошла ветвь ластоногих, приспособившихся к жизни в воде, так и копытные дали начало группе водных млекопитающих — сирен. Они представлены теперь ламантинами и дюгонями, да еще недавно существовала в Беринговом море стеллерова морская корова, ныне уже истребленная. Их передние конечности превращены в лас-

ты, хвост образует горизонтальный плавник; из зубов клыки обычно отсутствуют, а у морской коровы зубы вообще исчезли и были заменены роговыми жевательными пластинками. Геологическая история сирен восходит к эоцену, и можно думать, что родоначальники этой группы имели общее происхождение с хоботными.

Нам осталось рассмотреть последнюю группу млекопитающих — приматов. К этому отряду относятся полуобезьяны (лемуры), обезьяны и человек. Геологическая история приматов до сих пор еще не восстановлена с той полнотой, какой заслуживает эта высшая группа животных, но надо сознаться, что помешали этому не столько бедность палеонтологического материала, сколько всевозможные предрассудки, связанные с присутствием среди приматов человека. Позднее выступление человека в истории органического мира невольно заставляло думать, что и вся группа приматов является группой очень юной в геологическом смысле. Это, однако, совершенно не верно: древнейшие лемуры (или, по крайней мере, их несомненные родоначальники) известны уже со времен палеоцена (слои Пуэрко): они широко были распространены в нижнетретичную эпоху по Европе и С. Америке, но с начала миоцена исчезают на этих материках и в настоящее время сосредоточены лишь в Африке (о. Мадагаскар) и Ю. Азии. Остатки настоящих обезьян встречаются уже с середины третичного периода. Далее, высокое положение, занимаемое ныне человеком в органическом мире, заставляло видеть и во всем отряде приматов группу «совершенную», высокоспециализированную.

Оба эти слова могут легко дать повод к нежелательным недоразумениям: терминов «совершенный», «совершенство» безусловно следует избегать, так как объективного мерила совершенства форм установить нельзя. Что же касается «высокой специализации», то как раз приматы в устройстве тела своего отличаются сохранением весьма и весьма многих очень примитивных черт: через всю третичную эпоху пронесли они и примитивную пятипалую конечность и примитивную зубную систему. По сравнению, например, с копытными они скорее производят впечатление группы крайне консервативной. Мало того: первые представители приматов имеют так много общего с насекомоядными, что приходится в приматах видеть не что иное, как ветвь именно этой группы, — весьма древней и весьма консервативной. Наконец, многие, видя главное отличительное свойство человека в разуме, склонны думать, что и для всех приматов характерно именно развитие мозга. Это тоже совершенно неверно. Развитие мозга и, следовательно, развитие разума характеризует из всех приматов только человека, но и в этом отношении оно является лишь следствием вполне определенных условий, сложившихся в скелете предков человека. Если до сих пор мы следили за эволюцией млекопитающих, исходя из изменений скелета, конечностей, зубов, то мы и теперь не имеем права менять из уважения к человеку метода своих наблюдений.

Со времен Дарвина стало уже несомненным, что ближайших предков человека нужно искать где-то около обезьян и именно высших или человекообразных обезьян (гориллы, шимпанзе, оранга и гиббона). Эта мысль была

подхвачена и искажена: заговорили о прямом происхождении человека от обезьян, и до сих пор весьма многие принимают за научно доказанную истину то, что человек является будто бы прямым продолжением линии развития обезьян. Если бы это было так, то человек по своей организации имел бы наибольшее сходство с наиболее высоко организованной обезьяной — гориллой, между тем не подлежит сомнению, что гораздо больше сходства замечается у человека именно с такой низко организованной обезьяной, как гиббон. Если прибавить к этому, что зародыш человека и зародыш обезьяны действительно крайне сходны друг с другом, что сходство это еще очень значительно у новорожденного человека и новорожденной обезьяны и что постепенно с возрастом сходство это ослабляется и исчезает, — то придется прийти к следующему выводу: человек и человекообразные обезьяны представляют собою две расходящиеся из некоторого общего корня ветви, развитие которых шло разными путями, в разных направлениях. Мы не имеем в сущности никакого права называть родоначальника, исходную форму этих двух ветвей приматов, ни человеком ни обезьяной в современном значении этих слов. Одно время казалось, что подобная исходная форма найдена. За таковую многие принимали отысканного доктором Дюбуа в самом основании послетретичных отложений о. Явы питекантропа (*Pithecanthropus erectus*), который, действительно, совмещал в себе признаки и человеческой и обезьяньей организации¹: это существо уже обладало выпрямленным положением тела; зубы его по форме своих коронок были обезьяньего типа, но в то же время по величине своей больше подходили к зубам человека; наконец, как можно судить по крыше черепа, объем мозга питекантропа был средним между объемом мозга обезьян и человека, а именно: наибольший объем мозга обезьян не превышает 500—600 см³, наименьший объем мозга у человеческих рас не спускается ниже 1 100 см³; между тем объем мозга питекантропа равнялся 900 см³. Если бы питекантроп был обезьяной, то это была бы обезьяна — колосс, но тогда и зубы у такой обезьяны должны были бы обладать громадной величиной; это повело бы за собой чрезвычайно сильное увеличение челюстей, а последнее обстоятельство неминуемо отразилось бы на строении и черепных костей: череп не мог бы в таком случае сохранить гладкую округлость свою, чисто человеческого типа. С течением времени выяснилось, однако, что на яванского питекантропа нельзя смотреть, как на родоначальника человека: в тех же слоях были найдены и остатки несомненного человека, который, следовательно, уже существовал на земле одновременно с питекантропом. Положение питекантропа в ряду приматов так и осталось невыясненным: одни склонны видеть в нем наиболее человекообразную обезьяну (типа гиббона), другие — наиболее обезьяноподобного человека. Вернее, это есть одна из слепых ветвей приматов, не ведущая непосредственно к человеку, но во всяком случае очень близко стоящая к началу человеческой ветви. Итак, исходной формы для обезьян и человека мы пока не знаем.

¹ От питекантропа были найдены: крыша черепа, бедро и два коренных зуба.

Оставляя за яванской формой имя питекантропа, некоторые анатомы условно называют искомую форму общего родоначальника человека и обезьян — пропитекантропом.

Зато мы можем ясно представить себе, в чем именно проявляется процесс расхождения группы обезьян и группы людей. В черепе млекопитающего можно различать две части, противодействующие друг другу в своем развитии: антагонистами в данном случае являются, с одной стороны, челюстной аппарат, с другой — свод черепа, очерчивающий мозговую полость. Чем сильнее развиваются у данного организма челюсти и зубы, чем массивнее становится лицевая часть черепа, тем более сильных мускулов требует она для своего движения; мускулы же эти прикрепляются к костям черепного свода и требуют для себя прочной опоры в этих костях; отдельные кости черепной коробки делаются поэтому толстыми и прочными, рано срастаются между собою, и заключенный в них мозг слишком рано прекращает свой рост, на всю жизнь оставаясь детски неразвитым. Кроме того сильная работа жевательных мускулов вызывает на поверхности черепа развитие костных выступов, продольных и поперечных гребней, так бросающихся в глаза на черепе взрослой гориллы и придающих всей голове животного резко животный облик. В другом направлении развивается череп у человека: зубы остаются мелкими, челюсти и прочие кости лицевой части тонкими, но зато отдельные кости черепной коробки, сохраняющей округлую форму, поздно срастаются, и головной мозг может долгое время беспрепятственно продолжать свой рост.

Немецкий ученый Клаач назвал два отмеченных процесса развития — гоминацией и симиацией¹. Под гоминацией понимается постепенное в ряду форм усиление человеческих черт организации, под симиацией — постепенное усиление черт животных (обезьяньих). С этой точки зрения обезьяны и человек представляют собою равно специализированные формы, но специализация их шла в различных направлениях. Расположив человекообразных обезьян в ряд по степени их сходства с человеком и поместив в ряду человека ископаемые расы людей, мы можем расхождение этих двух ветвей приматов представить схематически так, как это показано на диаграмме.

Какие же однако причины вызвали расхождение ветвей обезьян и человека? Почему по линии человека головной мозг получил возможность развиваться беспрепятственно? Это было обусловлено тем, что в ряду форм человеческих зубной аппарат постепенно утратил то исключительное значение, которое он имел и имеет в мире животных, где зубы не только обрабатывают пищевые вещества, но и служат главными орудиями нападения и защиты. У человека многие функции зубов были перенесены на руки, которые быстро достигли высокой степени развития и стали одним из важнейших органов тела; слабое же развитие челюстного аппарата автоматически удалило тормозы, затруднявшие до сих пор развитие черепа и мозга.

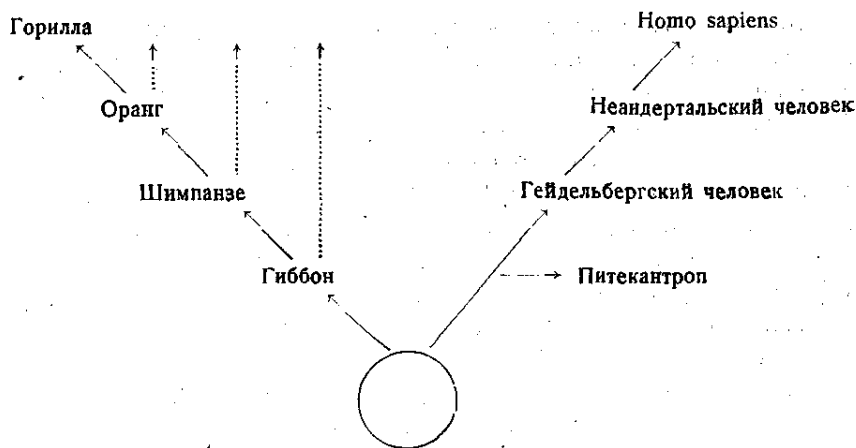
¹ От слов homo — человек и simia — обезьяна.

Но развитие рук было в свою очередь следствием того разделения труда между передними и задними конечностями, которое имело место /именно в группе приматов. У всех других групп млекопитающих, при всем разнообразии и всей специализации их конечностей, и передние и задние лапы одинаково служили только целям передвижения. Лишь у приматов наступил процесс разделения функций, обособились «ноги» и «руки», и, в то время как ноги остались органами передвижения, руки превратились в хватательные аппараты. Этот, процесс наметился уже у низших приматов — полуобезьян. По многим и многим чертам своей организации эти животные стоят очень близко к насекомоядным-несомненно, приматы и ведут свое начало от этого древнего-корня млекопитающих, существовавшего еще в мезозойскую эру. Уже среди насекомоядных мы знаем несколько видов, приспособленных к жизни на деревьях; еще более лазающий образ жизни стал свойственен полуобезьянам. В то время как большинство лазающих млекопитающих держатся на деревьях, впиваясь когтями в их кору, у приматов конечности, с их обособляющимся большим пальцем, стали обхватывать ветки. Вместе с тем когти, служившие лишь крючьями, исподволь превратились в ногти.

Полуобезьяны в этом отношении не продвинулись особенно далеко, и у них не все пальцы снабжены ногтями. Дальше по этому пути пошли высшие приматы. Постоянное упражнение в лазаний развило в конечностях подвижность. Плечо и бедро получили свободу движения, развились ключицы, почти исчезнувшие у других млекопитающих, изменились форма и положение лопаток. В то время как для всех бегающих и прыгающих млекопитающих задние конечности важнее передних (почему и специализация их шла всегда впереди конечностей передних), у приматов, наоборот, руки оказались важнее ног. Слишком длинные руки только мешали передвижению, и животные, выпрямляясь, старались удерживаться в равновесии на задних конечностях. Так произошло постепенно освобождение рук, и вместе с тем возникло вертикальное положение тела животного.

Выпрямленная походка, нашедшая свое завершение в человеке, сама по себе явилась крайне важным фактором дальнейшего развития тела. Она способствовала такому переустройству дыхательных органов, которое привело затем к появлению способности членораздельной речи; она вызвала перемещение глаз с боковых частей черепа на переднюю и обусловила возможность перспективного, стереоскопического зрения; вместе с осложнением работы рук она возложила на мозг регуляцию сложных движений руки. Словом, все развитие мозга, сделавшее человека существом «разумным», было лишь следствием приобретенной; им вертикальной походки, а последняя явилась результатом своеобразной специализации передних и задних конечностей. Таким образом в процессе происхождения человека сказывается действие тех же механических сил, которые вызывали эволюцию и всех прочих млекопитающих, но которые в данном случае приняли лишь особое направление. Полуобезьяны, обезьяны и человек представляют как бы три этапа описанного выше процесса.

Несмотря на все разнообразие своих форм, современные полуобезьяны производят впечатление разрозненных остатков древней, весьма богатой видами группы. Эти остатки разбросаны на громадном пространстве, примыкающем к Индийскому океану: они встречаются в В. Африке, на Мадагаскаре, в Ю. Азии и на островах, лежащих между этими двумя частями света. Такое географическое распространение дало повод некоторым ученым предположить существование в отдаленном прошлом в области Индийского океана особого материка Лемурии — центра полуобезьян и, как «думали прежде, колыбели всех приматов. Но, во-первых, полуобезьяны представляют собою лишь боковую ветвь приматов и отнюдь не ведут в прямом направлении к приматам высшим и к человеку; во-вторых, предполагать существование Лемурии излишне, так как во всю первую половину третичного периода полуобезьяны были широко распространены по всем материкам (за исключением Австралии). Из Европы и С. Америки они исчезли в начале миоцена, а с середины миоценовой эпохи начинается здесь развитие настоящих обезьян.

Из европейских миоценовых и плиоценовых отложений мы имеем целый ряд остатков обезьян, причем Франция доставила нам скелеты формы, совмещавшей в себе признаки шимпанзе и гориллы (среднемиоценовый *Dryopithecus*); в плиоцене Индии уже находятся несомненные ископаемые шимпанзе и оранги, у которых, однако, зубной аппарат был более похож на человеческий, чем у форм современных. Как видно, процессы гоминации и симиации определились уже в начале третичной эпохи, и прямых родоначальников человека следует искать где-нибудь в самом основании третичной толщи.

Тем не менее человек сформировался окончательно только во время ледникового периода и под его непосредственным воздействием. Все обезья-

ны всегда были и до сих пор остались обитателями тропических лесов, и вся жизнь их тесно связана с деревьями. Это и удержало их на низкой сравнительно степени развития. В лице же человека мы видим как бы ледниковую мутацию типа приматов: исчезновение лесов на севере и было причиной, обусловившей особое направление в эволюции человека, и эволюцию эту последний мог совершить с тем большей легкостью, что в очень многих отношениях он представлял собою весьма консервативный тип организации: и пятипалая конечность его и примитивные коренные зубы того же характера, как у кондилартра фенакода, — все эти чисто эоценовые признаки как бы застраховали его от специализации в зверином направлении. Избегнув тех «тупиков развития», в которые попали обезьяны, человек вступил зато на путь бесконечного умственного развития.

Ледниковый период, сыгравший такую важную роль в истории приматов, был и для всех млекопитающих периодом критическим. Если в миоценовую эпоху произошла крупная перестройка фауны млекопитающих и примитивные формы последних сменились высшими типами, то в эпоху ледниковую естественный отбор произвел еще раз коренной пересмотр третичного животного мира. Оба этих кризиса совпадают с моментами резкого изменения лика земли и климатических условий. Мы должны отсюда сделать вывод о полном параллелизме в истории лика земли и органического мира вообще: тот и другой приводятся в движение едиными рычагами.

Великое оледенение, переместив области распространения многих групп животных, определило современную географию последних. Тогда-то и сложились современные зоогеографические области в их окончательном виде. Но еще раньше было намечено своеобразие фаун различных материков, и это стояло в связи с переустройством самих континентальных образований. Мы говорили уже о том, что нижнетретичные млекопитающие С. Америки и Европы очень сходны, в дальнейшем, однако, сходство это уменьшается. Это указывает на постепенное обособление с.-американского и европейского континентов. Безразлично, примем ли мы предположение о постепенном разрушении Атлантиды, соединявшей некогда оба континента, или допустим гипотезу Вегенера о постепенном удалении Америки от Европы, факт расхождения фаун Старого и Нового Света останется фактом. Однако сообщение между Европой и Америкой не прерывалось окончательно в течение всего третичного периода, и можно много привести примеров того, как обменивались оба материка своими фаунами: мы видели уже, что Америка снабжала Европу представителями ряда лошадей, она же дала ей семейство верблюдовых; в свою очередь Старый Свет доставил Америке семейства кошек и собак из хищных и полорогих из копытных. Все это налагает на млекопитающих С. Америки и Европы печать весьма значительного сродства. Но, по мере того как расходились Америка и Европа, более тесный контакт установился между Европой и Африкой. Исчезновение океана Тетис вызвало между последними обмен фаунами по образовавшимся мостам суши. В Европу нахлынули такие африканские формы, как хоботные, антилопы и жирафы, и вся фауна

Пикерми, широко распространившаяся по Европе, .носит явно выраженный африканский характер. Последние представители этой фауны просуществовали здесь вплоть до ледникового периода включительно. Равным образом исчезновение океана Тетис перекинуло мост между Европой и С. Азией, с одной стороны, и Азией Южной, с другой. На северные материки перешли при этом многие формы, до тех пор свойственные исключительно Ю. Азии — этому особому фаунистическому центру. Замечено, что здесь, в этом центре, многие виды животных появились раньше, чем в Европе, и, кроме того, здесь же во вторую половину третичного периода шло необыкновенно энергичное разветвление некоторых типов (напр, приматов).

Великое оледенение положило конец процессу смешения фаун, и, в то время как в Европе и С. Азии сложился из остатков ледникового населения современный евразийский животный мир, тропическая Африка и загималайская Азия дали две современные зоогеографические области — эфиопскую и индийскую. Между их фаунами много общего, а связующие эти фауны звенья можно найти и в Европе погребенными под ледниковыми отложениями. Великий пояс новейших кражей альпийско-гималайской семьи гор (рис. 171) и полоса пустынь, протянувшаяся от Сахары через Аравию и Иран к Тибету и Монголии (см. рис. 37), поддерживают до сих пор разобщенность этих двух областей.

Своеобразную судьбу пережила Ю. Америка, из-за своей оригинальной фауны выделяемая в самостоятельную зоогеографическую область. Присутствие на этом материке высших млекопитающих говорит за то, что Ю. Америка была в начале третичного периода в соединении с Африкой и, быть может, с Австралией: с первой ее связывают неполнозубые, со второй — сумчатые, эти древнейшие обломки мезозойских млекопитающих. Соединение это, однако, скоро прекратилось, и Ю. Америка, превратившись в остров, пошла в эволюции своих млекопитающих особым путем. Интересно, что здесь, кроме типичных для этой области неполнозубых, возникло много групп млекопитающих, занимающих изолированное положение в систематике этих животных. Таковы, например, т и л о т е р и и, совмещающие признаки грызунов, копытных и даже обезьян, или токсодонты, в которых можно распознать черты носорогов, бегемотов и хоботных. Замечательно также и то, что некоторые южно-американские группы млекопитающих проделали в общем тот же путь развития, какой мы проследили выше на животных С. Америки и Старого Света; так, в группе литоптерн происходила выработка легко подвижных форм с числом пальцев, сокращенным до одного, и эти формы параллельно ряду лошадей. Когда в плиоцен наступило соединение обеих Америк, началось смешение фаун. Из С. Америки перекочевали сюда тапир, лошадь, мастодонт, олени, собаки, верблюдо-вые, и, наоборот, из Ю. Америки в Северную перешли различные неполнозубые. В общем, однако, местные формы не выдержали конкуренции со стороны северных пришельцев, стали вымирать, и лишь обедненное и измельчавшее потомство их продолжает придавать Ю. Америке своеобразный характер.

Совершенно особняком стоит Австралия, в самом начале третичного периода потерявшая связь с другими материками. Теперь ее называют «музеем живых ископаемых» — из-за ее оригинальных сумчатых и яйцекладущих (утконос, ехидна). Но надо сознаться, что геологическая история Австралии еще темна для нас: так, столь характерные для Австралии сумчатые найдены в ископаемом состоянии здесь лишь в послетретичных отложениях. Приходится допустить, что горные хребты, поднявшиеся « третичную эпоху в области Юго-восточной Азии, на короткое время спаяли этот материк с континентальными массами Старого Света, и по этому мосту иммигрировали сюда нынешние представители австралийских млекопитающих.

Такова в общих чертах картина современного географического распространения млекопитающих. Она сложилась в результате многократных переломов лика земли.

Выше мы видели, что в истории лика земли можно различить борьбу континентальных щитов и океанических геосинклиналей. Этой борьбой руководят эндогенные силы, вызывающие поднятие земной коры в одних местах и опускание ее в других. Мы видели также, что эти вертикальные движения вызывают и ряд движений в направлении горизонтальном: в литосфере возникают волны , горообразование, материки, испытывающие поднятие, становятся центром расхождения волн оледенений, а другие, превращающиеся благодаря опусканию в изолированные от океана бессточные области, переживают трансгрессии песков пустыни. Теперь ко всему этому можно прибавить и трансгрессии органического мира: животный мир, как и мир растительный, перемещается по поверхности земли, покидая одни области и заселяя другие. В этих трансгрессиях, в которых принимают участие обитатели и суши и моря, можно видеть ту же борьбу между океаном и континентами, которую мы проследили выше как основную ось истории всего лика земли: океанические геосинклинали служат исходным :пунктом трансгрессий морских животных, а кристаллические щиты — эти исконные области суши, эти «убежища жизни»—в моменты отступления океана высылают от себя волны животных .наземных.

Геологические циклы.

На пороге XIX в. два ученых наметили пути дальнейшего развития геологии как науки: Вернер, исходя из задач горного дела, как бы наметил программу изучения строения земной коры распространения в ней различных минеральных масс; Кювье выдвинул в геологии проблему смены фаун и набросал программу изучения истории обитателей земли. С этого момента и определились два главных течения геологической мысли. Друг в друге они находили взаимную поддержку, и успехи палеонтологии позволили детально расчленить земную кору и постигнуть в общих чертах архитектуру лика земли. Грандиозный синтез работы геологов дал Зюсс, усмотревший в современных континентах пеструю мозаику разнородных по возрасту частей и выде-

ливший в них кристаллические щиты как исконные области суши. Позже Ог разработал теорию геосинклиналей, этих основных областей всемирного океана. Вечная борьба суши и моря нашла свое выражение в восходящих и нисходящих движениях щитов, в трансгрессиях и регрессиях океана, исходящих из геосинклиналей.

Параллельно шла работа палеонтологов. Они собрали громадный материал по истории органического мира и развернули перед нами картину эволюции жизни на земле. Теперь требовалось эти две области истории земли — историю лика нашей планеты и историю ее обитателей — связать единством действия; нужно было указать основные рычаги, приводящие в движение и неорганический и органический мир. Никогда в сущности герлоги не сомневались в том, что изменения в органическом мире были всегда строго параллельны изменениям в лике земли; мы видели этому примеры в истории девона, карбона, перми, миоцена и дилювия. Требовалось только усмотреть известную закономерность в изменениях самого лика земли.

Уже давно для решения этой задачи накопилось много фактов. Изучая напластования различных систем, мы не можем не заметить сходства между некоторыми из них: одни геологические периоды отличались усиленными процессами горообразования, другие, наоборот, являлись в этом отношении периодами тектонического затишья; в одни эпохи шло усиленное отложение известняков, в другие — происходило образование преимущественно континентальных материалов; одни системы богаты каменным углем, другие — залежами соли и гипса; равным образом и ледниковые отложения найдены в одних системах и совершенно отсутствуют в других. Все это выдвигает вопрос об известной повторяемости геологических событий.

Изложим здесь соображения проф. Соболева, которые привели его к установлению своего рода «периодического закона», связывающего работу эндогенных и экзогенных сил, земные недра и биосферу, и лежащего в основе всей геологической истории.

Наиболее сильное горообразование происходило в периоды третичный, каменноугольный и в архейскую эру. Но этим сильным взрывам эндогенных сил предшествовали более слабые движения земной коры в эпохи меловую, юрскую, девонскую и силурийскую. Ледниковые явления имели место не только в ледниковый период: особенно ясные следы деятельности льда встречаются в отложениях пермской и кембрийской эпох. Наиболее значительные трансгрессии приходятся на эпохи—верхнесилурийскую среднедевонскую, верхнеюрскую и верхнемеловую. Наоборот, регрессии моря, образование внутренних бассейнов и отложение соли и гипса падают на эпохи — кембрийскую, пермскую и триасовую.

Все это приводит нас к установлению известного цикла геологических событий, где один момент обусловлен предшествующим и в свою очередь определяет последующий.

Начнем с пробуждения горрообразующих сил. Тут можно заметить всегда как бы три волны, постепенно нарастающие и сопровождающиеся усилен-

ным перемещением океана. Первая, слабая волна складчатости сменяется второй, более сильной, причем море выходит из положения равновесия и усиленно заливаает опустившиеся участки литосферы. За этими двумя подготовительными стадиями следует третья, самая мощная, волна горообразования; вулканическая деятельность достигает максимума, и вулканы выносят колоссальное количество углекислоты, которую предстоит затем извлечь из атмосферы растительным и животным организмам и отложить на суше — в виде угля, и в море — в виде известняков. Благодаря складкам, возникшим на морском дне, материка увеличивают свою «площадь, а поверхность их приподнимается в виде горных цепей. Внутри континентальных массивов образуются обширные площади с сухим климатом, а усилившаяся благодаря поднятию суши работа текучих вод приводит к образованию громадных толщ обломочных пород. Эти последние у берега моря отлагаются в виде мелководных осадков, а внутри континентов слагают толщи континентальных отложений. Если сюда случайно проникнет море, оно быстро превратится в замкнутый бассейн и по берегам своим начнет отлагать слои соли и гипса. В то же время высоко приподнявшиеся горные хребты начнут конденсировать на себе влагу, и по склонам их поползут потоки глетчеров. Таким образом работа горообразующих сил приведет к усилению всех разрушительных процессов в природе: с удвоенной энергией экзогенные силы начнут выравнивать только что созданные неровности земной коры. Этот процесс может продолжаться очень долго, но рано или поздно горные цепи будут срезаны, и материка превратятся в равнины. Этим и будет закончен один геологический цикл. Новая вспышка эндогенных сил, новая троекратная волна горообразования развернет опять тот же ход геологических явлений, начнет собою новый цикл.

Таких циклов в минувшей истории земного шара мы можем заметить три.

Систематизируя наши сведения по геологической истории, эта таблица подчеркивает и тот неоднократно отмечавшийся нами факт, что те глубокие изменения в органическом мире, по которым устанавливаются границы отдельных периодов, находятся в несомненной связи с изменением физико-географических условий земного шара.

Органический мир всегда жил общею жизнью с земной корой и земными недрами.